

независимый институт
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ, МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ

**ПО МАТЕРИАЛАМ
ОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

СБОРНИК АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ
Выпуск 2

Под науч. ред.
С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской

Москва
НИСП
2009

УДК 314
ББК (С)60.7
Р 60

Научные редакторы:
к.э.н. С.В. Захаров,
к.э.н. Т.М. Малева,
к.э.н. О.В. Синявская

Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2009. — 336 с.

Сборник продолжает серию публикаций, посвященных результатам уникального панельного социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), которое является частью международной программы «Поколения и гендер». В центре внимания — особенности российской рождаемости, вопросы семьи и семейных ценностей, трудовые стратегии россиян, а также отношение населения к социально-демографической политике.

Публикация адресована широкой аудитории, включая демографов, социологов, экономистов — всех тех, кого волнуют вопросы социально-демографической динамики. Надеемся, что она окажется полезной не только экспертам, но и представителям различных ветвей и уровней власти, бизнес-сообщества, социально-ориентированных некоммерческих организаций, а также прессы. Материалы можно использовать в учебно-преподавательской деятельности.

Parents and Children, Men and Women in Family and Society. Issue 2.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и Фонда Форда.

Мнение авторов не обязательно отражает точку зрения учреждений системы ООН, Фонда Форда и организаций, сотрудниками которых они являются

ISBN 978-5-903599-08-0

© Независимый институт
социальной политики, 2009

Об авторах

Бурдяк Александра Ярославовна — магистр экономики, старший научный сотрудник Независимого института социальной политики

Головляницина Екатерина Борисовна — магистр социологии, научный сотрудник Независимого института социальной политики

Захаров Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, зам. директора Института демографии Государственного университета—Высшая школа экономики

Корчагина Ирина Ивановна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Магун Владимир Самуилович — кандидат психологических наук, заведующий сектором исследований личности Института социологии РАН

Малева Татьяна Михайловна — кандидат экономических наук, директор Независимого института социальной политики

Пишняк Алина Игоревна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Независимого института социальной политики

Поливин Олег Сергеевич — магистр экономики, участник Программы научно-исследовательских семинаров Ассоциации независимых центров экономического анализа и Независимого института социальной политики

Попова Дарья Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Независимого института социальной политики

Прокофьева Лидия Михайловна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Сакевич Виктория Ивановна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографии Государственного университета—Высшая школа экономики

Синявская Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, зам. директора Независимого института социальной политики

Сурков Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Независимого института социальной политики

Тындик Алла Олеговна — магистр экономики, младший научный сотрудник Независимого института социальной политики

Фести Патрик — руководитель научных программ Французского национального института демографических исследований (ИНЕД), Франция

Содержание

От редакторов 6

Рождаемость в современной России

Синявская О.В., Тьндик А.О.

Рождаемость в современной России: от планов к действиям? 9

Захаров С.В., Сурков С.В.

Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных
поколениях россиян 45

Сакевич В.И.

Особенности внутрисемейного контроля рождаемости
в России 119

Семья и семейные ценности

Магун В.С.

Нормативные взгляды на семью у россиян и французов:
традиционное и современное 139

Попова Д.О.

Трансформация семейных ценностей и второй
демографический переход в России: кто в авангарде? 163

Пишняк А.И.

Внутрисемейные конфликты:
основания, концентрация, детерминанты 185

Демографическая и социальная политика

Синявская О.В., Головляницина Е.Б.

Новые меры семейной политики и население:
будет ли длительным повышение рождаемости? 205

Корчагина И.И., Прокофьева Л.М.

Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей
и престарелых: изменения последних лет 247

Трудовые и экономические стратегии населения и домохозяйства

Бурдяк А.Я., Поливин О.С.

Длительность поиска первой работы выпускниками
учебных заведений России в переходный период. 265

Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Фести П.

Влияние распада брака на профессиональную карьеру
мужчин и женщин. 291

Приложение

Головляница Е.Б., Синявская О.В.

Панельное обследование РидМиЖ — новое в изучении
межпоколенных и гендерных отношений в России. 323

От редакторов

В последние годы демографические процессы в России переместились в центр политической повестки. Существенно увеличена поддержка семей с детьми, впервые открыто говорится о пронаталистском характере семейной политики, направленной на поддержку вторых рождений. Более либеральным становится миграционное законодательство. Предпринимаются и другие усилия по борьбе с демографическим кризисом в стране. Тем не менее информационная база политических решений остается весьма ограниченной. С конца 1990-х гг. значительно сократился набор статистических показателей, характеризующих реальную демографическую ситуацию в стране. В этих условиях единственным источником восполнения дефицита информации становятся выборочные обследования.

Настоящий сборник — уже второй выпуск в серии публикаций Независимого института социальной политики (НИСП) по вопросам социально-демографического поведения населения, семьи и семейной политики, обязанный своим появлением участию России в международной программе «Поколения и гендер»¹. Первый выпуск увидел свет два года назад² и был посвящен результатам первой волны социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведенного в рамках этой программы.

Следует особо подчеркнуть, что Россия начала участвовать в программе «Поколения и гендер» и провела первое обследование РидМиЖ за несколько лет до того, как демографическая политика стала, по сути, еще одним национальным проектом. Так удачно сложилось, что нам удалось зафиксировать особенности демографического и социально-экономического поведения населения, межпоколенческих и гендерных отношений на этапе экономического роста до появления новых мер поддержки семей с детьми и в год их введения. Таким образом, в руках исследователей, экспертов оказались уникальные данные, позволяющие не только понять новейшие тенденции в области демографии и семьи, но и оценить возможные эффекты социально-демографической политики.

---

¹ Инициатором и генеральным координатором международной программы выступает Отдел народонаселения Европейской экономической комиссии ООН; <http://www.unecsc.org/pau/ggp/Welcome.html>

² Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007; http://www.socpol.ru/publications/index.shtml#man_w2007

Результаты эмпирических исследований, представляемые в данном издании, в основном базируются на данных теперь уже двух волн панельного обследования РидМиЖ. Первая волна этого обследования прошла в 2004 г. (РидМиЖ–2004)³, охватив 11 261 респондента 18–79 лет, вторая — три года спустя — в 2007 г. (РидМиЖ–2007)⁴, и на этот раз было опрошено 11 117 респондентов 18–82 лет. Панельная составляющая двух обследований включает 7 786 респондентов. Еще один источник индивидуальной информации, используемый в статьях сборника, — уникальное ретроспективное обследование миграционных, образовательных и трудовых биографий российского населения — «Образование и занятость», проведенное в 2005 г. на выборке первой волны РидМиЖ и охватившее 6 455 чел. 19–55 лет⁵.

Спектр исследуемых авторами сборника проблем весьма широк и включает вопросы демографического и социально-экономического поведения россиян, семейных ценностей, представлений населения о социально-демографической политике. Авторы статей — представители различных научных дисциплин — демографы, экономисты, социологи, но всех их объединяет интерес к проблемам народонаселения и социальной политики. Мы рады отметить, что, в отличие от первого выпуска, часть статей второго выпуска носит не только междисциплинарный, но и межстрановой характер, представляя также результаты французского обследования, выполненного в рамках международной программы «Поколения и гендер».

Статьи сборника объединены в четыре раздела. Первый раздел, «*Рождаемость в современной России*», включает три статьи, посвященные проблемам репродуктивного поведения российского населения. В фокусе внимания авторов — вопросы взаимосвязи репродуктивных намерений и фактических рождений, различия в репродуктивном поведении мигрантов и не-

³ Обследование было проведено Независимым институтом социальной политики (НИСП, Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Общества содействия науке им. Макса Планка. Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям НИСП с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Более подробная информация об обследовании и доступе к микроданным — http://www.socpol.ru/gender/1_w.shtml

⁴ Обследование проведено НИСП при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда народонаселения ООН, Сбербанка России, Детского фонда «Виктория» и Фонда Форда. Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям НИСП (Москва) с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп». Более подробная информация об обследовании — http://www.socpol.ru/gender/2_w.shtml

⁵ Обследование проведено НИСП при финансовой поддержке Общества содействия науке им. Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям НИСП с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Подробная информация — <http://www.socpol.ru/gender/Education.shtml>

мигрантов, изменения в контрацептивном поведении россиян и проблемы бесплодия. Статьи второго раздела, «*Семья и семейные ценности*», посвящены анализу нормативных представлений о семье и реальных семейных отношений российского населения. Авторы изучают традиционное и современное в представлениях россиян о семье — как по сравнению с французами, так и в разрезе различных социальных групп; исследуют причины и концентрацию внутрисемейных конфликтов. Следующий, третий раздел, «*Демографическая и социальная политика глазами населения*», продолжает обсуждение нормативных представлений населения, но теперь — в отношении ролей общества и семьи в поддержке различных поколений и ожидаемого эффекта новых мер семейной политики российского государства. Наконец, статьи четвертого раздела, «*Трудовые стратегии населения*», изучают вопросы трудового поведения россиян в контексте жизненного цикла: как происходит переход от образования к работе, как сказываются на профессиональной карьере мужчин и женщин их семейные биографии.

Вошедшие в сборник работы были выполнены при финансовой поддержке Фонда Форда, Фонда народонаселения ООН, Государственного университета — Высшая школа экономики, Российского гуманитарного научного фонда, Фонда помощи обездоленным детям и детям, лишенным родительской ласки (Детский фонд «Виктория»), Ассоциации независимых центров экономического анализа и международного консорциума проекта «Социальная политика в отношении современной семьи в контексте преобразования семьи и семейных отношений» (грант INTAS). Мы выражаем благодарность всем организациям и экспертам, которые принимали участие в реализации этих проектов.

Сборник публикуется при финансовой поддержке Фонда народонаселения ООН и Фонда Форда.

Представляя вниманию читателей эту работу, мы надеемся, что она позволит лучше понять особенности социально-демографических процессов в России и послужит стимулом для дальнейшего развития демографических, социологических и экономических исследований проблем народонаселения, семей и социальной политики. Программа продолжается, и мы не ставим точку. Более того, мы уверены, что следующие годы принесут новые исследования, новые результаты и новые публикации.

*Татьяна Малева, Генеральный координатор
русской программы «Поколения и гендер»*

*Сергей Захаров, Научный руководитель
русской программы «Поколения и гендер»*

*Оксана Синявская, Директор проекта
«Родители и дети, мужчины и женщины
в семье и обществе»*

РОЖДАЕМОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

---

*Синявская О.В.,
Тындик А.О.*

Рождаемость в современной России: от планов к действиям?¹

Планируется ли рождение детей в России? Можно ли на основании ответов о предпочтениях в отношении числа детей или планах родить спустя некоторое время судить о будущей рождаемости в стране? Эти вопросы обретают смысл, когда население может и хочет контролировать процесс воспроизводства. Иными словами, если в обществе допускается определенная степень свободы в отношении репродуктивного поведения и доступны средства контрацепции.

В современной России эти условия существуют. И демографическая статистика подтверждает то, что население контролирует процесс деторождения: подавляющее число семей имеет одного или двух детей. А с середины 1990-х гг. материнство к тому же начало «стареть»: молодежь откладывает появление на свет первенца, а до недавнего времени откладывало и рождение вторых детей, тем самым увеличивая интервалы между рождениями [Население России..., 2000–2007].

Советская и российская демография накопила значительный опыт в изучении предпочтений различных социальных групп в отношении числа детей и в сравнении этих предпочтений с фактическим числом детей [см. обзор исследований: Архангельский В.Н., 2006]. Гораздо

---

¹ Данная статья представляет собой доработанную версию статьи с аналогичным названием, опубликованной в журнале SPERO [Синявская, Тындик, 2009].

меньше внимания всегда уделялось календарю рождений и связи между планами родить очередного ребенка и тем, когда это рождение происходит. Отчасти это было связано с тем, что рождение первенца в советское время практически не контролировалось, происходило «случайно» и часто служило основанием для спешного заключения брака [Захаров С.В., 2006]. Другая причина — отсутствие необходимых — панельных — обследований.

Вместе с тем результаты анализа связи между намерениями и рождениями на основе единственной до недавнего времени панели Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) показали невысокую предсказательную силу намерений и выявили различные детерминанты намерений и рождений [Рощина Я.М., Бойков А.В., 2005]. Означает ли это, что люди по-прежнему плохо рационализируют свое репродуктивное поведение и их планы расходятся с фактическим поведением или же отсутствуют вовсе? Но как тогда объяснить увеличение возраста материнства? Или же полученный результат отражает слабости инструментария, не позволяющего точно измерить намерения? Такое объяснение полученных результатов не исключали и сами авторы исследования [Рощина Я.М., Бойков А.В., 2005].

Появление нового панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ)², реализуемого Россией в рамках международной программы «Поколения и гендер» и специально предназначенного для изучения демографического поведения населения, позволило вернуться к изучению взаимосвязи репродуктивных намерений и последующего поведения. Центральный вопрос, на который мы искали ответ, состоял в том, могут ли намерения родить ребенка выступать хорошим предиктором будущих рождений? Мы также решали методический вопрос, связанный с изучением предсказательной силы различных формулировок вопросов о репродуктивных намерениях. Результаты данного исследования имеют не только научное, но и практическое значение. Речь идет о том, можно ли использовать регулярное изучение намерений населения в отношении рождения детей для уточнения среднесрочных прогнозов показателей рождаемости.

Статья организована следующим образом. Мы начнем с анализа существующих теоретических и эмпирических исследований данного вопроса, затем охарактеризуем используемые данные и методы, после этого перейдем к обсуждению результатов. При этом нас прежде всего будет интересовать предсказательная сила намерений, тогда как вопрос

---

² Подробнее см.: <http://www.socpol.ru/gender/about.shtml>

о факторах намерений и фактических рождений и — шире — о детерминантах рождаемости в рамках этой статьи подробно обсуждаться не будет.

Что уже было известно о влиянии намерений на рождаемость?

Проблематика ожиданий, предпочтений, намерений и их трансформации в последующие решения иметь или не иметь ребенка (еще детей) не новая в демографической и экономической литературе. Роль репродуктивных намерений возрастает в современных обществах, где снижается давление социальных норм, а следование традициям уступает место свободе индивидуального выбора.

Базовой теоретической рамкой для моделирования принятия решений о рождении детей выступает экономическая теория рождаемости, которую Г. Беккер начал разрабатывать еще с 1960 г. [Becker G.S., 1991]. Согласно этой теории, рождение детей есть основная задача семьи, а спрос на детей описывается как функция от их «качества» (уровень образования ребенка, его потребления и пр.), затрат времени родителей на уход за ребенком и полной стоимости производства других благ (денежных и временных затрат на покупку других товаров или услуг). Следует отметить две особенности беккеровского подхода к рождаемости, важные с точки зрения данного исследования. Во-первых, в его моделях предпочтения в отношении количества и качества детей хотя и влияют на фактические рождения, сами не моделируются, а выступают как экзогенный и фиксированный фактор. Соответственно, различия в рождаемости между индивидами и во времени объясняются неравенством возможностей и бюджетных ограничений, которые зависят от технологии производства благ в домашнем хозяйстве, цен на рыночные товары (включая ставки зарплаты) и располагаемых ресурсов домохозяйства. Несмотря на то что в работах 1980–1990-х гг., посвященных другим аспектам человеческого поведения, Беккер признавал изменчивость предпочтений под влиянием прошлого опыта человека и его ближайшего окружения [Becker G.S. et al., 1990], его модели рождаемости по-прежнему предполагали неизменность предпочтений [Becker G.S., 1991]. Во-вторых, Беккер рассматривал принятие решений в домохозяйстве относительно рождения детей исходя из общей функции полезности супругов. Иными словами, подразумевалось, что и мать, и отец предъявляют одинаковый спрос на детей, одинаково оценивают альтернативные издержки их рождения и т.п.

Альтернативный подход к экономическому анализу рождаемости развивался Р. Истерлином в его модели «относительного дохода» [Easterlin R.A., 1966; Easterlin R.A., Pollak R.A., Wachter M.L., 1980]. Он

признавал изменчивость предпочтений и предполагал, что опыт потребления, приобретенный человеком в детстве и отрочестве, определяет стандарты потребления во взрослом возрасте, и, таким образом, индивидуальные предпочтения отныне рассматривались как изменяющиеся и эндогенные. Этот подход, в отличие от предложенного Беккером, позволяет объяснять различия в поведении через различия и возможностей, и предпочтений [Pollak R.A., Watkins S.C., 1993]³. Тем не менее и эта модель рассматривала домохозяйство как единое целое, не допускающая расхождений в предпочтениях супругов.

В отличие от экономической теории в социологии неоднородность предпочтений населения, изменчивость установок, зависимость их формирования от опыта социализации в детстве, влияния ближайшего окружения, референтной социальной группы и собственного жизненного опыта человека не ставились под сомнение. Так же, как само собой подразумевалось, что установки влияют на последующее поведение. Механизм этого влияния был разработан в теории планируемого поведения И. Айзенна и М. Фишбейна [Ajzen I., Fishbein M., 1980]. В соответствии с этой теорией, связь между группами факторов и последующим поведением осуществляют намерения, которые формируются под влиянием трех групп факторов — установок, субъективных норм и значимости для человека внешних обстоятельств (т.е. осознания ограничений и возможностей).

Сложность состоит в том, что в реальности не все намерения могут быть реализованы [Bongaarts J., 2001; Berrington A., 2004; Toulemon L., Testa M.R., 2005; Tesfaghiorghis H., 2006]. Одной из причин этого часто выступают разногласия между супругами (партнерами). Если традиционный экономический подход рассматривает предпочтения, полезность и решения домохозяйства (семьи) как единого целого, то в социологической теории и установки, и намерения выступают сугубо индивидуальными характеристиками, что, в частности, допускает конфликты внутри партнерской (супружеской) пары относительно желания иметь детей, их количества и календаря рождений. Степень влияния супругов на окончательное решение зависит от того, какой властью обладает каждый из них. Пытается взломать «черный ящик» домохозяйства и современная экономическая теория. Принятие решений в домохозяйстве моделируется, например, применительно к участию членов домохозяйства в занятости⁴. А проблема согласования репродуктивных предпочтений в семье решается в рамках теории игр⁵.

---

³ Именно в рамках данного подхода удалось объяснить распространение использования контрацепции в 1960–1970-е гг.

⁴ См. обзор в работе [Killingworth M.R., Neckman J.J., 1986]; см. также [Chiappori P.-A., 1988].

⁵ См. обзор подходов в [Pollak R.A., 2005].

Теоретическую модель, объясняющую взаимоотношение репродуктивных намерений и фактических рождений с учетом расхождений между двумя этими показателями, разработали В. Миллер и Д. Паста [Miller W.B., Pasta D.J., 1995]. Они выделили четыре возможных комбинации связи между намерениями и рождениями — реализацию положительных намерений, реализацию отрицательных намерений (т.е. нерождение ребенка), а также два случая, когда намерения не реализуются: ложноположительный — если желание иметь ребенка не приводит к его появлению, и ложноотрицательный — если рождение ребенка происходит «незапланированно», при высказанном ранее нежелании иметь детей. К причинам ложноположительных результатов относятся репродуктивные намерения партнера, события жизненного цикла, бесплодие; ложноотрицательных — появление нового партнера, незапланированные беременности. Откладывание деторождения также может быть причиной ложноположительных намерений.

Что следует из этого теоретического дискурса? Прежде всего мы исходим из того, что *предпочтения (и тем более намерения⁶) в отношении рождения детей меняются на протяжении жизни под влиянием индивидуальных событий в сферах образования, занятости, формирования семьи и пр.* [Miller W.B., Pasta D.J., 1995; Schoen R. et al., 1999; van de Kaa D.J., 2001]. Во-вторых, мы анализируем индивидуальные намерения и допускаем, что *предпочтения и намерения партнеров (супругов) могут различаться.* Соответственно, несогласие между партнерами в том, иметь ли детей, может приводить к тому, что желание одного из них родить ребенка не будет реализовано. При прочих равных условиях, мы предполагаем, что связь между намерениями и последующим поведением будет лучше в тех парах, где оба партнера хотят (или не хотят) иметь детей.

Эмпирические исследования этого вопроса дают противоречивые результаты. С одной стороны, намерения завышают оценки ожидаемой рождаемости [Westoff C.F., Ryder N.B., 1977] и не могут выступать надежным индикатором предсказания будущего репродуктивного поведения [Toulemon L., Testa M.R., 2005; Quesnel-Vallée A., Morgan S.P., 2003]. Это особенно справедливо для показателя «желаемое число детей», который, как видно из работы Ф. Хейланда и коллег [Heiland F. et al., 2007], не отличается устойчивостью: в среднем около 50% респондентов изменили свое мнение о желаемом числе детей во второй волне обследования (через 7 лет) как в сторону повышения, так и в сторону

---

⁶ Мы считаем, что предпочтения выступают более устойчивой во времени характеристикой, которая формируется еще в детстве; они измеряются с помощью показателей «идеальное», «желаемое» число детей. Напротив, намерения — т.е. желание, планы совершить некоторое действие в будущем — представляют собой менее устойчивую характеристику, изменяющуюся под влиянием обстоятельств на протяжении жизни.

понижения. А. Лифброер, исследовавший вопрос стабильности намерений на панельных данных, обнаружил, что желание иметь детей меняется с возрастом, как правило, в сторону снижения. При этом факторами, влияющими на адаптацию намерений индивида, выступают изменения в партнерском статусе, уровне образования, трудовые биографии, а также откладывание рождения первенца [Liefbroer, 2008].

С другой стороны, многое зависит от того, как именно измеряются репродуктивные намерения. Так, намерения завести ребенка в течение определенного периода обладают лучшей предсказательной способностью, чем предпочтения в отношении детности, измеряемые через «ожидаемое» или «желаемое» число детей [Testa M.R., Toulemon L., 2006; Tesfaghiorghis H., 2006; Thomson et al., 1990]. Имеются свидетельства того, что нежелание иметь (больше) детей хорошо согласуется с последующим поведением (т.е. нерождением ребенка) [Westoff C.F., 1990]. Многое зависит от степени уверенности: более определенные намерения, в том числе положительные, реализуются лучше [Schoen R. et al., 1999; Tesfaghiorghis H., 2006; Testa M.R., Toulemon L., 2006]. В результате, в ряде исследований показывается, что намерения служат очень важным фактором, объясняющим последующее рождение ребенка [Miller W.B., Pasta D.J., 1995; Schoen R. et al., 1999; Morgan P.S., 2001; Testa M.R., Toulemon L., 2006]. Более того, этот фактор имеет большую валидность по сравнению с другими индивидуальными характеристиками [Westoff C.F., Ryder N.B., 1977; Hoorn (van) W., Keilman N., 1997; Heiland F. et al. 2007].

Таким образом, репродуктивные намерения следует рассматривать как серию последовательных — и изменяющихся во времени — индивидуальных решений, которые зависят от очередности рождения и временного интервала, на который осуществляется планирование [Morgan P.S., 2001]. Следует также учитывать контекст, в котором формируются намерения и принимаются последующие решения, включая изменения в брачно-партнерском состоянии, возможно, пол имеющих детей и пр., а также потенциальные разногласия между партнерами в отношении деторождения [Morgan P.S., 2001].

Данные и методология

Представляемые результаты основаны на данных двух волн панельного социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РиДМиЖ), которое является частью международной исследовательской программы «Поколения и гендер». Первая волна этого обследования проходила в 2004 г., охватив 11 261 респондента, вторая — три года спустя — в 2007 г., с 11 117 респондентами. Панельная составляющая — 7 786 чел. в возрасте 21–82 лет (70% всей выборки 2007 г.).

Следует отметить, что в обследовании РиДМиЖ особое внимание придается учету временного фактора, который установлен на уровне трех лет. Многие проспективные вопросы задаются в отношении ближайших трех лет, и с этим же интервалом проводятся волны обследования.

Изучение репродуктивного поведения — один из главных фокусов обследования РиДМиЖ, которое позволяет не только проанализировать фактические репродуктивные биографии респондентов, но и оценить желаемое и ожидаемое число детей, а также намерения родить или усыновить детей — вообще или в течение определенного периода времени. В данном исследовании нас интересовали вопросы о намерениях. Первый вопрос касался общего желания респондента родить ребенка на момент опроса: *«Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?»* Он допускал ответы «да», «нет» и «не уверен (а)». Кроме собственного желания иметь ребенка у респондента выясняли, хочет ли ребенка его (ее) партнер. Это позволяло учесть влияние согласия в паре относительно желания иметь детей на будущее поведение⁷.

Второй вопрос измерял планы родить ребенка в обозримой перспективе: *«Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?»* (так называемые ближайшие репродуктивные намерения). В отличие от вопроса об общих намерениях этот вопрос допускал различную степень уверенности в намерениях респондентов. Возможные ответы включали: *«определенно да»*, *«пожалуй, да»*, *«пожалуй, нет»* и *«определенно нет»*. Таким образом, вопрос выявлял отрефлексированную потребность в детях, соотносенную с возможностями и другими планами респондента на этот период. Тех респондентов, которые ответили отрицательно, спрашивали о намерении иметь детей когда-либо позже, за пределами трех лет: *«Предположим, что Вы не собираетесь завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет, а хотели бы Вы вообще когда-нибудь завести (еще) детей?»*, что позволяло оценить склонность к откладыванию рождения детей.

Панельная подвыборка, сформированная для анализа репродуктивного поведения, состоит из женщин, которые в 2004 г. находились в репродуктивном возрасте (18–44 года). Из наблюдения были исключены пенсионеры, инвалиды, длительно больные, те, кто физически не мог иметь ребенка (на 2004 г.) и не имевшие сексуального опыта (по результатам обоих опросов), так как их репродуктивное поведение может значительно отличаться от остальных групп. Также были исключены

---

⁷ Дополнительным индикатором согласованности репродуктивных намерений партнеров служат ответы на вопрос о том, случались ли за последние 12 месяцев у партнеров разногласия по поводу решения иметь ребенка, оценивавшиеся по шкале от «никогда» до «очень часто».

те, чей партнер в 2004 г. определенно не мог иметь ребенка, поскольку это обстоятельство влияло на репродуктивные намерения женщины. За три года 180 респонденток из выборки родили ребенка, из их числа были вычтены беременные на момент опроса в 2004 г. и добавлены беременные в 2007 г. В итоге общее число фактических рождений с учетом текущих беременностей составило 170 наблюдений из выборки в 1812 респонденток. Основные характеристики анализируемой выборочной совокупности представлены в *таблице 1 Приложения*.

Для анализа были применены модели бинарной логистической регрессии, оценивающие вероятность рождения ребенка в зависимости от набора факторов и прежде всего от высказанных ранее намерений родить его. Зависимая переменная — рождение ребенка в период между волнами (событие считалось наступившим, если к моменту проведения второй волны состоялось рождение или наступила беременность).

Мы исходили из того, что рождение первого ребенка в России по-прежнему жестко нормировано, так как практически все женщины имеют хотя бы одного ребенка и возраст рождения первенца, хотя и растет, остается низким по сравнению с другими странами. Напротив, рождение второго и особенно последующих детей в меньшей степени регулируется социальной нормой. Следовательно, мы предполагали, что рационализация поведения будет сильнее для второго и последующих детей. Чтобы проверить это, моделирование рождения первенца и других детей было выполнено отдельно.

Исходя из фокуса нашего исследования, главной объясняющей переменной выступали репродуктивные намерения в 2004 г. При этом под их реализацией мы понимаем соответствие будущего поведения заявленным планам. В случае желания иметь ребенка реализацией выступает его рождение; при нежелании заводить детей — отсутствие рождений в анализируемый период.

Помимо этого, вероятность родить ребенка оценивалась в зависимости от характеристик этапа жизненного цикла (возраст женщины, брачно-партнерский статус), наличия других детей и социально-экономических переменных. Отметим, что анализ панельной составляющей второй волны обследования РидМиЖ позволяет дополнить данные пространственной выборки по тем группам факторов, которые имеют двойную причинно-следственную связь с фактом рождения ребенка. К ним относится уровень душевого дохода домохозяйства, статус женщины на рынке труда и брачно-партнерское состояние женщины. Многие из факторов (материальное благополучие, жилищная обеспеченность и др.) проверялись несколькими спецификациями переменных для подбора наилучшей по значимости.

Рождаемость в России: что нового?

Можно ли верить намерениям?

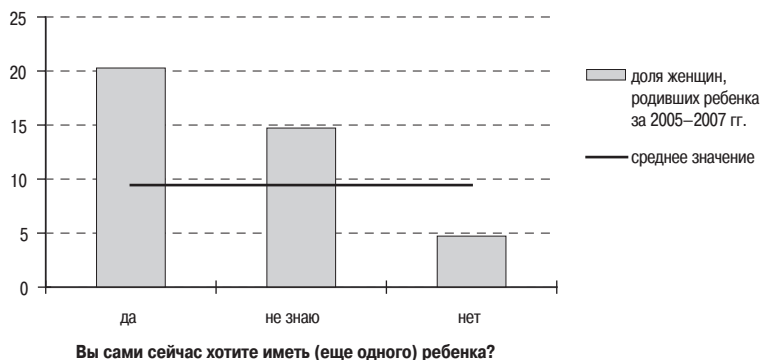
Прежде всего анализ данных обследования подтверждает, что намерения, безусловно, влияют на вероятность рождения ребенка. Так, если во всей выборке за три года немногим более 9% женщин репродуктивных возрастов родили ребенка, то среди женщин, выразивших общее желание завести его, родили в два раза больше — порядка 20% (рис. 1). Среди тех, кто точно хотел родить ребенка в ближайшие три года, реализовали свои планы почти 40% (рис. 2). Напротив, рождения детей у женщин, не хотевших иметь детей, происходили намного реже (рис. 1, 2).

Тем не менее реализация намерений в целом не очень высока. Даже среди женщин, которые с высокой степенью уверенности хотели бы родить ребенка в ближайшие три года, порядка 60% свои намерения не реализовали (рис. 2). Женщины, не желавшие иметь детей, лучше следуют своим намерениям, но и здесь незапланированные рождения состоялись у 4–6% респондентов (рис. 1, 2).

Следует отметить, что степень реализации репродуктивных намерений в России мало отличается от той, что наблюдается в других развитых странах. Так, например, по данным венгерского обследования «Поворотные моменты жизненной траектории», аналога обследования GGS, две волны которого были проведены в 2001/2002 и 2004/2005 гг., 30,2% тех, кто планировал завести ребенка в течение ближайших трех лет, родили его в указанный интервал времени [Spéder Z., Kapitány B., 2009]. Панельное обследование, проведенное во Франции в 1998

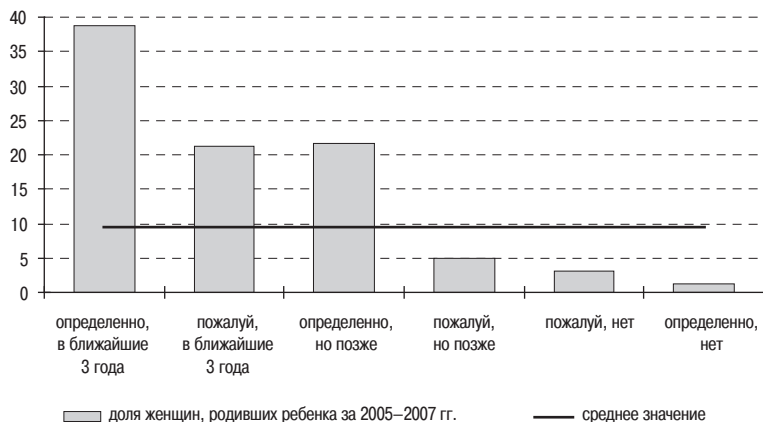
Рисунок 1

Доля женщин, родивших ребенка в период между опросами, в зависимости от выраженных в 2004 г. общих репродуктивных намерений, %

Источник: здесь и далее, если не указано иное, панель РидМиЖ.

Доля женщин, родивших ребенка за период между опросами, в зависимости от определенности и временных границ выраженных в 2004 г. репродуктивных намерений, %

и 2003 г., показало, что за 5 лет ребенка родили 61%, из тех, кто выражал желание завести его безотлагательно, а также 42% тех, кто планировал рождение в течение 5 лет, включая 49% — тех, кто выражал твердое намерение родить в течение 5 лет [Testa M.R., Toulemon L., 2006]. Напротив, среди тех, кто вообще отказывался от рождения ребенка или планировал отложить это рождение на срок, превышающий 5 лет, родили всего 13% [Testa M.R., Toulemon L., 2006]. Таким образом, несмотря на распространенное представление о том, что российское население имеет короткий горизонт планирования и не способно планировать будущее репродуктивное поведение, данные обследования РИДМИЖ свидетельствуют о том, что в этом вопросе россияне практически не отличаются от жителей западных стран.

С точки зрения использования данных о намерениях в прогнозных целях, принципиально важный вопрос, однако, состоит в том, каким образом лучше измерять намерения, чтобы они давали более валидные результаты. Из сравнения *рис. 1* и *2* следует, что, во-первых, лучше предсказываются намерения, выраженные относительно конкретного интервала времени. Во-вторых, степень уверенности, с которой женщина говорит о своих планах, оказывает существенное воздействие на вероятность их реализации.

Отказавшись от рождения ребенка в 2004 г., уверенные в своем решении женщины реализовали его — то есть не родили — в 97% случаев, а менее уверенные — в 92% случаев. Иначе говоря, почти все, кто *не* хотел заводить ребенка в 2004 г., последовали своим намерениям. Это

позволяет интерпретировать отказ от намерения когда-либо в будущем рожать детей как обладающий значительной предсказательной силой по меньшей мере применительно к ближайшему горизонту планирования репродуктивного поведения.

Аналогично при контроле прочих факторов высокая определенность в желании завести ребенка в ближайшие три года повышает отношение шансов родить ребенка в 5,6 раза по сравнению с теми, кто определенно не собирался рожать его (*табл. 1*). Меньшая уверенность в желании родить ребенка увеличивает отношение шансов уже только в 2,7 раза. Еще слабее дифференцированы общие намерения: те, кто в принципе хотел бы родить ребенка, имеют шансы родить его в 2,1 раза выше, чем те, кто в принципе не хотел бы делать этого.

В результате, в общем числе рождений лишь около половины — двух третей из них оказались запланированными. При этом если судить по ответам на вопрос об общих намерениях, 54% женщин родили ребенка, несмотря на то, что не планировали это событие. Вопрос о намерениях на три года и в этом случае дает более точные результаты, даже без учета степени уверенности женщины. Здесь лишь 33% рождений оказались ложноотрицательными. Причем из них 72% рождений (23,5% от общего числа) приходится на женщин, которые хотели родить ребенка, но, возможно, отложив это рождение на более поздний срок, за пределы трехлетнего периода. Иными словами, при сопоставлении рождений с ближайшими намерениями лишь около 9% всех рождений состоялись вопреки высказанному нежеланию заводить ребенка.

Таблица 1

Влияние репродуктивных намерений женщины на рождение ребенка в 2005–2007 гг. (отношение шансов — Ехр (В), при контроле прочих факторов)

Ответы респонденток	Все рождения	Рождение первенца	Рождение второго и последующего ребенка
<i>Общие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>			
Нет	1	1	1
Не уверена	1,819***	0,966	2,488***
Да	2,109***	1,101	3,166***
<i>Ближайшие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>			
Определенно нет	1	1	1
Пожалуй, нет	1,392	1,066	1,216
Пожалуй, да	2,693***	1,447	3,371***
Определенно да	5,609***	3,105**	9,144***

Примечание: *** — значимо на 1%-ном уровне, ** — значимо на 5%-ном уровне.

Лучше сбываются намерения тех женщин, которые уже имели партнера на момент первого опроса (табл. 2). Очевидно, что наличие партнера, как и планирование поведения на определенный интервал времени, позволяет уменьшить степень неопределенности в отношении будущего.

Тем не менее степень согласия между партнерами в отношении рождения детей, по данным нашего исследования, не оказывает значимого влияния на вероятность рождения (табл. 2, табл. 5 и 6 Приложения). Одной из причин этого, казалось бы, неожиданного результата, может быть особенность опроса РиДМиЖ, когда опрашивается один человек и источником информации о мнении партнера выступает респондент, который, по-видимому, склонен приписывать партнеру собственную точку зрения. Также возможно, что мнение женщины в целом больше влияет на то, появится ли ребенок, поскольку она имеет больше возможностей контролировать эту ситуацию. Возможно, мнение партнера играло бы более весомую роль при анализе ответов респондентов-мужчин. В нашем же случае ограничение анализа совокупностью женщин дает статистически слабо значимые результаты. Наконец, можно предположить, что респондентка уже учитывает мнение партнера, ког-

Таблица 2

Влияние репродуктивных намерений женщин с партнером или обоих партнеров на рождение ребенка в 2005–2007 гг. (отношение шансов — Exp (B), при контроле прочих факторов)

Ответы респонденток	Все рождения в партнерствах	Вторые и последующие рождения в партнерствах
<i>Общие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>		
Нет	1	1
Не уверена	1,820	2,373***
Да	2,217***	2,496**
<i>Ближайшие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>		
Определенно нет	1	1
Пожалуй, нет	1,497	1,154
Пожалуй, да	3,341***	3,027***
Определенно да	7,499***	9,964***
<i>Общие репродуктивные намерения пары</i>		
Оба не хотят	1	1
Мужчина хочет	0,853	0,771
Женщина хочет	1,108	0,692
Оба хотят	1,941*	2,034*

Примечание: *** — значимо на 1%-ном уровне, ** — значимо на 5%-ном уровне, * — значимо на 10%-ном уровне.

да отвечает на вопрос о ближайших намерениях, и в случае разногласий по этому вопросу выражает намерения завести ребенка с меньшей уверенностью.

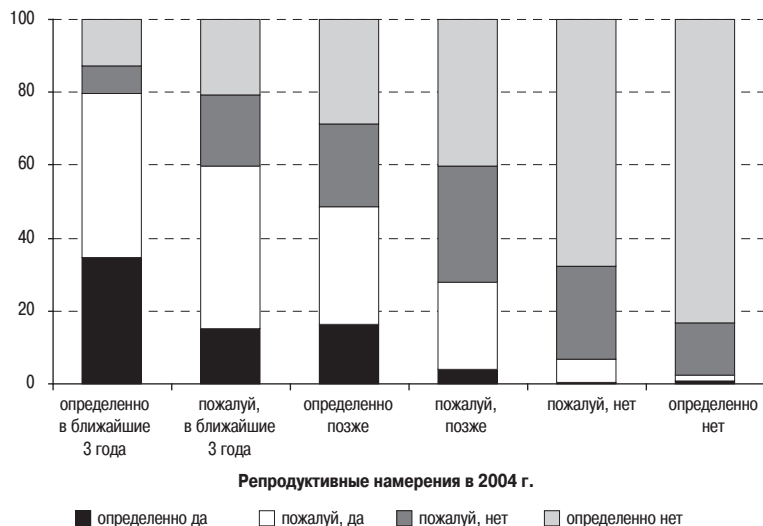
Бросается в глаза высокий процент рождений среди тех, кто определенно собирался завести ребенка, но позже, за пределами трехлетнего периода (рис. 2). Картина проясняется, если посмотреть демографические характеристики этой группы, которая на 80% состоит из 18–24-летних женщин; 74% рождений составляют первенцы, и, наконец, 65% рождений состоялось в партнерских союзах, сформировавшихся за период между опросами. При этом не все ложноотрицательные рождения в этой группе являются незапланированными — женщины были уверены в своем желании иметь ребенка, но сдвиг календаря рождений мог быть обусловлен изменением намерений, например, в связи со сменой брачно-партнерского статуса (появлением партнера).

Как и ожидалось, репродуктивные намерения обладают различной предсказательной силой в случае рождения первенца и последующих детей. Они слабо влияют на рождение первенца, которое в большей мере зависит от появления постоянного партнера и возраста женщины (табл. 1). И, напротив, позволяют хорошо предсказать появление второго и последующих детей (табл. 1, 2). Лучше всего планируют свое репродуктивное поведение женщины, имеющие партнера и хотя бы одного ребенка. В этой группе четко выраженное желание иметь детей («определенно да») в ближайшие три года увеличивает отношение шансов на появление ребенка в 10 раз (табл. 2). Таким образом, можно утверждать, что репродуктивные намерения, измеренные для определенного временного интервала и с учетом степени уверенности женщины, позволяют неплохо предсказывать появление или непоявление второго и последующих детей, особенно в уже сложившихся партнерских союзах.

Тем не менее, учитывая то, что в среднем лишь менее трети (30%) всех положительных намерений закончились рождением ребенка, для прогнозирования будущих тенденций в сфере рождаемости важно понять, в каком направлении трансформируются намерения завести ребенка, если они не реализованы. Рассмотрим женщин репродуктивного возраста, которые планировали родить в течение ближайших трех лет, но не родили. При опросе в 2007 г. (спустя три года) они в 65% случаев сохраняют планы родить ребенка и лишь в 18% случаев говорят об отказе рожать в ближайшие годы, т.е., скорее всего, переносят рождение на более поздний срок (рис. 3). И перенос, и отказ от планов родить встречаются тем чаще, чем больше детей у женщины.

Готовность отказаться от рождения ребенка спустя три года тем выше, чем менее определенно были выражены намерения в 2004 г.

Распределение женщин, не родивших ребенка за период между опросами, по репродуктивным намерениям на ближайшие 3 года в 2007 г. в зависимости от их репродуктивных намерений в 2004 г., %

(рис. 3). В частности, среди женщин, твердо решивших в 2004 г. отложить рождение ребенка на более поздний срок, доля собирающихся родить его в 2007–2010 гг. намного выше, чем среди тех, кто с меньшей уверенностью говорил о более позднем рождении. В последнем случае отложенные репродуктивные намерения означают, по сути, отложенный отказ от рождения: если они не реализуются сразу же, они вряд ли будут реализованы позднее. Вместе с тем даже отрицательные намерения — т.е. нежелание иметь ребенка — обладают определенной изменчивостью: среди женщин, которые, согласно их ответам 2004 г., скорее всего, не собирались заводить ребенка ни в течение трех ближайших лет, ни позднее, в 2007 г. появились такие, которые хотели бы родить ребенка в течение следующих трех лет. Поскольку 2007 г. был годом начала новой демографической программы государства, связанной с активной поддержкой семей с детьми, такое изменение намерений может быть спровоцировано предложенными государством мерами.

В целом, регрессионный анализ выявил статистическую значимость репродуктивных намерений для предсказания фактических рождений. При этом степень влияния репродуктивных намерений на фактические рождения варьирует, во-первых, в зависимости от того, как они были измерены, а во-вторых, от очередности рождения и наличия по-

стоянного партнера. Для оценки вероятности рождения второго (и последующих) ребенка намерения оказываются наиболее мощным фактором, превосходящим по силе не только социально-экономические, но и демографические параметры, такие как возраст женщины, продолжительность партнерства и число ранее рожденных детей.

От чего еще зависит рождение ребенка?

Все рождения. В наибольшей степени появление на свет ребенка (без учета очередности рождения) в 2004–2007 гг. определялось двумя параметрами — партнерским статусом женщины и числом ранее рожденных детей (*табл. 2 Приложения*). Почти половину (48%) всех рождений в нашей панельной выборке составляли первые дети; 29% — рождения внутри партнерств, образовавшихся в период между опросами. В результате, почти каждое четвертое рождение (24%) приходилось на первенцев в новых союзах. Вероятность появления второго ребенка при прочих равных условиях была почти вдвое ниже, а третьего и последующего ребенка — более чем в 7 раз ниже, чем первого.

Среди партнерств, образовавшихся до 2004 г., отрицательное влияние числа детей на вероятность рождения следующего еще выше, тогда как шансы на появление детей в партнерствах с различным стажем статистически почти не различаются (*табл. 4 Приложения*).

Если женщина ориентирована на многодетность, т.е. она бы хотела иметь троих или более детей, вероятность появления ребенка почти вдвое выше по сравнению с женщинами, мечтающими о двух детях; причем среди постоянных партнерств этот эффект еще выше (*табл. 2, 5 Приложения*). Для женщин, ориентированных на семью с одним ребенком, вероятность рождения ребенка, напротив, почти вдвое ниже (*табл. 2 Приложения*).

Следующий по важности фактор рождения ребенка — возраст матери. По сравнению с женщинами старших репродуктивных возрастов (35–44) наибольшие шансы родить ребенка были, конечно, у самых молодых. Однако следует отметить, что вероятности рождения ребенка любой очередности у 18–24-летних и 25–29-летних женщин практически не различались (*табл. 2 Приложения*); а у 30–34-летних, особенно если у них был постоянный партнер к 2004 г., были не намного ниже (*табл. 2, 5 Приложения*).

По-прежнему рождаемость в России различалась в зависимости от типа поселения, в котором жила женщина. Вероятность рождения ребенка любой очередности на селе в 1,4 раза выше, чем в городе (*табл. 2 Приложения*). При этом на данных панели РИДМиЖ шансы родить первенца у горожанок и жительниц села были почти одинаковыми (*табл. 3 Приложения*). Напротив, второй ребенок и дети более

высокой очередности намного чаще появлялись в сельской местности (табл. 4 Приложения).

Различия в рождаемости в зависимости от других факторов оказались намного меньше. Так, по результатам данного исследования разрыв в среднем числе детей по образовательным группам в 2004–2007 гг. сократился незначительно (табл. 3), однако четкой связи между уровнем образования и деторождением выявить невозможно. Доля родивших первенца выше среди женщин со средним специальным образованием. Напротив, женщины с высшим образованием немного чаще шли на рождение второго ребенка, чем женщины с более низким образованием. Вероятно, разрыв будет сокращаться и далее, но не исчезнет окончательно.

Связь деторождения с положением женщины на рынке труда также не вполне очевидна. С одной стороны, первенца немного чаще рожали женщины, имевшие работу в 2004 г., однако детей более высоких порядков — напротив, незанятые (табл. 5). С другой стороны, при контроле влияния других параметров вероятность рождения ребенка, независимо от того, учитывается ли очередность рождения, становится статистически незначимой (табл. 2–6 Приложения). Женщины, чьи партнеры работали, чаще рожали второго и последующих детей (табл. 4), но в модели эта связь также становится незначимой при контроле прочих факторов (табл. 5, 6 Приложения).

Поскольку решение о рождении ребенка принимается в семье, оно, казалось бы, должно зависеть от семейных доходов и других материальных ресурсов. При анализе данных первой волны отмечалось, что с ростом дохода увеличивалось число респонденток, намеренных завести ребенка в ближайшие 3 года [Малева Т.М., Синявская О.В., 2007]. Анализ рождений, состоявшихся в 2004–2007 гг., показывает,

Таблица 3

Среднее число детей и доля женщин, родивших ребенка за 2005–2007 гг. по образовательным группам, чел. и % в группе

Уровень образования в 2004 г.	Среднее число детей в 2004 г.	Среднее число детей в 2007 г.	Доля родивших первенца	Доля родивших второго и более
Начальное профессиональное и ниже	1,39	1,47	21,9	5,9
Среднее специальное	1,35	1,41	32,5	4,6
Высшее, в том числе незавершенное и послевузовское	1,07	1,17	21,4	8,2
Всего (n = 1812)	1,30	1,38	24,3	6,0

Примечание: различия между средними по группам статистически значимы.

Таблица 4

Доля женщин, родивших ребенка в 2005–2007 гг., в зависимости от положения на рынке труда женщины и ее партнера, по порядку рождения, % в группе

Характеристики		Первенец	Второй ребенок и более
Статус женщины на рынке труда в 2004 г. (все женщины)	не занята	21,9	7,6
	занята	26,2	5,3
Статус партнера на рынке труда в 2004 г. (женщины с партнером в домохозяйстве)	не занят	22,7	3,5
	занят	29,1	7,3

Примечание: жирным выделены значимые на χ^2 .

Таблица 5

Доля женщин, родивших ребенка за 2005–2007 гг., и среднее число детей на 1 женщину в зависимости от уровня душевого дохода домохозяйства в 2004 г.

Квинтили по доходу в 2004 г.	Доля женщин, родивших ребенка за 2005–2007 гг.		Доля женщин, родивших первенца	Число детей в среднем на 1 женщину, 2004 г.	Число детей в среднем на 1 женщину, 2007 г.	Изменение числа детей в среднем на 1 женщину, 2004–2007 гг.
	% по строке	% по столбцу				
1	8,4	23,7	0,35	1,68	1,74	(+0,06)
2	6,2	12,4	0,43	1,32	1,39	(+0,07)
3	8,4	16,0	0,48	1,18	1,24	(+0,06)
4	12,3	25,4	0,47	1,03	1,13	(+0,10)
5	12,8	22,5	0,66	0,94	1,06	(+0,12)
Всего	9,5	100,0	0,47	1,27	1,35	(+0,8)

что в двух верхних квинтилях по величине среднедушевого дохода (в 2004 г., до рождения ребенка) число состоявшихся рождений существенно выше, чем в остальных (табл. 5). Таким образом, более обеспеченные женщины не только чаще высказывали намерение родить ребенка, но и больше родили. В результате, разница в числе рожденных детей между группами с наиболее низкими и наиболее высокими доходами немного снизилась (с 0,74 ребенка до 0,68). Однако если среди домохозяйств пятой, наиболее обеспеченной, квинтильной группы 2/3 рождений приходилось на первенцев, то среди наименее обеспеченных 20% домохозяйств 2/3 рождений составляли уже вторые и последующие дети.

Вместе с тем при контроле других параметров характеристики доходов и материально-имущественного состояния становятся статистически незначимыми. В ходе анализа были протестированы несколько спецификаций материально-имущественного параметра, включая логарифм среднедушевого дохода, квинтили по среднедушевому доходу, субъективную оценку материального положения и индекс благосо-

стояния⁸. Все они оказывались либо совсем не значимыми, либо связь между переменной и вероятностью рождения оказывалась сложной для интерпретации⁹.

Таким образом, за исключением поселенческого фактора, ни один социально-экономический параметр не оказал значимого влияния на рождение ребенка в 2005–2007 гг., независимо от того, включаются ли в модель репродуктивные намерения или нет. Отсутствие статистически значимых социально-экономических различий в рождаемости может быть следствием, во-первых, неточности измерительного инструмента. Панельная выборка РИДМИЖ несколько смещена в пользу менее образованных, менее активных и менее обеспеченных слоев населения и, соответственно, в панели вариация по социально-экономическим параметрам меньше, чем в пространственных выборках каждой из волн, которые репрезентируют население России. Кроме того, число рождений за три года невелико (168 в регрессионной модели), что может влиять на большое количество незначимых переменных. Использование обычной логистической модели иногда также может приводить к смещенности коэффициентов или отсутствию статистически значимого эффекта в модели, даже если в реальности связь между объясняющей и зависимой переменной существует¹⁰. Наконец, операционализация и измерение независимых переменных могут давать искаженные результаты. В частности, это может относиться к неудовлетворительной информации о жилье в вопроснике первой волны РИДМИЖ или к потенциально смещенной информации о доходах домохозяйства, которые собираются со слов только одного его члена.

Во-вторых, полученный результат может отражать то, что социально-экономические параметры влияют на календарь рождений, а не на саму

---

⁸ См. подробнее о построении индекса [Овчарова Л.Н., Пишняк А.И., Попова Д.О., 2007].

⁹ Например, в ходе анализа было установлено, что вероятность рождения уменьшается во 2-й и 5-й квинтильных группах по сравнению с 1-й, но является статистически незначимой для 3-й и 4-й групп. При оценке этого эффекта для детей разной очередности статистическая значимость переменной полностью исчезала.

¹⁰ Такой результат может отражать нарушение предпосылок логистической модели. Во-первых, используя обычную логистическую модель, мы предполагаем, что изучаемый нами процесс находится в статистическом равновесии. Между тем 2004–2007 гг. были периодом экономического роста и стабильности, которые сами по себе могли увеличивать вероятность появления ребенка. Кроме того, в 2006 г. были анонсированы и в 2007 г. введены в действие новые меры поддержки семей с детьми, которые также могли изменить вероятности рождения. Во-вторых, некоторые объясняющие переменные могут по-разному влиять на различные составляющие процесса. Так как в данной модели мы рассматриваем рождение ребенка любой очередности, можно предположить, что высшее образование влияет на откладывание рождения первенца, но не на саму вероятность его появления. И, скажем, в рассматриваемый период мы могли наблюдать положительную связь между высшим образованием и рождением первых детей и, напротив, отрицательную связь между высшим образованием и рождением второго ребенка. В совокупности эти эффекты гасят друг друга.

Доля женщин, родивших ребенка в 2005–2007 гг., по возрастным группам и порядку рождения, % по строке

Возрастные группы на 2004 г.	Порядок рождения	
	первенец	второй ребенок и более
18–24	28,4	13,8
25–29	25,9	13,8
30–34	20,0	7,2
35–44	2,6	1,2
Всего	24,3	6,0
Число наблюдений	337	1475

вероятность появления ребенка. Такой эффект можно предположить, в частности, в отношении образования¹¹.

В-третьих, отсутствие статистически значимых связей между социально-экономическим статусом женщины и рождением у нее ребенка может соответствовать реальной ситуации. В этом случае оно означает то, что деторождение в России по-прежнему остается детерминированным господствующей социальной нормой — «не менее одного ребенка, но и не более двух». Жесткая нормативность поведения предопределяет то, что появление ребенка связано лишь с демографическим статусом женщины — ее возрастом, партнерским статусом и числом уже рожденных детей. При прочих равных условиях все женщины независимо от их социально-экономических характеристик стремятся завести хотя бы одного ребенка.

Рождение первенца. Самый мощный фактор, влияющий на рождение первенца, — появление нового партнера между двумя опросами (табл. 3 Приложения). В целом, вероятность рождения ребенка очень высока в пять-шесть первых лет после образования партнерства, после чего она начинает заметно снижаться. После 10 лет партнерства вероятность рождения ребенка крайне не велика и значимо не отличается от вероятности его появления в отсутствие партнера.

Закономерно, дети намного чаще рождаются у наиболее молодых женщин. Однако следует отметить, что возрастной профиль рождаемости свидетельствует о продолжающемся откладывании деторождения: женщин из возрастной группы 25–29 (28–32 к 2007 г.), которые пошли на рождение первенца, почти столько же, сколько в младшей возрастной группе (табл. 6). Это же подтверждает регрессионный анализ: вероятности рождения первенца у 18–24-летних и 25–29-летних женщин уже очень близки (табл. 3 Приложения).

¹¹ См. обсуждение этого вопроса в: [Малева Т.М., Синявская О.В., 2007].

Помимо партнерского статуса и в меньшей степени возраста женщины на вероятность рождения первого ребенка влияет твердое желание женщины завести ребенка в ближайшие три года, что, по-видимому, связано с ее партнерским статусом. Модель также подтверждает то, что в нашей выборке первые рождения немного чаще происходили у женщин со средним специальным образованием. Все прочие факторы статистически значимой связи с появлением первенца не демонстрируют. Это может быть связано с маленьким размером выборки (335 наблюдений), а также с сохраняющейся в обществе ориентацией на одного ребенка. Добровольная бездетность в России по-прежнему остается исключительным феноменом.

Появление детей более высокой очередности. Как уже отмечалось ранее, появление детей более высокой очередности сильнее определяется репродуктивными намерениями женщины и особенно теми, которые были сформулированы на три года и позволяли учесть степень уверенности женщины в ее планах. В спецификации модели с намерениями на три года этот фактор наиболее тесно связан с последующим рождением ребенка.

Следующим по значимости фактором опять-таки выступает партнерский статус (*табл. 4 Приложения*). Однако продолжительность партнерства здесь уже не настолько принципиальна. Вероятность появления ребенка в союзах со стажем менее 5–6 лет немного выше, чем в более длительных, но различия не являются статистически значимыми (*табл. 4, 6 Приложения*). Следует подчеркнуть, что рождение ребенка никак не связано с регистрацией брака или ее отсутствием.

Распределение женщин, родивших второго и последующих детей, по возрасту еще более равномерно, чем в случае с рождением первого ребенка (*табл. 4, 6 Приложения*). Наиболее высока вероятность родить второго ребенка у 25–29-летних женщин. Вклад в фактические вторые рождения 25–29-летних в два раза выше вклада 18–24-летних (40% и 20% соответственно), вклад 30–34-летних — почти 30%. При этом среди респонденток, которые в 2004 г. имели не только хотя бы одного ребенка, но и партнера, при прочих равных условиях (и учете намерений!) наибольшие шансы завести второго (и более) ребенка были у 30–34-летних (*табл. 6 Приложения*). Скорее всего, это отражает первые результаты пронаталистской политики государства, направленной на стимулирование вторых рождений. Вторая волна обследования РИДМИЖ проходила весной-летом 2007 г. и могла в некоторой мере уловить влияние принятых мер на фактические рождения. В частности, на основе анализа данных макростатистики С.В. Захаров утверждает, что «все поколения, включая сорокалетних женщин... отреагировали дружным и мощным подъемом вероятностей рождения второго и по-

следующих детей» [Захаров С.В., 2008]. Таким образом, для возрастного профиля рождаемости становится характерной все менее ярко выраженная вершина — происходит «размазывание» деторождения по возрастным группам, увеличивается вариативность возраста матери как при первом, так и при последующих рожденьях.

Появление второго (и более) ребенка тесно связано с числом уже рожденных детей и представлениями женщины о желаемом числе детей (*табл. 4, 6 Приложения*). Ориентация на семью с тремя и более детьми повышает шансы рождения очередного ребенка в три раза. Вероятность того, что родится третий или последующий ребенок почти в пять раз ниже, чем то, что родится второй ребенок. Внутри партнерских союзов важную роль играет также единая позиция обоих партнеров в отношении решения иметь детей, которая повышает шансы на рождение ребенка.

Связь рождения вторых и последующих детей с социально-экономическими параметрами продолжает оставаться неясной и требует дальнейшего изучения. С одной стороны, анализ таблиц сопряженности показывает статистически значимые различия в рождении вторых детей в зависимости от уровня образования, положения на рынке труда, субъективной оценки материального положения и места жительства женщины. С другой стороны, при учете влияния прочих параметров в моделях, оценивающих вероятность рождения второго (и более) ребенка, из всех социально-экономических характеристик значимым остается только поселенческий фактор: село повышает отношение шансов в 2,3–2,6 раза по сравнению с городом (*табл. 4, 6 Приложения*).

Заключение

Представленный в этой работе анализ — лишь один из первых шагов в изучении факторов рождаемости и возможности ее прогнозирования, исходя из опросов населения. В развитых странах связь между планами и реальным поведением в этой сфере исследуется не одно десятилетие, в России же еще многое предстоит сделать.

Мы установили, что лучше всего сбываются намерения, которые были увязаны с определенным интервалом времени и позволяли учесть степень уверенности женщины в возможности их реализации. В нашем случае речь идет о вопросе, в котором желание женщины завести ребенка в течение ближайших трех лет допускало четыре возможных варианта: «определенно нет», «пожалуй, нет», «пожалуй, да» и «определенно да». Этот вывод согласуется с результатами исследований в других странах и позволяет отчасти объяснить прежде неудачные попытки найти связь между намерениями и рожденьями в России.

Вместе с тем вопрос о том, можно ли использовать намерения в корректировке прогнозов рождаемости на ближайшую перспективу, нуж-

дается в дальнейшем изучении и обсуждении. С одной стороны, мы увидели, что нежелание иметь ребенка с высокой степенью вероятности (порядка 95%) означает, что рождение не состоится. К тому же отрицательные намерения не только лучше сбываются, но и лучше объясняются демографическими и социально-экономическими характеристиками женщины. Тем не менее вероятность реализации положительных репродуктивных намерений, даже в случае высокой уверенности женщины, не превышает 40%. Более половины женщин, собиравшихся завести ребенка в ближайшие три года, переносят рождение на более поздний срок или совсем отказываются от желания родить.

По этим показателям Россия практически не отличается от зарубежных стран, в которых, казалось бы, жизнь стабильнее и горизонт планирования длиннее. Тем не менее, чтобы понять, насколько полученные результаты типичны для России, требуются дополнительные исследования. И здесь очень пригодилось бы проведение третьей волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» с тем же интервалом, с каким были проведены первые две волны, — три года. Это дало бы возможность проанализировать реализацию намерений, выраженных в 2004 г., спустя шесть лет — в 2010 г. Сопоставление реализации намерений в 2004–2007 гг. и 2007–2010 гг. позволило бы сделать выводы относительно устойчивости обнаруженной связи между репродуктивными планами и последующим поведением.

Проведенный анализ показал, что решающую роль в реализации репродуктивных намерений и рождаемости играют демографические факторы — партнерский статус и продолжительность партнерства, возраст женщины и число ранее рожденных детей. Роль социальных и экономических факторов в объяснении рождаемости не очевидна и требует дополнительного изучения. Эти факторы оказывали влияние на формирование намерений женщины завести ребенка, но оказались статистически не значимы в объяснении фактических рождений. Существует ли зависимость между социально-экономическим статусом и вероятностью рождения ребенка в действительности или ее отсутствие в наших моделях — следствие несовершенства инструментария? Или же полученные результаты означают, что рождаемость в России по-прежнему находится под жестким диктатом единой для всех страт социальной нормы — «не менее одного ребенка и не более двух»? Но в таком случае не следует ли искать связь между социально-экономическими характеристиками женщины и календарем рождений?

Однако, несмотря на то что эти и другие вопросы еще ждут своих исследователей, уже сейчас ясно: в современной России намерения иметь

детей выступают статистически значимым фактором в предсказании будущих рождений. Причем речь идет главным образом о планировании рождения второго и последующих детей, которые и выступают объектом демографической политики. Мы показали, что в этом случае за предпочтениями в отношении числа детей и намерениями угадывается как сама вероятность рождения ребенка, так и то, когда он появится. С точки зрения политики, еще более важно то, что на основании планов населения лучше всего можно прогнозировать **нерождаемость**. И, соответственно, политика, ориентированная на стимулирование рождаемости, должна пытаться повлиять на сокращение числа тех, кто не хочет иметь детей или откладывает это решение на неопределенное будущее. Одновременно более высокая вероятность появления ребенка у тех, кто стремился к родительству, означает, что хоть и с большой погрешностью, но корректировать прогнозы рождаемости в России, опираясь на опросы населения, все-таки можно.

Литература

1. *Архангельский В. Н.* Факторы рождаемости. — М.: ТЕИС, 2006.
2. *Захаров С. В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая: Расширяющиеся границы брака. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2006. №237–238. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema01.php>
3. *Захаров С. В.* Российская рождаемость — долгожданный рост? Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2008. №353–354. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0353/tema02.php>
4. *Малева Т. М., Синявская О. В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. С. 171–216.
5. Население России 2000–2007. Ежегодные демографические доклады / Отв. ред. А. Г. Вишневский.
6. *Овчарова Л. Н., Пишняк А. И., Попова Д. О.* Измерение и анализ благосостояния: возможные подходы на основе данных РИДМиЖ // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1. Сборник научных статей / Под ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С. 377–420.
7. *Роцина Я. М., Бойков А. В.* Факторы фертильности в современной России // Российский консорциум экономических исследований и образования. Серия «Научные доклады». 2005. WP №05/04. Режим доступа: http://www.eerc.ru/details/download.aspx?file_id=7216
8. *Синявская О. В., Тындик А. О.* Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 10. С. 131–158.
9. *Ajzen I., Fishbein M.* Understanding Attitudes and Predicting Behaviour. Englewood Cliffs. — NJ: Prentice Hall, 1980.

10. *Becker G.S.* A Treatise on the Family / Enl. ed. Cambridge. — Mass.: Harvard University Press, 1991.
11. *Becker G.S., Grossman M., Murphy K.M.* An empirical analysis of cigarette addiction // NBER Working Paper. 1990. №3322.
12. *Berrington A.* Perpetual postponers? Women's, men's and couple's fertility intentions and subsequent behaviour // *Population Trends*. 2004. №117. P. 10–19.
13. *Bongaarts J.* Fertility and Reproductive Preferences in Post-Transitional Societies // *Population and Development Review* 27 (Suppl.). 2001. P. 260–281.
14. *Chiappori P.-A.* Rational household labour supply // *Econometrica*. 1988. Vol. 56. P. 63–90.
15. *Easterlin R.A.* On the Relation of Economic Factors to Recent and Projected Fertility Changes // *Demography*. 1966. Vol. 3. №1. P. 131–151.
16. *Easterlin, R. A., Pollak R.A., Wachter M.L.* Towards a More General Model of Fertility Determination: Endogenous Preferences and Natural Fertility // *Population and Economic Change in Less Developed Countries*. 1980. — Chicago: University of Chicago Press. P. 81–135.
17. *Heiland F. et al.* Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data // *European Journal of Population*. 2008. Vol. 24. №2. P. 129–156.
18. *Hoorn (van) W., Keilman N.* Births expectations and their use in fertility forecasting // Eurostat Working Paper. 1997. № 4.
19. *Kaa (van de) Dirk J.* Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behaviour // *Population and Development Review* 27 (Suppl.). 2001. P. 290–331.
20. *Killingsworth M.R., Heckman J.J.* Female Labor Supply: A Survey // O. Ashenfelter, P.R.G. Layard (Eds.) // *Handbook of Labor Economics*. 1986. Vol. 1. — Amsterdam: North Holland.
21. *Liefbroer A.C.* Changes in Family Size Intentions Across Young Adulthood: a Life-Course Perspective // *European Journal of Population*. 2008. DOI 10.1007/s10680-008-9173-7.
22. *Miller W.B., Pasta D.J.* Behavioral Intentions: Which Ones Predict Fertility Behavior in Married Couples? // *J. of Applied Social Psychology*. 1995. Vol. 25. Issue 6. P. 530–555.
23. *Morgan P.S.* Should Fertility Intentions Inform Fertility Forecasts? US Census Bureau Conference: The Direction of Fertility in the United States, October 2–3. 2001.
24. *Pollak R.A.* Bargaining Power in Marriage: Earnings, Wage Rates and Household Production // NBER Working Paper. 2005. №11239.
25. *Pollak R.A., Watkins S.C.* Cultural and Economic Approaches to Fertility: Proper Marriage or Mésalliance? // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. №3. P. 467–496.
26. *Quesnel-Vallée A., Morgan S.P.* Missing the Target? Correspondence of Fertility Intentions and Behavior in the U. S. // *Population Research and Policy Review*. 2003. Vol. 22. P. 497–525.
27. *Schoen R., Astone N.M., Kim Y.J. et al.* (1999) Do fertility intentions affect fertility behaviours? // *Journal of Marriage and the Family*. 1999. Vol. 61. №3. P. 790–799.

28. Spéder Z., Kapitány B. How are Time-Dependent Childbearing Intentions Realised? Realization, Postponement, Abandonment, Bringing Forward // *European Journal of Population*. 2009. DOI 10.1007/s10680-009-9189-7.
29. Testa M.R., Toulemon L. Family Formation in France: Individual Preferences and Subsequent Outcomes // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2006. P. 41–75.
30. Tesfaghiorghis H. Fertility, desires and intentions: a longitudinal analysis // *The HILDA Survey Research Conference*, 19–20 July 2007. Melbourne.
31. Toulemon L., Testa M.R. Fertility intentions and actual fertility: A complex relationship // *Population & Societies*. 2005. September. №415.
32. Westoff C.F. Reproductive intentions and fertility rates // *International Family Planning Perspectives*. 1990. Sep. Vol. 16. №3. P. 84–96.
33. Westoff C.F., Ryder N.B. The Predictive Validity of Reproductive Intentions // *Demography*. 1977. Vol. 14. №4. P. 431–453.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

**Характеристики выборочной совокупности
(женщины 18–44 лет в 2004 г., оставшиеся в панели)**

Факторы (на 2004 г.)	Значения факторов	Всего наблюдений	%
<i>Вся выборка</i>			
Возраст	18–24	345	19,0
	25–29	319	17,6
	30–34	372	20,5
	35–44	776	42,8
Желаемое число детей	один или менее	375	20,8
	двое	1069	59,3
	трое или более	360	20,0
Число рожденных детей	нет детей	337	18,6
	1 ребенок	759	41,9
	2 ребенка	587	32,4
	3 ребенка и более	129	7,1
Партнерское состояние (стаж союза)	менее 3 лет	157	8,7
	от 3 до 7 лет	227	12,5
	более 7 лет	802	44,3
	нет партнера	493	27,2
	появился новый партнер	133	7,3
Брачно-партнерское состояние	в браке	1008	55,6
	живут вместе	197	10,9
	живут раздельно	221	12,2
	нет партнера	383	21,1
Тип населенного пункта	город	1124	62,0
	село	688	38,0
Статус женщины на рынке труда	не занята	566	31,2
	занята	1246	68,8
Уровень образования	начальное профессиональ- ное и ниже	759	41,9
	среднее профессиональное	608	33,6
	высшее, в том числе неза- вершенное	445	24,6
Ближайшие репродуктив- ные намерения	определенно нет	988	54,5
	пожалуй, нет	394	21,7
	пожалуй, да	301	16,6
	определенно да	129	7,1

Окончание табл. 1

Факторы (на 2004 г.)	Значения факторов	Всего наблюдений	%
Общие репродуктивные намерения	да	389	21,5
	не уверена	245	13,5
	нет	1178	65,0
Субъективная оценка материального положения	очень тяжелое	455	25,1
	тяжелое	428	23,6
	среднее	730	40,3
	легкое	199	11,0
Всего		1812	100
<i>Подвыборка имевших партнера в 2004 г.:</i>			
Статус пары на рынке труда	оба работают	708	49,5
	только мужчина работает	332	23,2
	прочее	389	27,2
Репродуктивные намерения пары	оба не хотят	909	63,9
	мужчина хочет	193	13,6
	женщина хочет	99	7,0
	оба хотят	221	15,5
Разногласия между партнерами по поводу решения завести ребенка	никогда не бывают	1086	74,9
	иногда бывают	185	13,0
	часто бывают	173	12,1
Всего		1429	100

Таблица 2

Оценка факторов, влияющих на вероятность рождения ребенка, за период между волнами обследования (2005–2007 гг.), моделями бинарной логистической регрессии. Вся выборка

Показатель	Без учета намерений		С общими намерениями		С намерениями на 3 года	
	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)
<i>Общие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>						
Нет	—	—		1	—	—
Не уверена	—	—	0,598***	1,819	—	—
Да	—	—	0,746***	2,109	—	—
<i>Ближайшие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>						
Точно нет	—	—	—	—		1
Пожалуй, нет	—	—	—	—	0,331	1,392
Пожалуй, да	—	—	—	—	0,991***	2,693

Показатель	Без учета намерений		С общими намерениями		С намерениями на 3 года	
	В	Ехр (В)	В	Ехр (В)	В	Ехр (В)
Точно да	—	—			1,724***	5,609
<i>Желаемое число детей</i>						
Не более 1 ребенка	— 0,778***	0,460	— 0,762***	0,467	— 0,647**	0,524
2 ребенка		1		1		1
3 ребенка и более	0,782***	2,186	0,728***	2,071	0,665***	1,944
<i>Возраст, лет</i>						
18–24	1,844***	6,323	1,768***	5,860	1,704***	5,493
25–29	1,880***	6,552	1,737***	5,682	1,509***	4,524
30–34	1,475***	4,370	1,279***	3,592	1,175***	3,237
35–44		1		1		1
<i>Партнерский статус/продолжительность партнерства</i>						
Не было и нет партнера		1		1		1
После 2004 г. появился новый партнер	2,659***	14,276	2,727***	15,290	2,579***	13,190
Менее 3 лет в 2004 г.	2,111***	8,259	2,147***	8,561	1,773***	5,890
От 3 до 7 лет	1,707***	5,512	1,807***	6,095	1,417***	4,124
Более 7 лет	1,653***	5,220	1,719***	5,581	1,441***	4,225
<i>Количество рожденных детей</i>						
Не было детей		1		1		1
Был 1 ребенок	— 1,070***	0,343	— 0,940***	0,391	— 0,684***	0,505
Было 2 и более детей	— 2,957***	0,052	— 2,658***	0,070	— 2,098***	0,123
<i>Образование</i>						
Начальное профессиональное и ниже		1		1		1
Среднее специальное	0,043	1,044	0,070	1,073	0,037	1,038
Высшее, в том числе незавершенное и послевузовское	0,055	1,057	0,035	1,035	0,064	1,066
<i>Тип населенного пункта</i>						
Город		1		1		1

Окончание табл. 2

Показатель	Без учета намерений		С общими намерениями		С намерениями на 3 года	
	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)
Село	0,425**	1,530	0,388*	1,473	0,384*	1,468
<i>Статус на рынке труда</i>						
Не работает		1		1		1
Работает	0,311	1,365	0,293	1,34	0,245	1,278
<i>Субъективная оценка материального положения</i>						
Очень тяжелое		1		1		1
Тяжелое	-0,249	0,779	-0,244	0,783	-0,258	0,773
Среднее	0,131	1,140	0,098	1,103	0,066	1,069
Хорошее	-0,139	0,870	-0,185	0,831	-0,291	0,748
Константа	- 4,471***	0,011	- 4,838***	0,008	- 4,948***	0,007
<i>Nagelkerke R Square</i>	0,359		0,369		0,392	
<i>Число наблюдений</i>	1804					

Примечание: *** — коэффициент значим на 1%-ном уровне; ** — коэффициент значим на 5%-ном уровне; * — коэффициент значим на 10%-ном уровне.

Таблица 3

**Оценка факторов, влияющих на вероятность рождения ребенка, за период между волнами обследования (2005–2007 гг.), моделями бинарной логистической регрессии (Exp (В)).
Подвыборка бездетных в 2004 г. респондентов**

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года
<i>Общие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>			
Нет	—	1	—
Не уверена	—	0,966	—
Да	—	1,101	—
<i>Ближайшие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>			
Точно нет	—	—	1
Пожалуй, нет	—	—	1,066
Пожалуй, да	—	—	1,447
Точно да	—	—	3,105**
<i>Желаемое число детей</i>			
Не более 1 ребенка	0,874	0,871	0,959
2 ребенка	1	1	1

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года
3 ребенка и более	0,645	0,657	0,611
<i>Возраст, лет</i>			
18–24	7,191*	7,119*	6,323*
25–29	7,804*	7,733*	5,816
30–34	4,109	4,088	2,972
35–44	1	1	1
<i>Партнерский статус/продолжительность партнерства</i>			
Не было и нет партнера	1	1	1
После 2004 г. появился новый партнер	16,892***	17,156***	17,425***
Менее 3 лет в 2004 г.	9,081***	9,511***	7,075***
От 3 до 7 лет	6,507***	6,684***	5,250***
Более 7 лет	2,046	2,170	1,617
<i>Образование</i>			
Начальное профессиональное и ниже	1	1	1
Среднее специальное	2,069*	2,060*	2,020*
Высшее, в том числе незавершенное и послевузовское	1,007	1,002	0,958
<i>Тип населенного пункта</i>			
Город	1	1	1
Село	0,736	0,718	0,674
<i>Статус на рынке труда</i>			
Не работает	1	1	1
Работает	1,173	1,199	1,104
<i>Субъективная оценка материального положения</i>			
Очень тяжелое	1	1	1
Тяжелое	1,073	1,095	1,229
Среднее	1,213	1,221	1,279
Хорошее	0,477	0,487	0,473
Константа	0,011***	0,011***	0,009***
<i>Nagelkerke R Square</i>	<i>0,386</i>	<i>0,385</i>	<i>0,408</i>
<i>Число наблюдений</i>	335		

Примечание: *** — коэффициент значим на 1%-ном уровне; ** — коэффициент значим на 5%-ном уровне; * — коэффициент значим на 10%-ном уровне.

Таблица 4

Оценка факторов, влияющих на вероятность рождения ребенка за период между волнами обследования (2005–2007 гг.), моделями бинарной логистической регрессии (Ехр (В)). Подвыборка респондентов, имевших в 2004 г. одного и более ребенка

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года
<i>Общие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>			
Нет	—	1	—
Не уверена	—	2,488***	—
Да	—	3,166***	—
<i>Ближайшие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>			
Точно нет	—	—	1
Пожалуй, нет	—	—	1,216
Пожалуй, да	—	—	3,371***
Точно да	—	—	9,144***
<i>Желаемое число детей</i>			
Не более 1 ребенка	0,140***	0,167***	0,195***
2 ребенка	1	1	1
3 ребенка и более	3,372***	3,126***	2,880***
<i>Возраст, лет</i>			
18–24	5,512***	4,801***	4,561***
25–29	6,417***	5,144***	4,412***
30–34	4,685***	3,547***	3,562***
35–44	1	1	1
<i>Партнерский статус/продолжительность партнерства</i>			
Не было и нет партнера	1	1	1
После 2004 г. появился новый партнер	6,391***	6,309***	4,959***
Менее 3 лет в 2004 г.	7,120***	7,291***	5,273***
От 3 до 7 лет	3,811***	4,202***	2,830*
Более 7 лет	4,355***	4,450***	3,265**
<i>Количество рожденных детей</i>			
Был 1 ребенок	1	1	1
Было 2 и более детей	0,104***	0,131***	0,197***
<i>Образование</i>			
Начальное профессиональное и ниже	1	1	1

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года
Среднее специальное	0,793	0,850	0,774
Высшее, в том числе незавершенное и послевузовское	1,202	1,247	1,389
<i>Тип населенного пункта</i>			
Город	1	1	1
Село	2,257***	2,238***	2,289***
<i>Статус на рынке труда</i>			
Не работает	1	1	1
Работает	1,492	1,485	1,467
<i>Субъективная оценка материального положения</i>			
Очень тяжелое	1	1	1
Тяжелое	0,705	0,644	0,590
Среднее	1,153	1,026	0,923
Хорошее	1,307	1,108	0,869
Константа	0,004***	0,003***	0,004***
<i>Nagelkerke R Square</i>	0,316	0,339	0,370
<i>Число наблюдений</i>	1469		

Примечание: *** — коэффициент значим на 1%-ном уровне; ** — коэффициент значим на 5%-ном уровне; * — коэффициент значим на 10%-ном уровне.

Таблица 5

Оценка факторов, влияющих на вероятность рождения ребенка, за период между волнами обследования (2005–2007 гг.), моделями бинарной логистической регрессии (Ехр (В)). Подвыборка респондентов, имевших партнера в домохозяйстве в 2004 г.

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года	С намерениями в паре, с учетом разногласий	С намерениями в паре, без учета разногласий#
<i>Общие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>					
Нет	—	1	—	—	—
Не уверена	—	2,217***	—	—	—
Да	—	1,820	—	—	—
<i>Ближайшие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>					
Точно нет	—	—	1	—	—
Пожалуй, нет	—	—	1,497	—	—

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года	С намерениями в паре, с учетом разногласий	С намерениями в паре, без учета разногласий#
Пожалуй, да	—	—	3,341***	—	—
Точно да	—	—	7,499***	—	—
<i>Репродуктивные намерения пары</i>					
Оба не хотят	—	—	—	1	1
Мужчина хочет	—	—	—	0,853	0,843
Женщина хочет	—	—	—	1,108	1,037
Оба хотят	—	—	—	1,941*	1,837*
<i>Желаемое число детей</i>					
Не более 1 ребенка	0,219***	0,250***	0,313***	0,256***	0,259***
2 ребенка	1	1	1	1	1
3 ребенка и более	2,907***	2,755***	2,538***	2,824***	2,709***
<i>Возраст, лет</i>					
18–24	7,325***	6,346***	5,701***	6,926***	7,629***
25–29	7,820***	6,389***	5,268***	6,852***	7,378***
30–34	7,116***	5,641***	5,340***	5,865***	6,168***
35–44	1	1	1	1	1
<i>Продолжительность партнерства в 2004 г.</i>					
Менее 3 лет	1	1	1	1	1
От 3 до 7 лет	1,932*	1,981*	1,997*	1,966*	1,783
Более 7 лет	1,057	1,149	1,073	1,111	1,056
<i>Брачный статус</i>					
Брак не зарегистрирован	1	1	1	1	1
Брак зарегистрирован	1,289	1,343	1,391	1,240	1,183
<i>Количество рожденных детей</i>					
Не было детей	1	1	1	1	1
Был 1 ребенок	0,381***	0,440**	0,652	0,453**	0,463**
Был 2 и более детей	0,046***	0,070***	0,156***	0,075***	0,075***
<i>Бывают ли разногласия с партнером по поводу решения иметь ребенка</i>					
Бывают регулярно	1	1	1	1	—

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года	С намерениями в паре, с учетом разногласий	С намерениями в паре, без учета разногласий#
Редко	0,890	0,878	0,826	0,833	—
Никогда	1,952*	1,974*	1,854	1,932	—
<i>Образование женщины</i>					
Начальное профессиональное и ниже	1	1	1	1	1
Среднее специальное	0,947	0,973	0,946	0,943	0,891
Высшее, в том числе незавершенное и послеузовское	1,297	1,265	1,331	1,268	1,244
<i>Тип населенного пункта</i>					
Город	1	1	1	1	1
Село	1,557*	1,528*	1,491	1,595*	1,648**
<i>Статус партнеров на рынке труда</i>					
Оба работают	1,348	1,319	1,318	1,363	1,375
Работает только мужчина	1	1	1	1	1
Прочее	0,830	0,805	0,848	0,849	0,874
<i>Субъективная оценка материального положения</i>					
Очень тяжелое	1	1	1	1	1
Тяжелое	1,673	1,796	0,525	1,645	1,517
Среднее	1,805*	1,763*	0,879	1,746	1,708
Хорошее	1,404	1,357	0,650	1,321	1,261
Константа	0,022***	0,014***	0,014***	0,018***	0,019***
<i>Nagelkerke R Square</i>	<i>0,352</i>	<i>0,366</i>	<i>0,396</i>	<i>0,365</i>	<i>0,354</i>
<i>Число наблюдений</i>	<i>1181</i>				

Примечание: # — коэффициент корреляции переменной «разногласия по поводу решения заводить ребенка» с репродуктивными намерениями пары составляет всего 0,125. Но поскольку переменные похожи по смыслу, здесь приведена спецификация без учета переменной «разногласия...».

*** — коэффициент значим на 1%-ном уровне; ** — коэффициент значим на 5%-ном уровне; * — коэффициент значим на 10%-ном уровне.

Таблица 6

Оценка факторов, влияющих на вероятность рождения ребенка, за период между волнами обследования (2005–2007 гг.), моделями бинарной логистической регрессии (Ехр (В)). Подвыборка респондентов, имевших партнера и хотя бы 1 ребенка в 2004 г.

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года	С намерениями в паре, с учетом разногласий	С намерениями в паре, без учета разногласий
<i>Общие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>					
Нет	—	1	—		
Не уверена	—	2,373***	—		
Да	—	2,496**	—		
<i>Ближайшие репродуктивные намерения в 2004 г.</i>					
Точно нет	—	—	1		
Пожалуй, нет	—	—	1,154		
Пожалуй, да	—	—	3,027***		
Точно да	—	—	9,964***		
<i>Репродуктивные намерения пары</i>					
Оба не хотят				1	1
Мужчина хочет				0,771	0,778
Женщина хочет				0,692	0,661
Оба хотят				2,034*	2,042*
<i>Желаемое число детей</i>					
Не более 1 ребенка	0,111***	0,141***	0,181**	0,144***	0,151***
2 ребенка	1	1	1	1	1
3 ребенка и более	3,267***	3,053***	2,890***	3,292***	3,092***
<i>Возраст, лет</i>					
18–24	8,709***	7,118***	6,699***	7,914***	8,545***
25–29	10,883***	8,443***	7,234***	9,549***	9,783***
30–34	9,486***	7,434***	7,419***	7,757***	8,120***
35–44	1	1	1	1	1
<i>Продолжительность партнерства в 2004 г.</i>					
Менее 3 лет на 2004 г.	1	1	1	1	1
От 3 до 7 лет	1,752	1,874	1,973	1,887	1,717
Более 7 лет	0,875	0,984	0,935	0,928	0,892
<i>Брачный статус</i>					
Брак не зарегистрирован	1	1	1	1	1

Показатель	Без учета намерений	С общими намерениями	С намерениями на 3 года	С намерениями в паре, с учетом разногласий	С намерениями в паре, без учета разногласий
Брак зарегистрирован	1,123	1,255	1,392	1,114	1,071
<i>Количество рожденных детей</i>					
Был 1 ребенок	1	1	1	1	1
Было 2 и более детей	0,095***	0,124***	0,194***	0,132***	0,133***
<i>Бывают ли разногласия с партнером по поводу решения иметь ребенка</i>					
Бывают регулярно	1	1	1	1	-
Редко	1,131	1,129	1,024	1,084	-
Никогда	2,507**	2,380*	2,289*	2,394*	-
<i>Образование женщины</i>					
Начальное профессиональное и ниже	1	1	1	1	1
Среднее специальное	0,904	0,929	0,812	0,848	0,769
Высшее, в том числе незавершенное и пост-вузовское	1,378	1,364	1,467	1,239	1,195
<i>Тип населенного пункта</i>					
Город	1	1	1	1	1
Село	2,643***	2,568***	2,625***	2,742***	2,880***
<i>Статус партнеров на рынке труда</i>					
Оба работают	1,367	1,349	1,347	1,445	1,508
Работает только мужчина	1	1	1	1	1
Прочее	0,662	0,647	0,669	0,709	0,768
<i>Субъективная оценка материального положения</i>					
Очень тяжелое	1	1	1	1	1
Тяжелое	1,687	1,815	0,515	1,501	1,368
Среднее	1,417	1,333	0,679	1,241	1,208
Хорошее	1,395	1,274	0,550	1,159	1,117
Константа	0,006***	0,004***	0,006***	0,006***	0,008***
<i>Nagelkerke R Square</i>	<i>0,343</i>	<i>0,361</i>	<i>0,400</i>	<i>0,362</i>	<i>0,351</i>
<i>Число наблюдений</i>	<i>1090</i>				

Примечание: *** — коэффициент значим на 1%-ном уровне; ** — коэффициент значим на 5%-ном уровне; * — коэффициент значим на 10%-ном уровне.

*Захаров С. В.,
Сурков С. В.*

Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян¹

Введение

Возрастающие потоки мигрантов, прибывающих в развитые страны из регионов, переживающих демографический взрыв, политическую и социально-экономическую нестабильность, ставят перед исследователями широкий круг задач по изучению последствий очередного исторического «переселения народов» для стран-доноров и стран-реципиентов. Кроме того, расширяющиеся границы Европейского Союза в последнее десятилетие стимулировали заметные миграционные перемещения, главным образом с Востока на Запад Европы, также имеющие неоднозначные социально-экономические и демографические последствия для стран, участвующих в этом процессе с обеих сторон. Наконец, в рамках бывшего единого советского пространства, распавшегося на отдельные государства с различными экономическими потенциалами, не ослабла, а, наоборот, усилилась притягательность регионов, обладающих большим динамизмом, и в частности России. Да и сама Россия, обладая громадной территорией, сохраняет высокую разность культурно-исторических, социально-экономических и демографических потенциалов составляющих ее регионов, сельских и городских ареалов. Неудивительно, что внимание политиков и экспертного сообщества к проблемам взаимодействия различных культур как в рамках отдельных государств,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Научного фонда ГУ-ВШЭ.

Авторы выражают глубокую признательность за общую поддержку, ценные замечания и комментарии, высказанные на разных этапах подготовки данной работы: М. Б. Денисенко, С. А. Васину, Н. В. Мкртчяну, О. В. Синявской, О. С. Чудиновских, а также эстонским коллегам Л. Саккеус, А. Пууру, имеющим давний опыт работы по данной теме, и другим участникам семинара Эстонской демографической ассоциации (5 ноября 2009 г.), на котором были представлены результаты данного исследования.

так и на объединенных экономических пространствах усиливается. Оценке адаптационных возможностей современных демократических обществ в отношении структурных, этнокультурных и демографических изменений, происходящих под воздействием миграций, придается большое значение.

Одной из актуальных тем для дискуссии как среди специалистов, так и на уровне массового сознания становится вопрос о влиянии миграции на уровень рождаемости, поскольку демографическая ситуация в регионах, участвующих в миграционном обмене, зачастую принципиальным образом различается. Как правило, люди покидают территории с относительным избытком рабочей силы, создающимся повышенным уровнем рождаемости, а стремятся осесть в регионах, экономика которых испытывает неудовлетворенный спрос на лиц молодых возрастов, воспроизводящихся суженным образом по причине низкой рождаемости. В то же время нельзя забывать и о миграциях из депрессивных регионов в регионы, демонстрирующие положительную динамику развития, которые между собой могут и не различаться столь значимо в этнокультурном смысле, чтобы отличаться по уровню рождаемости (к примеру, случай масштабной внутрirosсийской миграции по оси Восток–Запад или миграции из восточной в западную часть Европы). Отличается ли репродуктивное поведение мигрантов и коренного населения в обоих случаях? Если да, то насколько значимо эти различия сказываются, скажем, на уровне интегральных показателей рождаемости принимающих территорий?

Опыт изучения рождаемости у мигрантов в зарубежных странах

Т. Соботка приводит следующие данные о вкладе иммигрантов в регистрируемую рождаемость в европейских странах. Доля рождений у женщин-мигранток, приехавших из других стран, в общем числе рождений в 2004–2006 гг. составляла 11–15% в Австрии, Дании, Италии, Франции, 17–19% в Бельгии, Германии, Испании, Нидерландах и Швеции, 22% в Англии и Уэльсе, 26% в Швейцарии [Sobotka, 2008a]. Причем во всех странах, где имеются соответствующие данные в динамике, отмечается значительное увеличение вклада иммигрантов. Так, в Англии и Уэльсе иммигрантки обеспечивали 13% всех рождений в 1980 г., а в 2006-м — 22%, в Германии соответственно 15% и 18%, в Швейцарии — 15% и 26% за те же годы. Особенно быстро этот показатель в последние годы увеличивается в Испании (с 3% в 1996 г. до 17% в 2006 г.) и Италии (с 5% в 1999 г. до 12% в 2005 г.). В силу национальных особенностей статистические данные, характеризующие уровень рождаемости мигрантов и их вклад в общую рождаемость, не вполне

сопоставимы по странам². Так, например, в Швеции, если принимать в расчет всех женщин-иммигранток, доля рождений у них в общем числе рождений в стране составит в 2005 г. 19,5%, а если учитывать только женщин, не имеющих шведского гражданства, — 11,8%. Приведенные выше данные по Бельгии, Дании, Англии и Уэльсу, Франции, Нидерландам, Швеции относятся ко всем иммигрантам, а по Германии, Италии, Испании, Швейцарии только к постоянно проживающим женщинам, имеющим иностранное гражданство на момент регистрации новорожденного. Вклад мигрантов в текущий уровень рождаемости недооценивается статистикой в случае, если она опирается только на данные о гражданстве родителей, поскольку в ряде стран процесс натурализации и получения гражданства может быть весьма коротким. В то же время страны, обладающие эффективно функционирующими демографическими регистрами населения (в первую очередь скандинавские страны), оказываются в лучшем положении и позволяют анализировать рождаемость в разрезе страны происхождения и длительности проживания родителей.

К сожалению, для России мы не можем привести каких-либо оценок, сопоставимых с приведенными выше, в силу полного отсутствия необходимой статистической информации, о чем будет еще сказано ниже.

Различия в интегральных показателях рождаемости между мигрантами и коренным населением в европейских странах можно проанализировать, опираясь на данные, приведенные в *табл. 1*.

Во всех странах без исключения текущий уровень рождаемости среди мигрантов значительно превышает уровень рождаемости среди коренного населения. В то же время различия становятся несколько меньшими, если принять во внимание особенности календаря рождений у иммигранток. Высокая аккумуляция рождений у мигранток в первые годы после переезда широко распространена, что искусственно завышает традиционные итоговые показатели рождаемости для условного поколения (так называемый коэффициент суммарной рождаемости). Как показал Л. Тулемон, после устранения влияния возраста, в котором был совершен переезд, и длительности проживания во Франции различия в итоговых показателях между мигрантами и коренным населением сокращаются почти вдвое: прямой расчет для иммигранток дает 2,5 рождений, для коренных жителей — 1,65 рождений в расчете на одну женщину в 1991–1998 гг. (*табл. 1*), а после устранения календар-

---

² Об особенностях учета рождений в различных странах в зависимости от миграционного статуса матери и от наличия у нее гражданства страны пребывания см.: [Sobotka, 2008a, 2008b].

Доля рождений у иммигранток в общем числе рождений, коэффициент суммарной рождаемости у коренных жительниц и у иммигранток и вклад мигрантов в коэффициент суммарной рождаемости для страны в целом, некоторые страны Европы на рубеже XXI в.

Страна	Период	Тип данных*	Доля рождений у иммигранток среди всех рождений, %	КСР**			Вклад мигрантов в КСР для страны в целом
				для всех женщин***	коренные жительницы	иммигрантки	
Австрия	2005	А	11,7	1,40	1,31	2,00	0,10
Бельгия (Фландрия)	2003–2004	А	12,4	1,60	1,51	3,07	0,10
Дания	1999–2003	Б	13,5	1,74	1,69	2,43	0,08
Англия и Уэльс	1995–2005	Б	17	1,7	1,6 (2001)	2,2 (2001)	0,07 (1996)
Франция	1991–1998	Б	12,4	1,72	1,65	2,50	0,07
Нидерланды	2005	Б	17,8	1,71	1,65	1,97	0,08
Испания	2002	А	15,0 (2005)	1,26	1,19	2,12	0,08
Швеция	2005	Б	19,5	1,77	1,75	2,01	0,05
Швейцария	1997	А	26,3 (2005)	1,48	1,34	1,86	0,14

Примечания: * (тип данных): А — женщины, не имеющие гражданства страны пребывания (за исключением натурализованных иммигрантов и включая родившихся в стране пребывания, но не получивших гражданства этой страны); Б — все иммигранты (первое поколение).

** (КСР) — коэффициент суммарной (итоговой) рождаемости для условного поколения — ожидаемое число рождений в расчете на одну женщину к возрасту 50 лет при условии неизменности возрастной интенсивности деторождения, зафиксированной в расчетный период.

*** — приведенных показателей нет в исходном источнике; они добавлены нами из базы данных «Демоскоп-Weekly», а также из официальных национальных источников.

Источник: [Sobotka, 2008a, p. 230; 2008b, p. 55].

ных эффектов, связанных с моментом прибытия мигрантки, — соответственно, 2,16 и 1,7 [Toulemon, 2004].

Итак, вклад мигрантов в уровень рождаемости европейских стран, несомненно, положителен и статистически значим (*табл. 1*), однако пока не столь велик, как иногда представляется — в большинстве стран он не превышает 0,1 ребенка в общей величине коэффициента суммарной рождаемости для страны в целом (максимальный вклад отмечен в Швейцарии — 0,14 в конце 1990-х гг.). Тем не менее при сохранении тенденции последних десятилетий роль мигрантов в вос-

производстве населения принимающих стран будет устойчиво возрастать, что дает основания некоторым специалистам утверждать [Sobotka, 2008b], что угроза депопуляции, нависшая над большинством развитых стран по причине низкой рождаемости, может быть отведена не только в силу самого факта увеличивающегося потока мигрантов, но и в силу того, что уровень рождаемости у иммигрантов, как правило, выше, чем у уроженцев принимающих стран. Причем речь здесь идет не только о странах с относительно высоким, по европейским меркам, уровнем рождаемости, но и даже о таких странах, как Швейцария, Испания и Италия, в которых уровень рождаемости для коренных жителей уже давно находится на критически низком уровне. Как показывают расчеты специального коэффициента замещения поколений (названного Т. Сobotкой Gross Replacement Rate — общим коэффициентом замещения³), учитывающего комплексное влияние миграции, Швейцария уже сегодня может рассматриваться в качестве классического примера страны, в которой «замещающая миграция» способна покрыть дефицит в численности поколений 1970-х гг. рождения по сравнению с численностью их матерей, образовавшийся по причине низкой рождаемости в момент появления их на свет [Sobotka, 2008b, p. 57–60].

На сегодняшний день известны пять концептуальных подходов, объясняющих возможное репродуктивное поведение мигрантов: теория социализации, селективная теория, теория стрессового нарушения жизненного цикла, ассимиляционная теория и теория специфического статуса этнического меньшинства [см.: Goldstein, Goldstein, 1981; Hervitz, 1985; Kulu, 2003; Bradatan, Landale, 2006; Milewski, 2007; Sobotka, 2008a].

Теория социализации, по-видимому, исторически была первой попыткой объяснить социальную дифференциацию уровня рождаемости в городском населении через выяснение источников формирования социальных групп рабочих и инженерно-технического персонала (служащих). Первая группа в значительной мере пополнялась в результате сельско-городской миграции, и бывшие сельские жители, имеющие при прочих равных условиях более высокие установки в отношении числа детей, вносили главный вклад в дифференциацию рождаемости между социальными группами: рождаемость рабочих, как известно, выше, чем рождаемость служащих [Струмилин, 1936; Goldberg, 1959, 1960; Duncan, 1965; McGirr, Hirschman, 1979]. Таким образом, ценности,

---

³ Предложенный показатель объединяет хорошо известный демографам брутто-коэффициент воспроизводства (Gross Reproduction Rate) для условного поколения с изменением численности реальных когорт от момента их рождения до расчетного периода, для которого оценивается степень замещения поколения к тому или иному возрасту. См: [Sobotka, 2008b, p. 57–58].

нормы и установки, приобретенные в период ранней социализации, объясняют не только различия между показателями рождаемости мигрантов и немигрантов, но и социальную дифференциацию рождаемости в зависимости от представительства недавних сельских жителей в тех или иных стратах городского населения.

Вторая из перечисленных теорий своими выводами противостоит первой. Селективная теория следует хорошо известному для миграциолога положению, что миграция есть избирательный процесс, отбирающий индивидов определенного свойства, в общем случае уже готовых принять (или уже принявших) нормы демографического поведения страны назначения, и еще до отъезда стремящихся следовать этим нормам. Если рассматривать случай переезда из ареала с высокой рождаемостью в ареал с низкой рождаемостью, то в соответствии с данной теорией мигрант, вероятнее всего, изначально ориентирован на то, чтобы иметь меньше детей [Zarate, de Zarate, 1975; Goldstein, Goldstein, 1981; Courgeau, 1985, 1987; White et al., 1995; Singley, Landale 1998]. В результате следует ожидать, что число рожденных детей у «особого», заряженного на карьеру индивида — потенциального мигранта будет существенно меньшим, чем принято в стране, которую он собирается покинуть, и в общем случае оно будет стремиться к среднему числу рождений в стране въезда, даже если переезд и не состоится. В то же время исследователями подмечен еще один вариант селективности: миграция, главная цель которой — реализация матримониальных намерений. В этом случае переезд, вступление в брак, рождение первого ребенка можно рассматривать в едином «пакете» взаимосвязанных событий у специфических мигрантов, как правило, женщин [Кузнецов, 1990, 1992; Milewski, 2007]. У особо ориентированных на создание семьи мигранток рождаемость может отличаться в большую сторону от коренных жительниц региона, куда они переехали. Исследователи отмечают, к примеру, существование такого феномена, как «импорт» невест из страны происхождения мужчин, когда-либо приехавших в развитые страны и испытывающих проблемы с формированием этнически однородной семьи. Женщины, прибывшие по такому особому «приглашению», неизбежно сохраняют репродуктивные установки родной страны.

Третья теория рассматривает миграцию как событие, прерывающее нормальный ход жизненного цикла индивида [Goldstein, 1973; Goldstein, Goldstein, 1981; Hervitz, 1985; White et al., 1995; Abbasi-Shavazi, McDonald, 2002]. Стрессовая ситуация, вызванная принятием важнейшего решения о смене привычной социокультурной обстановки, и осознание неопределенности собственного жизнеустройства в ближайшем и более отдаленном будущем заставляют потенциального мигранта откладывать вступление в брак и рождение детей на потом, до тех пор,

пока условия проживания на новом месте жительства не приобретут некую стабильность. В соответствии с данной концепцией можно предполагать, что большую часть своих рождений мигрант осуществляет в стране иммиграции, зачастую в более позднем возрасте и со специфическими протогенетическим и интергенетическими интервалами. Итоговое число рождений будет зависеть от успешности интеграции в новое социальное окружение, в том числе и от того, сможет ли он реализовать свои брачные намерения.

Сам факт прерывания естественной последовательности социально-демографических событий в жизненном цикле мигранта под стрессовым воздействием процесса адаптации может приводить к меньшему числу детей, даже в том случае, если индивид изначально и не собирался иметь детей меньше, чем устанавливала норма в стране его происхождения. Однако в общем случае итоговая рождаемость мигрантов, несмотря на аномальные нарушения в календаре рождений, может быть и такой же, как у основного населения принимающей территории, или даже выше. Изучение рождаемости современных мигрантов в развитых странах показывает, что миграция нередко рассматривается индивидом как необходимый шаг в процессе формирования собственной семьи, и оба события — переезд и рождение детей на новом месте — одинаково важны и взаимосвязаны в карьере индивида и, соответственно, локализируются на одном и том же отрезке жизненного цикла [Singley, Landale, 1998]. По этой причине интенсивность деторождения у мигрантов зачастую выше в первые годы после переезда, превышая показатели для основного населения страны, принимающего мигрантов [Mulder, Wagner, 2001; Andersson, 2001; Andersson, 2004; Toulemon, Mazuy, 2004; Milewski, 2007].

Четвертой указана в списке, возможно, наиболее распространенная теория — ассимиляционная. Она настаивает на том, что ассимиляционный процесс, сопровождающий адаптацию мигранта на новом месте жительства и его интеграцию в новое социальное окружение, рано или поздно заставляет индивида принимать нормы детности, характерные для данного региона [Myers, Morris, 1966; Goldstein, 1973; Hervitz, 1985; Lee, Pol, 1993; Kulu, 2003 и др.]. Приближение характеристик рождаемости мигрантов к тем, которые наблюдаются у немигрирующего населения региона-реципиента, активно протекает в рамках репродуктивного периода самого мигранта, но со всей очевидностью проявляется в результатах демографического поведения его детей, т.е. во втором поколении. При этом сближение характеристик рождаемости мигрантов и немигрантов следует ожидать не только в случае переезда мигранта из ареала с более высокой рождаемостью в ареал с более низкой рождаемостью, но и в случае миграции в обратном направлении.

Наконец, в последнее десятилетие получила распространение еще одна теория, объясняющая особенности рождаемости среди некоторых этнических групп мигрантов, которую можно назвать синдромом национального меньшинства [Coleman, 1994; Forste, Tienda, 1996; Fargues, 2000; McQuillan, 2004]. С одной стороны, особо быстрое снижение репродуктивных установок и фактической рождаемости в некоторых группах мигрантов может быть объяснено стремлением обеспечить высокую социальную мобильность в условиях новой среды обитания, а с другой — для остальных этнических общин высокая рождаемость может выступать в качестве защитной реакции, т.е. способа сохранить социокультурную и религиозную идентичность. Помимо прочего это дает возможность добиваться от властей обеспечения общегражданских прав и особых привилегий по отношению к меньшинствам, способным к самоорганизации и расширенному воспроизводству.

Каждая из перечисленных выше концепций имеет свои резоны и базируется на серьезных эмпирических наблюдениях, полученных, правда, в разные годы и в результате не связанных между собой исследований разнородных объектов. Закономерности репродуктивного поведения мигрантов, перемещающихся из бедных и/или политически нестабильных регионов в благополучные страны, из сельской местности в города, на африканском континенте, в Латинской Америке, в США и в Европе в каждом случае имеют более или менее выраженные специфические черты, не всегда сводимые к единым теоретическим основаниям. В то же время не следует полагать, что теоретические подходы сами по себе состоят в столь уж непреодолимом противоречии. Исследователи, часто отдавая предпочтение одной из теорий, другие объясняющие концепции используют на принципах дополнения. Едва ли возможно, например, в чистом виде отделить влияние поведенческих норм и установок, к которым приобщаешься в детстве в одном социально-экономическом окружении, от влияния норм и практик, обретаемых в период взросления и активной социально-экономической деятельности после переезда на новое место жительства. Не нужно забывать, что мигранты в большинстве своем молодые люди до 30 лет, находящиеся в процессе активной социализации, с еще достаточно гибкой системой ценностно-нормативных представлений, нередко с незавершенным образованием, без опыта брачно-партнерских отношений. Кроме того, репродуктивные намерения мигранта могут реализоваться как в семье, состоящей из одних мигрантов, так и в более сложной по составу семье, включающей коренных и некоренных жителей с различной длительностью проживания в конкретном населенном пункте, регионе или стране.

Опыт изучения рождаемости у мигрантов в России

К сожалению, в России эмпирическая изученность взаимосвязи миграции и рождаемости оставляет желать лучшего на всех уровнях анализа:

- статистической оценки вклада мигрантов в формирование обобщенных показателей рождаемости стран;
- дифференциального анализа рождаемости мигрантов в разрезе наиболее важных миграционных потоков;
- изучения взаимосвязи миграционного, брачного и репродуктивного поведения в рамках жизненного цикла индивидов и пр.

Нехватка эмпирических наблюдений не позволяет результатам исследований кристаллизоваться в форме теоретических обобщений, в которых остро нуждается практика управленческих решений в сфере национальной, региональной, миграционной, социально-демографической политики.

Нельзя сказать, что отечественные исследователи совсем не обращались к данной теме. В советский период на пространстве бывшего СССР были выполнены хотя и немногочисленные, но достаточно интересные исследования взаимосвязи миграции и рождаемости, особенностей репродуктивного поведения мигрантов. Нельзя не вспомнить, что еще в 1934 г. в рамках большого выборочного исследования рождаемости, проведенного ЦУНХУ СССР, были получены результаты, характеризующие различия в рождаемости в зависимости от миграционного статуса опрошенных [Захаров, 2007, с. 11–12; Струмилин, 1936]. Мигранты, приехавшие в 1920–1930-е гг. из сельской местности в города, демонстрировали существенно более высокую рождаемость по сравнению с местными уроженцами.

Уникальные для своего времени и часто цитируемые в специальной литературе результаты были получены Л. М. Давтяном по данным выборочного исследования в Ереване (1963 г.): коэффициент брачной рождаемости у женщин, недавно прибывших из сельской местности в город (в течение первых 5 лет), был на 44,5% выше, чем у коренных жительниц. Во втором 5-летию проживания в городе интенсивность деторождения у мигранток падала, и к 8–10-му году проживания уровень брачной рождаемости у выходцев из села почти сравнялся с уровнем рождаемости местных уроженок [Давтян, 1966, с. 158].

В середине 1960-х гг. А. Г. Волков ставит тот же вопрос перед отечественными исследователями, что волнует и специалистов за рубежом. Какая точка зрения правильнее характеризует особенности поведения мигрантов из сельской местности: длительное сохранение особенностей репродуктивного поведения, имевших место в сельской местно-

сти, с постепенной адаптацией его к стандартам городских жителей либо быстрое воспроизведение характера рождаемости городского населения [Волков, 1966, с. 182]? Базируясь на результатах выборочных опросов на ряде промышленных предприятий Стерлитамака (1968—1969 гг.) и Ижевска (1976—1977 гг.), А.А. Петраков отвечает на поставленный вопрос следующим образом: «Респонденты, вступившие в брак еще до переезда в город, не сразу перенимали отношение городского населения к внутрисемейному регулированию рождаемости, главным в котором является отказ от большого числа детей в семье... Супруги, вступившие в брак после миграции, сразу воспринимают особенности репродуктивного поведения новой социальной группы и социальной микросреды» [Петраков, 1978, с. 56—57].

В начале 1970-х гг. А.Г. Волков формулирует собственное отношение к проблеме особенностей репродуктивного поведения мигрантов. Отдавая должное и теории адаптации, и селективной теории, он полагал, что среди мигрантов из села в город преобладают люди, подготовленные еще до переезда к восприятию городских установок, в том числе и представлений о семье, желаемом числе детей, особенно в случае заключения брака с жителями города. Урбанизация сельской местности и развитие средств коммуникации способствуют усвоению сельскими жителями стандартов городского образа жизни, изменению структуры их ценностных ориентаций [Волков, 1972, с. 116]. Более категорично по данному вопросу в те же годы писал В.И. Переведенцев: «Сближение города с селом происходит не на каких-то промежуточных позициях, а на условиях, «диктуемых» городом» [Переведенцев, 1975, с. 203]. Правда, для подобного утверждения особых оснований в то время не было, поскольку сближения показателей рождаемости в городской и сельской местности в тот период не наблюдалось⁴. Точка зрения А.Г. Волкова получила подтверждение двумя десятилетиями позже в ходе опроса сельских школьников Волгоградской и Ростовской областей: самые высокие репродуктивные намерения демонстрировали учащиеся, которые не собирались уезжать из села, а наиболее низкие — потенциальные мигранты в города [Тарасова, 1988].

В 1974—1975 гг. под руководством Э.К. Васильевой были проведены выборочные исследования в Ленинграде и Казани, послужившие основаниями для следующих выводов: начальный период развития семьи у мигрантов носит замедленный характер (более позднее вступление

---

⁴ Значительное сближение значений коэффициента суммарной рождаемости для городского и сельского населения, по сути, произошло лишь в 1990-х гг. До этого начиная с 1950-х гг. траектории изменений рождаемости в городской и сельской местности шли параллельным курсом, сохраняя примерно один и тот же разрыв в пользу села [Захаров, Иванова, 1996, с. 112—114; Население России..., 2008, с. 99—101].

в брак и рождение первого ребенка), но сформировавшиеся семьи мигрантов характеризуются более высокой детностью, чем семьи уроженцев указанных городов. Так, средний возраст вступления в первый брак для женщин в случае, когда оба супруга родились в Ленинграде, составил 21,6 года, а в случае, когда оба супруга родились за пределами Ленинграда — 23,2 лет. Средний возраст рождения первого ребенка был равен соответственно 22,2 и 25,0 годам. Для Казани были получены сходные результаты. Более высокой детностью и меньшей долей бездетных семей отличаются семьи бывших сельских жителей, по сравнению с приехавшими из других городов. В то же время различия в числе рожденных детей в пользу семей, в которых присутствуют мигранты, оказались не очень большими: в Ленинграде на одну детную брачную пару, в которой оба супруга были местными уроженцами, приходилось 1,29 детей, на пару, где оба супруга были мигрантами — 1,32 детей, и на пару, где один из супругов был мигрантом — 1,46 детей. В Казани на одну детную семью мигрантов приходилось 1,86 детей, а на одну семью местных уроженцев — 1,62. Исследование показало, что случай, когда мигрант состоит членом смешанной семьи, включающей уроженцев изучаемого города, — очень распространен, и это ускоряет адаптацию мигранта к новым условиям жизни. Дети, рожденные после переезда обоих родителей на новое место жительства (оба супруга — мигранты), воспринимают элементы культуры, не только присущие той территориальной общности, где они проживают, но и отчасти и той, откуда прибыли родители. Наконец, при более высоком образовательном и профессионально-квалификационном уровне респондентов различия в формировании семьи, вызванные миграционными процессами, выражены слабее [Васильева, Лукина, 1978, с. 150–151, 162].

В конце 1970-х гг. в ЗАГСх начинают собирать информацию о длительности проживания матери в населенном пункте, в котором был зарегистрирован ребенок⁵. Несмотря на почти 20-летнее присутствие в актах о рождении этой полезной информации, она, к сожалению, статистическими органами так никогда и не была централизованно собрана и разработана. Как, впрочем, и программами разработки данных переписей 1979 и 1989 гг. не предполагалось разрабатывать вопрос для женщин о числе рожденных детей в разрезе продолжительности их проживания на той или иной территории. В то же время по инициативе исследователей попытки увязать данные переписей и текущего учета населения предпринимались. Так, Н.Е. Чистякова на основе рас-

---

⁵ В 1979–1997 гг. в акте рождения ребенка указывали, с какого года мать постоянно проживает в данном населенном пункте. В российской истории текущего учета был еще один короткий период — с 1935 по 1941 г., когда в акте о рождении производили запись о времени проживания родителей в указанном месте [Народонаселение..., 1994, с. 591].

предела рождения по возрасту и длительности проживания матери в Ленинграде в 1978–1979 и 1989–1990 гг. и распределения женщин по длительности проживания в том же городе, по данным переписей населения 1979 и 1989 гг., рассчитала коэффициенты суммарной рождаемости для женщин, проживающих в городе менее 6 лет и более [Чистякова, 1988, 1993]. Автором было условно принято, что уровни рождаемости у женщин, проживающих в городе более 6 лет, и у женщин, родившихся в Ленинграде, совпадают. Результаты получились следующие: для женщин, проживающих в городе менее 6 лет, коэффициент суммарной рождаемости (далее — КСР) составил 2 в 1978–1979 гг. и 2,81 в 1989–1990 гг., а для женщин, проживающих более 6 лет, — соответственно 1,35 и 1,12. Причем почти половина детей, рожденных женщинами в возрасте 20–24 лет, приходилась на долю недавних мигранток (46,1% в 1979 г. и 45,6% в 1990 г.). Полученные показатели для женщин-мигранток не вполне корректно интерпретировать как ожидаемый итог их репродуктивной деятельности к концу жизни из-за возможной повышенной концентрации рождений у мигрантов в первые годы после переезда, в результате чего полученный КСР, чувствительный к такого рода календарным сдвигам, вероятнее всего, для мигрантов несколько завышен. Тем не менее можно полагать, что, во-первых, уровень рождаемости у мигрантов заметно выше, чем у коренных жителей города, а во-вторых, не лишено оснований предположение, что по сравнению с коренными жителями города недавние мигранты охотно отозвались на меры семейной политики, введенные в действие в 1980-х гг.⁶

Следствием принятия нового закона об актах гражданского состояния в 1997 г. стала потеря возможности исследовать различия в рождаемости в зависимости от длительности проживания матери в месте регистрации новорожденного. Наряду с большинством других социально-экономических характеристик из актовых записей был исключен соответствующий признак. Наличие в системе регистрации рождений признака, указывающего на то, является ли мать зарегистрированным жителем данного субъекта федерации, другого региона России или другой страны не может быть использовано для изучения особенностей репродуктивного поведения мигрантов. Очевидно, что юридический статус лица в момент регистрации демографического события в ЗАГСе не эквивалентен его миграционному статусу.

Мигранта от коренного жителя отличает только длительность проживания на некоторой территории, а не наличие каких-либо особых

---

⁶ О демографическом эффекте мер семейной политики, инициированных в 1980-х гг., относительно к рассматриваемой проблеме о взаимосвязи миграции и рождаемости, см.: [Захаров, 2006].

отметок в паспорте или других документов, подтверждающих его право на проживание на какой-либо территории. К сожалению, необоснованное отождествление постоянного жителя с лицом, получившим постоянную регистрацию на некоторой территории, — довольно распространенная ошибка, допускаемая не только представителями органов власти, но и некоторыми исследователями.

Так, в одном из исследований особенностей рождаемости в г. Москве, был оценен вклад «иногородних» жителей⁷ в общее число зарегистрированных рождений в 2004 г. на уровне 13,9%, причем этот показатель устойчиво увеличивался, по крайней мере, с 1992 г., когда он составлял 3,5% [Рыбаковский, 2006, с. 21–22]. На основе этих данных делаются следующие выводы: «Односторонний учет рождаемости у иногородних (когда в показателях рождаемости учитываются только новорожденные, но не учитываются их отцы и матери, и получается, что рождения этих детей фактически приписываются постоянным жительницам Москвы) в известной степени камуфлирует неблагоприятную ситуацию в столице» [Там же, с. 22]. И далее: «Сохранение такой динамики в будущем может привести к своеобразному постепенному замещению рождений у постоянных жительниц Москвы рождениями у иногородних женщин. Последствия такого замещения, безусловно, негативны. С одной стороны, если эти дети будут оставаться в Москве, то наряду с миграционным замещением естественной убыли населения это может привести к значительному изменению социокультурного и этнического состава населения города. С другой стороны, если эти дети не будут оставаться в Москве, то их рождения будут создавать иллюзию поддержания в столице определенного уровня рождаемости (или более медленного ее сокращения), но реально не будут вносить вклад в воспроизводство населения Москвы» [Там же, с. 28–29]. Получается, что, согласно авторам, рождение ребенка у некоторой категории жителей Москвы в любом случае не во благо города! От комментария этической стороны данного высказывания мы воздержимся. Остановимся на обоснованности статистической процедуры исключения рождений, зарегистрированных у так называемых иногородних матерей, из общего числа зарегистрированных рождений с целью получения более корректных, не завышенных, по мнению авторов, показателей рождаемости для постоянного населения Москвы.

---

⁷ Статус иногороднего определялся на основе специальной отметки о месте постоянного жительства, которая на основе паспортных данных ставится в актах гражданского состояния при регистрации демографического события. Возможны следующие состояния: данный субъект федерации, другой регион России, другая страна, место постоянного жительства отсутствует или неизвестно, личность не известна и место жительства не установлено.

Во-первых, мы достоверно не знаем, какая доля рождений, по мнению авторов, подлежащих исключению, была произведена на свет родителями, де-юре не являющимися жителями города (не имеющими постоянной регистрации), а де-факто составляющими неотъемлемую часть постоянного населения Москвы в виду длительного проживания в этом городе. Исходя из определения, используемого при переписях населения, к категории постоянного населения относятся не столько лица, имеющие постоянную регистрацию на некоторой территории, сколько лица, проживающие на ней определенное время⁸. Во-вторых, утверждение авторов, что лица, не имеющие постоянной регистрации в Москве, не учитываются при расчете численности постоянного населения города, не вполне соответствует действительности. Текущие расчеты численности и половозрастного состава населения отталкиваются от численности постоянного населения, полученного по результатам последней переписи, которая ежегодно модифицируется в зависимости от того, как меняются общие числа зарегистрированных рождений и смертей (а не только той части рождений и смертей, которая произошла у жителей, имеющих постоянную регистрацию), и от размера чистой миграции. Действительно, текущий учет числа мигрантов, подлежащих включению в расчет численности постоянного населения той или иной территории, не совершенен. Особенно много вопросов вызывает система учета временных мигрантов, регистрируемых по месту пребывания⁹. Нельзя утверждать, что все те, кто длительно проживает на некоторой территории, учитываются Росстатом при текущих расчетах численности постоянного населения. Так, для граждан России временная регистрация не имеет ограничений срока пребывания, а в статистический учет (и, следовательно, в расчетную численность

---

⁸ Так, при переписях населения 1979 и 1989 гг. к категории постоянного населения относились все лица, проживающие на данной территории свыше 6 месяцев, и все те, кто не мог указать какое-либо другое место обычного проживания. При переписи 2002 г. был установлен другой критерий — 1 год, что, кстати, обуславливает неполноту сопоставимость оценок численности постоянного населения по последней переписи с предыдущими переписями, особенно в отношении оценок численности населения отдельных регионов и городов, активно участвующих в миграционном обмене.

⁹ В соответствии с правилами регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации (утверждено постановлением правительства Российской Федерации от 17.07.1995 №713) местом жительства является место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), социального найма, договору аренды или на других основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Местом пребывания является место, где гражданин временно проживает, — гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, больница, туристская база, иное подобное учреждение, а также жилое помещение, не являющееся местом жительства гражданина [Правила регистрации граждан по месту жительства и пребывания: Паспортный режим. 2-е изд. — М.: Ось-89, 2000].

постоянного населения) такие мигранты не попадают вне зависимости от срока фактического проживания. Имеются проблемы со статистическим учетом многократно продлевающих визу иностранных граждан и многих других. Лишь с 2005 г. в России стали постепенно и не на всех территориях применять критерий длительности пребывания (1 год и более) в качестве основания для заполнения листка статистического учета мигранта с временной регистрацией (таковых набиралось около 300 тыс. в год). До сих пор в расчетах численности постоянного населения эти данные не используются по причине их очевидной неполноты.

В то же время несовершенство системы регистрации мигрантов не дает оправданий тому, чтобы при расчете коэффициентов рождаемости тотально игнорировать рождения у лиц, не имеющих постоянной регистрации в данном субъекте федерации. Если вернуться к московскому случаю, то, строго говоря, определение «иногородние» не применимо к значительной части данных рождений. С формальной точки зрения, фиксация рождения у иногороднего должна быть следствием либо случайных родов, либо специального приезда для осуществления родов в московских клиниках. При этом не совсем понятна причина, по которой такие рождения должны регистрироваться в московских ЗАГСсах¹⁰. Чтобы числитель и знаменатель при расчете демографических коэффициентов лучше соответствовали друг другу, нужно стремиться не только к тому, чтобы числитель адекватно отражал число рождений у родителей, проживающих в Москве определенное время (например, не менее года, как это было принято при отнесении лица к постоянному населению в переписи населения 2002 г.), но и чтобы знаменатель максимально возможно охватывал всех проживающих в городе, удовлетворяющих тому же критерию по длительности проживания. В любом случае тот или иной формальный статус лица, легитимирующий его право на проживание в городе, не должен выступать критерием при отнесении его к статистической совокупности, участвующей в демографическом воспроизводстве населения данного города.

Еще одним источником для неверных выводов о вкладе, на этот раз внешней миграции, в число рождений в России может стать информация о числе новорожденных, не имеющих российского гражданства, также предоставляемая ЗАГСами. В последние два года Росстат начал разрабатывать данные о гражданстве новорожденных, что, безусловно, не то же самое, что данные о рождениях по гражданству матери (родителей). Во-первых, не ясно, какое гражданство для своего ребенка вы-

---

¹⁰ Мы оставляем в стороне «трудные» случаи с неочевидными для статистической регистрации решениями: рождения у лиц без определенного места жительства, дети-отказники кратковременно проживающих гастарбайтеров и пр.

бирается в семьях, в которых либо мать, либо отец имеют российское гражданство (российские законы это никак не регулируют). И в случае, если ребенок получает российское гражданство в связи с тем, что один из его родителей — российский гражданин, то, естественно, в статистику рождений как рожденный у иностранца он не попадает. Во-вторых, иностранные граждане, даже длительно проживающие в России, вовсе не обязаны регистрировать своих новорожденных детей в российских ЗАГСах — для этого существуют иностранные посольства. Вполне возможно, что это делается только теми родителями, которые хотят, чтобы их ребенок в дальнейшем мог претендовать на получение российского гражданства со всеми вытекающими статусными преференциями (в России, правда, факт рождения на ее территории не является логичным основанием для получения гражданства).

И все же новые данные Росстата представляют определенный интерес. В первую очередь полезно посмотреть на распределение новорожденных по странам, гражданство которых ими было обретоено в момент рождения.

Всего в общем числе рождений, зарегистрированных на территории России (включая рождения, зарегистрированные российскими гражданами в российских посольствах за рубежом), новорожденные-иностранцы и новорожденные, официально не имеющие гражданства какого-либо государства, составляли в 2007 г. 1,11%, а в 2008 г. — 1,09%.

По своему гражданству 95% новорожденных-иностранцев относятся к 21 стране, из которых 14 — это страны, находившиеся в составе СССР, а также Вьетнам, Афганистан, Китай, Турция, Израиль, Сирия и США (табл. 2). Самое большое представительство среди новорожденных-иностранцев в 2008 г. имели Азербайджан (21%), Армения (14%), Таджикистан (13%), Украина и Узбекистан (по 12%), Киргизия (7%), Молдавия (6%), Грузия (3%), Казахстан и Вьетнам (по 2%) и Афганистан (1%). Из этих стран за год более всего увеличили свой вклад в российское число рождений Таджикистан и Узбекистан, что соответствует тенденции увеличения представительства этих стран в потоке иностранной рабочей силы, прибывающих на временной основе в Россию.

Представленная выше структура новорожденных по статусу в гражданстве в первую очередь интересна с точки зрения демографического потенциала, которым обладают диаспоры, формирующиеся современными потоками мигрантов, прибывающих в Россию. В то же время она не дает представлений о реальном вкладе мигрантов в формирование общего уровня рождаемости в России, хотя бы потому, что большинство мигрантов, прибывающих в Россию на постоянное жительство из республик бывшего СССР, либо оформляли российское гражданство

Таблица 2

Распределение новорожденных в России по статусу в гражданстве,
2007 и 2008 гг.

Категория новорожден- ного по граж- данству	2007 г.		2008 г.		Годовой темп при- роста, %
	абсолютные числа	в % к обще- му числу иностран- ных граждан	абсолютные числа	в % к обще- му числу иностран- ных граждан	
Иностранные граждане	17554	100,0	18443	100,0	
<i>В том числе по странам*</i>					
Азербайджан	3769	21,5	3935	21,3	4,4
Армения	2717	15,5	2593	14,1	-4,6
Таджикистан	1770	10,1	2391	13,0	35,1
Украина	2497	14,2	2216	12,0	-11,2
Узбекистан	1826	10,4	2186	11,9	19,7
Киргизия	1311	7,5	1385	7,5	5,6
Молдавия	1004	5,7	1069	5,8	6,5
Грузия	650	3,7	567	3,1	-12,8
Казахстан	401	2,3	383	2,1	-4,5
Вьетнам	284	1,6	315	1,7	10,9
Афганистан	132	0,8	161	0,9	22,0
Китай	203	1,2	118	0,6	-41,9
Туркмения	77	0,4	79	0,4	2,6
Страны Бал- тии	44	0,3	55	0,3	25,0
Турция	35	0,2	46	0,2	31,4
Израиль	33	0,2	36	0,2	9,1
Сирия	18	0,1	31	0,2	72,2
США	26	0,1	23	0,1	-11,5
Германия	15	0,1	18	0,1	20,0
Другие стра- ны	742	4,2	836	4,5	12,7
Граждане России	1587002	—	1690357	—	6,5
Лица без граждан- ства	347	—	314	—	-9,5
Гражданство не указано	5219	—	4833	—	-7,4
Итого:	1610122	—	1713947	—	6,4

Примечание: * — страны указаны в порядке уменьшения числа рождений в 2008 г.
Источник: расчеты С.В. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата.

в стране выезда, либо по упрощенной процедуре обретали его вскоре после переезда.

Как мы видим, проблема изучения взаимосвязи рождаемости и миграции многогранна, и, в частности, принципиальные вопросы, связанные с сопряженным и регулярным статистическим наблюдением за обоими процессами, сегодня в России находятся еще дальше от решения, чем это было в советский период. Поскольку статистика пока не в состоянии адекватно отразить роль миграции в российской рождаемости, единственным источником аналитических данных становятся выборочные исследования.

Наиболее значимый вклад в изучении репродуктивного поведения мигрантов был сделан в рамках специальных разработок данных двух микропереписей населения 1985 и 1994 гг. (репрезентирующих 5% всего населения России), программы которых предоставили богатые возможности для изучения дифференциальной рождаемости и брачности.

Диссертационное исследование Л.Р. Кузнецова, базирующееся на разработке индивидуальных данных микропереписи 1985 г., было специально посвящено проблеме изучения демографических процессов во взаимосвязи их с миграцией в Российской Федерации и в среднеазиатских союзных республиках (по основным национальностям). Автор приводит следующие результаты своих расчетов относительно различий в рождаемости мигранток и немигранток в России (табл. 3).

Основные выводы автора исследования сводятся к следующему [Кузнецов, 1992а]:

- независимо от уровня миграционной подвижности уровень рождаемости проживающих в городе бывших сельских жительниц занимает промежуточное положение между значениями для немигранток города и села, но существенно ближе к уровню рождаемости жительниц городов;
- репродуктивное поведение мигранток тем меньше отличается от немигранток, чем дольше они проживают на новом месте. В то же время среднее число рожденных детей даже у мигранток, длительное время проживающих на новом месте, отличается в большую сторону от среднего числа детей у немигрировавших уроженок городской местности, что может объясняться условиями формирования репродуктивных установок на прежнем месте жительства;
- мигрантки, вступившие в брак после переезда, как по числу фактически рожденных детей, так и по ожидаемому числу детей существенно ближе к коренным жителям нового места проживания, нежели мигрантки, вступившие в брак до переезда;

Показатели репродуктивного поведения мигранток* и немигранток в Российской Федерации (по данным микропереписи 1985 г.)

Время вступления в первый брак	Городское население			Немигрантки в сельском населении	Разности граф		
	немигрантки	мигрантки, прибывшие					
		(1)	из другого города		из села	(2)–(1)	(3)–(1)
<i>Среднее число рожденных детей на 100 женщин 1932–1941 гг. рождения, вступивших в первый брак:</i>							
Всего, в том числе:	162	169	177	280	7	15	–103
после переезда	162	167	173	280	5	11	–107
до переезда	162	172	185	280	10	23	–95
<i>Среднее ожидаемое число детей на 100 женщин 1947–1956 гг. рождения, вступивших в первый брак:</i>							
Всего, в том числе:	185	193	196	255	8	11	–59
после переезда	185	190	192	255	5	7	–63
до переезда	185	197	205	255	12	20	–50

Примечание: * — рассматриваются респондентки, прибывшие на новое место жительства в возрасте не старше 28 лет (к моменту обследования 1985 г. они проживали на новом месте не менее 15 лет).

Источник: [Кузнецов, 1992а, с. 24].

- в том случае, когда по сравнению с коренными жителями своего нового места жительства мигрантка выступает в роли носителя более продвинутых (с точки зрения демографического перехода) репродуктивных установок, ее поведение и после переезда остается более близким к репродуктивному поведению коренных жителей той местности, откуда она переехала;
- результаты репродуктивного поведения мигранток, так же, как и немигранток, зависят от возраста вступления в брак (табл. 4). В то же время пик распределения мигранток по возрасту рождения ребенка смещен к пику распределения возрастов их переезда. Всплеск первых рождений, приходящийся на возраст переезда или несколько более старший, есть следствие предшествующего ему всплеска браков, также ассоциирующегося с моментом переезда: чем чаще в когорте женщин год заключения брака приходится на год переезда, тем чаще первые рождения у этих женщин происходят также в этом или в следующем году;
- у мигранток наблюдается повышенный уровень внебрачной рождаемости по сравнению с коренными жительницами той мест-

**Показатели репродуктивного поведения мигранток* и немигранток
в Российской Федерации в зависимости от возраста вступления в первый брак
(по данным микропереписи 1985 г.)**

Возраст вступления в первый брак, лет	Городское население			Немигрантки в сельском населении
	немигрантки	мигрантки, при- бывшие		
		из другого города	из села	
<i>Среднее число рожденных детей у вступивших в брак женщин 1932–1941 гг. рождения (на 100 женщин)</i>				
18	185	193	201	313
19	178	185	194	303
20	165	178	185	284
21	167	173	182	285
22	161	167	175	281
23	156	163	171	273
24	153	159	166	269
25	148	155	162	262
26	144	151	159	247
27	142	147	154	250
<i>Среднее ожидаемое число детей у вступивших в брак женщин 1947–1956 гг. рождения (на 100 женщин)</i>				
18	201	210	212	279
19	195	203	205	267
20	189	197	199	260
21	186	193	196	252
22	182	189	192	250
23	179	186	190	247
24	177	184	188	249
25	173	183	187	246
26	174	182	182	237
27	166	182	180	235

Примечание:* — здесь и в табл. 6, 7 см. примечание к табл. 1.

Источник: здесь и в табл. 6, 7 [Кузнецов, 1992б, с. 125]. Данные с согласия автора публикуются впервые.

ности, куда они переехали, что позволяет высказать гипотезу, что для некоторой части женщин именно внебрачное рождение могло стать причиной переезда.

Возможно, главный вывод из глубокого исследования Л. Р. Кузнецова заключается в том, что переезд на новое место жительства для многих женщин есть событие, тесным образом переплетенное с другими со-

бытиями ее брачно-семейной и репродуктивной биографии. Зачастую миграция инициируется именно с целью формирования семьи в новых условиях, которые представляются в чем-то более предпочтительными, чем в том месте, откуда они уезжают¹¹. Так, например, и у женщин, и у мужчин, по данным того же исследования, частота повторных браков у мигрантов существенно выше частоты повторных браков у немигрантов. И у недавно прибывших вероятность вступления в повторный брак намного выше, чем у проживающих на новом месте жительства длительное время. Миграция и адаптация мигранта на новом месте жительства во многих случаях модифицируют календарь демографических событий в жизненном цикле мужчин и женщин, но нельзя их рассматривать как фактор по преимуществу насильственного (стрессового) слома жизненных планов или вынужденной переоценки ценностей и установок в отношении формирования семьи и деторождения, сформированных до переезда.

Исследование, выполненное Е.М. Андреевым и Т.Л. Харьковской (при участии Г.А. Бондарской и Е.Л. Сороко) на базе индивидуальных данных микропереписи 1994 г., носило иную цель — показать, в какой мере быстрое снижение рождаемости в начале 1990-х гг. может быть связано с ухудшением социально-экономической ситуации в России. Для этого был использован большой набор признаков, характеризующий социально-экономическое положение замужних женщин, родивших ребенка в 1993 г. Изучение дифференциации рождаемости в зависимости от миграционного статуса респондента не носило характер самостоятельной задачи в данном исследовании. Тем не менее выявленные различия в относительной частоте рождений детей первых трех очередностей у мигранток и немигранток заслуживают внимания (*табл. 5–7*).

В условиях кризисных лет, к которым следует отнести и 1993-й, мигрантки отнюдь не демонстрировали более низкую рождаемость по сравнению с немигрантками. Двадцатилетние женщины, переехавшие из сельской местности в города или из одного села в другое, особенно мигрировавшие в возрасте старше 16 лет, имели более высокую частоту первых рождений, чем немигрировавшие женщины в месте вселения мигранток.

---

¹¹ Повышенная брачность и разводимость у недавних мигрантов, особенно в столичных городах, отчасти объясняется известной распространенностью фиктивных браков для решения проблем с пропиской и фиктивных разводов для решения некоторых жилищных проблем, характерных для советского периода. В то же время не нужно забывать и о реальных проблемах брачного рынка в сельской местности или в мелких городах, характерных для всех стран.

Относительная частота* первых рождений в 1993 г. у женщин с различным миграционным статусом, на 1000 женщин (по данным микропереписи 1994 г.)

Статус женщины	В когортах женщин по году рождения:		
	1974–1975	1969–1973	1964–1968
	в 1993 г. находились в возрасте:		
	18–19	20–24	25–29
Все женщины в том числе:	363	402	306
живут в месте постоянного жительства с рождения	366	399	299
мигрантки, приехавшие в возрасте до 16 лет	391	402	312
мигрантки, приехавшие в возрасте старше 16 лет	307	412	313
Городские жительницы в том числе:	333	379	300
живут с рождения	338	377	293
мигрантки, родившиеся в городской местности	307	367	314
мигрантки, родившиеся в сельской местности	336	406	299
Сельские жительницы в том числе:	441	489	332
живут с рождения	453	496	330
мигрантки, родившиеся в городской местности	429	455	289
мигрантки, родившиеся в сельской местности	430	498	354

Примечание: * — относительная частота рождений определялась как отношение числа женщин, родивших ребенка в 1993 г., к общему числу женщин указанной группы. Рассматривались только женщины, состоящие в браке, чьи мужья присутствуют в составе того же домохозяйства.

Источник: Составлено на основе: [Андреев, Бондарская, Харьковская, 1998, с. 85; Andreev, Kharkova, 2000, с. 218].

Относительная частота вторых рождений у женщин, сменивших место жительства в возрасте старше 16 лет, опять же более высока, чем у женщин, никуда не переезжавших. Преимущество мигрантов в городской местности сохранялось во всех возрастах от 18 до 35 лет и независимо от того, откуда они прибыли: из сельской местности или из других городских поселений. Даже по интенсивности рождений третьих детей мигранты не уступали немигрантам во всех типах поселений. Отметим, что вообще риск рождения третьего ребенка был слабо дифференцирован по выделенным категориям женщин.

Таблица 6

Относительная частота* вторых рождений в 1993 г. у женщин с различным миграционным статусом, на 1000 женщин (по данным микропереписи 1994 г.)

Статус женщины	В когортах женщин по году рождения:			
	1974–1975	1969–1973	1964–1968	1959–1963
	в 1993 г. находились в возрасте:			
	18–19	20–24	25–29	30–34
Все женщины в том числе:	78	80	85	57
живут в месте постоянного жительства с рождения	75	72	78	52
мигрантки, приехавшие в возрасте до 16 лет	86	76	75	45
мигрантки, приехавшие в возрасте старше 16 лет	75	102	99	67
Городские жительницы в том числе:	58	56	68	50
живут с рождения	56	49	60	45
мигрантки, родившиеся в городской местности	67	59	68	51
мигрантки, родившиеся в сельской местности	60	72	83	57
Сельские жительницы в том числе:	113	144	153	92
живут с рождения	114	140	157	89
мигрантки, родившиеся в городской местности	72	140	128	87
мигрантки, родившиеся в сельской местности	131	156	161	98

Интересен факт более высокой рождаемости у женщин, переехавших жить из городской местности в сельскую, по сравнению с женщинами, непрерывно проживавшими в городах с рождения. Относительная частота вторых и третьих рождений у мигранток почти вдвое выше. Правда, до уровня рождаемости уроженок сельской местности (мигрантов и немигрантов) они все же не дотягивают. Напрашивается вывод, что гипотеза селективности отбора мигрантов в отношении репродуктивных установок, особенно для такого специфического случая, как переезд уроженца города в деревню, имеет право на существование. Не менее важно эмпирическое подтверждение теоретического посыла, что женщины, сменившие ареал обитания в детском возрасте, ближе

Относительная частота* третьих рождений в 1993 г. у женщин с различным миграционным статусом, на 1000 женщин (по данным микропереписи 1994 г.)

Статус женщины	В когортах женщин по году рождения:		
	1969–1973	1964–1968	1959–1963
	в 1993 г. находились в возрасте:		
	20–24	25–29	30–34
Все женщины в том числе:	44	26	13
живут в месте постоянного жительства с рождения	44	29	14
мигрантки, приехавшие в воз- расте до 16 лет	41	19	11
мигрантки, приехавшие в воз- расте старше 16 лет	43	27	14
Городские жительницы в том числе:	30	17	10
живут с рождения	29	17	9
мигрантки, родившиеся в городской местности	26	17	11
мигрантки, родившиеся в сельской местности	35	16	9
Сельские жительницы в том числе:	58	41	23
живут с рождения	61	45	23
мигрантки, родившиеся в городской местности	47	40	19
мигрантки, родившиеся в сельской местности	57	37	24

по уровню рождаемости к характерному для места вселения, чем женщины, переехавшие в социально более зрелом возрасте.

Подводя итог отечественному опыту изучения взаимосвязи миграций и рождаемости, следует отметить, что, несмотря на малочисленность самих исследований, в них можно обнаружить факты, в той или иной мере подтверждающие положения вышеназванных теоретических концепций — социализации и адаптации, селективности и нарушения жизненного цикла. Однако никто еще в России целенаправленно не изучал репродуктивное поведение мигрантов на уровне организованных этнических общин — выходцев из регионов с высокой рождаемостью. И поэтому мы не знаем, в какой мере в них превалирует тенденция к быстрой адаптации к локальным нормам малодетности или, напротив, к специфической интеграции во «враждебной среде»

через целенаправленное поддержание демографического поведения, обеспечивающего самоидентификацию национальных меньшинств. Этническая дифференциация рождаемости в связи с миграцией из-за пределов России — в целом наименее разработанная тема. Вот редкое, заслуживающее доверия, свидетельство о противоречивом характере адаптации семейно-демографического поведения мигрантов — азербайджанцев и армян в Тюменской области. «В семейных отношениях доминирует двухпоколенная малодетная семья. Средний возраст вступления в брак остается ранним — 17–18 лет. Национальные семьи обычно держатся на женщинах, которые по большей части являются домохозяйками... Как правило, в мигрантских семьях 2–3 ребенка. Однако по мере получения более длительного образования, отхода от традиционных представлений об институте семьи и роли женщины в обществе, молодое поколение и азербайджанцев, и армян как юноши, так и девушки начинают менять... семейные традиции. Начался процесс более позднего вступления в брак, современного разделения мужских и женских семейных ролей в семье. Нередко молодые люди внутри своей семьи придерживаются современного уклада жизни, а в присутствии родителей или родственников, особенно с «исторической родины», имитируют традиционную этническую семью. Часть создаваемых этнических супружеских союзов не регистрируется в органах власти» [Бобров, Клюева, 2009, с. 168–169].

Удивительно, что изменение миграционной ситуации после распада СССР не подтолкнуло исследователей вплотную заняться дифференциальной рождаемостью ни в контексте массовой репатриации русского населения, во многом носящей характер стрессовых семейных переселений, ни в контексте проблем интеграции в российский социум растущего потока мигрантов из регионов, сохраняющих существенно более высокий уровень рождаемости, чем на большинстве территорий Российской Федерации.

В последующем изложении мы не ставим себе целью проверить те или иные известные теоретические положения, как и не претендуем на разработку новых концепций. Наша более скромная задача состоит в том, чтобы на материалах недавно проведенных больших выборочных исследований, специально ориентированных на получение сведений о брачно-семейных, репродуктивных и миграционных биографиях российских поколений, родившихся в 1930–1980-х гг., восполнить большие фактологические пробелы в наших знаниях о дифференциальной рождаемости в связи с миграционным статусом индивида.

Наше исследование в основном базируется на данных двух, имеющих общую панель обследований: первой волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенной

в 2004 г. (далее — РидМиЖ–2004) и «Образование и занятость», проведенного в 2005 г. (ОиЗ–2005¹²).

Рождаемость у мигрантов, приехавших из-за пределов России

Всего в выборочной совокупности РидМиЖ–2004, состоящей из 11261 чел., насчитывается 1026 человек (435 мужчин и 691 женщина) в возрасте 18–79 лет, не родившихся в России. В то же время с полным основанием к категории «международный мигрант» следует отнести несколько большее число респондентов — 1240 (478 мужчин и 762 женщины) того же возраста, или 11% от общего числа опрошенных, которые сообщили, что большую часть своего детства (до 15 лет) они провели за пределами Российской Федерации. Разницу между вышеприведенными цифрами образуют респонденты-репатрианты, которые в самом юном возрасте вместе с родителями по каким-то причинам выехали из Российской Федерации, а затем в более зрелом возрасте вернулись обратно.

В дальнейшем анализе нас будет интересовать совокупность респондентов, состоящая из 762 женщин, первичная социализация которых (в детском возрасте) прошла не в России. Эта совокупность на 68% состоит из лиц, декларирующих себя как этнические русские (во всей выборке РидМиЖ русские составляют 89%). Около 98% мигранток родилось на территории бывшего СССР. Около 80% всех исследуемых женщин и более 75% русских родились на Украине, в Казахстане, Белоруссии, Киргизии, Узбекистане, Азербайджане, Грузии и Армении. На первые три государства приходится 54% всех мигранток и 51% русских. Особенно важно распределение приехавших женщин по странам с различным уровнем рождаемости. Мы сгруппировали страны выезда по трем группам: а) страны с таким же низким уровнем рождаемости, как и в России (Украина, Белоруссия, страны Балтии, а также единичные случаи приезда из европейских стран); б) страны со средним, более высоким, чем в России, уровнем рождаемости (Молдавия, За-

---

¹² Обследование «Образование и занятость» (Education and Employment Survey — EES) было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) летом 2005 г. при финансовой поддержке Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Объем выборки составил 6455 респондентов обоого пола из 32 регионов России. Совокупность респондентов, опрошенных в рамках данного обследования, в значительной степени пересекается с совокупностью респондентов, опрошенных в рамках РидМиЖ–2004, поскольку одной из целей проведения ОиЗ–2005 было поддержание панельного характера обследования РидМиЖ.

кавказье); в) страны с высоким уровнем рождаемости (Центральная Азия, включая редкие случаи других стран с заведомо высокой рождаемостью).

Распределение мигрантов-женщин по выделенным группам стран приводится в *табл. 8*. Заметим, что страны с такой же, как и в России, рождаемостью и страны с более высокой рождаемостью представлены примерно одинаково как среди всех мигрантов, так и среди мигрантов русской национальности. Важно также отметить, что выборка РидМиЖ в отношении мигрантов удивительно хорошо репрезентирует распределение численности населения республик бывшего СССР по указанным выше группам стран. Так, в выборочной совокупности 39,9% женщин приехали из стран с высоким уровнем рождаемости, а всего в республиках с высоким уровнем рождаемости по переписи населения 1989 г. проживало 35,4% численности населения союза. Для группы стран с низкой рождаемостью соответствующие пропорции — 45,9% и 50,1%, а для группы стран со средним уровнем рождаемости доли оказались практически идентичными — 14,2% и 14,5% (*табл. 8 и 9*). В то же время известно, что этнический состав приезжающих на постоянное место жительства в Россию сильно смещен в сторону русских репатриантов. В первое пятилетие после распада СССР преобладание русских в миграционном приросте России было особенно заметным. По имеющимся оценкам, в 1989–2004 гг. Закавказье потеряло более 50% русского населения, Средняя Азия — 34%¹³. Русские в общей величине неттомиграции из стран СНГ и Балтии за тот же период, согласно данным российского учета, составили около 67% [Зайончковская, Мкртчян, 2006, с. 322]. Таким образом, и по этому показателю выборочная совокупность РидМиЖ хорошо представляет генеральную совокупность¹⁴. Следовательно, мы вполне можем использовать данные выборочного обследования для изучения различий в рождаемости приехавших из-за пределов России и немигрантов в России.

Анализируя рождаемость мигранток, приехавших из разных стран, необходимо учитывать различия в возрасте, в котором они совершили

¹³ Устойчивый исход русского населения из южных республик бывшего СССР начался задолго до событий 1990-х гг. Отрицательный миграционный баланс русского населения фиксировался в Закавказье с 1960-х гг., в Средней Азии с конца 1970-х гг. См., например: [Кабузан, 1996, с. 264–266; Русские, 1992, с. 34–37].

¹⁴ В выборке РидМиЖ–2004, правда, не представлены дети и подростки до 18 лет, а также лица в возрасте 80 лет и старше, которые включены при расчете показателей по данным переписи населения и текущего учета миграции. Однако поправка на расхождения в возрастном составе выборочной и генеральной совокупности едва ли способна поставить под сомнение вывод о возможности использования выборочных данных РидМиЖ для изучения репродуктивного поведения населения в зависимости от миграционного статуса.

переезд, а также их семейный статус до переезда. При более раннем возрасте выезда из страны, в которой прошло детство мигранта, следует с большей вероятностью ожидать, что формирование его семьи будет протекать преимущественно в стране назначения, т.е. в нашем случае в России.

По данным РидМиЖ, доля женщин, переехавших в детстве (до 15 лет), составила 40%, а доля мигранток, имевших опыт первого брачно-партнерского союза до приезда в Россию, — 26%. Выезд в раннем возрасте, по большей части в сопровождении родителей или для завершения образования, более характерен, по нашим данным, для стран с низкой рождаемостью, чем для стран с высокой рождаемостью (табл. 8). Даже у русских мигрантов наблюдается та же закономерность: чем ниже общий уровень рождаемости в стране выезда, тем выше доля переехавших в детском возрасте. Среди русских респондентов, выехавших из европейских стран с низкой рождаемостью, переезд в возраст-

Таблица 8

Некоторые характеристики респондентов-женщин в возрасте 18–79 лет, приехавших в Россию из стран с различным уровнем рождаемости, в которых они провели большую часть детства (до 15 лет)

Характеристики	Приехали из стран с низкой рождаемостью	Приехали из стран со средней рождаемостью	Приехали из стран с высокой рождаемостью	Всего
Число респондентов-женщин, проживавших большую часть детства за пределами России	350	108	304	762
в %	45,9	14,2	39,9	100,0
из них русские, %	60,0	36,1	87,8	67,7
Распределение русских мигрантов по группам стран, %	40,7	7,6	51,7	100,0
Доля приехавших в Россию в возрасте до 15 лет, %	45,7	27,8	36,8	39,9
Доля приехавших в Россию в возрасте до 15 лет среди русских, %	60,5	51,3	36,7	48,3
Доля вступивших в первый брачно-партнерский союз до приезда в Россию, %	20,0	47,2	35,9	30,2
Доля вступивших в первый брачно-партнерский союз до приезда в Россию среди русских, %	10,0	38,5	36,3	25,8

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ—2004.

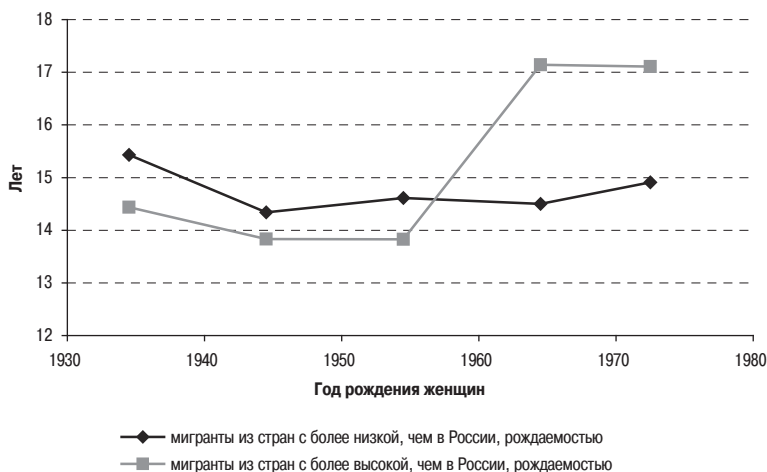
те до 15 лет совершили более 60%, в то время как из среднеазиатских стран — 37%.

В то же время более высокий средний возраст женщин-мигранток, приезжающих из южных стран, относительно приезжающих из соседних европейских стран — явление не столь уж давнее. В поколениях, родившихся до 1960 г., средний возраст женщин, прибывающих в Россию (до 30 лет), практически не отличался по регионам выбытия и соответствовал возрасту получения свидетельства о неполном среднем образовании (рис. 1). Южные республики бывшего СССР демонстрировали даже чуть более низкий возраст мигранток, чем республики с низкой рождаемостью, расположенные в европейской части союза с большим распространением десятилетнего школьного образования. Доля девушек, приезжающих сразу же после окончания 7–8-го классов из южных республик была хотя и незначительно, но выше средней для всего потока из-за пределов РСФСР. Перелом произошел после введения в действие закона о всеобщем среднем образовании в СССР и последующего сокращения приема на обучение в российские средние технические училища девушек из Средней Азии (после распада СССР этот поток вообще сошел на нет).

Представление о демографическом ландшафте, на фоне которого прошло детство исследуемых мигранток, дает *таблица 9*. В ней приво-

Рисунок 1

Средний возраст женщины в момент приезда в Россию для мигранток, прибывших из стран с низкой рождаемостью и из стран с более высокой, чем в России, рождаемостью (приехавшие в Россию в возрасте до 30 лет): реальные поколения по году рождения женщин

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ—2004.

дятся оценки некоторых важнейших этнодемографических характеристик населения выделенных групп стран в 1988–1989 гг. — последние годы, для которых имеются надежные и полностью сопоставимые данные о демографических процессах не только для всего населения республик бывшего СССР, но и, что особенно важно в нашем случае, для проживающего в них русского населения.

Дифференциация рождаемости русского населения по группам стран отличается не столь разительно, сколь рождаемость населения титульных национальностей. По официальным оценкам, в конце 1980-х гг. КСР русского населения на пространстве СССР варьировал в пределах малодетности: от 1,5 в Азербайджане до 2,2 в Казахстане и Киргизстане. Интересно, что к началу 1990-х гг. КСР для русского населения в республиках с низким и средним общим уровнем рождаемости был на 0,1–0,2 рождений в расчете на одну женщину ниже, чем для русских женщин в самой России. Напротив, в среднеазиатских странах с высокой рождаемостью, КСР русского населения был выше, чем в среднем для всего населения России (на 0,14), и, тем более, для русской части российского населения (на 0,21). Всесоюзное обследование рождаемости 1972 г., позволившее оценить ожидаемую вероятность рождения детей каждой очередности в брачных когортах русского населения, проживающего в России и в других союзных республиках, демонстрировало ту же картину: вероятность второго и третьего ребенка была выше у русских, проживающих в республиках Средней Азии, и ниже у русских в Прибалтике, по сравнению с русскими в РСФСР [Сколько детей..., 1977, с. 47–48]. Данные Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг. также свидетельствуют, что средний размер и городских, и сельских семей русского населения в республиках с низкой рождаемостью был ниже, а в республиках с высокой рождаемостью выше, чем у русских в самой России [Русские, 1992, с. 147].

Сравнивая рождаемость русского населения в различных регионах, нельзя забывать о том, что условия выживания детей могут существенно различаться. Большие различия в показателях младенческой и детской смертности на пространстве бывшего СССР были характерны не только для всего населения республик, но и для русского населения, проживающего в них (*табл. 9*). Расчет показателей эффективной рождаемости, учитывающих дожитие детей до 15-летнего возраста, приводит к уменьшению различий в режиме воспроизводства русского населения в России и русских меньшинств в странах эмиграции, но не столь существенно, чтобы отменить выявленную закономерность — с точки зрения демографического воспроизводства русского населения преимущество остается за странами с высоким общим уровнем рождаемости (среднеазиатский регион), так же как и сохраняется более низкий,

чем в России, уровень воспроизводства русского населения в европейских республиках СССР и в Закавказье.

Важной характеристикой населения, представляющего собой национальное меньшинство на какой-либо территории, является доля этнически гомогенных браков. Чем сильнее различия в семейных традициях и репродуктивных установках, связанные с этнической принадлежностью супругов, тем с большей вероятностью можно ожидать, что число рождений в этнически неоднородных браках будет отличаться в ту или иную сторону от рождаемости в моноэтнических семьях. Число детей в межнациональных семьях представляет некий «компромисс» между средним уровнем детности у народов с разным уровнем рождаемости [Сусоколов, 1987, с. 118; Русские, 1992, с. 211–212]. Однако для русских, проживающих в регионах с высокой рождаемостью, браки с представителями этнических групп, которые ассоциируются с повышенной рождаемостью, достаточно редки. Более 70% первых браков для русских в среднеазиатском регионе — это моноэтнические браки с представителями русской общины (табл. 9). А если к ним добавить партнеров прочих национальностей, завершивших переход к низкой рождаемости, то доля браков русского населения, однородных в этнодемографическом плане, превысит 80%. Таким образом, возможное влияние неоднородности этнического состава супругов на рождаемость русского населения в регионах с высокой рождаемостью не нужно переоценивать. Оно будет положительным, но небольшим, что и подтверждается вышеприведенными данными.

Межэтническое демографическое взаимодействие русского населения в регионах со средним, переходным уровнем рождаемости оказывается сложнее. Доля этнически неоднородных супружеских пар здесь составляет половину от общего числа браков среди русских. Казалось бы, повышающее влияние этнической неоднородности браков на рождаемость русских меньшинств на Кавказе и в Молдавии должно быть более весомым. Напротив, имеющиеся оценки свидетельствуют об обратном: рождаемость русского населения в этой группе стран оказывается даже ниже, чем русских в самой России. Остается предположить, что более высокая вероятность межнациональных напряжений как в целом, так и в этнически смешанных браках не идет на пользу рождаемости. Косвенным подтверждением этому является повышенная нестабильность межнациональных браков [Сусоколов, 1987, с. 107–116]. Негативная роль этого фактора особенно заметна в регионах с переходным уровнем рождаемости, т.е. там, где нормы традиционного демографического поведения уже серьезно подорваны. Кроме того, не нужно забывать, что русская диаспора за пределами России, в том числе и в странах со средней и низкой рождаемостью, состоит глав-

ным образом из жителей городов (табл. 9). Если принять во внимание это обстоятельство и сравнить значение КСР не для всего населения России, а только для его городских жителей (1,86 в 1988–1989 гг.) с показателем рождаемости для русского населения, проживавшего в те же годы в Грузии (1,73), Украине (1,81), Латвии (1,86), Молдавии (1,89), Белоруссии (1,93), Армении (2,04), то различия становятся еще менее значимыми, неустойчивыми и труднее интерпретируемыми¹⁵.

После 1989 г. рождаемость значительно снизилась на всем пространстве бывшего СССР, в том числе и среди русских, проживающих за пределами России. Но насколько существенным было это снижение, тем более в разрезе национальностей, на основании официальных данных, с уверенностью можно судить не по всем странам ближнего зарубежья. В среднеазиатских странах ухудшился учет рождений (правда, в наименьшей степени это касается русского населения). В Закавказье и Молдавии имеются серьезные проблемы с оценками численности населения по полу и возрасту в связи с недоучетом миграционного оттока. Более надежные оценки рождаемости дают выборочные обследования, инициированные в этих странах международными агентствами по стандартным программам DHS и RHS¹⁶. К сожалению, опубликованные стандартные отчеты по странам не содержат оценки рождаемости в разрезе этнических групп, а специальные исследования характеристик репродуктивного поведения русского населения после распада СССР на основе индивидуальных данных DHS и RHS нам пока не известны. Расчеты, основанные на данных текущего учета рождений и переписи 1999 г. в разрезе основных национальностей, сделанные М.Б. Денисенко для Киргизстана [Денисенко, 2004, с. 226–229], позволяют утверждать, что КСР для русского населения в этой республике упал за 1990-е гг. на 60% (с 2,2 в 1989 г. до 1,3 в 1999 г.), т.е. практически на ту же величину, что и КСР для всего населения России (в 1989 г. — 2,01, в 1999 г. — 1,16). Таким образом, небольшое преимущество в уровне рождаемости, которое имело русское население в среднеазиатских

---

¹⁵ Наименьшей рождаемостью, согласно официальным оценкам, отличалось русское население, проживающее в Азербайджане: КСР — 1,44 в расчете на одну женщину в 1988–1989 гг. Столь низкий показатель вызывает большие сомнения, но у нас не имеется оснований его опровергнуть и пересмотреть. Только из-за очень низкого показателя для русских в Азербайджане, усредненный показатель для русского населения, проживающих в выделенной нами группе стран со средним уровнем рождаемости, оказывается ниже, чем для русского населения в России.

¹⁶ Demographic and Health Survey (DHS), Reproductive and Health Survey (RHS) имеют стандартные программы, апробированные во многих десятках, в основном развивающихся, стран мира. С середины 1990-х гг. обследования были проведены в 11 странах — бывших республиках СССР, и в ряде из них по два раза. Отчеты и базы данных по странам доступны для исследователей. Подробнее см.: <http://www.measuredhs.com>; <http://www.cdc.gov/reproductivehealth/Surveys/index.html>

Некоторые этнодемографические характеристики населения России и стран выбытия мигрантов в 1988–1989 гг.

Этнодемографические характеристики	Россия	Страны с низкой рождаемостью*	Страны со средней рождаемостью*	Страны с высокой рождаемостью*
Доля в численности населения СССР без России, %	—	50,1	14,5	35,4
Коэффициент суммарной рождаемости	2,02	1,95	2,51	3,72
в том числе для русских	1,95	1,83	1,72	2,16
Коэффициент младенческой смертности	17,8	12,7	22,2	35,1
в том числе для русских	17,7	12,3	17,4	23,3
Среднее число детей, доживающих до 15 лет	1,97	1,91	2,42	3,52
в том числе для русских	1,91	1,80	1,69	2,10
Доля русских, проживавших в указанных странах, в общем числе русских на территории СССР за исключением России, %	—	57,0	5,3	37,7
Доля русских в численности населения указанных стран, %	81,5	20,7	6,7	19,3
Доля горожан среди русского населения, %	77	88	89	87
Доля моноэтнических брачных пар в общем числе брачных пар русского населения, %**	87	39	50	69
Доля моноэтнических браков, в общем числе первых браков, заключенных русскими женщинами, %***	89	42	46	72

Примечания: * — показатели для сгруппированных стран рассчитаны как средние арифметические взвешенные, где в качестве весов использовалась численность всего или русского населения в каждой из стран; ** — по данным переписи населения СССР 1989 г.; *** — по данным официальной регистрации браков.

Источник: [Демографический ежегодник, 1995, с. 259–264; Дарский, Андреев, 1991; Andreev, Darsky, 1992]; а также расчеты Захарова С.В., основанные на данных переписи населения СССР 1989 г. и официальных таблиц смертности.

республиках перед русскими, проживающими на своей исторической родине, вероятнее всего, сохраняется и в настоящее время.

Итак, какие априорные предположения о рождаемости мигрантов, прибывших в Россию, можно было бы сделать, опираясь на данные, характеризующие страны выбытия и этнорегиональную структуру миграционного потока? Может ли внешняя миграция оказывать положительное влияние на общероссийские показатели рождаемости?

Учитывая этносоциальные и демографические характеристики мигрантов, приезжавших в последние два-три десятилетия на постоянное место жительства в Россию, не следует ожидать, что рождаемость среднего мигранта будет сколько-нибудь существенным образом отличаться от среднего российского жителя. Чуть более высокие показатели, которые можно было бы ожидать от приезжающих из стран с более высокой, чем в России, рождаемостью, в значительной степени будут компенсироваться пониженными показателями мигрантов из стран с низкой рождаемостью. Превалирование в иммиграционном потоке русского городского населения в еще большей степени сглаживает различия в показателях рождаемости в зависимости от миграционного статуса.

Наши предположения в полной мере подтвердились данными, полученными в результате опроса респондентов в рамках выборочного исследования РИДМиЖ (*табл. 10 и 11*).

Судя по полученным данным, усредненные показатели рождаемости поколений мигрантов 1930–1959 гг. рождения, детство которых прошло за пределами России, систематически не отличаются в большую сторону от показателей для их ровесников, выросших в России. Скорее можно обнаружить обратное соотношение — итоговая рождаемость женщин данных поколений, приехавших в Россию, чуть ниже, в сравнении с женщинами, детство которых прошло в России, в том числе и в сравнении с теми постоянными жителями России, которые с рождения непрерывно проживают в одном и том же населенном пункте. Для поколений, родившихся после 1960 г., преимущество переходит к мигрантам: к возрасту 35 лет женщины, приехавшие из-за пределов России, имеют примерно на 0,13 рождений больше (и почти на 0,2 рождений больше, чем россиянки, не менявшие место жительства с рождения). Перевес в более молодых поколениях в пользу мигрантов обеспечивается усилившимся потоком переселенцев из стран с более высокой, чем в России, рождаемостью. Доля выходцев из стран с повышенной рождаемостью (суммарно из стран средней и высокой рождаемости) в общем числе мигрантов 1930–1939 гг. рождения составляет 36%, а в поколениях 1960–1969 гг. рождения — 62%.

Все, что было сказано выше о различиях в рождаемости мигрантов и немигрантов, можно повторить относительно респондентов,

Таблица 10

Среднее число детей, рожденных живыми в расчете на одну женщину к возрасту 25, 35 и 45 лет, в зависимости от миграционного статуса. Поколения женщин 1930–1979 гг. рождения

Годы рождения женщин	Детство провели в России		Детство провели за пределами России (мигранты)			
	все	непрерывно проживают в месте рождения	все	приехали из стран с низкой рождаемостью	приехали из стран со средней рождаемостью	приехали из стран с высокой рождаемостью
	<i>К возрасту 25 лет</i>					
1930–1939	0,76	0,72	0,87	0,85	...*	0,86
1940–1949	0,82	0,83	0,80	0,84	...*	0,73
1950–1959	0,87	0,82	0,82	0,79	1,14	0,74
1960–1969	0,97	0,95	1,04	0,92	0,95	1,15
1970–1979	0,85	0,85	0,98	0,68	1,24	1,07
	<i>К возрасту 35 лет</i>					
1930–1939	1,61	1,53	1,60	1,58	...*	1,62
1940–1949	1,56	1,49	1,56	1,54	...*	1,68
1950–1959	1,67	1,59	1,64	1,47	2,11	1,55
1960–1969	1,54	1,48	1,67	1,54	1,65	1,83
	<i>К возрасту 45 лет</i>					
1930–1939	1,74	1,69	1,75	1,70	...*	1,81
1940–1949	1,65	1,61	1,72	1,66	...*	1,88
1950–1959	1,77	1,72	1,72	1,61	2,31	1,63

Примечание: * — менее 10 респондентов.

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ—2004.

декларировавших свою принадлежность к русской национальности. Рождаемость русских, не выезжавших из России, ниже среднего уровня рождаемости для России в целом, а рождаемость русских мигрантов также несколько ниже среднего уровня для мигрантов всех этнических групп. Вплоть до женских поколений, родившихся в 1960-х гг., среднестатистический мигрант русской национальности не имел преимуществ в итоговом показателе рождаемости перед русскими, непрерывно проживавшими в России. Повышение доли русских, приехавших из южных республик бывшего СССР, в общем потоке мигрантов русской национальности, прибывающих в Россию, повысило показатели рождаемости для «среднего» иммигранта русской национальности так, что они стали превышать показатели рождаемости для россиян русской национальности, не выезжавших за пределы России.

Среднее число детей, рожденных живыми в расчете на одну женщину к возрасту 25, 35 и 45 лет, в зависимости от миграционного статуса. Поколения женщин русской национальности 1930–1979 гг. рождения

Годы рождения женщины	Детство провели в России		Детство провели за пределами России (мигранты)			
	все	непрерывно проживают в месте рождения	все	приехали из стран с низким уровнем рождаемости	приехали из стран со средним уровнем рождаемости	приехали из стран с высоким уровнем рождаемости
	<i>К возрасту 25 лет</i>					
1930–1939	0,78	0,76	0,85	0,85	...*	0,86
1940–1949	0,85	0,86	0,72	0,74	...	0,70
1950–1959	0,87	0,84	0,81	0,79	0,86	0,81
1960–1969	0,98	0,95	1,12	0,94	...*	1,25
1970–1979	0,83	0,85	0,86	0,72	...*	0,95
	<i>К возрасту 35 лет</i>					
1930–1939	1,61	1,57	1,58	1,56	...*	1,58
1940–1949	1,56	1,49	1,46	1,34	...	1,65
1950–1959	1,66	1,58	1,54	1,35	1,93	1,60
1960–1969	1,52	1,44	1,70	1,57	...*	1,90
	<i>К возрасту 45 лет</i>					
1930–1939	1,74	1,73	1,73	1,69	...*	1,78
1940–1949	1,64	1,59	1,65	1,49	...*	1,86
1950–1959	1,75	1,70	1,64	1,49	2,07	1,66

Примечание: * — Менее 10 респондентов.

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ—2004.

Таким образом, выходцы из южных республик бывшего СССР, как и ожидалось, демонстрируют устойчиво более высокую рождаемость и при сравнении с родившимися в России, и, тем более, при сравнении с мигрантами из регионов с низкой рождаемостью. Тем не менее их невысокая доля в миграционном потоке приводила к тому, что иммиграция вплоть до 1990-х гг. (поколений мигрантов, родившихся в 1970-е гг.), увеличивая численность населения России, в том числе и численность детей, не повышала среднероссийские относительные показатели рождаемости. Среднее число детей, рожденных в расчете на одну женщину-мигранта, было таким же или даже ниже, чем у женщин, детство которых прошло в России. Увеличение потока мигран-

тов из стран с более высокой рождаемостью, чем в России, в том числе и представителей русской диаспоры из этих стран, начинает приносить России более выраженный демографический дивиденд. Молодые поколения мигрантов в силу изменившейся структуры — как этнической¹⁷, так и по странам выхода, имеют в среднем чуть более высокие показатели итоговой рождаемости, чем россияне, проживающие в России с рождения.

Рассмотрим, в какой степени итоговые показатели рождаемости мигрантов есть результат их репродуктивной активности до переезда в Россию, а в какой — после переезда. Происходит ли «перенос рождаемости» в страну, выступающую основным реципиентом мигрантов на постсоветском пространстве, или же женщины-мигранты становятся матерями, по преимуществу, до переезда, и Россия получает внешнюю подпитку численности детских контингентов главным образом за счет семейных миграций?

В *таблицах 12 и 13* представлено разложение средней величины итогового показателя рождаемости (в абсолютном и процентном выражении) для женщины-мигранта к возрасту 35 лет. Судя по полученным результатам, мигранты формируют свои семьи преимущественно в России — на 60–70% общая величина их итоговой рождаемости складывается за счет рождений, произошедших после их переезда. Причем для женщин, детство которых прошло в странах с низкой рождаемостью, показатель итоговой рождаемости на 80–90% связан с деторождением на территории России, и для данной категории мигрантов в послевоенное время ситуация практически не менялась. Для женщин, приехавших из стран с высокой рождаемостью, этот показатель вдвое ниже. Следует отметить, что для последней группы мигрантов характерен непрерывный рост от поколения к поколению доли «российских» рождений в итоговом числе рождений — для женских поколений 1930–1940-х гг. рождения доля детей, появившихся после переезда в Россию, составляла менее 40%, для поколений 1960-х гг. рождения — 55%. Как показывают данные РидМиЖ, среди женщин, прибывающих в Россию из южных стран бывшего СССР, увеличивается доля тех, кто совершает переезд в юношеском возрасте и не состоит в брачно-партнерских союзах.

---

¹⁷ Размывание русского этнического доминирования в миграционном притоке в Россию началось задолго до распада СССР. В то же время этот процесс до начала 1990-х гг. протекал очень медленно. Специальные расчеты, выполненные О.С. Чудиновских по данным переписей населения, показали, что в среднем по всем миграционным когортам удельный вес русских среди мигрантов, приехавших в Московскую область в разные периоды, сократился за 1979–1989 гг. с 91,1% до 89,6% в городской местности, а в сельской местности — с 92,8% до 90,5% [Чудиновских, 1997, с. 44].

Таблица 12

Среднее число детей, рожденных мигрантами, в том числе до и после переезда в Россию в расчете на одну женщину к возрасту 35 лет. Поколения женщин 1930–1969 гг. рождения

Годы рождения женщин	Все мигранты			Приехали из стран с низкой рождаемостью			Приехали из стран с более высокой, чем в России, рождаемостью		
	до переезда	после переезда	итого	до переезда	после переезда	итого	до переезда	после переезда	итого
1930–1939	0,56	1,04	1,60	0,31	1,28	1,59	1,03	0,61	1,64
1940–1949	0,62	0,93	1,55	0,31	1,18	1,49	0,98	0,64	1,62
1950–1959	0,71	0,93	1,64	0,36	1,13	1,49	0,98	0,77	1,75
1960–1969	0,58	1,09	1,67	0,22	1,27	1,49	0,76	0,95	1,71

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ—2004.

Таблица 13

Доля детей, рожденных женщинами-мигрантами к возрасту 35 лет, до и после переезда в Россию. Поколения женщин 1930–1969 гг. рождения, %

Годы рождения женщин	Все мигранты			Приехали из стран с низкой рождаемостью			Приехали из стран с более высокой, чем в России, рождаемостью		
	до переезда	после переезда	итого	до переезда	после переезда	итого	до переезда	после переезда	итого
1930–1939	35	65	100	19	81	100	63	37	100
1940–1949	40	60	100	41 ²¹	89 ⁷⁹	100	61	39	100
1950–1959	43	57	100	45 ²⁴	85 ⁷⁶	100	56	44	100
1960–1969	35	66	100	42 ¹⁵	88 ⁸⁵	100	45	55	100

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ—2004.

Поскольку молодые поколения мигрантов, очевидно, чаще откладывают формирование своих семей на период после переезда, то и их репродуктивная биография во все большей степени складывается не в странах выхода, а на российской территории. В результате, примерно 2/3 детей в семьях мигрантов — граждане России «по рождению», и следует ожидать дальнейшего повышения данной пропорции.

Итоговую характеристику вклада мигрантов в общее число родившихся на территории России в послевоенные годы дает табл. 14. Опи-

Доля рождений у мигрантов* в общем числе рождений, состоявшихся на территории России в 1954–2003 гг., %

Годы	Все рождения	В том числе по очередности рождения:		
		первые рождения	вторые рождения	третьи и последующие рождения
1954–1958	6,4	6,6	6,0	5,9
1959–1963	6,2	6,4	6,3	5,6
1964–1968	6,4	6,0	8,4	3,7
1969–1973	6,8	6,9	5,9	9,8
1974–1978	6,5	6,4	5,9	8,4
1979–1983	7,1	6,9	7,9	5,1
1984–1988	6,5	6,0	7,1	6,6
1989–1993	8,3	8,9	6,8	9,6
1994–1998	9,3	8,1	10,2	12,9
1999–2003	9,9	9,2	10,3	13,3
1954–2003	7,3	7,1	7,4	8,5

Примечание: * — респонденты обоего пола, приехавшие в Россию в возрасте 15 лет и старше.

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ—2004.

раясь на данные РидМиЖ, можно сделать вывод, что на протяжении четырех десятилетий после войны мигранты, прибывающие в Россию в возрасте 15 лет и старше, стабильно обеспечивали 6–7% всех рождений в стране. Причем вклад мигрантов в рождениях детей различной очередности был примерно одинаковым, что еще раз свидетельствует о том, что рождаемость у мигрантов практически не отличалась от рождаемости коренных россиян. Ситуация начинает весьма быстро меняться после распада СССР. С начала 1990-х гг. вклад мигрантов в общее число российских рождений увеличился до 10% (для первых по очередности рождений поднялся до 9%, для вторых — до 10%, для третьих и последующих — до 13%). Уровень рождаемости у мигрантов, прибывших в этот период, был ощутимо выше, чем у коренных россиян.

Если с известной осторожностью подойти к результатам, полученным нами на основе выборочного исследования, и сравнить их с оценками, представленными выше в *таблице 1* по европейским странам, то получается, что текущий вклад иммигрантов в российскую рождаемость уже вполне сопоставим с наблюдаемым в Австрии, Бельгии и Франции, хотя и несколько уступает им.

Миграционный опыт послевоенных поколений россиян, родившихся в России

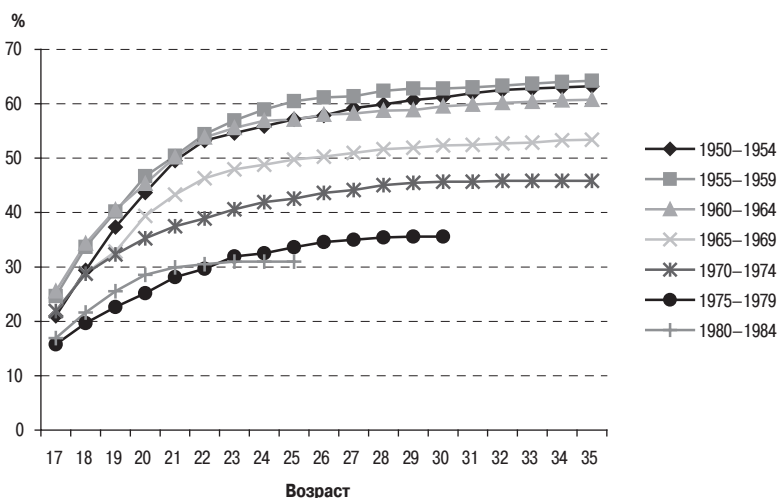
Несмотря на то что внутренняя миграция на фоне притока мигрантов из-за рубежа потеряла былое преимущество в формировании населения российских регионов и городских агломераций¹⁸, она продолжает выполнять важную функцию в поддержании рынков труда успешно развивающихся территорий и, что не менее важно, предоставляет молодежи возможность восходящей мобильности. В последние годы рост экономики восстановил спрос на труд прежде всего в крупных городах, что вновь послужило стимулом миграции из малых городов. Как показывают специальные выборочные обследования, потенциальная мобильность молодого населения малых городов достаточно высока: 70% девушек и 54% юношей — учащихся 11-х классов школ малых городов твердо намерены покинуть свои города [Флоринская, Рощина, 2005, с. 402].

На основании данных опроса «Образование и занятость (ОиЗ—2005)» была проанализирована вероятность внутренней (в пределах России) миграции по реальным поколениям мужчин и женщин в разрезе 5-летних когорт по году рождения. Согласно данным ОиЗ—2005, доля респондентов, которые родились в России, составляет 90,2%, а доля внутренних мигрантов — 51,7% от числа респондентов, родившихся в России. Соответственно, доля внутренних (в пределах России) мигрантов в опросе составила 82,7% от числа всех мигрантов (внутренних и внешних), участвовавших в опросе. Число респондентов, у которых миграционное событие произошло до рождения первого ребенка (т.е. бездетные мигранты), составило в выборке 2572. Между первым и вторым рождением совершили переезд 814 респондента. Дальнейший анализ проводился только по респондентам, родившимся в России и совершившим переезд с момента 17-летия. Миграционным событием считался переезд, связанный со сменой места жительства/переездом в другой населенный пункт более чем на 3 месяца подряд. Миграция в связи со срочной армейской службой и возвращением домой после армии в настоящем исследовании не принималась во внимание, так как этот вид миграции носит вынужденный характер, в отличие, например, от учебы или брач-

---

¹⁸ В 2005—2007 гг., по данным официальной статистики, городское население выросло на 62% за счет международной миграции, на 26% — внутрирегиональной и на 12% — внутренней межрегиональной миграции. Сельское население потеряло 70% мигрантов в пользу городского населения своего региона, 30% — других регионов, но при этом международная миграция пополнила потери села на 67%. Нестолличные крупные города имели близкий к нулевому миграционный баланс внутрисоссийской миграции и прирастали только за счет международной миграции. Средние и малые города теряли население в межрегиональном обмене, но восполняли эти потери за счет обмена с сельской местностью [Зайончковская, Мкртчян, Тюрюканова, 2009, с. 244—245].

Вероятность первой миграции накопленным итогом к указанному возрасту, респонденты 1950–1985 гг. рождения, родившиеся в России

Источник: расчет авторов на основе данных ОиЗ–2005.

ной миграции, когда решение о переезде принимается человеком добровольно. Если после прохождения срочной армейской службы респондент не возвращался в родительский дом, а сразу переезжал в третье место, то этот переезд учитывался в анализе¹⁹.

Анализ показал, что первичная миграционная активность²⁰ россиян, родившихся после 1960 г., сокращалась при переходе от старших когорт к младшим (рис. 2): у поколений, родившихся в 1980-х гг., по сравнению с поколениями их родителей (т.е. когорт 1950-х гг. рождения), она упала вдвое: к 25 годам примерно 60% респондентов 1950-х гг. рождения совершили первый переезд и только 30% тех, кто родился в первой половине 1980-х гг.

Важно отметить, что во всех когортах доля тех, кто за свою взрослую жизнь никуда не переезжал, практически не меняется после 30-летнего возраста. Иными словами, первый переезд, как правило, совершается до 30 лет, и в старших возрастах первые переезды носят единичный характер.

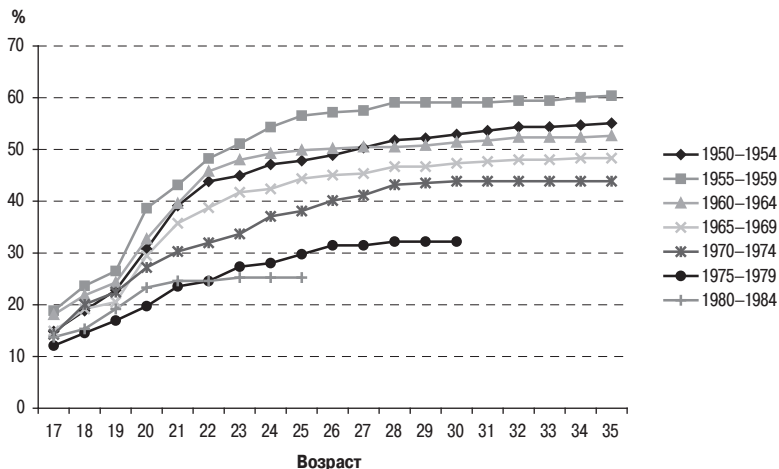
¹⁹ Случаи перехода бывших срочников на контракт в анализе не учитывались, так как миграция (в рамках призыва) была принудительной.

²⁰ Иначе говоря, первый переезд в другой населенный пункт в сознательном возрасте (17 лет и старше), исключая службу в армии и возвращение домой после армии для мужчин, проходивших срочную службу.

Падение вероятности первой миграции в одинаковой степени затронуло и мужчин, и женщин (рис. 3 и 4). В то же время миграционная активность женщин несколько выше, чем у мужчин во всех послевоен-

Рисунок 3

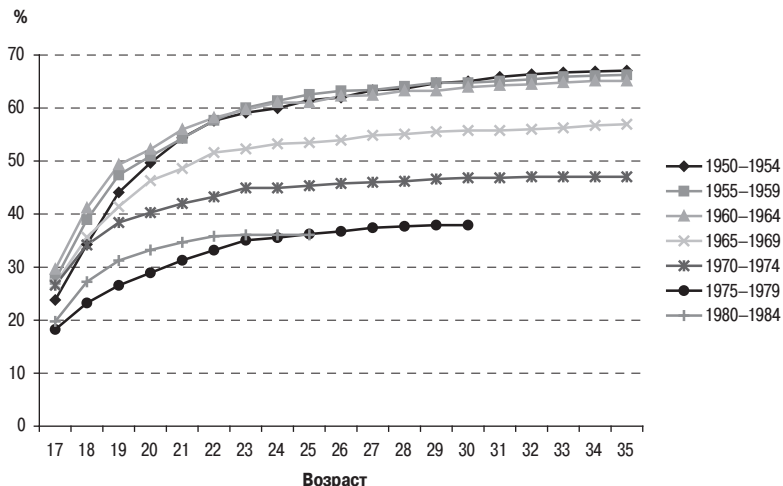
Вероятность первой миграции накопленным итогом к указанному возрасту, мужчины 1950–1985 гг. рождения, родившиеся в России

Источник: расчет авторов на основе данных ОиЗ–2005.

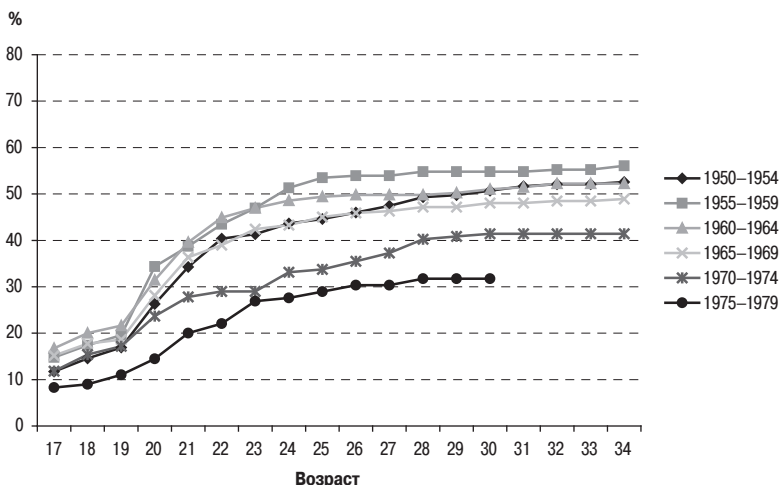
Рисунок 4

Вероятность первой миграции накопленным итогом к указанному возрасту, женщины 1950–1985 гг. рождения, родившиеся в России

Источник: расчет авторов на основе данных ОиЗ–2005.

Вероятность первой миграции накопленным итогом к указанному возрасту, мужчины 1950–1985 гг. рождения, родившиеся в России и служившие в армии

Источник: расчет авторов на основе данных ОиЗ–2005.

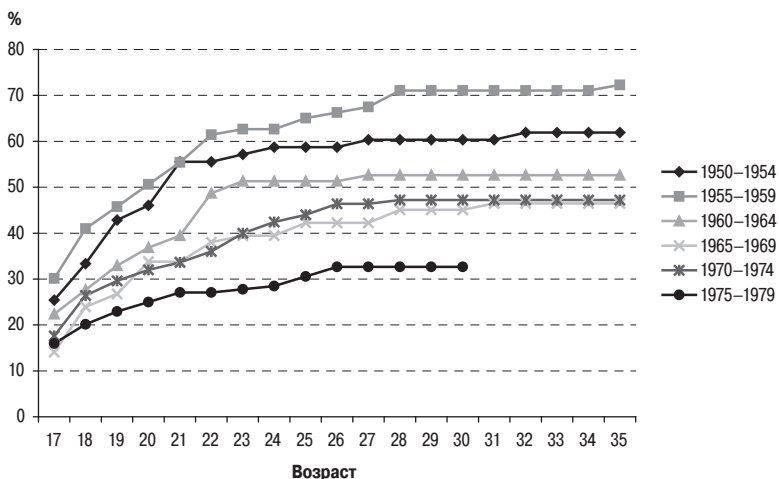
ных поколениях. Очевидно, это связано с тем, что для многих мужчин армейская миграция, исключенная из анализа, — единственное долгосрочное перемещение за всю взрослую жизнь. В свою очередь первичная миграционная активность мужчин, служивших в армии, меньше, чем у неслуживших мужчин. Однако по мере движения от старших к молодым поколениям разница в первичной миграционной активности между двумя категориями мужчин сокращается (рис. 5 и 6).

В целом, миграционная активность россиян по данным ОиЗ–2005 оказалась невысокой, что согласуется с результатами анализа данных текущего учета миграций и переписей населения²¹. Среднее число переездов на одного респондента, родившегося в России, составило 1,5 раза, включая тех, кто ни разу никуда не переезжал. Если учитывать только тех респондентов, кто переезжал хотя бы один раз, то среднее число миграций составило 2,2 переезда на одного внутреннего мигранта на протяжении жизни. Доля переездов, совершенных респондентами после 30-летнего возраста, составляет лишь 11,2% от числа всех переездов россиян. Интенсивность переездов на 100 человек в возрасте до 30 лет, представленная на рис. 7, имела устойчивую тенденцию к снижению в 1980–1998 гг., после чего наблюдается ее незначительное увеличение.

²¹ Как отмечают Ж.А. Зайончковская и Н.В. Мкртчян: «Мобильность населения сейчас примерно такая же, как была в России до первой мировой войны» [Зайончковская, Мкртчян, 2008, с. 246].

Рисунок 6

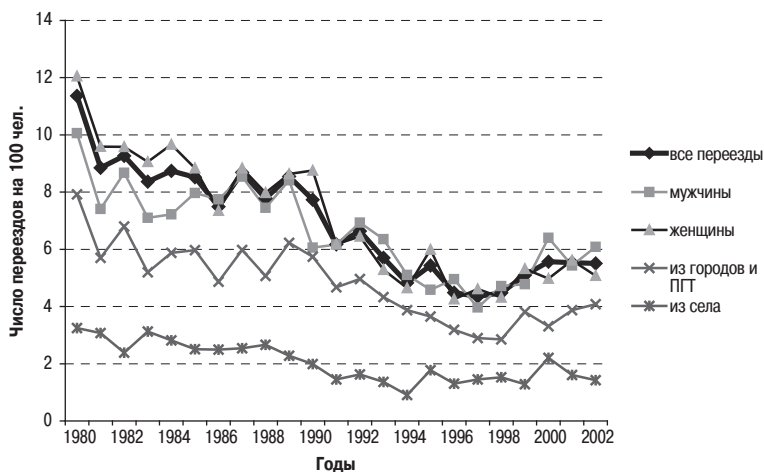
Вероятность первой миграции накопленным итогом к указанному возрасту, мужчины 1950–1985 гг. рождения, родившиеся в России и не служившие в армии

Источник: расчет авторов на основе данных ОиЗ–2005.

Рисунок 7

Число переездов внутри России в возрасте до 30 лет включительно в 1980–2002 гг., на 100 чел.

Источник: расчет авторов на основе данных ОиЗ–2005.

Распределение миграционных перемещений* по направлениям потоков без учета армейской миграции, оба пола, в %

Переезды		Откуда				
		региональный центр**	прочий город	ПГТ	село	всего
Куда	Региональный центр**	7,5	10,0	3,8	12,3	33,6
	Прочий город	7,9	9,6	3,4	7,5	28,4
	ПГТ	2,8	2,8	1,4	2,6	9,6
	Село	10,0	7,6	2,3	8,5	28,4
	Всего	28,2	30,0	10,9	30,9	100,0

Примечания: * — расчетная единица в таблице — переезд за пределы административных границ населенных пунктов; ** — города — центры субъектов Российской Федерации республиканского, краевого, областного уровня, включая Москву и Санкт-Петербург. *Источник:* расчет авторов на основе данных ОиЗ–2005.

При этом миграционная подвижность женщин, которая в советское время была выше, чем у мужчин (без учета армейской миграции), в переходный период сравнилась с миграционной активностью мужчин.

Важно отметить, что интенсивность миграций из сельской местности (как в города, так и в другие села) в 1980–2002 гг.²² оставалась на низком уровне и не претерпела существенных изменений. Напротив, миграции из городов (как правило, в другие города) демонстрировали понижающий тренд интенсивности переездов, отчетливо выраженный после 1990 г. Среди переездов из села и из «прочих городов» выделяется миграция в областные (региональные) центры. Существенную роль в миграционных потоках играют переезды из областных центров в село, что, как правило, связано с возвращением в родительский дом после обучения (*табл. 15*).

На фоне общего снижения интенсивности миграций доля переездов из села немного возрастает в общем числе переездов в молодых поколениях. Основные причины миграции из села, исключая службу в армии, — переезды, связанные с учебой (39%), работой (своей или брачного партнера) (19%) или брачной миграцией (10%). Причем по мере перехода от старших к младшим возрастным когортам повышается доля миграции из села в связи с учебой и снижается доля переездов по причине работы, а уровень брачной миграции меняется незначи-

²² Интенсивность переездов на 100 человек рассматривалась за 1980–2002 гг., что связано с возрастными особенностями выборочной совокупности обследования ОиЗ–2005: к 1980 г. все респонденты, представляющие старшие поколения, достигли 30-летнего возраста и, соответственно, интенсивность миграций в молодых возрастах стала сопоставимой по годам.

Распределение респондентов* по типу населенного пункта, где они проживали в момент рождения и на момент опроса, оба пола, в %

Переезды		Место рождения			
		Москва, Санкт-Петербург	региональный центр**	прочие города, ПГТ	село
Место жительства	Москва, Санкт-Петербург	5,1	1,1	2,0	1,7
	Региональный центр**	0,2	14,3	7,4	9,7
	Прочие города, ПГТ	2,9		18,3	12,1
	Село	5,0			20,2

Примечания: * — всего 100%, расчетная единица в таблице — респондент; ** — города — центры субъектов Российской Федерации республиканского, краевого, областного уровня.

Источник: расчет авторов на основе данных РидМиЖ–2004.

тельно. Переезды между городами, включая ПГТ и областные центры, в первую очередь связаны с работой (своей или партнера) (34%), обучением (21%) и возвращением в родительский дом после обучения (14%). При этом значение брачной миграции и переездов в связи с получением (покупкой) квартиры или дома в другом населенном пункте в миграции между городами ниже, чем в переездах из сельской местности в городскую.

С помощью данных РидМиЖ–2004 можно дополнить имеющуюся картину внутренних миграций анализом изменений места проживания респондентов на момент рождения и в период опроса. Расчеты показывают, что на фоне невысокой миграционной активности россиян в целом, более половины из них проживают в том же населенном пункте, в котором родились²³ (табл. 16). Причем в масштабе страны наименьшую итоговую миграционную активность показывают жители села. Это не означает, что эти люди никогда никуда не переезжали, часть из них, безусловно, имела в своей биографии миграционный опыт, но затем они возвращались обратно в родные пенаты. Наши выборочные данные неплохо согласуются с данными российских переписей населения²⁴.

²³ По результатам ответа на вопрос: «Скажите, пожалуйста, с какого месяца и года Вы проживаете в этом населенном пункте — городе, ПГТ, сельском районе», для которого предлагалась подсказка: «я здесь родился (лась)».

²⁴ По данным переписи 1989 г., доля населения, проживающего непрерывно с рождения в месте постоянного жительства, составляла 49%, микропереписи 1994 г. — 58%, переписи 2002 г. — 55%.

Таким образом, внутренняя миграционная подвижность россиян крайне невысока. Более того, она имела длительный, более чем 20-летний негативный тренд, лишь в конце 1990-х гг. сменившийся слабой положительной динамикой²⁵. Двукратное падение вероятности сменить место жительства в послевоенных поколениях россиян фактически означает, что миграционная основа для вертикальной социальной мобильности в последних десятилетиях советского периода и в 1990-х гг. снижалась. Для нас также важно, что снижающаяся территориальная мобильность как фактор, влияющий на репродуктивное поведение и, в конечном итоге, на рождаемость в России, должна была играть существенно меньшую роль в последние десятилетия, по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями.

Уровень рождаемости женщин в зависимости от типа населенного пункта, в котором они родились и куда переехали, достигнув 15-летия

Рассмотрим, как различаются итоговые характеристики рождаемости мигрантов в зависимости от направленности внутрироссийских миграционных потоков: из сельской в городскую местность, между городскими поселениями различного иерархического уровня. Во всех ли случаях мигранты отличаются уровнем рождаемости от немигрантов как в местах выезда, так и в местах вселения? Во всех ли случаях мигрант отличается более низкой рождаемостью от ровесника-немигранта?

Уровень рождаемости в России у коренных жителей варьирует по типам населенных пунктов. В сельской местности он существенно выше, чем в городской, а в городской местности зависит от административного статуса города — в столичных городах Москве и Санкт-Петербурге он самый низкий, а в провинциальных городах и поселках городского типа (ПГТ), не являющихся региональными центрами, он заметно выше. Обе столицы занимают промежуточное положение. Данный порядок в рейтинге типов населенных пунктов по уровню рождаемости

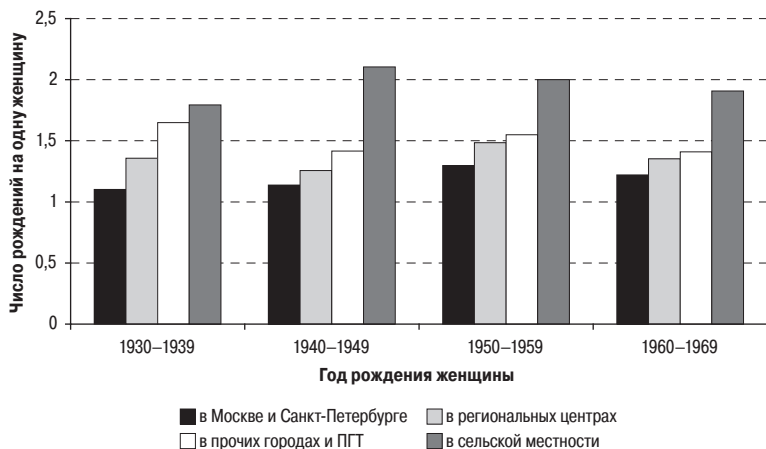
²⁵ Резкое снижение внутренней внутри- и межобластной миграционной мобильности в России зафиксировано и по данным текущего учета, см., например: [Денисенко, 1996, с. 7; Мкртчян, Зайончковская, 2006, с. 309–310]. Миграционная мобильность для реальных поколений россиян 1913–1993 гг. рождения изучалась Е.М. Андреевым и М.В. Рахманиновой на основе специальной разработки индивидуальных данных микропереписи 1994 г. К сожалению, данные микропереписи не позволяют оценить вероятность первой и повторных миграций для индивида. К тому же опубликованные авторами вероятности смены места жительства по реальным поколениям не приведены к фиксированному возрасту, и по этим причинам несопоставимы с нашими данными. Тем не менее после приведения вероятностей переезда к календарным годам, они также свидетельствуют о резком снижении миграционной мобильности в 1990-х гг. [Андреев, Рахманинова, 1999, с. 56–57].

поддерживается для всех послевоенных поколений женщин, на фоне уменьшающихся различий, особенно заметном для городских поселений разного уровня (рис. 8). Учитывая данное обстоятельство, мигрант, перемещающийся «вверх» по иерархической лестнице поселений от сельских к столичным городам, встречается с все более низкими стандартами уровня рождаемости, характерными для коренных жителей принимающего мигранта населенного пункта.

Основной поток мигрантов, менявших место жительства в послевоенное время, представлял собой сельских жителей по рождению. Часть из них переезжала из одного села в другое, что, в частности, характерно для женщин в связи с вступлением в брак. Судя по данным, которые предоставило исследование РидМиЖ, уровень рождаемости женщин, перемещавшихся в рамках сельской местности, слабо отличается от показателей для женщин, проживших всю свою жизнь в родном селе, а если и отличается, то зачастую в большую сторону, что свидетельствует лишь о положительной роли миграции в решении матримониальных проблем. Однако большинство сельских мигранток после окончания школы направлялись в города, в которых они демонстрировали уровень рождаемости, существенно меньший, нежели их ровесницы, оставшиеся в сельской местности. Причем переезд в ближайший для родного села провинциальный город, не являющийся региональным центром (республиканского, краевого, областного

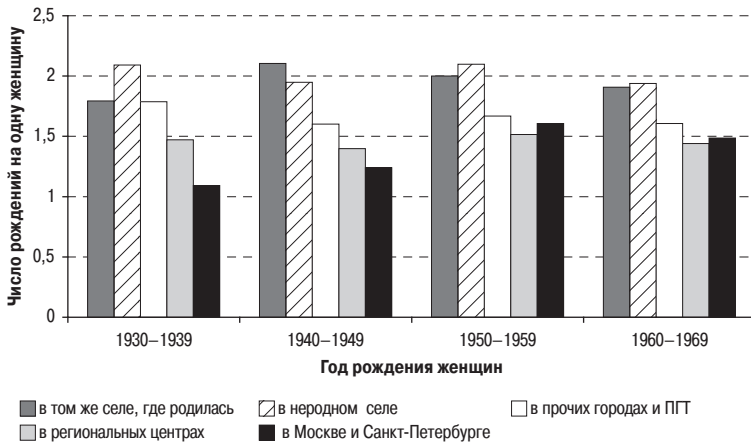
Рисунок 8

Среднее число рождений на одну женщину к возрасту 35 лет в зависимости от типа населенного пункта, в котором она проживает непрерывно с момента своего рождения: реальные поколения 1930–1969 гг. рождения

Источник: Расчеты авторов по данным РидМиЖ–2004.

Среднее число рождений на одну женщину, родившуюся в сельской местности России, к возрасту 35 лет в зависимости от типа населенного пункта, в котором она проживала на момент обследования: реальные поколения 1930–1969 гг. рождения

Примечание: в расчетах показателей для мигрантов учтены только те женщины, которые совершили последний переезд в возрасте 15 лет и старше.

Источник: расчеты авторов по данным РИДМЖ–2004.

уровня), приводил к меньшим потерям в уровне итоговой рождаемости, по сравнению с переездом в региональные центры и столичные города (рис. 9, Приложение).

Рождаемость сельско-городских мигранток занимает промежуточное положение между уровнем, характерным для сельских жительниц, не менявших места своего жительства с рождения, и уровнем, характерным для урожденных горожанок (табл. 17). Более того, показатели рождаемости для мигранток из села более тяготеют к показателям коренных горожанок, чем к показателям сельчанок. Таким образом, мы еще раз воспроизвели и подтвердили результаты, полученные ранее другими исследователями, в том числе и российскими.

Более сложная ситуация складывается в отношении мигранток, родившихся в городской местности. Перемещения между городами приводят к чуть более позднему материнству, но не вызывают снижение итоговых показателей рождаемости реальных поколений городского населения в целом: переезд в города более высокого статуса ассоциируется с понижением рождаемости у мигранток по сравнению с ровесницами-немигрантками, а переезд в города сопоставимого статуса — с такой же или чуть более высокой рождаемостью. В то же время переезд в сельскую местность — напротив, связан с существен-

ным повышением итоговой рождаемости мигранток вплоть до уровней, превышающих рождаемость коренных сельских жительниц (табл. 17). Рис. 10 иллюстрирует вышесказанное для случая, когда уроженка провинциального города («прочего» города в классификации РидМиЖ) или ПГТ становится жительницей регионального центра областного уровня, другого города/ПГТ или сельской жительницей.

Обобщающая картина различий в уровне рождаемости немигранток и мигранток в зависимости от типа населенного пункта, в котором они родились, и населенного пункта, куда был совершен последний переезд в возрасте 15 лет и старше, представлена в табл. 18. Небольшое число наблюдений для некоторых категорий мигрантов (мигранток из столичных городов и областных центров в сельскую местность, из областных центров в Москву и Санкт-Петербург) не позволяет настаивать на ста-

Таблица 17

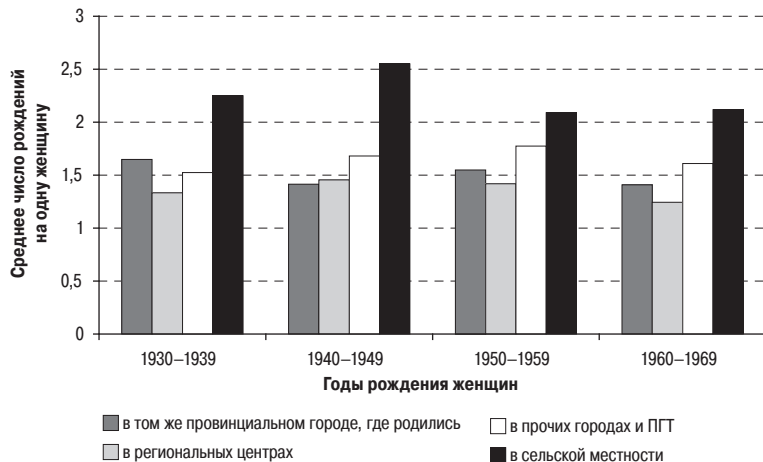
Среднее число рожденных детей для городских и сельских женщин к возрасту 25, 35 и 45 лет в зависимости от миграционного статуса *

Характеристики	Городские жители на момент опроса			Сельские жители на момент опроса		
	проживают непрерывно с рождения в месте опроса	прибыли**:		проживают непрерывно с рождения в месте опроса	прибыли**:	
		из других городских поселений	из сельских поселений		из городских поселений	из других сельских поселений
К возрасту 25 лет (когорты 1925–1979 гг. рождения)	0,76	0,71	0,79	1,04	1,13	1,10
Число респондентов	1545	777	1161	538	184	573
К возрасту 35 лет (когорты 1925–1969 гг. рождения)	1,38	1,47	1,57	1,93	2,14	2,03
Число респондентов	1132	653	1077	431	154	516
К возрасту 45 лет (когорты 1925–1959 гг. рождения)	1,51	1,56	1,68	2,12	2,38	2,19
Число респондентов	778	501	914	317	111	380

Примечания: * — все респонденты большую часть детства (до 15 лет) провели на территории России; ** — респонденты, прибывшие в населенный пункт, где был проведен опрос, в возрасте 15 лет и старше и не родившиеся в нем.

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ–2004.

Среднее число рождений на одну женщину, родившуюся в провинциальном городе/ПГТ, к возрасту 35 лет в зависимости от типа населенного пункта, в котором она проживала на момент обследования: реальные поколения 1930–1969 гг. рождения

Примечание: в расчетах показателей для мигрантов учтены только те женщины, которые совершили последний переезд в возрасте 15 лет и старше.

Источник: расчеты авторов по данным РидМиЖ–2004.

статистической значимости всех выявленных различий. Однако картина в целом представляется достаточно очевидной: уровень рождаемости мигрантов зависит одновременно и от места рождения, и от места вселения, тяготея к последнему. Причем миграция в направлении более высокого административного и экономического статуса населенного пункта, по сравнению с местом, в котором родился респондент, связана с понижением уровня рождаемости среди мигрантов. В то же время мигранты, переехавшие из населенных пунктов более низкого иерархического уровня, все-таки сохраняют некоторое преимущество в уровне рождаемости перед уроженцами городов, абсорбирующих мигрантов.

Миграция в большинстве случаев оказывается выгодной не только для городов-реципиентов миграционных потоков, но и, на удивление, для сельской местности, в которой, не столь уж редкий уроженец городской местности демонстрирует уровень рождаемости, свойственный не столько городскому, сколько сельскому жителю. Возникает вопрос о скрытой от нас селективности по признаку репродуктивных установок для мигрантов, переезжающих из городов в село. Правда, здесь нужно сделать важную оговорку. Наши данные не позволяют ответить на вопрос, в городской или сельской местности респондент, урожденный

Среднее число рожденных детей к возрасту 35 лет для женщин в зависимости от типа населенного пункта, в котором они родились, и типа населенного пункта, в котором они проживали на момент опроса*

Тип населенного пункта, в котором родился респондент	Проживают непрерывно с рождения в одном и том же населенном пункте указанного типа	Тип населенного пункта, в котором проживал респондент на момент опроса**			
		Москва, Санкт-Петербург	Региональные центры***	Прочие города и ПГТ	Сельские населенные пункты
Москва, Санкт-Петербург	1,19 (224)	X			
Региональные центры***	1,38 (426)	1,30 (27)	1,26 (94)	1,81 (69)	1,94 (35)
Прочие города и ПГТ	1,50 (413)	1,25 (83)	1,36 (185)	1,66 (192)	2,20 (115)
Сельские населенные пункты	1,93 (431)	1,27 (77)	1,46 (432)	1,70 (568)	2,03 (516)

Примечания: в скобках указано число опрошенных женщин, указанных категорий.

* — респонденты 1925–1969 гг. рождения, которые провели детство на территории Российской Федерации; ** — респонденты, прибывшие в населенный пункт, где был проведен опрос, в возрасте 15 лет и старше и не родившиеся в нем; *** — города — центры субъектов Российской Федерации республиканского, краевого и областного уровня.

Источник: расчеты авторов на основе данных РидМиЖ—2004.

горожанином, проживал после своего рождения до 15 лет, в сельской или городской школе он обучался до момента приезда в село, где его застало наше обследование. Однако, на наш взгляд, если бы и удалось уточнить данное обстоятельство, едва ли это привело бы к существенной корректировке общего вывода. Заметим также, что наши результаты анализа дифференциальной рождаемости в зависимости от миграционного статуса респондента и направления миграционного потока не только близки к результатам, полученным для России другими авторами на основе других источников информации и в другие годы (см. раздел 2 данной статьи), но и удивительно хорошо корреспондируются с результатами, полученными Н. Kulu для Эстонии [Kulu, 2003]²⁶, в которой и общий уровень рождаемости, и территориально-экономическая организация населения и общества сильно отличаются от российских. Не есть ли это свидетельство универсальности выявленных закономерностей?

²⁶ Фундаментальное исследование Н. Kulu базируется на данных большого выборочного исследования, выполненного в Эстонии в рамках программы международных сравнительных исследований «Family and Fertility Survey» (FFS). Характер этих данных, включающих репродуктивные и миграционные биографии респондентов, во многом аналогичен данным наших исследований РидМиЖ и ОиЗ.

Вероятность рождения первого и второго ребенка в зависимости от миграционного статуса родителя

Вставка: Методология анализа

Для ответа на вопрос о том, имеются ли какие-либо отличия в репродуктивном поведении внутренних мигрантов и тех, кто никуда не переезжал, использовался метод множительной оценки Каплана–Мейера (*Kaplan–Meier. Survival Analysis* [см: Kaplan, Meier, 1958]). При анализе первого рождения для каждого респондента строился временной интервал, соответствующий периоду от момента 17-летия до рождения первого ребенка (или до даты опроса, если у респондента не было детей). Респонденты, у которых первое рождение имело место до наступления 17 лет, исключались из анализа. Для анализа вторых рождений строился временной интервал между первым и вторым рождениями (или до даты опроса, если у респондента не было второго ребенка).

Перемножая вероятности *не родить* ребенка в каждом интервале, получим следующую формулу для кумулятивной функции «дожития» (доли оставшихся)¹ в составе совокупности, не родивших очередного (первого или второго ребенка):

$$S(t_i) = \prod_{t_j \leq t_i} \left(1 - \frac{d_j}{n_j} \right).$$

В этом выражении $S(t_i)$ — оценка функции «дожития» (вероятности остаться в совокупности с числом рождений на одно меньше, т.е. бездетных или однодетных) для периода t_i , n_j — число респондентов, у которых еще не было очередного рождения (первого / второго рождения (события) к началу периода t_j ; d_j — число событий (первых или вторых рождений) в период t_j . При этом n_0 — число респондентов в базе данных ОиЗ–2005; $t_0 = 0$; $d_0 = 0$.

Следует подчеркнуть, что график функции «дожития» показывает не долю наблюдений, «доживших» до некоторого момента времени t_i , а безусловную вероятность того, что наблюдение (респондент) будет пребывать в рассматриваемом состоянии до некоторого момента, за пределами t_i .

Данные опроса ОиЗ–2005 представляют собой цензурированные наблюдения, усеченные справа по 2005 г. При этом продолжительность наблюдения ограничена с момента 17-летия до момента проведения опроса. Под «событием» в проведенном анализе понимается рождение ребенка. К моменту опроса часть респондентов еще не имела ни одного ребенка, и неизвестно будут ли они его иметь в будущем, то есть данные о них являются неполными (цензурированными). Аналогично

¹ Термин «функция дожития» — прямой перевод английского термина «Survival function», в свою очередь заимствованного из биостатистики. В случае известных таблиц смертности (таблиц дожития) использование данного термина не вызывает ассоциативных сложностей в русском языке. Применительно к демографическим таблицам, построенным по аналогии с таблицами смертности для других событий (брачности, рождаемости, занятости), использование понятия «дожитие» в составе совокупности, не обладающей признаком наступления изучаемого события, вызывает сложность, поскольку при построении чистых таблиц, скажем, вступления в брак, таблиц рождаемости по очередности рождения и т.п. смертность не учитывается (таблицы для «бессмертных» людей). Чтобы учесть смертность, строятся специальные комбинированные таблицы, в которых вероятность наступления изучаемого события умножается на вероятность дожить до момента наступления события (например, дожить до некоторого возраста и родить ребенка). С другой стороны, при выборочных опросах мы имеем дело с ответами на вопросы о наступивших событиях от живых респондентов, т.е. заведомо доживших до момента наступления изучаемого события, и, следовательно, смертность в неявном виде нами учтена. Поэтому использование термина «дожитие» вполне оправдано.

и для тех однодетных респондентов, которые еще не родили/не успели родить второго ребенка к моменту опроса. Метод Каплана–Мейера позволяет работать с такими данными.

Функции «дожития» для внутренних мигрантов и немигрантов строились как по всем респондентам, родившимся в России, так и в гендерном разрезе и для разных когорт по году рождения. Поскольку служба в армии в большинстве случаев деформирует жизненный цикл индивида, сдвигая формирование семьи на более поздний возраст, мужчины, в свою очередь, были разделены на тех, кто проходил срочную военную службу, и тех, кто не служил. Это позволило оценить связь между миграцией и календарем рождений у респондентов разных реальных поколений и в гендерном разрезе с учетом специфики миграционной биографии для мужчин.

Сравнивая функции «дожития» для респондентов, имевших и не имевших опыт переездов до рождения первого ребенка², можно отследить различия в репродуктивном поведении двух выделенных категорий респондентов. А с помощью статистических тестов³ определить, являются ли различия между функциями «дожития» значимыми. В настоящем анализе применялся стандартный уровень значимости равный 0,05.

² В случае вторых рождений — период между рождением первого и второго ребенка.

³ Прежде всего это тесты Long-Rank (Mantel-Cox), Breslow (Generalized Wilcoxon), Tarone-Ware.

Первое рождение. Метод множительной оценки Каплана — Мейера по всем респондентам, родившимся в России, показывает, что миграция до первого рождения значимо сдвигает календарь рождений, но не снижает итоговое число первых рождений. Более того, доля окончательно бездетных среди мигрантов даже чуть ниже, чем среди тех, кто не переезжал до рождения первого ребенка — 8,5% против 10% (рис. 11).

У женщин-мигранток очевиден значимый, более заметный, чем у мужчин, сдвиг в календаре первых рождений. Но доля родивших первого ребенка (93%) остается такой же, как и у женщин, которые никуда не переезжали (рис. 12). Различия в календаре рождений мигранток и немигранток значимы для всех поколений, кроме самых молодых женщин²⁷. Типичный²⁸ вид функций «дожития» для реального поколения представлен на рисунке 13 и относится к когорте женщин 1965–1969 гг. рождения.

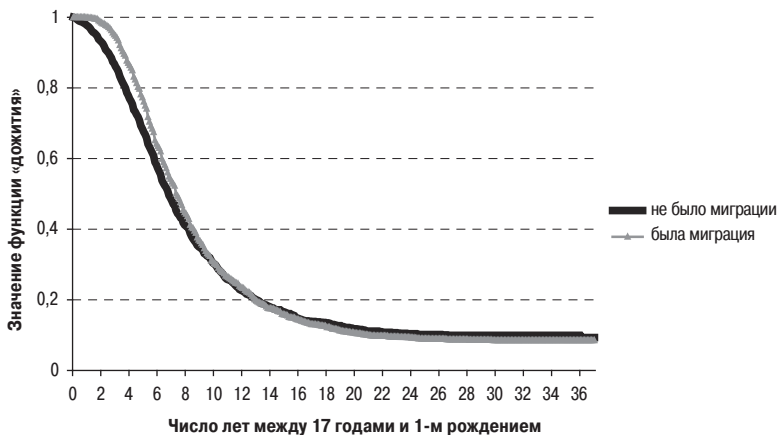
Для мужчин-мигрантов, служивших в армии, миграция до рождения ребенка, так же как и для женщин, значимо отодвигает время на-

²⁷ Единственной когортой, в которой не было значимых различий в функциях «дожития» по первому рождению в зависимости от миграционного статуса, стала самая молодая из анализируемых групп 1980–1984 гг. рождения, хотя, возможно, отсутствие значимых различий было связано с недостаточным числом событий (первых рождений) в ней на момент проведения опроса.

²⁸ Внешний вид функции «дожития» для мигранток и немигранток выглядел похоже для всех пятилетних когорт, кроме самой молодой.

Рисунок 11

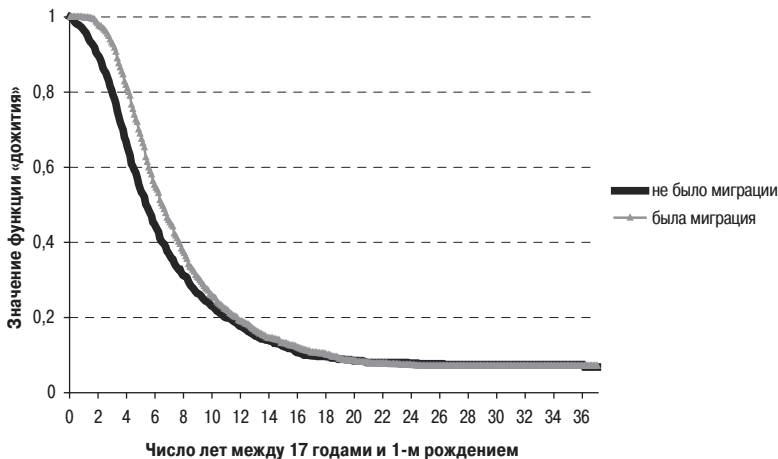
Кумулятивная функция «дожития» в состоянии бездетности в зависимости от того, предшествовало ли рождению ребенка миграционное событие: все респонденты обоего пола, родившиеся в России

Источник: здесь и для рис. 12–25 оценка авторов по методу Каплана–Мейера на основе данных ОиЗ–2005.

Рисунок 12

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии бездетности в зависимости от того, предшествовало ли рождению ребенка миграционное событие: женщины, родившиеся в России

ступления первого рождения, а итоговая доля мужчин с одним ребенком оказывается ниже, чем у тех, кто служил в армии, но никуда не переезжал (рис. 14). Напротив, в юности календари рождений мужчин,

Рисунок 13

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии бездетности в зависимости от того, предшествовало ли рождению ребенка миграционное событие: женщины, родившиеся в России в 1965–1969 гг.

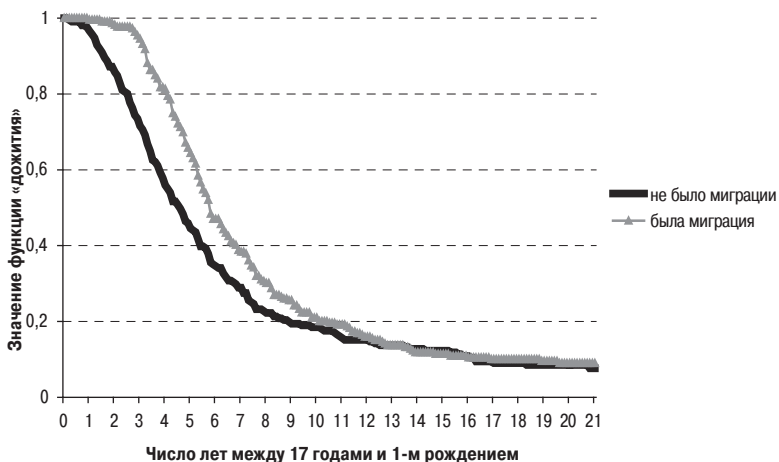
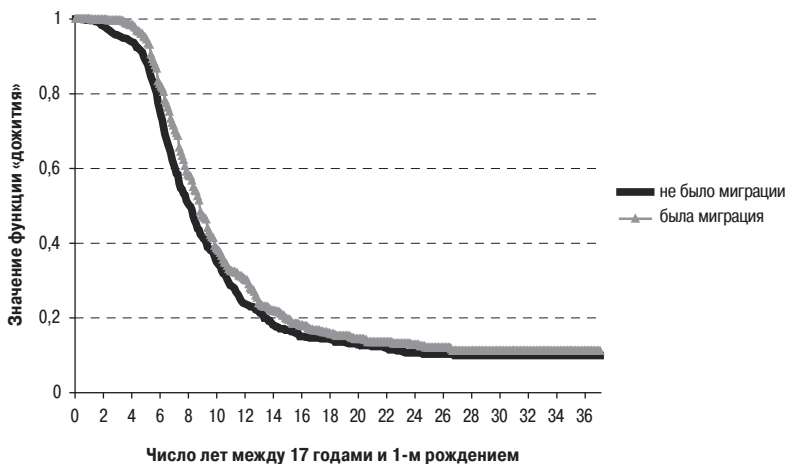

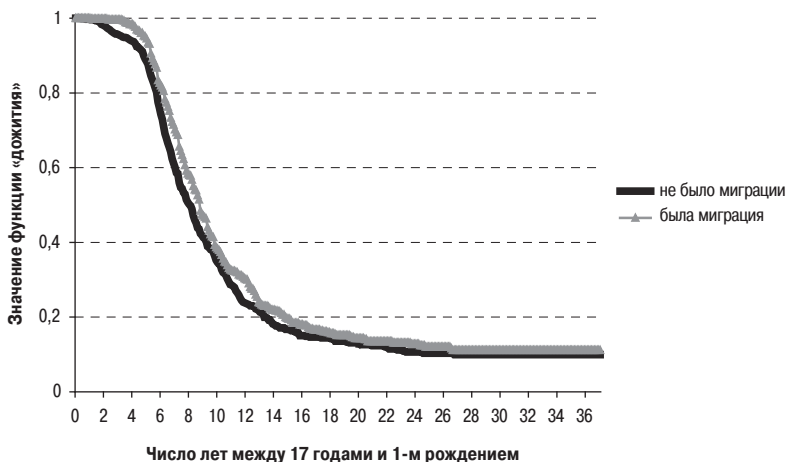
Рисунок 14

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии бездетности в зависимости от того, предшествовало ли рождению ребенка миграционное событие: мужчины, родившиеся в России и служившие в армии

не служивших в армии, практически совпадают для мигрантов и не-мигрантов. Различия наступают в более поздних возрастах, и в результате, не служившие в армии мужчины-немигранты, как ни странно, в конечном итоге остаются бездетными чаще, чем такие же мужчины-

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии бездетности в зависимости от того, предшествовало ли рождению ребенка миграционное событие: мужчины, родившиеся в России и не служившие в армии

мигранты — 22% против 11% (рис. 15). Вполне возможно, что миграция расширяет брачный выбор для мужчин, повышая вероятность стать отцом.

У мужчин, служивших в армии, значимые отличия в функциях «дожития», и, соответственно, в календаре первых рождений в зависимости от миграционного статуса имели место только в когортах 1960–1964 и 1970–1974 гг. рождения. При этом в обеих когортах первые рождения не только откладывались, но и итоговая доля имевших первого ребенка у мужчин-мигрантов была ниже, чем у мужчин-немигрантов (рис. 16). Напомним, что период службы в армии для когорт первой половины 1960-х гг. рождения совпал с войной в Афганистане, а для когорт первой половины 1970-х гг. — с лихолетьем эпохи больших перемен в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Можно предположить, что адаптация после армейской службы у представителей данных когорт проходила особенно трудно. В остальных когортах мужчин, имевших опыт службы в армии, различия между мужчинами-мигрантами и немигрантами статистически не значимы, как по календарю рождения, так и по доле, имевших первого ребенка. В качестве характерного примера приведем функции дожития для когорты 1975–1979 гг. рождения (рис. 17).

Для мужчин, не служивших в армии, в разрезе реальных поколений различия в функциях «дожития» в зависимости от миграционного статуса оказываются незначимыми для всех когорт. Иными словами,

Рисунок 16

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии бездетности в зависимости от того, предшествовало ли рождению ребенка миграционное событие: мужчины, родившиеся в России в 1970–1974 гг. и служившие в армии

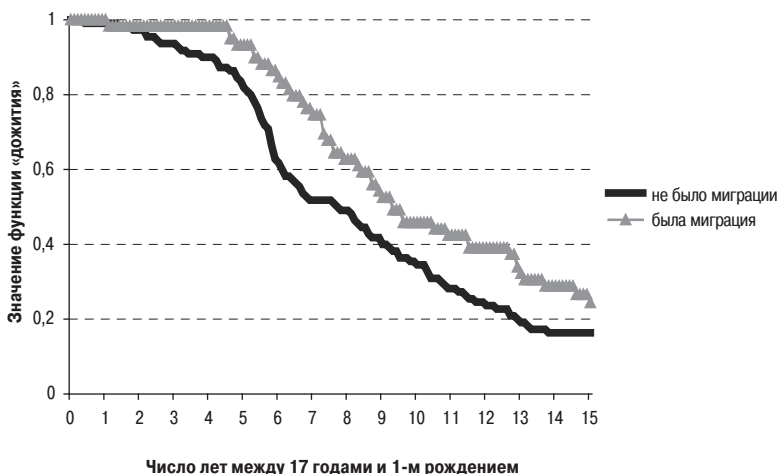
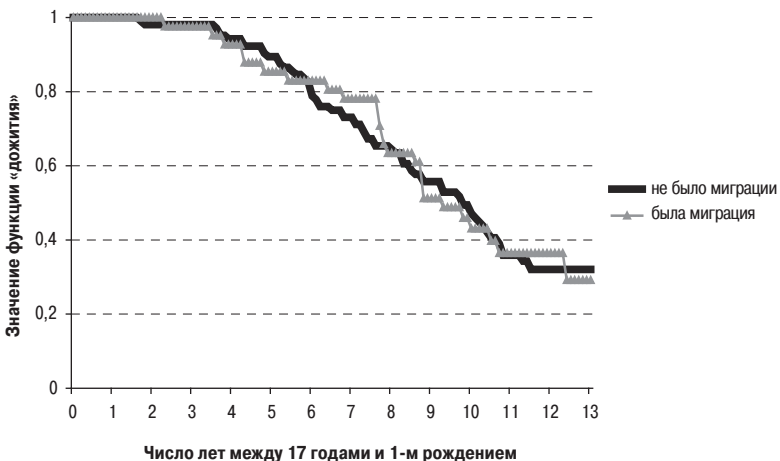

Рисунок 17

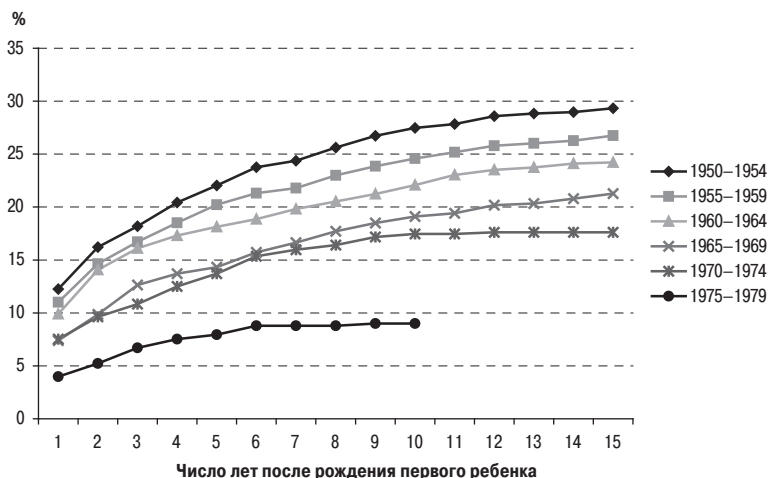
Кумулятивная функция «дожития» в состоянии бездетности в зависимости от того, предшествовало ли рождению ребенка миграционное событие: мужчины, родившиеся в России в 1975–1979 гг. и служившие в армии

для этой категории респондентов миграция и вероятность первого рождения не связаны между собой.

Второе рождение. Для анализа второго рождения факт миграции фиксировался с момента первого рождения, а не с 17-летнего возраста.

Кумулятивная функция вероятности переезда в течение указанного числа лет после первого рождения: все респонденты, родившиеся в России в 1950–1979 гг.

Переезды до первого рождения при анализе второго рождения не принимались во внимание.

Как и в случае с первичной миграцией, рассмотренной выше безотносительно к рождаемости²⁹, миграционная активность после первого рождения в разрезе реальных поколений имела тенденцию к сокращению по мере перехода от старшей когорты к младшей (*рис. 18*), причем как у мужчин, так и у женщин (*рис. 19* и *20*). Особенно заметно ее падение в последней, самой молодой из анализируемых когорт — 1975–1979 гг. рождения. Миграционная активность этой когорты после первого рождения была более чем вдвое ниже по сравнению со старшей возрастной группой 1950–1954 гг. рождения.

У женщин падение миграционной активности проходило более последовательно от поколения к поколению, чем у мужчин. В самых молодых поколениях женщины после первого рождения демонстрируют меньшую вероятность переезда, чем мужчины, хотя для поколений 1950-х гг. рождения, различия в миграционной активности по полу были не очевидны.

В целом, по всем респондентам, родившимся в России, миграция после первого рождения значительно сдвигает во времени наступление

²⁹ Анализ межпоколенной динамики миграционной активности до первого рождения в статье не представлен, поскольку это было бы малоинтересным повторением анализа первичной миграции, приведенной в разделе 4. Первичная миграция в подавляющем большинстве случаев совершается до первого рождения.

Рисунок 19

Кумулятивная функция вероятности переезда в течение указанного числа лет после первого рождения: мужчины, родившиеся в России в 1950–1979 гг.

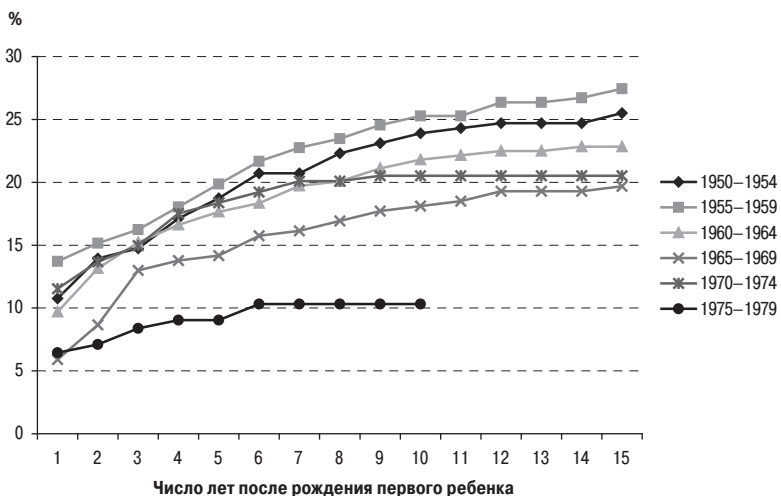
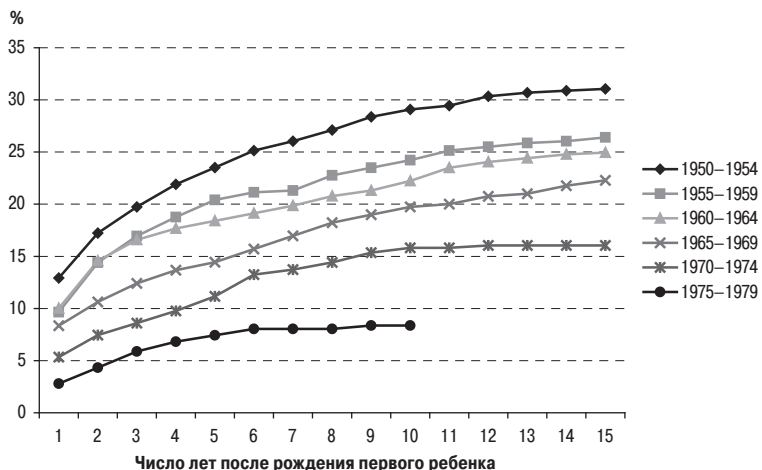

Рисунок 20

Кумулятивная функция вероятности переезда в течение указанного числа лет после первого рождения: женщины, родившиеся в России в 1950–1979 гг.

второго рождения. При этом итоговая доля имевших второе рождение среди мигрантов — 60% оказывается немного меньшей по сравнению с теми, кто не менял место жительства после первого рождения — 65% (рис. 21). По такому сценарию ситуация складывается, в первую очередь,

Рисунок 21

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии однодетности в течение указанного числа лет, прошедших после первого рождения, в зависимости от того, предшествовало ли рождению второго ребенка миграционное событие: все респонденты, родившиеся в России

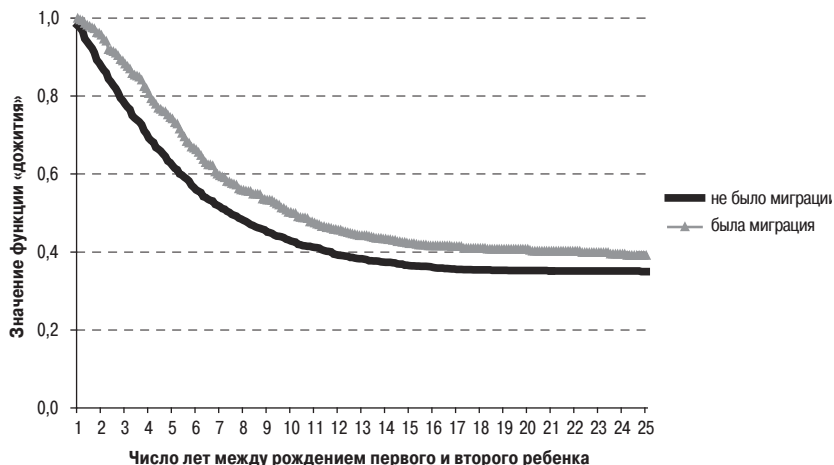
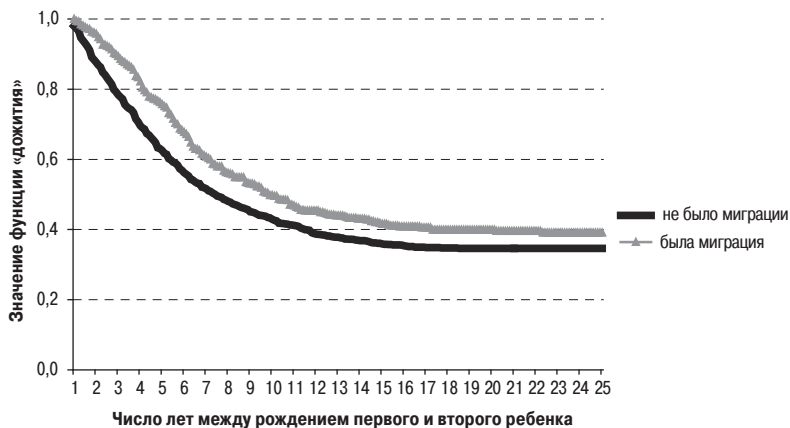

Рисунок 22

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии однодетности в течение указанного числа лет, прошедших после первого рождения, в зависимости от того, предшествовало ли рождению второго ребенка миграционное событие: женщины, родившиеся в России

для женщин, среди которых переезжавшие рожают второго ребенка с увеличенным интервалом после первого и с меньшей итоговой вероятностью, чем непереезжавшие женщины (рис. 22).

Рисунок 23

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии однодетности в течение указанного числа лет, прошедших после первого рождения, в зависимости от того, предшествовало ли рождению второго ребенка миграционное событие: мужчины, родившиеся в России и служившие в армии

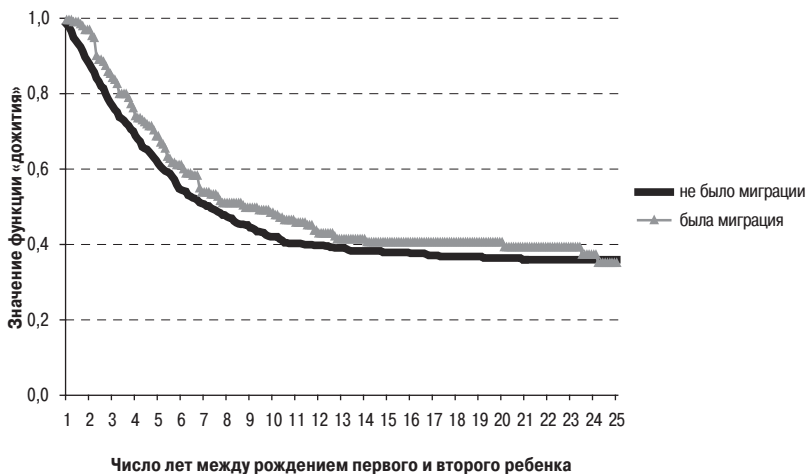
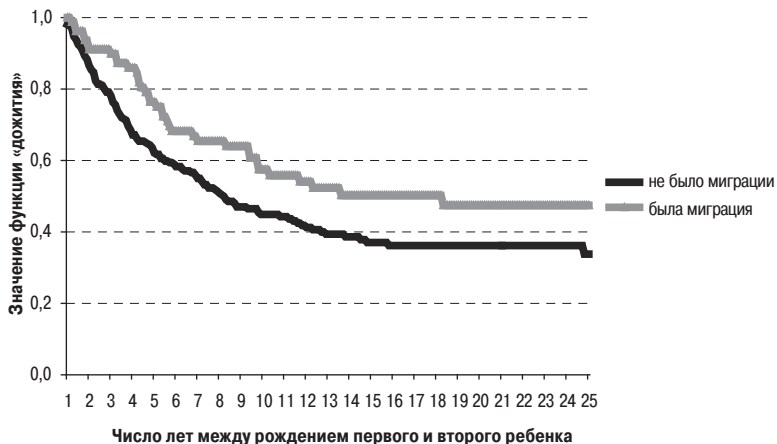

Рисунок 24

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии однодетности в течение указанного числа лет, прошедших после первого рождения, в зависимости от того, предшествовало ли рождению второго ребенка миграционное событие: мужчины, родившиеся в России и не служившие в армии

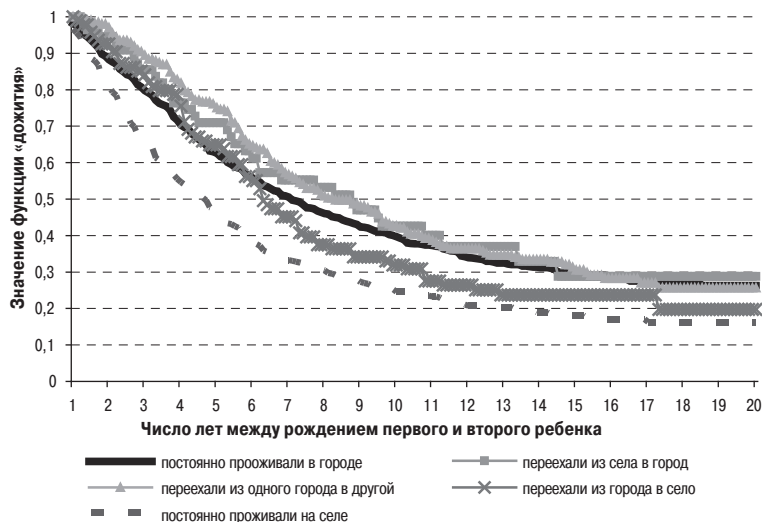
Анализ вторых рождений у мужчин дает несколько иную картину. Хотя зависимость календаря и итоговой вероятности вторых рождений от миграционного статуса в целом выглядит так же, как и у женщин, но имеются и некоторые важные особенности. Во-первых, у мужчин, служивших в армии, разница в функциях «дожития» в зависимости от того, имела ли место миграция между первым и вторым рождением, оказывается статистически незначимой (рис. 23). Во-вторых, у мужчин, не служивших в армии, календарь вторых рождений в случае миграции после первого рождения значимо сдвигается. Более того, итоговая доля имевших второе рождение среди переезжавших после первого рождения оказывается существенно меньше — 53% против 66% (рис. 24). Иными словами, для мужчин, не служивших в армии, переезд после первого рождения приводит к значительному откладыванию второго рождения и при этом снижает итоговую вероятность наступления этого события. Для тех мужчин, которые служили в армии, данная закономерность если и имеет место, то проявляется очень слабо, и статистически не доказана.

Более высокая вероятность повторных рождений у мужчин, служивших в армии, заставляет задуматься о возможной селективности при попадании в данную категорию в зависимости от социальных характеристик, обычно ассоциирующихся с более высокими репродуктивными установками. Социальный состав мужчин, служивших в армии, как известно, сильно смещен в сторону менее образованных слоев, выходцев из села и т.п.

Рассмотрим теперь, различается ли вероятность второго рождения в зависимости от направления переезда, если оно имело место после первого рождения (рис. 25).

У женщин, переехавших из сел в городские поселения после первого рождения, вероятность второго рождения оказывается несколько ниже, чем у тех, кто жил в городской местности и никуда не переезжал в этот период (71% против 74%). Напротив, у тех женщин, которые после первого рождения переехали из городов в сельскую местность, итоговая вероятность рождения второго ребенка (80%) существенно выше, по сравнению с теми, кто остался жить в городе (в том же или другом), приближаясь по своему значению к показателям для не перемещавшихся сельских жительниц (84%). Правда, второе рождение у мигранток из городской местности в сельскую случается чуть позже, чем у непереезжавших жительниц городов. Еще больше отодвигается второе рождение в случае переезда из одного города в другой. Однако в последнем случае переезд не приводит к появлению значимых различий в итоговой вероятности второго рождения

Кумулятивная функция «дожития» в состоянии однодетности в течение указанного числа лет, прошедших после первого рождения, для постоянно проживавших в городской и сельской местности, а также для мигрантов в зависимости от направления последнего переезда, произошедшего между рождением первого и второго ребенка: женщины, родившиеся в России

по сравнению с городскими жительницами-немигрантами³⁰. Интересно, что для мужчин-мигрантов вероятность рождения второго ребенка практически не различается в зависимости от направления миграции, даже в случае переезда из города в село.

Заключение

Единственным источником данных для изучения взаимосвязи миграции и рождаемости в России по-прежнему остаются выборочные исследования. Данные текущего учета демографических и миграционных событий не предоставляют такой возможности. Потенциальную ценность могли бы иметь переписи населения. Однако программы разработки их данных не предполагали изучение дифференциальной

³⁰ Справедливости ради следует заметить, что с формально статистической точки зрения (при проверке с помощью соответствующих тестов) значимость указанных различий между функциями «дожития» в зависимости от направления миграционных перемещений подтверждается на уровне 0,1, а не на стандартном уровне значимости 0,05, который нами использовался в предшествующем сравнительном анализе функций для различных категорий респондентов. При разделении мигрантов по направлениям переездов с учетом того, имел ли он второе рождение после переезда, проблема выборочного числа наблюдений становится актуальной.

рождаемости в зависимости от миграционного статуса (длительности проживания в данном населенном пункте). Доступ же исследователей к микроданным советских переписей населения, как и к данным последней переписи 2002 г. до сих пор не обеспечен, несмотря на активное обсуждение этого вопроса в течение последних двух десятилетий после того, как были сняты грифы секретности и «ДСП» с данных демографической статистики.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении данных обследований «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (первая волна, 2004 г.) и «Образование и занятость» (2005 г.) позволяет сделать следующие основные выводы:

1. В полученных нами результатах можно обнаружить подтверждение различных теоретических концепций. Имеющиеся различия в рождаемости россиян в зависимости от миграционного статуса, несомненно, обусловлены и условиями социализации в месте рождения, и адаптацией к условиям места вселения, и элементами селективности при смене миграционного статуса.

Кроме того, миграционное событие, безусловно, влияет на календарь демографических событий: вступление в брак и рождение детей. Однако далеко не во всех случаях это можно интерпретировать как стрессовое нарушение жизненных планов. Напротив, зачастую, у индивида наблюдается согласованное наступление демографических событий в связи с принятым решением о переезде.

Авторы перед собой не ставили сверхзадачу определить весомость всех этих моментов для объяснения многоплановых различий в каждом конкретном случае. В условиях слабой разработанности темы на отечественном материале для нас было важно выявить, по возможности, весь спектр имеющихся различий в рождаемости в связи с миграциями и оценить их существенность.

2. Миграция из-за пределов России вносит существенный вклад в число российских рождений, однако вплоть до недавнего времени значение этого вклада определялось не столько различиями в рождаемости «усредненного» мигранта и коренного жителя России, сколько размером миграционного потока. Происходящие сдвиги в структуре внешних мигрантов в пользу представителей титульных этносов из стран с повышенной рождаемостью меняют ситуацию. Очевидно, что в перспективе уровень рождаемости в России будет находиться под более сильным влиянием не только масштабов иммиграции, но и различий в рождаемости между уроженцами России и прибывающими мигрантами, подобно тому, как это происходит в других развитых странах мира.

3. В последние десятилетия советского периода миграционная активность населения внутри России постепенно снижалась, как у мужчин, так и у женщин. С началом переходного периода (в 1990-е гг.) произошло еще более существенное падение территориальной мобильности. В результате, внутренняя миграционная активность как фактор, влияющий на уровень рождаемости в ареалах, участвующих с обеих сторон в миграционном обмене, в последние десятилетия играет существенно меньшую роль, чем в первые послевоенные десятилетия, когда урбанизационный процесс входил в завершающую фазу.

4. Для людей, родившихся в России и имевших опыт миграции, как правило, характерен сдвиг календаря рождений в сторону более позднего их наступления, а итоговая рождаемость в среднем не сильно отличается от тех россиян, кто не имел опыта миграционного переезда. Нужно, однако, иметь в виду, что рассмотрение абстрактного случая миграции усредняет результаты миграционной мобильности по «восходящей» и «нисходящей» траектории с точки зрения иерархии типа населенного пункта, откуда и куда совершается переезд. Каждая из этих траекторий приводит к существенным и разнонаправленным результатам в отношении величины итоговой рождаемости.

5. Итоговый уровень рождаемости сильно зависит от типа населенного пункта, в котором человек родился и от направления переезда. Для мигранта существенную роль также играет момент, когда совершается переезд: до начала формирования семьи или между первым и вторым рождением.

6. В самом общем случае уровень рождаемости мигранта тяготеет не к уровню рождаемости того ареала, который он покидает, а к уровню рождаемости, характерного для ареала вселения.

7. Миграция до первого рождения сдвигает календарь рождений, но не меняет долю людей, которые заводят первого ребенка, кроме мужчин, не служивших в армии. Среди мужчин-мигрантов, не служивших в армии, итоговая доля имевших первого ребенка даже выше, чем у тех мужчин, которые не служили и не переезжали.

8. Миграция после первого рождения не только сдвигает календарь, но и снижает вероятность второго рождения у женщин, а также у мужчин, не служивших в армии. В то же время у мужчин, служивших в армии, переезд после первого рождения сдвигает только календарь второго рождения, практически не сказываясь на величине итоговой вероятности второго рождения.

9. Миграция после первого рождения слабо дифференцирует вероятность наступления второго рождения в зависимости от направления

переезда, за исключением случая переезда городского жителя в сельскую местность.

Подводя итог, важно отметить, что выявленные нами тенденции — в значительной мере отражение более общих закономерностей изменения демографической и социальной реальности, характерных не столько для России, сколько для экономически развитых стран в целом. Демографическая эволюция в развитом мире переходит в новую стадию, определяемую, с легкой руки британского демографа Д. Коулмана, «Третьим демографическим переходом» [Coleman, 2006]. Основное содержание третьего демографического перехода — усиливающаяся зависимость воспроизводства населения развитых стран от миграции из развивающихся стран, проходящих, в свою очередь, активные стадии первого демографического перехода с неизбежным демографическим взрывом, выталкивающим многомиллионные излишки молодежи на рынки труда развитых стран. В свою очередь, развитые страны переживают последствия второго демографического перехода — быстрое старение населения, абсолютное и относительное сокращение численности в молодых трудоспособных возрастах вследствие длительного сохранения рождаемости на низком и очень низком уровне. По сути, дальнейшее экономическое развитие и политическая стабильность в России, как и во всех развитых странах, объективно поставлены в зависимость от того, насколько успешно в социальном и экономическом плане будет осуществлен переход к принципиально новой структуре населения, в которой доля коренного населения будет непрерывно сокращаться не только за счет взрослых мигрантов с иной этнокультурной идентичностью, но и за счет их потомков, родившихся россиянами.

Своим исследованием мы хотели бы активизировать изучение вопросов, имеющих важнейшее значение для понимания текущей демографической ситуации в России и ее изменений в будущем в условиях неизбежных перемен в ее геополитическом положении, определяемых глобальными демографическими сдвигами. Последствия международной миграции для рождаемости в России до сих пор не изучались, и наша работа фактически открывает это направление анализа. Будем надеяться, что она получит дальнейшее развитие.

Вторая линия нашего исследования, связанная с продолжением изучения взаимосвязи между миграционным и репродуктивным поведением россиян. К сожалению, следует констатировать, что за последние полтора десятилетия не появилось ни одной опубликованной работы в этой области. Объективно говоря, ожидать появления серьезных исследований мы и не могли ввиду катастрофической не-

хватки необходимой информации. Официальная статистика потеряла всякий интерес к данной теме, сократив практически до нуля статистическое признаковое пространство, в котором можно было бы осуществлять поиск взаимосвязей. Выборочные исследования внутренних межрегиональных мигрантов также в последние десятилетия резко сократились в числе, а вопросы, связанные с особенностями их репродуктивного поведения, не занимали должного места в их программах. Появление в нашем распоряжении ценных данных репрезентативных обследований РидМиЖ–2004 и ОиЗ–2005 позволило вернуться к этой теме, имеющей важное значение для теории и практики.

Различия в рождаемости в зависимости от места проживания и миграционного статуса индивида продолжают оставаться едва ли не самыми значимыми на фоне других дифферент. В нашей работе было еще раз подтверждено, что мигранты, ищущие счастья в местах, не там, где они родились, как правило, приносят демографический дивиденд ареалам, принимающим мигрантов, вне зависимости от типа населенного пункта, куда направляется переселенец. Этот демографический дивиденд не только сводится к очевидному положительному влиянию на численность и возрастную структуру населения принимающих территорий, но и связан с дополнительным приращением числа рождений в связи с более высокой рождаемостью среди мигрантов, по сравнению с коренными жителями данных территорий. Миграция, особенно в населенные пункты более высокого социально-экономического статуса, несмотря на трудности адаптации в новом социальном окружении, не только дает шансы на улучшение материального благосостояния индивида, но и расширяет выбор брачного партнера, способствуя реализации репродуктивных намерений, которые он, вполне вероятно, по объективным и субъективным причинам, не смог бы реализовать, оставаясь на прежнем месте. В то же время, как нами было показано, миграционная активность россиян находится на низком уровне, не способствуя решению проблем региональных рынков труда, не обеспечивая поддержание каналов восходящей социальной мобильности. Очевидно, что падение территориальной мобильности в России — отражение как долгосрочных тенденций, связанных с исчерпанием миграционных ресурсов в сельской местности, так и следствие неблагополучия в экономической и социальной сфере в современной России, малоэффективной государственной политики, не способной создать необходимые стимулы для миграций даже в условиях высокого уровня безработицы.

Литература

1. *Андреев Е., Бондарская Г., Харьковская Т.* Падение рождаемости в России: гипотезы и факты // Вопросы статистики. 1998. №10. С. 82–93.
2. *Андреев Е. М., Рахманинова М. В.* Внутренняя миграция в России: прошлое и настоящее // Вопросы статистики. 1999. №5. С. 53–63.
3. *Бобров И., Клюева В.* Закавказские диаспоры в социетальной системе региона // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 г. Ежегодный доклад / Под ред. В. Тишкова, В. Степанова. — М.: ИЭА РАН, 2009. С. 166–170.
4. *Васильева Э. К., Лукина В. И.* Семья и миграция // Демографические проблемы семьи / Ред. кол.: Н. М. Римашевская (научн. ред.) и др. — М.: Наука, 1978. С. 144–163.
5. *Волков А. Г.* Демографические процессы в городском населении СССР и задачи их изучения // Проблемы расселения и поселений в СССР. — М., 1966.
6. *Волков А. Г.* Влияние миграции на демографические процессы в СССР // Проблемы современной урбанизации / Под ред. Ю. Л. Пивоварова. — М.: Статистика, 1972. С. 105–124.
7. *Давтян Л. М.* О зависимости между благосостоянием и рождаемостью // Проблемы демографической статистики / Ред. кол.: А. Г. Волков (отв. ред.). — М.: Наука, 1966. С. 146–160.
8. *Дарский Л., Андреев Е.* Воспроизводство населения отдельных национальностей в СССР // Вестник статистики. 1991. №6. С. 3–10.
9. *Денисенко М. Б.* Динамика и территориальные особенности современных миграционных процессов в Российской Федерации // Население и кризисы. Вып. 2. / Под ред. Б. С. Хорева. — М.: Диалог-МГУ, 1996. С. 5–28.
10. *Денисенко М. Б.* Рождаемость в Кыргызстане // Население Кыргызстана / Под ред. З. Кудабаева, М. Гийо, М. Денисенко. — Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2004. С. 206–230.
11. *Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В.* Миграция // Население России 2003–2004. 11–12-й ежегодный демографический доклад / Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Наука, 2006. С. 306–348.
12. *Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В.* Миграция // Население России 2006. 14-й ежегодный демографический доклад / Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: ГУ-ВШЭ, 2008. С. 230–264.
13. *Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В., Тюрюканова Е. В.* Миграция // Население России 2007. 15-й ежегодный демографический доклад / Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: ГУ-ВШЭ, 2009. С. 221–246.
14. *Захаров С. В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры. 2006. №5. С. 33–69.
15. *Захаров С. В.* Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып. 1. / Научн. ред.: Т. М. Малева, О. В. Синявская. — М.: НИСП, 2007.
16. *Захаров С. В., Иванова Е. И.* Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959–1994 // Проблемы прогнозирования. 1996. №4. С. 109–130.

17. Кабузан Н. Русские в мире. — СПб.: Блиц, 1996.
18. Кузнецов Л.Р. Взаимосвязь миграции и брачности // Демографические процессы в СССР / Отв. ред. А.Г. Волков. — М.: Наука, 1990. С. 58–77.
19. Кузнецов Л.Р. (1992а) Статистическое изучение взаимосвязи демографических процессов и миграции: Автореф. дисс. ... канд. эк. наук. — М.: НИИ Госкомстата РФ, 1992.
20. Кузнецов Л.Р. (1992б) Статистическое изучение взаимосвязи демографических процессов и миграции: Дисс. ... канд. эк. наук. — М.: НИИ Госкомстата РФ, 1992.
21. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. — М.: Наука, 1975.
22. Народнонаселение. Энциклопедический словарь / Ред. кол.: Г.Г. Меликьян (гл. ред.) и др. — М.: БРЭ, 1994.
23. Петраков А.А. О воздействии миграции на рождаемость // Люди в городе и на селе / Ред кол.: Д.И. Валентей (гл. ред.) и др. — М.: Статистика, 1978. С. 52–58.
24. Рыбаковский Л.Л. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / Авт. кол.: В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев (Под ред. Л.Л. Рыбаковского). — М.: ЦСП, 2006.
25. Русские (этносоциологические очерки) / Ред. кол.: Ю.В. Арутюнян (отв. ред.) и др. — М.: Наука, 1992.
26. Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования) / Авт. кол.: В.А. Белова, Г.А. Бондарская, А.Г. Вишнеvский, Л.Е. Дарский, Р.И. Сифман. — М.: Статистика, 1977.
27. Струмилин С.Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде // Проблемы экономики труда. — М.: Госполитиздат, 1957.
28. Суколов А.А. Межнациональные браки в СССР. — М.: Мысль, 1987.
29. Тарасова Н.В. Миграция и рождаемость // Всесоюзная научная конференция «Прогнозирование социально-экономического развития и демографических процессов в условиях ускорения научно-технического прогресса» (Ереван, 25–27 мая 1988). Тезисы докладов, секция 3. — М., 1988.
30. Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. Миграционные намерения выпускников школ из малых городов России // Российская молодежь: проблемы и решения. — М.: Центр социального прогнозирования, 2005. С. 396–413.
31. Чистякова Н.Е. Прогноз возрастнo-половой структуры населения Ленинграда как основа анализа демографической ситуации в городе // Методология демографического прогноза / Отв. ред. А.Г. Волков. — М.: Наука, 1988. С. 215–221.
32. Чистякова Н.Е. Демографические проблемы Петербурга // Качество населения Санкт-Петербурга / Ред. кол.: Б.М. Фирсов (отв. ред.) и др. — СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, 1993. С. 65–78.
33. Чудиновских О. Изучение долговременных последствий миграции в регионе по материалам переписей населения 1979 и 1989 гг. // Вопросы статистики. 1997. №3. С. 37–45.
34. Abbasi-Shavazi M.J., McDonald P. A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those in the countries of origin // Genus. 2002. Vol. 58. №1. P. 53–76.

35. *Andersson, G.* Childbearing patterns of foreign-born women in Sweden // MPIDR Working Paper. WP-2001–011. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research, 2001 (<http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2001–011.pdf>).
36. *Andreev E.M., Darsky L.E.* Prospects of Russian Population in the former USSR. Paper presented at the International Colloquium «Population of the former USSR in the 21st century». 29 September — 2 October 1992, Amsterdam. — 29 p.
37. *Andreev E.M., Kharkova T.L.* Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus // *Eur.J. Population*. Vol. 16. №3. P. 211–233.
38. *Bradatan C., Landale N.* 2006. Does Migration Influence Fertility? A Case Study. Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association, Montreal, Quebec, Canada, Aug 10, 2006 (http://www.allacademic.com/meta/pl104418_index.html).
39. *Brockeroff M.* Fertility and family-planning in African cities: the impact of female migration // *J. Biosocial Science*. 1995. Vol. 27. №3. P. 347–358.
40. *Coleman D.* Trends in fertility and intermarriage among immigrant populations in Western Europe as measures of integration // *J. Biosocial Science*. 1994. Vol. 26. №1. P. 107–136.
41. *Coleman D.* Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and Development review*. 2006. Vol. 32. №3. P. 401–446.
42. *Courgeau D.* Interaction between spatial mobility, family and career life-cycle: a French survey // *Eur. Sociological Review*. 1985. Vol. 1. №2. P. 139–162.
43. *Courgeau D.* Constitution de la famille et urbanisation // *Population*. 1987. Vol. 42. №1. P. 57–82 (Пер. на англ.: *Courgeau D.* Family formation and urbanization // *Population: An English Selection*. 1989. Vol. 1. P. 123–146).
44. *Duncan O.D.* Farm background and differential fertility // *Demography*. 1965. Vol. 2. P. 240–249.
45. *Fargues P.* Protracted national conflict and fertility change among Palestinians and Israelis in the twentieth century // *Population and Development Review*. 2000. Vol. 26. №3. P. 441–482.
46. *Foreste R., Tienda M.* What's behind racial and ethnic fertility differentials? // J.B. Casterline, R.D. Lee, K.A. Foote (Eds.) *Fertility in United States. New Patterns, new theories. Supplement to Population and Development Review*. Vol. 22. — N. Y.: Population Council, 1996. P. 109–133.
47. *Goldstein S.* Interrelations between migration and fertility in Thailand // *Demography*. 1973. Vol. 10. №2. P. 225–241.
48. *Goldstein S., Goldstein A.* The impact of migration on fertility: an 'own children' analysis for Thailand // *Population Studies*. 1981. Vol. 35. №2. P. 265–281.
49. *Goldberg D.* The fertility of two-generation urbanites // *Population Studies*. 1959. Vol. 12. №3. P. 214–222.
50. *Goldberg D.* Another look at the Indianapolis fertility data // *Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1960. Vol. 38. №1. P. 23–36.
51. *Hervitz H.M.* Selectivity, adaptation, or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil // *International Migration Review*. 1985. Vol. 19. №2. P. 293–317.

52. *Kaplan, E. L., Meier, P.* Nonparametric estimation from incomplete observations // J.Am. Stat. Association. 1958. Vol. 53. P. 457–548.
53. *Kulu H.* Migration and Fertility: Competing Hypotheses Re-examined //MPIDR Working Paper. WP 2003–035. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research (<http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2003-035.pdf>).
54. *Lee B.S., Pol L.G.* The influence of rural-urban migration on migrants fertility in Korea, Mexico and Cameroon // Population Research and Policy Review. 1993. Vol. 12. №1. P. 3–26.
55. *McGirr N. J., Hirschman C.* The two-generation urbanite hypothesis revisited // Demography. 1979. Vol. 16. №1. P. 27–35.
56. *McQuillan K.* When does religion influence fertility? // Population and Development Review. 2004. Vol. 30. №1. P. 25–56.
57. *Milewski N.* First child of immigrant workers and their descendants in West Germany: interrelation of events, disruption, or adaptation? // Demographic Research. 2007. Vol. 17. Article 29 (Special Collection 6. Interdependencies in the Life Course, Fertility and Migration / Ed. by H. Kulu and N. Milewski). P. 859–896.
58. *Mulder C.H., Wagner M.* The connection between family formation and first-time home ownership in the context of West Germany and the Netherlands // Eur.J. Population. 2001. Vol. 17. №2. P. 137–164.
59. *Myers G.C., Morris E.W.* Migration and fertility in Puerto Rico // Population Studies. 1966. Vol. 20. №1. P. 85–96.
60. *Sobotka T.* (1998a) The rising importance of migrants for childbearing in Europe // Demographic Research. 2008. Vol. 19. Article 9 (Book 1 of Special collection 7. Childbearing Trends and Policies in Europe / Ed. by T. Frejka, T. Sobotka, J.M. Hoem, L. Toulemon). P. 225–247.
61. *Sobotka T.* (1998b) Does Persistent Fertility Threaten the Future of European Populations? // J. Surkyn, P. Deboosere, J. van Bavel (Eds.) Demographic Challenges for the 21st Century: A State of the Art in Demography. — Brussels: VUBPRESS Brussels Univ. Press, 2008. P. 27–89.
62. *Singley S.G., Landale N.S.* Incorporating origin and process in migration-fertility frameworks: the case of Puerto Rican women // Social Forces. 1998. Vol. 76. №4. P. 1437–1464.
63. *Toulemon L.* Fertility among immigrant women: new data, new approach // Population & Societies. 2004. April. No. 400.
64. *Toulemon L., Mazuy M.* 2004. Comment prendre en compte l'âge d'arrivée et la durée de séjour en France dans la mesure de la fécondité des immigrants? // Documents de travail. — Paris: INED, 2004. No. 120.
65. *White M.L., Moreno L., Guo S.* The interrelation of fertility and geographic mobility in Peru: a hazards model analysis // International Migration Review. 1995. Vol. 29. №2. P. 492–514.
66. *Zarate, A., de Zarate A.U.* On the reconciliation of research findings of migrant-nonmigrant fertility differentials in urban areas // International Migration Review. 1975. Vol. 9. №2. P. 115–156.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица
Среднее число рожденных детей для женщин, родившихся в сельской местности, к возрасту 25, 35 и 45 лет в зависимости от места проживания в момент опроса*

Год рождения	Непрерывно с рождения проживают в одном и том же сельском населенном пункте	Тип населенного пункта, в котором проживал респондент на момент опроса**			
		Москва, Санкт-Петербург***	региональные центры****	прочие города и ПГТ	сельский населенный пункт, не тот, в котором он родился
<i>К возрасту 25 лет</i>					
1925–1939	0,81	0,37	0,64	0,80	0,94
1940–1949	1,16	0,58	0,67	0,82	1,05
1950–1959	1,04	0,72	0,74	0,99	1,14
1960–1969	1,20	0,75	0,83	0,94	1,25
1970–1979	1,11	0,67	0,75	0,97	1,16
Все женщины 1925–1979 гг. рождения	1,04 (538)	0,57 (80)	0,70 (472)	0,88 (609)	1,10 (538)
<i>К возрасту 35 лет</i>					
1925–1939	1,79	1,09	1,47	1,79	2,09
1940–1949	2,10	1,24	1,40	1,60	1,95
1950–1959	2,00	1,61	1,51	1,67	2,10
1960–1969	1,91	1,49	1,44	1,61	1,94

Год рождения	Непрерывно с рождения проживают в одном и том же сельском населенном пункте	Тип населенного пункта, в котором проживал респондент на момент опроса**				сельский населенный пункт, не тот, в котором он родился
		Москва, Санкт-Петербург***	региональные центры****	прочие города и ПГТ		
Все женщины 1925–1969 гг. рождения	1,93 (431)	1,31 (77)	1,46 (432)	1,70 (568)	2,03 (516)	
<i>К возрасту 45 лет</i>						
1925–1939	1,98	1,26	1,58	1,90	2,26	
1940–1949	2,32	1,24	1,52	1,67	2,03	
1950–1959	2,16	1,73	1,60	1,73	2,20	
Все женщины 1925–1959 гг. рождения	2,12 (317)	1,38 (61)	1,57 (372)	1,80 (481)	2,19 (380)	

Примечания: * — респонденты, которые провели детство на территории Российской Федерации; ** — респонденты, прибывшие в населенный пункт, где был проведен опрос, в возрасте 15 лет и старше и не родившиеся в нем; *** — оценки рождаемости для данной категории в разрезе когорт по году рождения были получены в результате статистического сглаживания для устранения колебаний, вызванных небольшим количеством наблюдений; **** — города — центры субъектов Российской Федерации республиканского, краевого и областного уровня; в скобках указано число опрошенных женщин указанных категорий.

Источник: Расчеты авторов на основе данных РИДМИЖ–2004.

Особенности внутрисемейного контроля рождаемости в России

Сегодня, когда российское правительство поставило задачу существенного повышения рождаемости в стране¹, говорить о планировании семьи непопулярно. В сознании многих живет миф о том, что внутрисемейное регулирование рождаемости является синонимом ее ограничения и широкий доступ к контрацепции приводит якобы к снижению рождаемости. На самом деле главная цель планирования семьи заключается в рождении желанных детей в оптимальные для пары сроки, а в случае России — еще и в скорейшем вытеснении аборта как способа регулирования рождаемости более гуманными методами. По сути, планирование семьи значит «ответственное родительство». Оно осуществляется посредством применения методов контрацепции (или же, наоборот, посредством преодоления бесплодия).

В России внутрисемейный контроль рождаемости давно стал массовой практикой, о чем свидетельствует низкая рождаемость. Однако переход к современному планированию семьи не завершен: половина беременностей прерывается абортом, следовательно, они не были желанными, запланированными.

Периодически из уст руководителей российской системы здравоохранения звучат слова о необходимости активно бороться с высоким уровнем абортов. Однако, идя на поводу консервативных, «патриотических» и религиозных сил, никакой специальной политики или программы по продвижению планирования семьи правительство в настоящее время не проводит. Не признавая планирование семьи жизненно важной сферой, государство практически не финансирует и соответствующие исследования. Национальные обследования по типу проектов «Demographic and Health Survey, DHS» или «Fertility and Family Survey, FFS» в России не проводились.

Результаты двух волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе (РиДМиЖ)» являются, по сути, един-

---

¹ В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. говорится о необходимости повышения суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза.

ственным на сегодня источником национально репрезентативных данных о контрацептивном поведении россиян и распространенности бесплодия.

Контрацептивное поведение и его детерминанты

Масштабы использования контрацепции

Анкета РидМиЖ предлагает респондентам моложе 50 лет, имеющим партнера на момент проведения опроса, перечень методов контрацепции, из которых они могут выбрать применяемые ими в настоящее время для предотвращения беременности.

Удельный вес пар, использующих контрацепцию, и в 2004 г.² и в 2007 г. оказался неожиданно высоким: 80% и выше (*табл. 1*)³. Эти показатели близки к уровню стран Северной и Западной Европы — наиболее благополучных регионов с точки зрения репродуктивного здоровья.

В то же время уровень использования контрацепции в 2007 г., по результатам обследования, ниже, чем три года назад. Особенно это заметно в женской выборке — доля женщин, имеющих партнера и применяющих какой-либо метод контрацепции, снизилась с 84,2% до 79,5%. Соответственно, за три года между опросами возросло число пар, которые не предпринимают никаких мер из предложенных в анкете, чтобы предотвратить беременность: среди женщин с 15,8% в 2004 г. до 20,5% в 2007 г. и среди мужчин с 18,3% до 18,7%. К сожалению, анкета не содержит вопросов, выясняющих причины отказа от использования контрацепции. Среди них, помимо низкой контрацептивной культуры, могут быть редкие сексуальные отношения, плохое состояние здоровья, желание забеременеть и т.д.

Тем не менее программа РидМиЖ позволяет исключить из расчетов распространенности контрацепции тех респондентов, которые собираются завести ребенка в течение ближайших трех лет, а также тех респондентов, которые сомневаются в своей (и партнера) физической способности зачать ребенка: этим двум группам населения, очевидно, не нужна контрацепция. С учетом такой корректировки разница между 2004 и 2007 гг. в женской выборке существенно уменьшится, а в мужской и вовсе исчезнет. Таким образом, основная причина сокращения

---

² О результатах первой волны РидМиЖ см.: [Захаров, Сакевич, 2007]. Вопросы, по которым и в 2004 г., и в 2007 г. были получены сходные результаты, в данной статье не обсуждаются.

³ Есть, правда, вероятность, что респонденты при опросе говорят не столько о реальной практике применения контрацепции, сколько о своих знаниях и намерениях использовать тот или иной метод, или о применении контрацепции когда-либо в своей жизни. Данное обследование не позволяет это проверить.

Таблица 1

Применение методов контрацепции, % (респонденты моложе 50 лет, имеющие партнера на момент опроса)

Метод	Женщины	Мужчины
Какой-либо метод в том числе:	79,5	81,3
презерватив	30,3	38,0
ВМС	20,4	18,9
противозачаточные таблетки	14,1	14,7
календарный метод	14,5	11,3
прерванный половой акт	13,6	11,7
спринцевание	2,9	2,2
другое	5,2	5,9
Никакого метода	20,5	18,7
Только современные методы	51,8	56,9
Сочетание современных и традиционных методов	13,1	12,9
Только традиционные методы	14,6	11,5
Число респондентов*	2273	1561

Примечание: * — в качестве знаменателя здесь и в дальнейшем используется число респондентов, ответивших на вопрос о контрацепции.

В 2004 г. вопросы по теме предохранения от беременности не задавались респондентам, которые на вопрос «Вы физически могли бы иметь ребенка (детей), если бы вы этого захотели?» ответили «определенно нет» (включая сделавших контрацептивную стерилизацию), а также те, кто ответил так о своем партнере. В 2007 г. такие респонденты из опроса не исключались, но нам пришлось это сделать для сопоставимости с 2004 г.

Респонденты могли указать несколько методов.

Источник: здесь и в дальнейших таблицах, если не указано иное, использованы данные обследования РидМиЖ–2007.

использования контрацепции в 2007 г. по сравнению с 2004 г. состоит в увеличении в 2007 г. числа пар, желающих завести ребенка.

Кроме того, даже не зная причин отказа от контрацепции, можно оценить масштабы «неудовлетворенной потребности в планировании семьи»: удельный вес пар, которые не желают заводить ребенка в ближайшее время, здоровы (способны к зачатию), но при этом не применяют никаких средств предохранения. За 2004–2007 гг. среди мужчин данный показатель не изменился, а среди женщин он немного повысился (табл. 2). Конечно, 9–10% пар с неудовлетворенной потребностью в планировании семьи немного, однако и он высок по сравнению с аналогичным показателем для западных стран. Например, в Венгрии он равен 4%,

Показатель неудовлетворенной потребности в планировании семьи*, %

Вариант ответа	2004 г.		2007 г.	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Не применяют никакого метода контрацепции	8	10	9	10
Не применяют никакого метода или применяют традиционный метод контрацепции	27	26	24	21

Примечание: * — удельный вес пар, которые не желают заводить ребенка в ближайшее время, здоровы (способны к зачатию), но при этом не применяют средств предохранения от беременности.

в Испании и Франции — 3%, в Бельгии — 2% [World Contraceptive Use, 2007].

Как масштабы использования контрацепции варьируют по различным социально-демографическим группам? Анализ (см. вставку 1) показал, что высокий уровень применения контрацепции характерен для всех выделенных социально-демографических групп населения (*Приложение*). Более низкие показатели отмечены у четырех групп респондентов: 1) в возрасте 45–49 лет, 2) не имеющих детей и 3) проживающих со своим партнером в незарегистрированном браке.

Пониженный показатель в группе женщин самого старшего репродуктивного возраста может быть обусловлен их меньшей сексуальной активностью и плодовитостью (которая с возрастом снижается), то есть меньшей потребностью в контрацепции. То, что бездетные пары менее активно применяют противозачаточные методы, также объяснимо: 65% женщин, не имеющих детей, ответили, что планируют завести ребенка в ближайшие три года. Особенно распространено намерение родить ребенка и, как следствие, отказ от контрацепции среди молодых бездетных пар, проживающих совместно в зарегистрированном браке, — гораздо больше, чем среди состоящих в неформальном партнерстве. А вот почему среди всех типов брачно-партнерских союзов пары, проживающие в одном домохозяйстве, но не регистрировавшие брак, отличаются меньшей распространенностью контрацепции, неясно. Причем эта же закономерность была отмечена и при опросе 2004 г. Зависимость применения контрацепции от чисто демографических характеристик — возраста, числа детей и партнерского статуса — статистически значима.

Влияние социальных различий на использование контрацепции в целом менее выражено. Наибольшая связь отмечена с уровнем образования. В группе с самым низким уровнем образования (среднее общее и ниже) применение контрацепции распространено меньше, чем сре-

Вставка 1

В качестве детерминант контрацептивного поведения нами исследовались семь переменных: возраст респондента, число рожденных детей, брачно-партнерский статус, уровень образования, тип населенного пункта, в котором проживает респондент, доход домохозяйства (его субъективная оценка респондентом¹) и отношение к праву на аборт². Во-первых, была протестирована связь указанных переменных с использованием и неиспользованием контрацепции, во-вторых, в случае использования — с применяемым методом: традиционным или современным³.

Для изучения связи был использован статистический критерий χ^2 . Уточняющий анализ тесноты обнаруженных связей был проведен с помощью статистики τ_b Гудмена и Крускала⁴.

¹ Ответ на вопрос: «Если говорить о совокупном доходе Вашего домохозяйства, насколько легко у вас получается сводить концы с концами?»

² Ответ на вопрос: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: „Аборты без медицинских показаний должны быть сильно ограничены или запрещены законодательно“».

³ Определения традиционных и современных методов контрацепции см. во вставке 2.

⁴ Подробнее об этом см.: [Денисов, Сакевич, 2009].

ди более образованных респондентов: это наблюдается и в женской, и в мужской выборках. Слабое влияние на уровень использования контрацепции оказывает тип населенного пункта, в котором проживает респондент (в сельской местности он немного ниже, чем в городах), а также отношение респондента к праву на искусственное прерывание беременности (ниже среди тех, кто считает, что право на аборт следует ограничить). Очень важно, что связь дохода домохозяйства (точнее, его субъективной оценки респондентом) с применением контрацепции не выявлена; значит, вряд ли высокая цена контрацептивов (большая часть импортируемых в Россию) является препятствием к их использованию.

Какие методы контрацепции используют российские семьи?

Если по уровню использования контрацепции Россия сопоставима с развитыми странами, то по структуре применяемых методов наша страна существенно от них отличается (хотя и среди развитых стран нет однообразия).

Вставка 2

К современным методам контрацепции относятся женская и мужская стерилизация, гормональные таблетки, внутриматочные средства (ВМС), презервативы, инъекции, импланты, вагинальные барьерные методы (диафрагма, спермициды и др.).

К традиционным методам контрацепции относятся периодическое воздержание (метод ритма или календарный), прерванный половой акт, воздержание, спринцевание, послеродовая аменорея и разные народные методы.

[World Population Monitoring, 2004].

Значительная часть пар в России применяет только традиционные методы, обладающие невысокой эффективностью: 14,6% среди женщин и 11,5% среди мужчин (в 2004 г. соответствующие цифры были еще выше — 19,1% и 16,1%). Для сравнения, доля применяющих традиционные методы среди женщин, имеющих партнера, составляет 3% в Нидерландах, 4% — в Бельгии, 5% — во Франции, 8% — в Великобритании [World Contraceptive Use, 2007]. Если к российскому показателю неудовлетворенной потребности в планировании семьи добавить удельный вес пар, применяющих только традиционные методы (и в определенной степени тоже нуждающихся в современном планировании семьи), группа риска увеличится до 21–24% пар (табл. 2).

В отношении отдельных методов контрацепции по сравнению с 2004 г. предпочтения россиян не изменились. Самым распространенным противозачаточным методом в России остается презерватив: 30% по ответам женщин и 38% по ответам мужчин (2007 г.) (табл. 1), причем его популярность заметно возросла после 2004 г. Распространено также использование таких методов, как внутриматочная спираль (ВМС), календарный (учет опасных дней), гормональные противозачаточные таблетки и прерванный половой акт. Другие методы контрацепции (спермициды, спринцевание, срочная гормональная контрацепция) используются очень редко. Лишь несколько человек ответили, что применяют такие эффективные средства последнего поколения, как импланты (вшивание ампул) и внутримышечные инъекции гормональных контрацептивов. Можно предположить, что в условиях отсутствия сексуального образования и каких-либо просветительских программ об этих методах мало кто знает.

Следует отметить, что самый распространенный в России метод — презерватив — можно отнести к высокоэффективным методам защиты от беременности с натяжкой. По американским данным, из 100 пар, пользующихся презервативом в течение года, у 15 наступает незапланированная беременность [Trussel, 2004]. В Нидерландах, например, для молодежи пропагандируется способ «двойной защиты»: одновременное использование презерватива для защиты от инфекций, передаваемых половым путем, и гормональных таблеток для защиты от беременности. Среди молодых (до 30 лет) российских респондентов РидМиЖ–2007, имеющих партнера, метод двойной защиты применяется редко (около 4% опрошенных женщин и 9% мужчин).

Удельный вес состоящих в партнерском (брачном или неформальном) союзе женщин, которые используют для защиты от беременности гормональные таблетки, в России невысок: менее 15% против 40–50% в Германии, Бельгии, Нидерландах, Португалии, Франции.

Более того, частота применения таблеток среди женщин, по данным РИДМИЖ, снизилась между 2004 и 2007 гг. (это, правда, не касается ответов мужчин). Любопытно, что официальная статистика, напротив, зафиксировала в 2007 г. резкий прирост числа пользователей гормональной контрацепции в России, что, на наш взгляд, отражает скорее колебания полноты учета, чем реальный прирост. Негативное отношение к гормональной контрацепции, в том числе, если не в первую очередь, среди самих врачей, сложилось еще в советские времена и не преодолено до сих пор. Но главное — и сейчас руководством системы здравоохранения не предпринимается активных усилий по его преодолению.

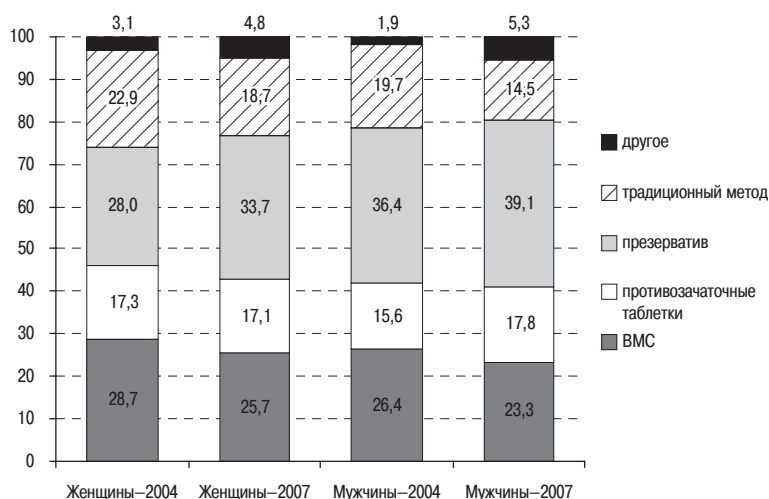
Нельзя не отметить, однако, положительную тенденцию некоторого снижения роли традиционных методов в предупреждении нежелательной беременности в России (рис. 1).

Обе волны РИДМИЖ выявили характерные особенности структуры применяемых методов контрацепции в зависимости от возраста (табл. 3):

- более молодые пары активнее применяют современные методы, тогда как после 40 лет заметно увеличивается доля использующих только традиционные методы;

Рисунок 1

Применение некоторых методов контрацепции в 2004 и 2007 гг., в % от всех респондентов, применяющих контрацепцию

Примечание: если респондент назвал несколько методов, оставлен наиболее эффективный из них.

Источник: здесь и далее, если не указано иное, по данным РИДМИЖ–2007.

Применение методов контрацепции в зависимости от возраста, % (женщины, имеющие партнера на момент опроса)

Метод	Возраст, лет					
	молоче 25 лет	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Какой-либо метод	81,3	80,4	83,4	84,0	78,6	70,1
в том числе:						
презерватив	48,3	33,7	28,6	25,9	21,9	23,5
ВМС	5,4	16,6	23,9	28,0	27,7	21,1
таблетки	21,4	16,6	16,6	14,7	8,1	7,1
календарный метод	9,6	12,4	14,5	16,2	17,4	16,6
прерванный половой акт	19,5	15,4	13,3	11,0	12,6	10,2
спринцевание	3,2	1,7	3,5	2,4	3,5	2,6
мази, свечи, пена, желе	1,2	3,0	3,3	3,4	2,3	1,2
другое	2,2	3,9	1,6	3,1	2,7	2,3
Никакого метода	18,7	19,6	16,6	16,0	21,4	29,9
<i>Число респондентов</i>	<i>345</i>	<i>369</i>	<i>435</i>	<i>405</i>	<i>366</i>	<i>353</i>

Примечание: респонденты могли указать несколько методов.

- среди респондентов в возрасте 18–24 лет более половины пользователей контрацепции указали на применение презерватива; также в этой возрастной группе выше популярность противозачаточных таблеток (21,4% пар, или 1/4 от всех пользователей);
- пик популярности ВМС приходится на возраст 35–44 лет: 28% всех женщин в этом возрасте, имеющих партнера, или 1/3 пользователей контрацепции применяют ВМС;
- традиционные методы широко применяются во всех возрастах, при этом, согласно ответам женщин, из традиционных методов до 30 лет чаще используется прерванный половой акт, а после 30 лет — календарный метод контрацепции (среди мужчин соотношение меняется после 40 лет).

Возрастные различия в значительной степени обусловлены медицинскими рекомендациями. Например, официальная медицина рекомендует устанавливать ВМС только рожавшим женщинам и имеющим одного постоянного партнера. Поэтому выявить межпоколенческие сдвиги в контрацептивном поведении трудно — мы знаем статус респондента только на момент проведения опроса. Можно, однако, утверждать, что по сравнению с 1980–1990-ми гг. распространенность гормональных таблеток значительно возросла [Захаров, Сакевич, 2007], особенно среди молодых, нерожавших женщин, которые сегодня стре-

мятся отложить первое рождение на более поздний возраст, чем у их матерей.

Анализ показал, что гормональные таблетки чаще используют женщины, состоящие в неформальном партнерском союзе, по сравнению с состоящими в зарегистрированном браке (18,6% против 12,1%), а также нерожавшие женщины по сравнению с имеющими двоих и более детей (20,1% против 10,6%).

По мере роста *уровня образования* в структуре методов увеличивается удельный вес пар, применяющих презерватив, гормональные таблетки и календарный метод (табл. 4). В выборке женщин со средним и ниже образованием, включая профессиональное, на первом месте по частоте использования находится ВМС, а в выборке женщин с высшим образованием — презерватив. Удельный вес применяющих только традиционные методы высок во всех образовательных группах. Следует, однако, отметить, что по сравнению с 2004 г. он во всех группах снизился.

Что касается различий в контрацептивном поведении в зависимости от *типа населенного пункта*, то здесь выделяются респонденты Москвы и Санкт-Петербурга (табл. 5). Во-первых, среди них высока доля вообще не использующих контрацепцию; во-вторых, в структуре применяемых методов очень большую роль играет презерватив (38,3%

Таблица 4

**Применение методов контрацепции в зависимости от уровня образования, %
(женщины 25–49 лет, имеющие партнера)**

Используемый метод контрацепции	Среднее общее и ниже	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее, неполное высшее
Какой-либо метод	75,1	76,5	81,7	80,6
в том числе:				
презерватив	23,7	23,5	27,0	30,6
ВМС	21,5	25,3	26,8	19,2
таблетки	12,0	10,3	12,3	15,0
календарный метод	10,7	14,8	15,7	18,2
прерванный половой акт	13,2	14,5	10,5	12,9
спринцевание	2,5	3,1	2,7	2,7
мази, свечи, пена, желе	0,6	2,2	1,8	4,8
другой	5,4	2,7	2,1	2,8
Никакого метода	24,9	23,5	18,3	19,4
Число респондентов	294	420	632	582

Примечание: * — если респондент назвал несколько методов, указан наиболее эффективный из них.

**Применение методов контрацепции в зависимости от типа поселения, %
(женщины моложе 50 лет, имеющие партнера)**

Используемый метод контрацепции	Москва, Санкт-Петербург	Областные города	Прочие города	ПГТ, СНП
Какой-либо метод	75,5	81,4	77,1	81,2
в том числе:				
презерватив	38,3	36,5	23,8	26,8
ВМС	7,1	13,4	28,5	25,4
таблетки	12,6	16,9	13,8	11,9
календарный метод	12,3	19,5	12,5	11,7
прерванный половой акт	17,8	19,4	10,0	9,4
спринцевание	1,5	3,2	4,1	2,1
мази, свечи, пена, желе	5,2	3,0	1,4	1,7
другой	4,1	1,7	1,9	4,4
Никакого метода	24,5	18,6	22,9	18,8
<i>Число респондентов</i>	229	714	624	706

Примечание: * — если респондент назвал несколько методов, указан наиболее эффективный из них.

Сумма по столбцам может не равняться 100 из-за округления.

по ответам женщин и 61,7% по ответам мужчин) и очень мал процент имеющих ВМС (7,1% по ответам женщин и 4,3% по ответам мужчин). Можно было бы сказать о «молодежном» типе контрацептивного поведения в крупнейших городах, если бы не относительно низкий процент применяющих оральные контрацептивы. Такая же картина была зафиксирована и в 2004 г.

Надо отметить, что полученная структура методов контрацепции для столичных городов мало отличается от результатов другого обследования женщин Санкт-Петербурга в 2004 г. По популярности с большим отрывом лидирует презерватив, причем во всех возрастных группах, а процент применяющих гормональные таблетки не достигает 10. Широко распространены традиционные методы — прерванный половой акт и календарный метод [Репродуктивное здоровье и фертильность в Санкт-Петербурге: Отчет..., 2005].

Все это плохо соотносится с тем фактом, что, по официальным данным, Москва и Санкт-Петербург, отличаются одним из самых низких уровней аборт в стране. Очевидно, этот вопрос требует дальнейшего изучения.

К наиболее активно используемым в России высокоэффективным современным методам контрацепции относятся ВМС и оральные кон-

трацептивы. При этом наибольшей частотой использования гормональных таблеток характеризуются жительницы областных центров (17% от всех женщин, имеющих партнера, или 21% от пользователей контрацепции против, соответственно, 12% и 15% в сельской местности и ПГТ). Зато в сельской местности и необластных городах частота использования ВМС почти вдвое выше, чем в областных центрах (25–29% против 13%). Вероятно, сказывается разная доступность контрацептивных средств, а также различная информированность населения о них.

Вместе с тем статистическое тестирование связи применяемого парама метода контрацепции (современный или традиционный) с различными социально-демографическими переменными показало, что различия удовлетворительно объясняются только одной переменной — возрастом. Для мужчин установлена зависимость с числом рожденных детей и типом партнерства, то есть тоже с демографическими характеристиками. Ни уровень образования, ни тип населенного пункта, ни доход домохозяйства (его субъективная оценка респондентом) статистически значимого влияния на соотношение использования современных и традиционных методов контрацепции не оказывают.

Стерилизация

Женская стерилизация — самый распространенный метод контрацепции в мире, им пользуется в среднем каждая пятая женщина репродуктивного возраста, состоящая в партнерстве. Особенно популярен этот метод в развивающихся странах Восточной Азии и Латинской Америки, где около 1/3 замужних женщин прибегают к стерилизации. Из развитых стран высоким уровнем распространенности контрацептивной стерилизации отличаются: Канада (31% женщин 15–49 лет, имеющих партнера), США (21%), Финляндия (15%), Великобритания (14%), Швейцария (14%), Австралия (13%) [World Contraceptive Use, 2007]. Мужская стерилизация гораздо меньше распространена. Лишь в некоторых странах этот метод занимает существенное место в структуре методов контрацепции, среди них следует назвать прежде всего Великобританию (20% опрошенных женщин указали на этот метод), Новую Зеландию (19%) и Нидерланды (10,5%) — единичные страны, где мужская стерилизация более популярна, чем женская.

В России стерилизация как метод контрацепции разрешена с 1990 г. и может быть проведена по письменному заявлению гражданина не моложе 35 лет или имеющего не менее двух детей. Однако этот метод не получил у нас широкого распространения. По официальным данным, в 2007 г. в стране было зарегистрировано 17,7 тыс. операций по поводу стерилизации, и 81% из них среди женщин. Если просуммировать чис-

ло операций стерилизации, по данным Минздравсоцразвития с 1991 по 2007 гг., и соотнести его с нынешней численностью женщин репродуктивного возраста, то получится около 1%.

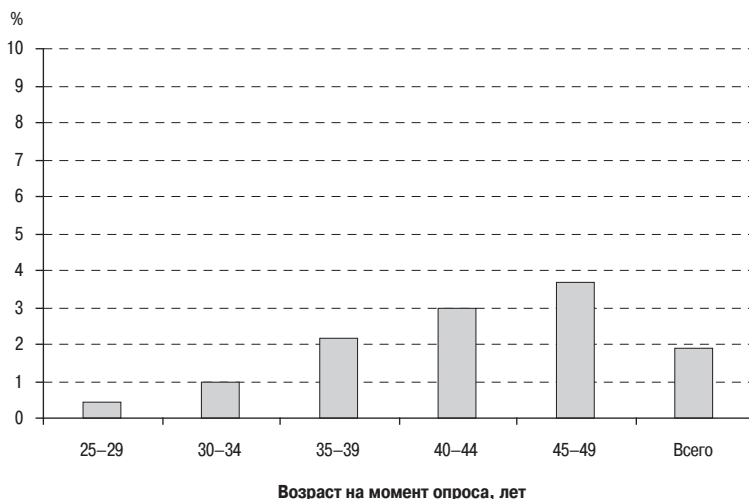
Изучить распространенность стерилизации и социально-демографические характеристики пар, прибегающих к этому методу контрацепции, можно только по данным выборочных обследований, в частности РидМиЖ. Однако в 2004 и 2007 гг. вопрос о стерилизации, к сожалению, был сформулирован по-разному, что не позволяет включить данные о стерилизации в представленный выше сравнительный анализ структуры методов контрацепции.

В анкете РидМиЖ–2004 вопрос звучал так: «Вам проводили когда-нибудь контрацептивную стерилизацию или делали другую операцию, в результате которой Вы не можете иметь детей?». Соответственно, вопрос подразумевал все операции, приведшие к (временному) бесплодию. В анкете 2007 г. эта неточность была преодолена, и у респондентов спрашивали о стерилизации именно как о методе контрацепции: «Вам проводили когда-нибудь контрацептивную стерилизацию — добровольную хирургическую операцию, в результате которой невозможно зачатие?». Поэтому анализ распространенности данного метода мы построили на результатах РидМиЖ–2007.

Вопрос о стерилизации адресовался респондентам моложе 50 лет, имевшим опыт сексуальных отношений (но необязательно имеющим

Рисунок 2

Удельный вес женщин, перенесших стерилизацию, среди всех женщин данного возраста, имеющих сексуальный опыт, %

партнера, как в случае с вопросами о других методах контрацепции). Естественно, исключались беременные на момент опроса.

На использование женской стерилизации указали менее 2% опрошенных женщин и 0,7% имеющих партнершу мужчин, что подтверждает вывод о непопулярности этого метода, основанный на данных официальной статистики. Поскольку почти 3/4 женщин, перенесших контрацептивную стерилизацию, на момент опроса были старше 40 лет, удельный вес сделавших стерилизацию среди женщин в возрасте от 40 до 50 лет выше и равен 3,4% (рис. 2).

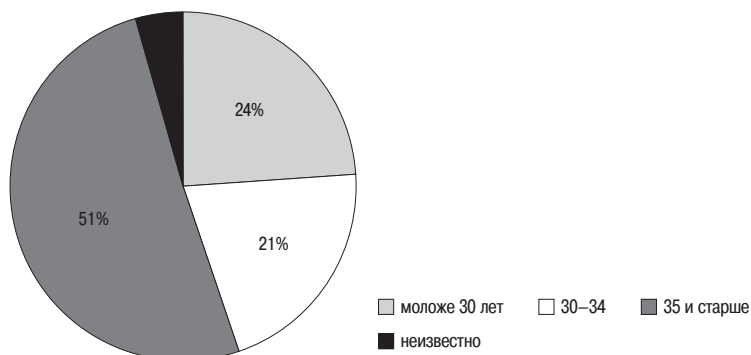
Правда, 6 из 67 женщин, заявивших о перенесенной стерилизации, не имеют детей, столько же женщин хотят ребенка и 16 женщин (24%) сделали стерилизацию, когда им было меньше 30 лет (рис. 3), что подвергает сомнению предположение о том, что операция имела контрацептивную цель и/или вопрос был понят респондентами правильно. Следовательно, распространенность контрацептивной стерилизации в действительности может быть еще ниже.

По данным РидМиЖ–2007, средний возраст женщины при проведении стерилизации составил 35 лет. Интервал между операцией стерилизации и рождением последнего ребенка колеблется от 0 до 26 лет, средний равен 7,6 года, но при этом дисперсия интервала очень велика. Надо отметить, что 29% женщин сделали контрацептивную стерилизацию в течение года после рождения последнего ребенка. При этом женская стерилизация наиболее распространена в группе имеющих среднее профессиональное образование (3% против 1% среди женщин с высшим образованием).

Очевидно, что мужская стерилизация — еще более редкое явление в России. РидМиЖ–2007 зафиксировало три случая, когда респондент-

Рисунок 3

Распределение женщин, сделавших контрацептивную стерилизацию, по возрасту на момент операции, %

мужчина утвердительно ответил на вопрос о стерилизации, и еще один случай, когда респондент-женщина ответила, что ее партнеру была сделана эта операция.

Распространенность бесплодия

В среде медицинских работников и организаторов здравоохранения продолжает тиражироваться утверждение, что в России 15% бесплодных пар⁴, но никаких обоснований этой цифры не приводится. РидМиЖ вносит существенный вклад в прояснение этого вопроса.

Анкета обследования, в частности, содержит вопрос: «*Как Вы думаете, Вы физически могли бы иметь ребенка (детей), если бы этого захотели?*». На него в 2007 г. ответили 3361 женщин и 2171 мужчин в возрасте от 18 до 49 лет. По ответам женщин, 16,5% сомневаются в своей способности иметь ребенка, в том числе 8,3% ответили, что «*определенно не могут*» иметь ребенка (табл. 6). Среди мужчин соответствующие цифры намного ниже: 1% «*определенно не могут*» и 1,4% «*пожалуй, не могут*» иметь ребенка.

Важно, что удельный вес женщин, которые «*определенно не могут*» иметь ребенка, среди всех женщин соответствующего возраста колеблется от 0,5% в возрастной группе 20–24 года до 20,9% в группе 45–49 лет (табл. 7). Подавляющее большинство женщин (82%), полагающих, что они, скорее всего, бесплодны, принадлежат к старшей возрастной группе от 40 до 49 лет. Свыше 40% 40-летних женщин предполагают, что они бесплодны. Поэтому, вероятно, многие в этом возрасте не применяют контрацепцию.

Среди женщин, имеющих, по их мнению, проблемы с плодovitостью, 91% уже имеют детей, в том числе 60% — двоих и более, 85% этих женщин не хотят рожать (еще одного) ребенка. Физическая неспособность родить ребенка не вызывает, вероятно, у этих женщин обеспокоенности.

Лишь 1,8% опрошенных женщин моложе 50 лет хотели бы родить ребенка, но физически не могут либо сомневаются в своей плодovitости. Этот процент колеблется от 0,5 в возрастной группе 20–24 года до 3,0 в возрастной группе 35–39 лет (рис. 4). Возможно, самые молодые еще плохо представляют свои потенциальные способности к деторождению, зато женщины от 30 до 40 уже вполне осведомлены о своем ста-

---

⁴ Например, на открытии X Всероссийского научного форума «Мать и дитя» 29 сентября 2009 г. директор Департамента развития медицинской помощи детям и службы родовспоможения Минздравсоцразвития России В. Широкова упомянула, что «частота бесплодных браков в России превышает 15%, что, по данным ВОЗ, является критическим уровнем...» (<http://www.minzdravsoc.ru/health/child/45>).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Вы физически могли бы иметь ребенка (детей), если бы Вы этого захотели?», %

Ответы:	Женщины	Мужчины
Определенно нет	8,3	1,0
Пожалуй, нет	8,2	1,4
Пожалуй, да	39,5	38,3
Определенно да	40,0	56,7
Затруднились ответить	4,0	2,6
Всего	100,0	100,0

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Вы физически могли бы иметь ребенка (детей), если бы Вы этого захотели?» в зависимости от возраста, % (женщины)

Ответы:	Возраст женщины на момент опроса, лет						
	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	20–49
Определенно нет	0,5	1,9	2,3	6,1	10,1	20,9	8,3
Пожалуй, нет	0,5	2,3	2,5	5,3	10,0	20,5	8,2
Всего «нет»	0,9	4,1	4,9	11,3	20,1	41,4	16,5
Пожалуй, да	36,2	32,2	42,3	45,7	46,6	36,1	39,5
Определенно да	61,5	62,7	50,1	40,0	29,1	13,6	40,0
Всего «да»	97,7	94,8	92,4	85,7	75,7	49,8	79,5

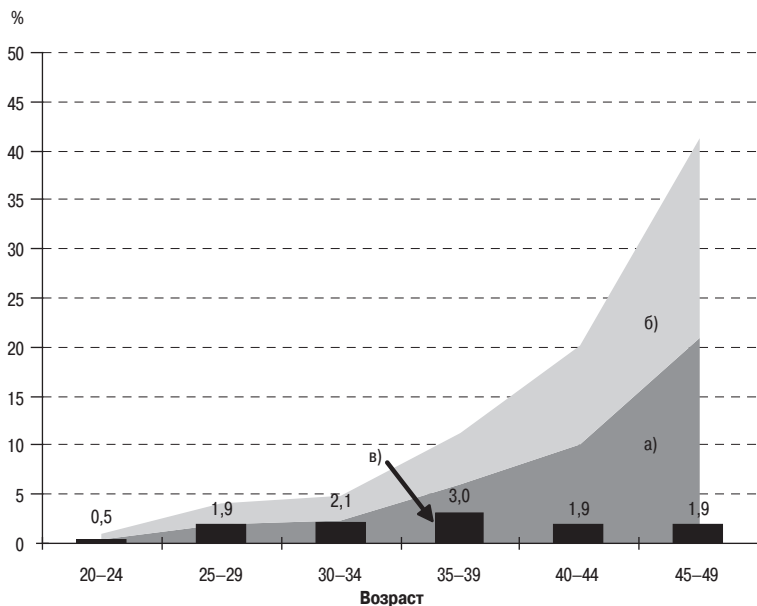
туса с точки зрения плодовитости. Полученная оценка, по-видимому, и есть приблизительный масштаб проблемы бесплодия в России.

Опрос также показал, что 2/3 женщин, сомневающихся в своей способности родить ребенка (исключая 40-летних и старше), полагают, что средствами современной медицины им можно вернуть способность родить ребенка, если бы они этого захотели.

По сравнению с 2004 г. доля респондентов, заявивших о наличии у них физических проблем с плодовитостью, уменьшилась и среди мужчин, и среди женщин. Однако в определенных возрастных группах женщин (от 20 до 34 лет и от 45 до 49 лет) немного увеличилось число тех, кто при имеющихся трудностях с зачатием хотел бы завести ребенка. Наибольший прирост таких женщин отмечен в самом активном с точки зрения рождаемости возрастном интервале 25–29 лет (с 1,3% до 1,9%⁵).

⁵ Однако, учитывая размер этой группы в выборке, очевидно, что выявленные различия лежат в пределах статистической ошибки.

Доля женщин, полагающих, что они физически не могли бы иметь ребенка (ответы «определенно нет» а) и «пожалуй, нет» б)), если бы захотели, и доля женщин, которые, по их мнению, не могут, но хотят ребенка в), среди женщин данного возраста, %

Выводы

Анализ двух волн обследования РидМиЖ подтвердил, что российское население контролирует процесс рождаемости. Заявленный уровень распространенности контрацепции очень высок в России⁶, не уступая показателям Северной и Западной Европы — наиболее благополучных регионов с точки зрения репродуктивного здоровья.

Применение контрацепции — всеобщая практика, и в этом отношении население очень однородно. Статистически значимой связи уровня применения контрацепции с такими социальными характеристиками, как доход домохозяйства, тип населенного пункта, отношение к праву на аборт, выявить не удалось. Некоторая вполне предсказуемая связь отмечена лишь с уровнем образования: чем выше уровень образования, тем выше распространенность контрацепции.

⁶ Следует напомнить, что программа РидМиЖ ограничивается рассмотрением контрацептивного поведения у состоящих в более или менее постоянном партнерском союзе. Мы ничего не можем сказать о контрацептивной практике населения, вступающего в нерегулярные, случайные сексуальные отношения.

Вместе с тем при, в целом, высоком уровне использования контрацепции в основном применяются методы с невысокой эффективностью защиты от нежелательной беременности. Более того, за период между двумя волнами обследования (2004–2007 гг.) существенного улучшения структуры не произошло. Самый популярный в мире метод, имеющий близкую к 100%-ной эффективность, — стерилизация — не получил распространения в России: на использование женской стерилизации указали менее 2% опрошенных женщин. С учетом структуры противозачаточных методов неудовлетворенную потребность в планировании семьи можно оценить в 21–24% пар, то есть примерно каждая четвертая-пятая пара сталкивается с очень высоким риском нежелательной беременности, которая в России с большой вероятностью заканчивается абортом.

Интересно, что различия в использовании контрацепции — предпочтение современным или традиционным методам — хорошо объясняются только демографическими характеристиками, прежде всего возрастом. Ни уровень образования, ни тип населенного пункта, ни доход домохозяйства (его субъективная оценка респондентом) статистически значимого влияния на соотношение использования современных и традиционных методов контрацепции не оказывают.

Отсутствие явно выраженной детерминации контрацептивного поведения затрудняет формулировку политики, направленной на снижение неудовлетворенной потребности в планировании семьи. Вероятно, следует ставить вопрос о повышении сексуальной культуры всего населения. Необходимы дальнейшие фокусированные исследования репродуктивного поведения и здоровья в нашей стране.

Невнятная государственная позиция по этому вопросу (отсутствие научно обоснованных программ по улучшению репродуктивного здоровья, системы сексуального просвещения и т. д.) ставит под сомнение устойчивость тенденции быстрого уменьшения числа абортов в стране. Отношение государства и общества к планированию семьи было (и остается до сих пор) двусмысленным. Единственным активно поддерживаемым (в том числе финансово) на государственном уровне мероприятием в области сохранения и улучшения репродуктивного здоровья населения является внедрение вспомогательных репродуктивных технологий. Однако, как показали результаты обследования РИДМИЖ, проблема бесплодия в России не является массовой социальной проблемой. С точки зрения демографии реализация государственных программ помощи бесплодным парам не может внести существенный вклад в преодоление демографического кризиса (если понимать под ним депопуляцию). Это, конечно, не означает, что проблема бесплодия как медико-биологическая проблема для россиян не актуальна,

более того, учитывая стремление современных поколений отодвигать рождение детей на более поздние возраста, можно с уверенностью говорить о том, что ее важность будет возрастать.

Литература

1. *Денисов Б.П., Сакевич В.И.* Применение контрацепции в России (по материалам выборочного обследования) // Доказательная медицина и клиническая эпидемиология. 2009. №1. С. 34–39.
2. *Захаров С.В., Сакевич В.И.* Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция — свершившийся факт? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе: Сборник аналитических статей. Вып. 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. С. 127–170.
3. Об утверждении концепции демографической политики в Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента РФ от 09.10.2007 №1351. — М.: АО «Консультант Плюс», 2008.
4. Репродуктивное здоровье и фертильность в Санкт-Петербурге: Отчет по результатам опроса, проведенного среди женщин от 18 до 44 лет в 2004 г. // Department of Sociology, University of Helsinki. Working Papers, No. 60, 2005.
5. *Trussel J.* Contraceptive efficacy // R.A. Hatcher, J. Trussell, F. Stewart et al. Contraceptive Technology: Eighteenth Revised Edition. — NY: Ardent Media, 2004.
6. World Contraceptive Use — 2007. Wall Chart. UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. — NY, 2008.
7. World Population Monitoring 2002: Reproductive Rights and Reproductive Health. UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. — NY, 2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Уровень использования методов контрацепции, в том числе современных и традиционных, среди респондентов, имеющих партнеров

Факторы	Женщины				Мужчины					
	число респондентов	Не применяет контрацепцию, %	какой-либо метод, %	современный метод*, %	только традиционный метод, %	число респондентов	не применяет контрацепцию, %	какой-либо метод, %	современный метод*, %	только традиционный метод, %
Всего	2273	20,5	79,5	65,0	14,6	1561	18,7	81,3	69,8	11,5
Возраст:										
< 25	345	18,7	81,3	71,0	10,3	228	12,7	87,3	76,1	11,2
25–29	369	19,6	80,4	67,9	12,4	244	24,8	75,2	68,7	6,5
30–34	435	16,6	83,4	68,3	15,0	285	17,1	82,9	75,1	7,8
35–39	405	16,0	84,0	70,9	13,1	278	16,3	83,7	71,8	11,9
40–44	366	21,4	78,6	59,8	18,7	274	16,1	83,9	70,5	13,3
45–49	353	29,9	70,1	52,6	17,5	252	24,9	75,1	56,5	18,5
Число рожденных детей:										
0	353	30,7	69,3	60,6	8,8	390	22,6	77,4	70,2	7,2
1	905	18,3	81,7	65,4	16,4	592	17,3	82,7	70,0	12,7
2	844	18,1	81,9	66,6	15,4	463	15,8	84,2	71,3	13,0
3+	171	21,3	78,7	64,5	14,2	116	23,1	76,9	60,8	15,8
Партнерский статус:										
партнер в домохозяйстве, брак зарегистрирован	1515	19,2	80,8	65,3	15,5	1065	18,7	81,3	68,8	12,6
партнер в домохозяйстве, брак не зарегистрирован	383	28,3	71,7	59,9	11,9	245	26,2	73,8	63,5	10,4
партнер вне домохозяйства, брак не зарегистрирован	353	16,4	83,6	70,9	12,7	242	12,3	87,7	80,5	7,3

Факторы	Женщины				Мужчины					
	число респондентов	Не принимает контрацепцию, %	какой-либо метод, %	современный метод*, %	только традиционный метод, %	число респондентов	не принимает контрацепцию, %	какой-либо метод, %	современный метод*, %	только традиционный метод, %
Уровень образования**:										
среднее общее и ниже	294	24,9	75,1	60,3	14,8	317	24,9	75,1	64,0	11,3
начальное профессиональное	420	23,5	76,5	60,6	15,9	410	20,2	79,8	66,2	13,6
среднее профессиональное	632	18,3	81,7	66,4	15,3	233	16,3	83,7	73,2	10,5
высшее, включая незавершенное	582	19,4	80,6	65,1	15,5	373	17,1	82,9	72,4	10,6
Тип населенного пункта:										
Москва, Санкт-Петербург	229	24,5	75,5	59,9	15,6	138	18,5	81,5	72,0	9,3
областные центры	714	18,6	81,4	65,4	16,0	497	17,2	82,8	70,8	12,1
прочие города	624	22,9	77,1	63,8	13,3	467	16,5	83,5	73,4	10,1
СНП, ПГТ	706	18,8	81,2	67,3	13,8	459	22,5	77,5	64,5	13,0
Доход домохозяйства (получается сводить концы с концами):										
с трудом	831	20,9	79,1	65,3	13,8	518	18,6	81,4	68,1	13,3
с некоторыми усилиями	1079	19,7	80,3	64,3	16,0	780	19,7	80,3	70,0	10,3
довольно легко, легко	361	21,8	78,2	66,1	12,1	261	14,6	85,4	73,3	12,1
Отношение к праву на аборт (аборты должны быть законодательно ограничены или запрещены)										
согласны	853	22,2	77,8	64,0	13,8	713	21,5	78,5	66,3	12,3
и да, и нет	475	19,1	80,9	65,9	15,0	375	15,6	84,4	73,8	10,6
не согласны	935	19,2	80,8	65,6	15,2	457	17,2	82,8	71,7	11,1

Примечание: * — включая сочетание с традиционным методом; ** — для респондентов 25 лет и старше.

Источник: по данным исследования РИДМИЖ—2007.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Магун В.С.

Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное¹

Введение

Нуклеаризация семьи и изменение ее функций, фундаментальные изменения в детской смертности и рождаемости, индивидуализация образа жизни людей — все эти процессы, разворачивающиеся в России и в мире в рамках демографической модернизации [Вишневский, Захаров, Иванова, 2005], связаны с появлением новых стереотипов поведения и новых социальных норм.

Систематических репрезентативных исследований взглядов людей на должное демографическое поведение и демографическое «устройство» российской жизни крайне мало. Благодаря проекту «Поколения и гендер» появилась возможность описать и проанализировать нормативные представления сегодняшних россиян о супружестве и родительстве — двух важнейших составляющих социального института семьи. Поскольку в странах Западной Европы упомянутые изменения

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная политика в отношении современной семьи в контексте преобразования семьи и семейных отношений — эмпирические данные по двум странам ЕС и двум новым независимым государствам — интеграция ЕС и его новых ближайших соседей» (грант INTAS). Автор признателен С.В. Захарову, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской, В.Е. Гимпельсону, Е.Б. Головляничиной, Е.Ю. Рождественской, М.Г. Рудневу и О.С. Грязновой за ценные советы и помощь.

начались раньше, а Россия развивается по той же траектории, но с некоторым отставанием, межстрановые сопоставления могут показать тенденцию будущего развития института семьи в нашей стране.

Настоящая статья посвящена сравнению нормативных высказываний о супружестве и родительстве в России и Франции. Данные в обеих странах собраны в рамках международного проекта «Поколения и гендер», в России — в 2004 г., а во Франции — в 2005 г.² Российская выборка строилась методом многоступенчатого вероятностного отбора жилищ, в которых затем выбирали домохозяйства, а в домохозяйстве случайным образом (с использованием процедуры Киша) отбирали одного респондента. Российский массив был перевзвешен с помощью комбинированного веса, в состав которого вошел вес по Кишу, а также вес, корректирующий смещение респондентов по полу. В итоге был получен массив, репрезентирующий население страны в возрасте от 18 до 79 лет [Захаров, Малева, Синявская, 2007], размер массива после перевзвешивания — 11 254 человека. Во Франции была реализована случайная выборка, ее размер — 10 079 человек, она использовалась в расчетах без применения каких-либо весов.

Высказывания, включенные в анкету проекта «Поколения и гендер», формулировались с учетом тех изменений, которые отмечаются исследователями демографической модернизации в качестве ключевых для характеристики первого и второго демографических переходов [Вишневский, Захаров, Иванова, 2005]. Речь идет о размывании социального института брака и распространении новых форм легитимного партнерства — таких как сожительства; о выдвигании в центр семейной жизни отношений любви и заботы о самореализации и развитии всех членов семьи; о формировании в связи с этим терпимого отношения к разводам; о прогрессе в сфере равноправия женщин, мужчин, представителей сексуальных меньшинств. Смысл всех этих изменений — в снятии существовавших в традиционном институте брака ограничений, в расширении возможностей личного выбора, в движении к равновысокой социальной ценности и социальному

---

² Российское обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» в рамках международной программы «Поколения и гендер» было проведено в 2004 г. Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики (Москва) с участием Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Французское обследование в рамках программы «Поколения и гендер» — «Etude des relations familiales et intergénérationnelles-ERFI» («Изучение семейных и межпоколенных отношений» — www-erfi.ined.fr) — было проведено Национальным институтом демографических исследований (INED) и Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE) в 2005 г.

достоинству всех членов общества. В более широком плане, по мнению американских исследователей А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко, речь идет о дальнейшем и более последовательном воплощении в жизнь выдвинутых Просвещением идеалов свободы, равенства и терпимости [Thornton, Young-DeMarco, 2001].

В российскую и французскую анкеты проекта «Поколения и гендер» было включено 13 нормативных суждений, большинство которых с теми или иными вариациями широко используются в исследованиях нормативного сознания. Все эти высказывания можно условно сгруппировать в 4 категории.

Суждения о социальном оформлении супружеских отношений в форме брака: «Брак — это устаревший вид отношений», «Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться».

Суждения о финише супружеской жизни, оформленной в виде брака: «Брак — это отношения на всю жизнь, их никогда не следует разрывать», «Если пара несчастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети».

Суждения о родительстве: «Для полной самореализации у женщины должны быть дети», «Для полной самореализации у мужчины должны быть дети», «Чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть и отец, и мать», «Женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной», «В 18–20 лет дети должны начинать жить самостоятельно».

Суждения о правах «социально слабых»: «У однополых пар должны быть те же права, что и у пар разного пола», «Для пары лучше, когда мужчина старше женщины», «Если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях», «В случае развода для ребенка лучше остаться с матерью, чем с отцом» (в ситуации, на разрешение которой направлена последняя норма, слабой стороной обычно выступают как раз мужчины).

Как видим, набор предложенных формулировок уравновешен: 6 из них сформулированы в инновационном, а 7 — в традиционно-консервативном ключе. Кроме того, в списке встречаются все основные разновидности социальных норм: разрешения, запреты и долженствования [Ивин, 1973]. Несколько формулировок (суждения, фигурирующие в *таблице 1* под номерами 1, 11 и 12) состоят только из оценок, собственно нормативный компонент в них не эксплицирован, а лишь подразумевается.

В отношении каждого из перечисленных выше суждений респондента просили высказать свое согласие или несогласие по шкале: полностью согласен (балл 1), согласен (балл 2), и да, и нет (балл 3), не согласен (балл 4), совсем не согласен (балл 5).

Статья состоит из четырех разделов. Во *втором разделе* будут описаны сравнения России и Франции по степени согласия с каждым из приведенных выше нормативных суждений. Эти сравнения мы осуществим в два круга — сначала проведем грубые сопоставления двух стран по балансу согласий-несогласий с нормативными суждениями, а затем — более детальные сравнения на основе распределений отдельных ответов и средних оценок. *Третий раздел* посвящен анализу взаимосвязей между различными нормативными суждениями, в нем будет описана факторная структура этих суждений у российского и французского населения. И, наконец, в *четвертом разделе* будет рассмотрено влияние на рассматриваемые суждения некоторых социально-демографических и социально-культурных характеристик респондентов (отдельно по российской и французской выборкам).

Степень согласия россиян и французов с нормативными суждениями, касающимися супружества и родительства

Ответы россиян и французов на вопросы о нормах супружества и родительства приводятся в *таблице 1*.

Начнем с *самых грубых показателей* нормативного сознания жителей двух стран — преобладания в их ответах долей согласных (ответы «полностью согласен» и «согласен») или несогласных (ответы «не согласен» и «совсем не согласен») с тем или иным суждением. Если ориентироваться на эти показатели, то приходим к выводу о *сходстве общей структуры отношения россиян и французов к большинству рассматриваемых социальных норм*.

Перечислим те нормативные суждения, по которым есть *сходство в преобладании поддержки или отвержения*. Так, и у россиян, и у французов преобладает позиция в поддержку брака как социального института (суждение 1), и в то же время согласие с нормой, разрешающей сожительства (суждение 2)³. В отношении развода у россиян и французов также преобладают одинаковые позиции: они чаще согласны, чем не согласны, с суждением о том, что брак — это отношения на всю жизнь, которые никогда не следует разрывать (суждение 3), и в то же время подавляющее большинство в каждой стране соглашается с тем, что если пара несчастлива, то развод допустим (суждение 4). Точно так же совпадает в обеих странах и преобладающая позиция в отно-

---

³ С. В. Захаров приводит другие результаты (основанные на данных Европейского социального исследования), согласно которым россияне чаще не одобряют, чем одобряют сожительства. (В статье Захарова речь идет только об отношении к подобному поведению женщин, но дополнительные расчеты показывают, что примерно так же россияне относятся и к такому поведению мужчин.) Различия между данными двух опросов вызваны, скорее всего, несовпадением формулировок, в Европейском социальном исследовании вопрос и варианты ответа на него звучат более радикально [Захаров, 2009].

шении всех пяти нормативных суждений, касающихся родительства (суждения с 5 по 9-е). Так, в обеих странах доля согласных перевешивает процент несогласных с тем, что для полной самореализации и у женщины, и у мужчины должны быть дети, что женщина вполне может родить ребенка даже в том случае, если не планирует вступать в постоянные отношения с мужчиной, и что в 18–20 лет дети должны начинать жить самостоятельно. А в том, что ребенку, чтобы он рос счастливым, нужен дом, где есть отец и мать, убеждены вообще почти все респонденты в обеих странах. Что касается прав «социально слабых», то здесь преобладающая позиция россиян и французов совпадает только в том случае, когда речь идет о соотношении заработков мужчины и женщины (суждение 12): и россияне, и французы чаще *не считают* плохой для отношений между партнерами ситуацию, когда женщина зарабатывает больше мужчины⁴, хотя во Франции перевес большинства над меньшинством выражен гораздо сильнее.

Как видим, в преобладающих взглядах россиян и французов (в той части, где балансы поддержки и отвержения этих взглядов в обеих странах совпадают) противоречиво сочетаются традиционные и современные (инновационные) позиции. Так, и россияне, и французы, в целом, не считают, что брак — это устаревший вид отношений, но тем не менее считают нормальным, что неженатая (т.е. не состоящая в браке) пара живет вместе, «даже если они не планируют пожениться».

Похожее противоречие имеется и в паре суждений, касающихся возможности завершения брака. Здесь, с одной стороны, большинство согласно с традиционным убеждением, что «брак никогда не следует разрывать», но в то же время почти 80% респондентов в каждой из стран считают, что развод вполне допустим — даже если в семье есть дети (здесь добавлена конкретизирующая оговорка — «при условии, что пара несчастлива в браке»).

Оба упомянутых противоречия возникают по одной и той же схеме: люди поддерживают традиционную (или отвергают нетрадиционную) норму, но в то же время выражают толерантное отношение к современным («либеральным») отклонениям от этой нормы.

Другой вид противоречия имеет место между согласием респондентов с более современной позицией, что женщина вполне может родить ребенка, даже если не планирует вступать в постоянные отношения с мужчиной, и их же убежденностью в том, что ребенку, чтобы он рос счастливым, нужен дом, где есть отец и мать. В этом случае мы сталкиваемся с противоречием не между нормой и допустимыми отклонениями от нее,

---

⁴ В отношении россиян этот вывод подтверждается проведенным в 2007 г. исследованием Фонда «Общественное мнение» [Вовк, 2007, с. 30]

Таблица 1
 Распределение ответов россиян и французов на вопросы о нормах супружества и родительства, % ответивших

Содержание норм	Страна	Полностью согласен (балл 1)	Со-гласен (балл 2)	И да, и нет (балл 3)	Не согласен (балл 4)	Совсем не согласен (балл 5)	«Полностью согласен» плюс «согласен»	«Не согласен» плюс «Совсем не согласен»	Средняя (в баллах)	Ошибка средней (в баллах)	Среднее квадратичное отклонение – сигма (в баллах)
<i>Нормы, касающиеся оформления супружеских отношений в виде брака</i>											
1. Брак — это устаревший вид отношений	Россия* Франция*	3 11	11 9	13 15	58 17	15 48	14 20	73 65	3,7 3,8	0,01 0,01	0,9 1,4
2. Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться	Россия Франция	7 49	43 24	22 16	23 5	5 7	50 73	28 12	2,8 2,0	0,01 0,01	1,0 1,2
<i>Нормы, касающиеся финиша супружеской жизни, оформленной в виде брака</i>											
3. Брак — это отношение на всю жизнь, их никогда не следует разрывать	Россия Франция	11 35	34 19	28 16	26 10	2 19	45 54	28 29	2,7 2,6	0,01 0,02	1,0 1,5
4. Если пара не счастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети	Россия Франция	14 54	64 26	15 8	6 6	1 5	78 80	7 11	2,2 1,8	0,01 0,01	0,8 1,1

<i>Нормы, касающиеся родительства</i>											
5. Для полной самореализации у женщины должны быть дети	Россия Франция	26	59	10	5	0	85	5	1,9 2,2	0,01 0,01	0,8 1,4
		41	22	18	8	11	63	19	Россия- не более традици- онны		
6. Для полной самореализации у мужчины должны быть дети	Россия Франция	22	54	14	8	1	76	9	2,1 2,4	0,01 0,01	0,9 1,4
		36	23	20	8	13	59	21	Россия- не более традици- онны		
7. Чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть и отец, и мать	Россия Франция	50	45	3	1	0	95	1	1,6 1,5	0,01 0,01	0,6 0,9
		69	21	5	2	2	90	4	Россия- не более инноваци- онны		
8. Женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной	Россия Франция	14	58	17	10	2	72	12	2,3 2,7	0,01 0,01	0,9 1,4
		27	24	17	17	15	51	32	Россия- не более инноваци- онны		
9. В 18–20 лет дети должны начинать жить самостоятельно	Россия Франция	10	43	31	16	1	53	17	2,6 2,3	0,01 0,01	0,9 1,3
		36	27	18	11	8	63	19	Россия- не более традици- онны		

Содержание норм	Страна	Полностью согласен (балл 1)	Согласен (балл 2)	И да, и нет (балл 3)	Не согласен (балл 4)	Совсем не согласен (балл 5)	«Полностью согласен» плюс «согласен»	«Не согласен» плюс «Совсем не согласен»	Средняя (в баллах)	Ошибка средней (в баллах)	Среднее квадратичное отклонение – сигма (в баллах)
<i>Нормы, касающиеся прав «социально слабых»</i>											
10. У однополых пар должны быть те же права, что и у пар разного пола	Россия	3	22	18	25	32	25	57	3,6	0,01	1,2
	Франция	23	17	17	12	31	40	43	3,1	0,02	1,6
11. Для пары лучше, когда мужчина старше женщины	Россия	14	44	24	16	2	58	18	2,5	0,01	1,0
	Франция	15	11	38	8	29	26	37	3,2	0,01	1,4
12. Если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях	Россия	5	23	26	42	4	28	46	3,2	0,01	1,0
	Франция	6	9	18	15	53	15	68	4,0	0,01	1,2
13. В случае развода для ребенка лучше остаться с матерью, чем с отцом	Россия	20	42	30	8	1	62	9	2,3	0,01	0,9
	Франция	16	15	41	9	19	31	28	3,0	0,01	1,3

* Число опрошенных в России — 11 261 чел. (после перевзвешивания массива — 11 254 чел.), во Франции — 10 079 чел.

а между нормами, утверждающими *права различных субъектов*. Респонденты, возможно осознавая, что права женщины и ребенка находятся в конфликте, все же не отказывают в этих правах ни одной из сторон.

По трем суждениям балансы согласных и несогласных в России и Франции *качественно различаются*, и во всех этих случаях — а они касаются прав «социально слабых» — россияне занимают более традиционные позиции. Большинство россиян не согласны с предоставлением однополым парам тех же прав, что и парам разного пола, в то время как во Франции доли согласных и не согласных с этим примерно равны (суждение 10). Большинство россиян считают также, что для пары лучше, когда мужчина старше женщины, в то время как во Франции доля несогласных с этим выше доли согласных (суждение 11). И наконец, значительное большинство россиян полагает, что ребенку после развода лучше оставаться с матерью, чем с отцом (62% «согласных» против 9% «несогласных»), в то время как во Франции доли придерживающихся разных мнений по этому вопросу примерно равны (31% против 28%).

Перейдем теперь к *более детальным сравнениям*, принимая во внимание распределения всех ответов (до этого мы не учитывали промежуточные ответы по формуле «и да, и нет»). Обратим также внимание на статистические характеристики этих распределений — на средние оценки и средние квадратичные отклонения (последние характеризуют разнообразие ответов в совокупности респондентов).

Результаты более детальных сравнений позволяют сделать вывод о *двух видах отличий* между россиянами и французами.

Во-первых, по всем нормативным суждениям *средние величины* степени согласия в России и Франции статистически значимо различаются (при $p < 0,05$, или при более строгом критерии значимости). В большинстве случаев (по 9 суждениям из 13) направление этих отличий указывает на бóльшую нормативную традиционность российских респондентов в сравнении с французскими. По четырем оставшимся суждениям средний россиянин настроен более современно, нежели средний француз, но в трех случаях эти различия между средними очень малы. Вывод о бóльшем традиционализме россиян вряд ли вызывает удивление, поскольку он согласуется с более общими представлениями о том, что по отношению к Франции и другим странам Запада демографическая модернизация в России носит запаздывающий характер [Вишневецкий, 2005].

Во-вторых, во французской выборке ответы по поводу всех нормативных суждений характеризуются *большой вариацией*, большей дифференцированностью (об этом мы судим по показателю среднего квадратичного отклонения). Это происходит в значительной степени из-за *большой, чем в российской выборке, доли крайних (полярных) ответов* — «полностью согласен» или «совсем не согласен». В тех случаях, когда

эти «дополнительные» крайние ответы французов концентрируются на одном из полюсов шкалы, между французами и россиянами возникают заметные различия и по средним оценкам. В тех же случаях, когда эти ответы «разбегаются» по *обоим* краям, они взаимно гасят друг друга и потому итоговые различия средних оценок между Францией и Россией оказываются небольшими.

Более высокая поляризация ответов свидетельствует о том, что во Франции шире, чем в России, представлены как наиболее инновационно, так и наиболее консервативно настроенные граждане. В объяснении этой особенности может помочь наблюдение А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко, сделанное ими при анализе динамики нормативного сознания американцев. Эти исследователи отмечают, что бурный рост в 1960—1980-х гг. новых семейных норм и практик вызвал в качестве реакции усиление противоположного по смыслу типа нормативного сознания, т.е. укрепление и рост популярности консервативных взглядов на семейные отношения⁵. Радикальные новаторы сами порождают радикальных консерваторов!

Рассмотрим отмеченные различия между россиянами и французами более подробно.

В отношении нормативной формулы **«Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться»** россияне, в среднем, занимают резко более традиционную позицию: они значительно реже, чем французы, «полностью согласны» с этим суждением и, соответственно, намного чаще просто «согласны» или «не согласны» с ним.

В отношении нормы **«Если пара несчастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети»** россияне, в среднем, тоже настроены более традиционно, чем французы. Отличия, правда, возникают в основном за счет перераспределения ответов между «полным» (преобладает у французов) и «простым» (преобладает у россиян) согласием.

(Обратим внимание на зависимость различий между странами от формы нормативных суждений. В высказываниях о браке и разводе бóльший традиционализм россиян резко выявляется только применительно к «разрешительно-уступительным» суждениям, а в отношении «лозунговых» суждений, диктующих общеобязательные нормы поведения, французы выглядят не менее консервативно, чем россияне.)

---

⁵ «Это консервативное движение акцентирует важность брака и его стабильность, а также неприемлемость сожительства, сексуальных отношений и рождения детей вне брака». Существование двух противоположно направленных позиций привело к тому, что «проблемы брака и семейной жизни стали центральным элементом культурных войн, которые засасывают сегодня американскую политику» [Thornton, Young-DeMarco, p. 1011]. О культурных войнах см.: [Hunter, 1991].

В отношении нормы **«Для полной самореализации у женщины/мужчины должны быть дети»** снова оказывается, что россияне настроены более традиционно, чем французы. Но применительно к близкой по содержанию социальной норме — **«Женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной»** — россияне, наоборот, настроены более либерально и инновационно (это единственный случай заметного отличия россиян в инновационную сторону). Причина, скорее всего, в том, что данное суждение является следствием более низких притязаний россиян в отношении качества жизни появившегося на свет ребенка, а это, в свою очередь, объясняется более низким уровнем экономического развития России. (Сниженные притязания выражаются и в чуть меньшем согласии россиян с нормой наличия у ребенка полной семьи — **«Чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть отец и мать»**.)

По вопросу отделения детей от семьи россияне настроены более традиционно: они заметно реже, чем французы, полагают, что **«В 18–20 лет дети должны начинать жить самостоятельно»**.

Как и следовало ожидать, россияне в своих нормативных высказываниях оказались и менее эгалитарны — т.е. снова менее современны, чем французы: это касается равенства мужчин и женщин, а также равных с другими прав представителей сексуальных меньшинств. Соответствующие различия между странами по средним величинам — наибольшие из всех, которые нам удалось обнаружить. Россияне менее согласны с тем, что **«У однополых пар должны быть те же права, что и у пар разного пола»** (но примечательно, что крайне консервативных ответов в России и Франции в точности одинаковое число — 30%). Сильнее, чем французы, легитимизируют россияне и гендерное неравенство: чаще, чем французы, они настаивают на том, что **«Для пары лучше, когда мужчина старше женщины»**, что **«Если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях»** и что **«В случае развода для ребенка лучше остаться с матерью, чем с отцом»**.

Различия нормативных взглядов россиян и французов в отношении гендерного неравенства проявляются не только в несовпадении средних оценок, но и в преобладающем типе ответов. Так россияне в два с лишним раза чаще *не* согласны, чем согласны, с нормой равенства прав у однополых и разнополых пар, а среди французов согласных и несогласных с этим примерно поровну. Россияне гораздо чаще согласны с тем, что для пары лучше, когда мужчина старше женщины, а французы, наоборот, несколько чаще с данной нормой не согласны. Почти в 7 раз у россиян согласие с нормой, диктующей, что ребенок после развода должен оставаться с матерью, преобладает над несогласием с ней, в то время как у французов согласие с этой нормой и ее отвержение встречаются одинаково часто.

Факторная структура социальных норм, относящихся к супружеству и родительству

Факторный анализ 13 нормативных суждений показал, что они взаимосвязаны. В факторных матрицах, полученных в рамках российского и французского массивов, имеется по 4 фактора, чьи собственные числа равны или превышают единицу. Всего эти факторы описывают 50% дисперсии в российской и 52% дисперсии во французской выборке. Наиболее интересными для дальнейшего анализа являются по два первых фактора в каждой из матриц, поскольку с каждым из них связано большинство высказываний респондентов. Эти факторы приведены в *таблице 2*.

Содержание и структура первых двух факторов оказались в России и во Франции примерно одинаковы. С **первым фактором** (его информативность в России — 18%, во Франции — 22%) в обеих странах связаны почти все нормативные высказывания респондентов, причем нагрузки всех высказываний в содержательном плане одинаковы: с ростом значения фактора в обеих странах растет несогласие с традиционными нормами и, наоборот, усиливается согласие с более современными, инновационными нормами⁶. Важно отметить, что эта тенденция имеет универсальный характер, т.е. касается и родительства, и супружества. Если считать, что факторные нагрузки значимы, начиная с 0,20 по абсолютной величине, то в обеих выборках не связанной с данным фактором оказывается норма об отделении детей, достигших 18–20 лет от семьи, а в российской выборке — еще две нормы, касающиеся гендерного равенства в заработке и правах на ребенка после развода.

Чем выше значения первого фактора, тем, например, меньше россияне и французы убеждены в том, что для полной самореализации у женщины или у мужчины должны быть дети, и, с другой стороны, тем легче они допускают возможность для неженатой пары жить вместе (даже если партнеры не планируют пожениться). Эти, равно как и все остальные связанные с первым фактором показатели, позволяют трактовать *этот фактор в качестве обобщенного параметра нетрадиционности, «модерности» нормативного сознания*. Чем выше значения этого фактора, тем более инновационными, современными являются нормативные представления людей о должном «устройстве» супружеских и родительских отношений, а чем ниже его значения — тем эти представления более традиционны, консервативны.

Со **вторым фактором** (его информативность в России — 14%, во Франции — 12%) тоже связаны почти все нормативные высказывания, и снова

---

⁶ Напомним, что исходные шкалы в анкете таковы, что более высокие числовые оценки свидетельствуют о *меньшем* согласии или *большем* несогласии с соответствующим суждением.

Таблица 2

Первый и второй факторы нормативных суждений респондентов о супружестве и родительстве в России и Франции (извлечения из факторных матриц до вращения, метод главных компонент)

Нормативные суждения	Россия		Франция	
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 1	Фактор 2
Брак — это устаревший вид отношений	-,424	,264	-,264	,396
Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться	-,532	,496	-,490	,461
Брак — это отношения на всю жизнь, их никогда не следует разрывать	,564	-,249	,548	-,189
Если пара несчастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети	-,241	,506	-,448	,385
Для полной самореализации у женщины должны быть дети	,702	,505	,690	,540
Для полной самореализации у мужчины должны быть дети	,706	,445	,681	,520
Чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть отец и мать	,510	,293	,532	,045
Женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной	-,217	,613	-,395	,465
В 18–20 лет дети должны начать жить самостоятельно	,036	,355	,046	,378
У однополых пар должны быть те же права, что и у разнополых	-,305	,358	-,530	,232
Для пары лучше, когда мужчина старше женщины	,278	,060	,456	,128
Если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях	,067	,034	,319	,041
В случае развода для ребенка лучше остаться с матерью, чем с отцом	,185	,166	,385	,192
Информативность факторов	18%	14%	22%	12%

структура факторных нагрузок в обеих странах одинакова. Но второй фактор (в отличие от первого) устроен более сложно и направления вариации разных по содержанию норм в нем неодинаковы. С ростом значений этого фактора часть норм меняется в инновационную сторону: снижается согласие с тем, что для полной самореализации у женщины или мужчины должны быть дети, что ребенку нужен дом, где есть отец и мать. Другая же (большая) часть норм с ростом его значений меняется, наоборот, в консервативную сторону: снижается согласие с нормой, разрешающей женщине родить ребенка вне брака или партнерства, допускающей развод, легити-

мизирующей сожительстве, утверждающей, что брак устарел, требующей отделения детей от семьи, утверждающей равноправие однополых пар, и растет согласие с тем, что брак — это отношения на всю жизнь.

Судя по соотношениям всех этих показателей, получается, что с ростом этого фактора растет согласие с нормами, утверждающими традиционную организацию семьи с разнополой супружеской парой как ее основой и длительным совместным проживанием родителей с детьми (если они есть). В то же время наличие детей в такой семье не считается обязательным — и отсюда получается, что у лиц с высокими значениями этого фактора упомянутые выше консервативные представления о супружестве и совместном проживании поколений сочетаются с инновационными нормативными представлениями о необязательности детей для самореализации человека. Норма о том, что ребенку для счастья нужен дом, где есть отец и мать, судя по знаку факторной нагрузки, прочитывается в рамках этого фактора как указание на обязательность родительства и потому ведет себя так же, как и соответствующие высказывания об обязательности родительской функции для мужчины и женщины.

Итак, с ростом значений второго фактора растет согласие с традиционными нормами в отношении супружества и совместного проживания поколений и в то же время снижается согласие с традиционными нормами в отношении обязательности детей в семье. По мере же снижения значений второго фактора, наоборот, падает согласие с традиционными нормами в отношении супружества и совместного проживания поколений и в то же время более традиционной становится нормативная позиция в отношении обязательности наличия у человека детей.

Таким образом, данный фактор можно обозначить как *параметр взаимно обратных отношений между традиционализмом и инновационностью нормативных установок в отношении супружества и совместного проживания поколений, с одной стороны, и обязательностью наличия у человека детей, с другой.*

Влияние социально-демографических переменных на индекс традиционализма-инновационности нормативного сознания

На следующем этапе анализа российским и французским респондентам были приписаны индивидуальные значения по каждому из двух описанных выше факторов. Это было сделано отдельно по каждому из массивов, и точно так же — отдельно для российского и французского массивов — были построены уравнения множественной линейной регрессии. Зависимыми переменными выступали значения указанных факторов, а независимыми переменными — демографические, статусные и социокультурные характеристики респондентов: их пол, возраст, место жительства, образование, основное занятие, религиозность.

Выяснилось, что в отношении второго из описанных выше факторов предсказательная сила перечисленных независимых переменных очень низка, поэтому мы ограничимся рассмотрением влияний указанных переменных только на первый фактор (напомним, что этот фактор описывает общую традиционность-инновационность нормативного сознания респондентов в отношении супружества и родительства). Названия независимых переменных и соответствующие регрессионные коэффициенты приводятся в *таблицах 3 и 4*.

Группы независимых переменных в российском и французском массивах были одни и те же, но конкретные градации этих переменных (выраженные в соответствующих дамми) несколько различались. Во французском массиве были подробнее представлены типы поселений (5 градаций вместо 4 в российском массиве), виды основных занятий (7 вместо 6) и категории религиозности (5 вместо 3), а в российском массиве — уровни образования (8 градаций вместо 6).

Рассмотрим статистически значимые регрессионные коэффициенты.

В обоих массивах *женщины* настроены более инновационно, чем мужчины.

Как и можно было предполагать, более *старшие* респонденты сильнее, чем самые молодые, склонны к выражению традиционных норм. Но выяснилось, что подобные различия в России наступают на 20 лет раньше, чем во Франции: в России впервые эти отличия от самой младшей возрастной группы появляются в 40–49 лет и затем сохраняются у лиц более старших возрастов, а во Франции эти отличия проявляются только у тех, кому перевалило за 60.

Причина того, что отличия фиксируются в России и во Франции в разных возрастах, видимо, в том, что в данном случае возрастные отличия отражают сдвиги в нормативном сознании между разными *поколениями* респондентов. В России подобные сдвиги затронули поколения тех, кому сейчас 40 лет или меньше, а во Франции они, похоже, наступили на 20 лет раньше, и поэтому от нынешней молодежи там заметно отличаются только те, кому на момент опроса было 60 или более лет.

Это, в свою очередь, является следствием разного времени наступления резких культурных сдвигов: во Франции они датируются второй половиной 1960-х и их символом является революция 1968 г., а в России — второй половиной 1980-х — началом 1990-х гг., и их символом является августовская революция 1991 г. Данные сдвиги произошли именно в то время, когда французским 60-летним и российским 40-летним респондентам было около 20 лет, и эти люди находились на том этапе жизненного пути, когда, по мнению ряда исследователей, происходит наиболее интенсивное формирование ценностно-нормативного сознания [Inglehart, 1997]).

Таблица 3
 Коэффициенты уравнений линейной регрессии; зависимость переменная — индивидуальные значения фактора традиционализма-инновационности норм супружества и родительства (российская выборка в целом и возрастные подвыборки внутри нее)

Независимые переменные	Российская выборка в целом, N=11 011 чел.		Подвыборка россиян в возрасте 40–49 лет, N=2493 чел.		Подвыборка россиян в возрасте 50–59 лет, N=1928 чел.	
	регрессионные коэффициенты (бета-коэффициенты)	показатели статистической значимости	регрессионные коэффициенты (бета-коэффициенты)	показатели статистической значимости	регрессионные коэффициенты (бета-коэффициенты)	показатели статистической значимости
Пол (мужчины)	–	–	–	–	–	–
Пол (женщины)	,031	,001	,009	,664	,040	,088
Возраст в годах (рассчитан по году рождения)	–	–	–,094	,000	–,047	,050
Возраст менее 20 лет	–	–	–	–	–	–
Возраст 20–24 года	,019	,287	–	–	–	–
Возраст 25–29 лет	,011	,563	–	–	–	–
Возраст 30–34 лет	,010	,576	–	–	–	–
Возраст 35–39 лет	–,008	,675	–	–	–	–
Возраст 40–49 лет	–,085	,001	–	–	–	–
Возраст 50–59 лет	–,141	,000	–	–	–	–
Возраст 60 лет и старше	–,249	,000	–	–	–	–
Место жительства — сельская местность	–	–	–	–	–	–
Место жительства — поселок городского типа	–,058	,000	–,027	,199	–,088	,000
Место жительства — город	,005	,627	,011	,656	,014	,617
Место жительства — областной центр	–,031	,008	,009	,712	–,038	,191
Образование — не выше начального	–	–	–	–	–	–

Образование — основное общее	,025	,047	-,371	,002	-,053	,231
Образование — общее среднее	,011	,519	-,885	,001	-,113	,059
Образование — начальное профессиональное	,036	,052	-,975	,001	-,129	,040
Образование — среднее профессиональное	,002	,895	-,1053	,000	-,140	,048
Образование — неполное высшее	,001	,889	-,149	,002	-,031	,218
Образование — высшее	,025	,157	-,897	,001	-,107	,104
Образование — послевузовское профессиональное	,001	,929	-,172	,001	-,023	,368
Основное занятие — учащийся	—	—	—	—	—	—
Основное занятие — работающий	-,073	,010	,309	,474	—	—
Основное занятие — безработный	-,029	,070	,225	,456	-,002	,946
Основное занятие — неработающий пенсионер	-,087	,002	,154	,495	,004	,876
Основное занятие — в отпуске по уходу за ребенком	-,045	,000	,062	,251	—	—
Основное занятие — домохозяйка (домохозяйин)	-,046	,002	,157	,550	,012	,607
Религиозность — никакой религии не исповедую	—	—	—	—	—	—
Религиозность — исповедую православие	-,085	,000	-,093	,000	-,052	,034
Религиозность — исповедую ислам	-,156	,000	-,126	,000	-,150	,000
R ²		,10	,04			,04

Примечание: жирным курсивом выделены статистически значимые (начиная с уровня $p < 0,05$) коэффициенты.

Коэффициенты уравнения линейной регрессии; зависимая переменная — индивидуальные значения фактора традиционализма-инновационности норм супружества и родительства (французский массив, N=9166 чел.)

Независимые переменные	Регрессионные ко- эффициенты (бета- коэффициенты)	Показатели статистической значимости
Пол (мужчины)	–	–
Пол (женщины)	,061	,000
Возраст менее 20 лет	–	–
Возраст 20–24 года	–,012	,532
Возраст 25–29 лет	,012	,587
Возраст 30–34 лет	,019	,424
Возраст 35–39 лет	,036	,144
Возраст 40–49 лет	,041	,173
Возраст 50–59 лет	–,038	,212
Возраст 60 лет и старше	–,206	,000
Место жительства — сельская местность	–	–
Место жительства — город с населением меньше 50 тыс. чел	,032	,005
Место жительства — город с населением от 50 до 200 тыс. чел	,033	,003
Место жительства — город с населением от 200 тыс. до 2 млн. чел	,034	,004
Место жительства — Париж	,040	,000
Образование — начальное	–	–
Образование — неполное среднее	,062	,000
Образование — среднее общее	,112	,000
Образование — начальное профессиональное	,101	,000
Образование — среднее профессиональное	,095	,000
Образование — высшее	,193	,000
Основное занятие — учащийся	–	–
Основное занятие — работающий	–,041	,168
Основное занятие — безработный	–,019	,261
Основное занятие — неработающий пенсионер	–,081	,010
Основное занятие — в отпуске по уходу за ребенком	–,024	,037
Основное занятие — болен и не работаю	–,022	,083
Основное занятие — домохозяйка (домохозяин)	–,082	,000
Религиозность — никакой религии не исповедую	–	–
Религиозность — исповедую католицизм	–,130	,000
Религиозность — исповедую протестантизм	–,064	,000

Независимые переменные	Регрессионные коэффициенты (бета-коэффициенты)	Показатели статистической значимости
Религиозность — исповедую ислам	–,223	,000
Религиозность — не хочет отвечать на вопрос о религии	–,058	,000
R ²	,19	

Примечание: жирным курсивом выделены статистически значимые (начиная с уровня $p < 0,05$) коэффициенты.

Коэффициент детерминации R² (показатель, оценивающий итоговое качество предсказания) в российской выборке оказался равен 0,10, во французской — 0,19, т.е. заметно более высокий.

Предполагалось, что *тип поселения*, в котором живет респондент, тоже будет влиять на нормативное сознание людей вполне определенно: с ростом урбанизированности усилится отход от традиционных норм. Именно такой оказалась картина во Франции: проживание в любом городском поселении (в сравнении с сельской местностью) повышает инновационность французских респондентов. Но в России подобная закономерность, как выяснилось, не действует: здесь проживание в областном центре или в поселке городского типа (в сравнении с сельской местностью) сочетается, наоборот, с *меньшей* инновационностью разделяемых респондентом социальных норм. Причины этого не ясны, не исключено, что сама городская культура в России (в отличие от Франции) пока еще очень диффузна, несет в себе много архаики [Глазычев, 1995; Вишневский, 1998] и потому не прививает людям новых социальных норм супружества и родительства⁷.

Специального внимания заслуживает влияние *образования*. Здесь снова французская выборка ведет себя в соответствии с ожиданиями: с ростом уровня образованности респондентов усиливается отход от традиционных норм супружества и родительства. Причем эта закономерность действует очень устойчиво: каждая из пяти более высоких градаций статистически значимо отличается от низшей образовательной градации, и величины коэффициентов очень заметны. В России картина влияния образования гораздо более бедная: все коэффициенты очень низкие, и статистически значимы только два из них, характеризующие влияние двух достаточно низких уровней образования — общего среднего и начального профессионального. Наличие обоих этих уровней образования (в сравнении с начальным или более низким образованием) несколько повышает склонность респондента придерживаться

⁷ О.В. Синявская при обсуждении этого факта заметила, что, возможно, здесь сказывается также влияние процедуры сбора данных — в частности, трудности с достижимостью интервьюерами более продвинутых респондентов в крупных городах.

инновационных норм в отношении родительства и супружества. Таким образом, получается, что большинство ступеней российской системы образования не оказывает (не оказывало) какого-то определенного влияния на содержание разделяемых учащимися норм демографического поведения, да и те влияния, которые есть, — очень слабы.

Это не значит, что подобные влияния вообще отсутствуют (отсутствовали) в масштабе отдельно взятых учебных заведений, но взятые вместе — в масштабах всего общества и на протяжении всего периода воздействия на наших респондентов — эти влияния не укладываются в какую-то одну тенденцию и, возможно, взаимно гасят друг друга. Причина большей временной гетерогенности этих влияний в России в сравнении с Францией, по-видимому, в том, что культурный сдвиг начался в России заметно позже (напомним, что судя по упомянутым выше данным о влиянии возраста, в России этот сдвиг затронул только лиц моложе 40 лет, в то время как во Франции — всех моложе 60), и поэтому разные поколения наших респондентов посещали учебные заведения, прививающие им разные по направленности нормы супружества и родительства. Кроме того, даже и те нормативные сдвиги, которые уже совершились в рамках других — опережающих — подсистем российского общества, проникают в образовательную систему медленно, формируя ее неоднородность не только во времени, но и в пространстве.

С целью проверки этих предположений мы разделили российскую выборку на несколько частей в зависимости от возраста респондентов. Было выделено 5 групп: от 20 до 29 лет, от 30 до 39 лет, от 40 до 49 лет, от 50 до 59 лет и от 60 лет и старше, а далее внутри каждой из этих групп мы повторили регрессионный анализ с тем же составом переменных, но только вместо дамми-переменных для возрастных диапазонов был включен возраст респондента в годах (он был рассчитан по году рождения).

Оказалось, что в регрессионных уравнениях, рассчитанных для более молодых и для самых старших респондентов (т.е. находящихся в возрастах 20–29, 30–39 лет, а также в возрасте 60 лет и старше), показатели образования не имеют статистически значимых коэффициентов. Это значит, что в этих подвыборках уровень полученного образования не оказывает значимого влияния на содержание социальных норм супружества и родительства, которых придерживаются респонденты.

Совсем иная картина наблюдается в регрессионных уравнениях, построенных для лиц, находящихся на пятом и шестом десятке, т.е. в возрастах 40–49 лет и 50–59 лет (параметры уравнений регрессии для этих двух групп приводятся в той же *таблице 3*; в группе 50–59-летних в силу отсутствия в ней «учащихся» контрольной группой для основного занятия выступают «работающие»). Как видим, в этих уравнениях влияния почти всех уровней образования статистически значимы! Особенно они заметны в группе 40–49-летних.

Таким образом, предположение о том, что образование, полученное российскими респондентами приблизительно в один и тот же исторический период, должно более определенно влиять на зависимую переменную, подтвердилось. В итоге можно сделать вывод о том, что образование всех уровней, полученное в советское послевоенное время, но до наступления культурного сдвига второй половины 1980-х гг. (именно в этот период получали образование те респонденты, кому на момент опроса в 2004 г. было от 40 до 60 лет), сдвигает нормативное сознание россиян в сторону большего традиционализма. Это, в целом, согласуется с характеристикой советского образования как тиражирующего жестко дисциплинирующие образцы поведения, которые, собственно, и составляют смысл «традиционализма» в рассматриваемой нами сфере⁸.

Перейдем теперь к следующей группе независимых переменных и рассмотрим влияние *рода занятий*. Он сходным образом влияет на нормативное сознание и россиян, и французов. Пенсионеры, лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, а также домохозяйки в обеих странах более традиционны в своих взглядах на супружество и родительство, нежели учащиеся. Обратим внимание, что три перечисленных группы населения, скорее всего, в большей степени осознают свою зависимость от партнера и/или от своих детей, нежели учащиеся, и с этим, возможно, и связана их приверженность норме стабильности супружеских отношений, норме их официального оформления, а также норме наличия детей. В российской выборке значимо (хотя и менее сильно) на традиционализм влияет также трудовая занятость: у работающих она выше, чем у учащихся. Возможно, это связано с тем, что в России больше, чем во Франции, труд мотивирован материальными соображениями, включающими заботу о материальном благополучии семьи [Магун, 2006].

Религиозная принадлежность тоже сходным образом влияет на нормативные взгляды людей в обеих странах: какую бы религию человек ни исповедовал, его взгляды на супружество и родительство оказываются более традиционными, чем у людей нерелигиозных. Наибольшее по силе влияние, как и можно было предположить, оказывает в обеих странах, ислам (во французском массиве у этого показателя вообще наибольший по величине регрессионный коэффициент).

Итак, центральный для нормативного сознания людей параметр традиционализма-инновационности контролируется целым рядом переменных. В обеих странах статистически значимое и сходное влияние на него оказывают характеристики пола, возраста, рода занятий

---

⁸ Правда, исходя из имеющихся данных, мы не можем утверждать, что дело только в образовании, не исключено, что действуют и какие-то скрытые, не представленные в регрессии переменные, прямо связанные с уровнем образования.

и религиозной принадлежности. Влияния типа поселения во Франции более четко выражены и, главное, более «логичны», чем в России. В рамках всей выборки влияние уровня образования во Франции гораздо заметнее, чем в России, и охватывает все ступени образования. Благодаря этим отличиям содержание нормативных взглядов французов несколько лучше предсказывается рассматриваемыми здесь демографическими, статусными и социокультурными характеристиками, нежели содержание взглядов россиян.

Выводы

В статье сопоставляются нормативные высказывания россиян и французов по поводу жизнеспособности брака как социального института, прочности супружеских связей, допустимости сожительства и разводов, обязательности наличия у человека детей (а у ребенка — обоих родителей), права женщины завести ребенка вне брака, необходимости отделения детей от родительской семьи в определенном возрасте, равенства прав женщин и мужчин, а также однополых и разнополых пар. В итоге установлено, что:

1. Когда критерием сравнения выступает *преобладание согласных или несогласных* с тем или иным суждением, между россиянами и французами обнаруживается сходство по большинству нормативных позиций, различия в преобладающих взглядах россиян и французов касаются равенства прав женщин и мужчин, а также равенства прав однополых и разнополых пар: россияне занимают по этим вопросам более традиционные позиции.
2. В той части, где балансы поддержки и отвержения нормативных суждений в обеих странах совпадают, в преобладающих взглядах россиян и французов противоречиво сочетаются традиционные и современные (инновационные) позиции. Так, и в России, и во Франции большинство респондентов (из тех, кто дал определенный ответ) чаще не согласны, что брак — это устаревший вид отношений, но тем не менее считают нормальным, что не состоящая в браке пара живет вместе, не планируя пожениться. Точно так же большинство согласно с традиционным убеждением, что брак никогда не следует разрывать, но в то же время почти 80% респондентов в каждой из стран считают, что развод вполне допустим. В обоих этих случаях люди поддерживают традиционную (или отвергают *нетрадиционную*) норму, и в то же время выражают толерантное отношение к современным («либеральным») отклонениям от этой нормы.

Другой вид противоречия имеет место между согласием респондентов с более современной позицией, что женщина вполне

может родить ребенка даже если не планирует вступать в постоянные отношения с мужчиной, и их же убежденностью в том, что ребенку, чтобы он рос счастливым, нужен дом, где есть отец и мать. В этом случае имеет место противоречие между нормами, утверждающими *права различных субъектов*.

3. Сравнение *средних величин* приводит к выводу о большем традиционализме россиян по большинству нормативных суждений, что естественно, учитывая, что Россия является страной западывающей демографической модернизации.
4. Во Франции выше, чем в России, доля полярных, т.е. крайне авангардных и крайне традиционных нормативных суждений. Рост доли традиционных суждений, возможно, связан с консервативной реакцией французского общества на модернизационные сдвиги последних десятилетий.
5. Факторный анализ позволил выделить в обеих выборках фактор традиционализма-инновационности нормативного сознания, охватывающий почти все рассматриваемые нормативные суждения.
6. Множественный регрессионный анализ, проведенный в российской и французской выборках, продемонстрировал значимую детерминацию традиционализма-инновационности нормативного сознания со стороны демографических, статусных и социокультурных переменных.

Структура регрессионных коэффициентов, описывающих влияние возраста, указывает на то, что заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошел в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции. В России им затронуты только поколения тех, кому на момент опроса было меньше 40 лет, а во Франции — все, кому на момент опроса было меньше 60. Таким образом, сознание большинства поколений сегодняшних французов несет отпечаток культурного сдвига второй половины 1960-х гг., символом которого является революция 1968 г. Сознание же более молодых поколений сегодняшних россиян сформировалось под влиянием культурного сдвига второй половины 1980-х — начала 1990-х гг., символом которого выступает августовская революция 1991 г.

Во Франции совокупное влияние рассмотренных переменных проявилось заметно сильнее — прежде всего за счет более заметных статистически значимых влияний со стороны уровня образования респондента; в России в рамках всей выборки соответствующие влияния оказались выражены слабо. Это, возможно, объясняется большей стабильностью французского общества на протяжении жизни тех поколений, которые представлены в данном исследовании. Данная стабильность является, по сути, следствием более ранней даты нормативно-

культурного сдвига во Франции, а ее результатом, в свою очередь, оказывается бóльшая однозначность содержания, стоящего за каждым из образовательных или поселенческих показателей.

Разделение российской выборки на возрастные подмассивы позволило обнаружить гораздо более заметные влияния уровня образования респондентов. Выяснилось, что в возрастных группах 40–49-летних и 50–59-летних влияния почти всех уровней образования статистически значимы и заметны. Неожиданным оказалось направление этих влияний: все они указывают на то, что в этих двух возрастных группах с повышением уровня образования усиливается традиционализм (и ослабляется инновационность) разделяемых россиянами социальных норм супружества и родительства.

Литература

1. *Вишневский А.Г.* Введение // Демографическая модернизация в России, 1900–2000 / Под редакцией А.Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2005.
2. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М.: ОГИ, 1998.
3. *Вишневский А.Г., Захаров С.В., Иванова Е.И.* Обновление семьи и брака // Демографическая модернизация в России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2005.
4. *Вовк Е.* «Муж-добытчик» и «жена-хозяйка»: традиционные семейные роли в нормах и практиках // Социальная реальность. 2007. №5.
5. *Глазычев В.* Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Редактор-составитель С.Б. Чернышев. Т. 1. — М.: Аргус, 1995, с. 63–88.
6. *Захаров С.В.* Когда девушка становится взрослой? // Электронный журнал «Демоскоп Weekly», 2009, №385–386: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0385/tema02.php>
7. *Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В.* Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1. — М.: НИСП, 2007.
8. *Ивин А.А.* Логика норм. — М.: Изд-во Московского университета, 1973.
9. *Магун В.С.* Динамика трудовых ценностей российских работников: 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006, №4.
10. *Hunter J.D.* Culture wars: The Struggle to Define America. — NY: Basic Books, 1991.
11. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. — Princeton: Princeton University Press, 1997.
12. *Thornton A., Young-DeMarco L.* Four Decades of Trends in Attitudes Toward Family Issues in the United States: The 1960s through the 1990s // Journal of Marriage and Family. Vol. 63 (November 2001). P. 1009–1037.

Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде?

Введение

Социально-экономические трансформации и резкое изменение условий жизни в России обусловили серьезные изменения в сфере брака и семьи. Середина 1990-х гг. стала поворотным пунктом трансформации традиционных моделей брачно-семейного поведения [Avdeev, Monnier, 1999; Захаров, 2007; Население России..., 2006, 2007]. Люди, родившиеся в 1970-х гг., чаще начинают семейную жизнь не с брака, а с совместного проживания, реже вступают в брак. Развод стал нормой, в том числе и при наличии детей в семье, однако он все чаще сопровождается вступлением родителей в повторный союз (зачастую неформальный). Дети чаще появляются на свет вне брака, их рождение откладывается на более позднее время. Снижается среднее число детей, рожденных одной женщиной. Трансформация брачно-семейных отношений оказывает мощное воздействие на структуру российских семей: уменьшается среднее число детей в семье и растет доля неполных семей. Данные изменения характерны не только для России, но и для большинства стран Восточной Европы, при этом в Западной Европе они начались значительно раньше — в конце 1960-х — начале 1970-х гг. [Hoem et al., 2008; Zakharov, 2008].

Что послужило причиной трансформации моделей демографического поведения населения? По мнению западных ученых, основная причина заключается в модернизации норм, ценностей и социальных установок населения в отношении семейной жизни, рождения и воспитания детей. Прежде всего возросла степень общественного принятия интимных отношений между людьми, не состоящими в зарегистрированном браке. Хотя рождение ребенка одинокой матерью все еще считается нежелательным, появление ребенка на свет вне брака, особенно в стабильном партнерском союзе, во многих странах Северной и Западной Европы стало социальной нормой. Несмотря на то что семья оста-

ется универсальной ценностью, а отцовство/материнство по-прежнему находится на вершине жизненных приоритетов большинства людей, отношение людей к семье и родительству изменилось. Рождение детей все реже воспринимается как неизбежная необходимость или общественный долг, следование традиции, а все чаще является результатом взвешенного решения пары, которая в процессе его принятия учитывает возможное позитивное и негативное влияние данного события на свои взаимоотношения, образ жизни и материальное благополучие. Именно эти идеологические изменения вместе с революцией в области контрацепции считаются движущей силой наблюдаемых нами изменений в демографическом поведении населения. Этот процесс называют вторым демографическим переходом [Lesthaeghe, 1987; van de Kaa, 1989, 2002; Frejka, 2008].

В свою очередь возникает закономерный вопрос — почему стали меняться социальные нормы и установки в отношении семьи и брака? Многочисленные эмпирические исследования свидетельствуют о том, что природа второго демографического перехода, начавшегося в конце 1960-х гг. в западноевропейских странах и наблюдаемого с середины 1990-х гг. в странах Восточной Европы и России, различна [Perelli-Harris, Gerber, 2009; Sobotka 2008]. В первом случае культурные и ценностные изменения были спровоцированы ростом экономического благосостояния населения. Трансформация социальных установок в отношении семейного поведения происходила в рамках ширококомасштабного процесса распространения ценностей индивидуализма и повышения значимости личностной самореализации. Источником распространения этих ценностей стали наиболее образованные и материально обеспеченные представители общества, иными словами, представители средних классов. В бывших социалистических странах Восточной Европы, долгое время защищенных от влияния западных ценностей «железным занавесом», события разворачивались по другому сценарию. Носителями инновационных норм брачно-семейного поведения, ассоциирующихся с демографическим переходом (таких как совместное проживание и рождение детей вне брака, высокая нестабильность партнерств и т.д.) изначально стали представители менее образованных и менее обеспеченных слоев населения. Парадокс заключается в том, что эти группы, как правило, разделяют традиционные ценности, а толчком к распространению новых форм семейно-брачного поведения стали произошедшие в обществе структурные изменения, связанные с трансформацией экономической модели в начале 1990-х гг. Впоследствии новые формы семейного поведения распространились на другие социальные страты, что в свою очередь привело к началу изменений в социальных установках в отношении данных форм поведения.

То, что проявления второго демографического перехода с середины 1990-х гг. наблюдаются в России, — факт, который достаточно сложно опровергнуть. По многим показателям России еще только предстоит догнать страны Европы (например, по среднему возрасту матери при рождении ребенка), по другим она уже мало от них отличается (уровень рождаемости), а по некоторым давно лидирует (вероятность развода) [Breton et al., 2009]. Данное исследование стремится ответить на вопрос о том, *правомерно ли говорить, что Россия действительно вошла в стадию второго демографического перехода*, опираясь на количественный анализ семейных ценностей населения. Важно охарактеризовать природу этого процесса с точки зрения социальной стратификации, другими словами, понять, существуют ли различия между семейными ценностями мужчин и женщин, сельских и городских жителей, представителей разных возрастных групп и, главное, различных социальных слоев, и если да, то насколько велик разрыв. Это позволит сделать вывод о том, *по какому из описанных в литературе сценариев второго демографического перехода — «западноевропейскому» или «восточноевропейскому» — развиваются события в России*. Информационной базой настоящего исследования стали данные второй волны лонгитюдного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2007 г. (далее — РИДМИЖ–2007). На данный момент это обследование является единственным источником репрезентативных данных о моделях поведения, ценностях и установках российского населения в области семьи и брака.

Основные модели семейных ценностей

В программу обследования РИДМИЖ — 2007 включен большой блок вопросов, который позволяет оценить представления и ценностные ориентации российского населения в отношении брака, семьи и воспитания детей. Из этого блока нами было отобрано 27 утверждений с пятью возможными вариантами ответа, выражающими степень согласия респондентов с этими утверждениями (шкала Лайкерта): «полностью не согласен», «не согласен», «и да, и нет», «согласен», «полностью согласен». Эти переменные были включены в факторный анализ, который позволил выделить основные характеристики (проявляющиеся как латентные факторы) в области представлений населения о семье и ее функциях, и проследить их выраженность в различных социальных стратах.

В *таблице 1* представлены результаты проведенного факторного анализа (метод главных компонент, вращение варимакс). Всего было выделено 8 факторов, объясняющих 54,6% совокупной дисперсии. В зависимости от переменных, входящих в состав фактора с максимальной

нагрузкой (в таблице они выделены жирным шрифтом), выявленные факторы были интерпретированы следующим образом.

Первый фактор, информативность которого составляет 8,9%, образуется пятью утверждениями: «брак — это отношения на всю жизнь, их никогда не следует разрывать», «для полной самореализации у женщины должны быть дети», «для полной самореализации у мужчины должны быть дети», «чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть отец и мать», «каждая женщина к 25 годам должна стремиться выйти замуж и родить ребенка». Правомерно считать, что согласие с данными утверждениями характеризует **приверженность респондентов консервативным представлениям о семье, браке и воспитании детей**.

Основными составляющими *второго фактора*, объясняющего 8,4% дисперсии, являются следующие утверждения: «дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи», «дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях», «дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у родителей возникают финансовые проблемы», «дети должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой». Этот фактор характеризует **приверженность патернализму в семейных отношениях, вектор которого направлен от взрослых детей к родителям**.

Другую направленность имеет вектор *третьего фактора* (объясняющего 7,9% дисперсии), с которым связаны следующие утверждения: «бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать», «родители должны оказывать денежную помощь своим взрослым детям, если у тех возникают финансовые проблемы», «если взрослые дети оказываются в затруднительном положении, родители должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь детям». Этот фактор также характеризует **приверженность патернализму в семейных отношениях, вектор которого направлен от родителей к взрослым детям**.

Четвертый фактор, объясняющий 7,4% дисперсии, ассоциируется с четырьмя утверждениями: «это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться», «если пара несчастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети», «женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной», «женщины должны иметь право сами распоряжаться деньгами, которые они зарабатывали, а не спрашивать разрешения партнера». Согласие с данными утверждениями свидетельствует об **инновационно-прагматичном подходе респондентов к семье, браку и воспитанию детей**. Отметим, что данный

Таблица 1

Модель факторного анализа семейных ценностей российского населения, РиДМиж — 2007

	1	2	3	4	5	6	7	8
Факторы:	Консервативный подход к семье и браку	Патернализм: взрослые дети — родители	Патернализм: родители — взрослые детям	Инновационно-прагматический подход к семье и браку	Конфликт семейных ролей: семья важнее работы	Разрушение традиционных ценностей семьи и брака	Гендерные роли в семье: большая ответственность женщины	Гендерные роли в семье: семейный патриархат
1	Брак — это устаревший вид отношений	-0,169	-0,002	0,343	-0,151	0,408	0,257	0,102
2	Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться	0,031	-0,066	0,618	-0,144	0,371	-0,025	-0,015
3	Брак — это отношения на всю жизнь, их никогда не следует разрывать	0,254	0,117	-0,605	0,095	0,156	-0,026	0,137
4	Если пара несчастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети	0,084	0,025	0,667	0,030	-0,015	-0,064	0,000
5	Для полной самореализации у женщины должны быть дети	0,873	0,062	0,067	0,044	-0,044	0,057	0,050
6	Для полной самореализации у мужчины должны быть дети	0,856	0,025	-0,010	0,039	-0,007	0,059	0,031

Продолжение таблицы 1

	1	2	3	4	5	6	7	8
Факторы:	Консервативный подход к семье и браку	Патернализм: взрослые дети — родители	Патернализм: родители — взрослым детям	Инновационно-прагматический подход к семье и браку	Конфликт семейных ролей: семья важнее работы	Разрушение традиционных ценностей семьи и брака	Гендерные роли в семье: большая ответственность женщины	Гендерные роли в семье: семейный патриархат
7	Чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть отец и мать	0,179	-0,009	0,008	0,187	-0,097	-0,162	-0,030
8	Женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной	0,193	0,081	0,550	0,083	0,238	-0,014	-0,044
9	В 18–20 лет дети должны начать жить самостоятельно	0,121	-0,016	-0,047	0,044	0,675	0,020	0,052
10	У однополых пар должны быть те же права, что и у разнополых	-0,149	0,019	0,195	0,088	0,587	-0,031	-0,070
11	Каждая женщина к 25 годам должна стремиться выйти замуж и родить ребенка	0,468	0,004	-0,215	0,107	0,219	0,298	0,073
12	Бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать	0,073	0,176	0,029	0,013	0,003	-0,050	0,058

13	Родители должны оказывать денежную помощь своим взрослым детям, если у тех возникают финансовые проблемы	0,044	0,162	0,835	0,014	0,035	-0,016	0,025	0,019
14	Если взрослые дети оказываются в затруднительном положении, родители должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь детям	0,034	0,122	0,768	-0,071	0,071	0,023	0,231	-0,002
15	Дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи	0,135	0,759	0,096	0,086	0,024	-0,062	-0,132	0,075
16	Дети должны организовывать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях	0,018	0,600	0,175	-0,124	0,026	0,135	0,344	0,021
17	Когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за это, чем сыновья	-0,016	0,198	0,129	-0,099	-0,059	0,099	0,707	0,123
18	Дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у родителей возникают финансовые проблемы	0,053	0,744	0,151	0,055	0,042	0,031	-0,018	0,064

Окончание таблицы 1

	1	2	3	4	5	6	7	8
Факторы:	Консервативный подход к семье и браку	Патернализм: взрослые дети — родители	Патернализм: родители — взрослым детям	Инновационно-прагматический подход к семье и браку	Конфликт семейных и трудовых ролей: семья важнее работы	Разрушение традиционных ценностей семьи и брака	Гендерные роли в семье: большая ответственность женщины	Гендерные роли в семье: в семье: семейный патриархат
19	0,026	0,669	0,125	-0,055	0,072	0,038	0,258	-0,071
20	0,091	0,118	0,062	-0,066	0,048	-0,008	0,023	0,739
21	-0,028	-0,059	-0,005	-0,017	-0,001	0,029	0,118	0,746
22	-0,007	0,042	0,002	0,388	0,337	-0,030	0,074	0,306
23	0,121	0,189	0,171	0,009	0,354	0,244	-0,192	0,236

24	Для ребенка дошкольного возраста обычно плохо, если его мать работает	0,109	0,004	0,090	-0,079	0,714	0,009	0,121	-0,015
25	Для детей обычно плохо, если их отцы сосредоточены на своей работе	0,088	0,063	-0,024	0,008	0,773	0,064	-0,014	0,015
26	В случае развода для ребенка лучше остаться с матерью, чем с отцом	0,135	0,036	0,012	0,164	0,374	-0,175	0,577	0,073
	Информативность факторов (% объясненной дисперсии)	8,9	8,4	7,9	7,4	6,3	5,3	5,2	5,2
	Факторы получены методом главных компонент. Вращение методом Варимакс нормализацией Кайзера								

Источник: здесь и далее — если не указано иное, использованы данные РидМиж—2007.

фактор может служить своего рода маркером второго демографического перехода.

С *пятым фактором*, объясняющим 6,3% дисперсии, связаны три утверждения: «в заботах о доме, о семье можно так же реализовать себя, как и на работе», «для ребенка дошкольного возраста обычно плохо, если его мать работает», «для детей обычно плохо, если их отцы сосредоточены на своей работе». В сущности, этот спектр показателей характеризует ***конфликт семейных и трудовых ролей, который решается в пользу семьи***.

В рамках *шестого фактора* (5,3% дисперсии) наибольшие удельные веса имеют три следующих утверждения: «брак — это устаревший вид отношений», «в 18–20 лет дети должны начать жить самостоятельно», «у однополых пар должны быть те же права, что и у разнополых». По нашему мнению, согласие с данными утверждениями говорит о том, что респондент поддерживает ***разрушение традиционных ценностей в отношении семьи, брака и воспитания детей***.

Седьмой фактор образован двумя утверждениями: «когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за это, чем сыновья», «в случае развода для ребенка лучше остаться с матерью, чем с отцом». Данный фактор характеризуют такое ***гендерное распределение ролей в семье, согласно которому бóльшая ответственность за семью и детей лежит на женщине***.

Наконец, последний *восьмой фактор*, объясняющий 5,2% дисперсии, образован двумя утверждениями: «для пары лучше, когда мужчина старше женщины» и «если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях». Данный фактор, также как и предыдущий, характеризуют ***гендерное распределение ролей в семье***. Согласие с данными утверждениями, по нашему мнению, свидетельствует о ***приверженности семейному патриархату***.

Социально-демографические факторы семейных ценностей

Демографические и поселенческие различия

Выделив восемь латентных факторов, отражающих признаки приверженности респондентов тем или иным семейным ценностям, протестируем, существуют ли различия по этим критериям между респондентами разного пола и возраста, а также проживающих в разных типах поселений.

На *рис. 1* представлены средние значения факторов для респондентов мужчин и женщин. Положительное значение фактора свидетельствует о приверженности респондентов данной стратегии, отрицательное значение, соответственно, об обратном. Чем выше значение фактора,

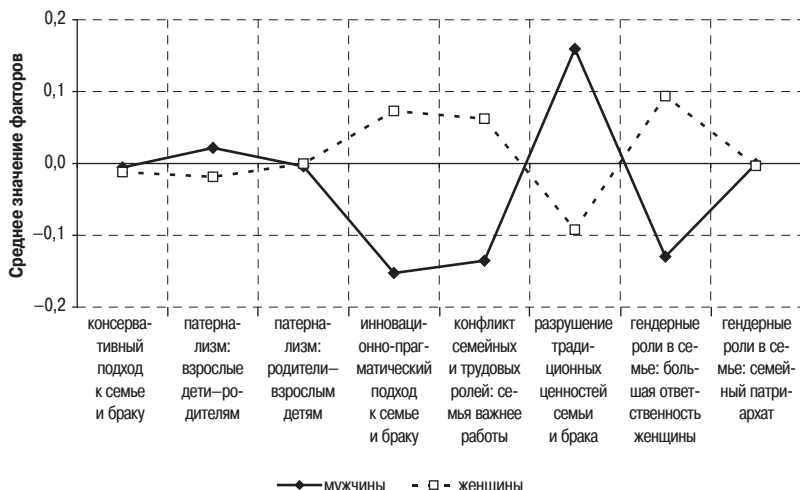
тем более значим он для данной группы, и наоборот, чем ниже значение, тем он менее значим.

Значимые гендерные различия в приверженности тем или иным семейным ценностям наблюдаются по четырем из восьми выделенных нами факторов. Интересно, что представления мужчин и женщин о межпоколенных отношениях, равно как и их восприятие важности детей для самореализации мужчин и женщин (фиксируемое отчасти в рамках консервативного подхода к семье и браку) практически не различаются. Но в отличие от мужчин, женщины отличаются большей приверженностью инновационно-прагматическому подходу к семье, браку и рождению детей, как бы оправдывая складывающиеся в обществе модели отношений. С другой стороны, мужчины чаще поддерживают разрушение традиционных ценностей в сфере семьи и брака, легче признавая, что брак является устаревшим видом отношений, а у однополых пар должны быть равные права с разнополыми. Ответы женщин также свидетельствуют о том, что они чаще готовы отказаться от карьеры в пользу семейной жизни и готовы брать на себя большую ответственность за семью.

Степень приверженности тем или иным семейным ценностям достаточно сильно дифференцирована в зависимости от возраста респондента, причем ответы подчиняются практически линейной зависимости (рис. 2). Если самые молодые респонденты (в возрасте 18–29 лет)

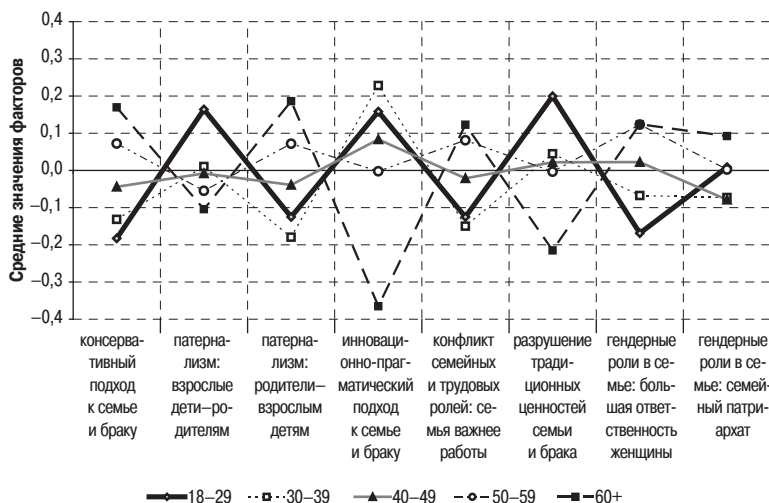
Рисунок 1

Средние значения факторов, отражающих семейные ценности, для респондентов — мужчин и женщин

Источник: здесь и далее — если не указано иное, использованы данные РИДМЖ–2007.

Средние значения факторов, отражающих семейные ценности, для респондентов разного возраста

поддерживают какую-либо стратегию поведения в сфере семейных отношений, то респонденты в возрасте 30–39 лет также будут ее поддерживать, но в меньшей степени. С другой стороны, у самых старших респондентов (в возрасте 69 лет и старше) мы будем наблюдать высокое отрицательное среднее значение данного показателя, а у респондентов в возрасте 50–59 лет его значение также будет отрицательным, но более низким. Реакция респондентов в возрасте 40–49 лет почти всегда является нейтральной, но вектор реакции, как правило, такой же, как у более молодых респондентов.

Итак, чем моложе респондент, тем реже он является приверженцем консервативного подхода в вопросах семьи, брака и воспитания детей, и соответственно, чем старше респондент, тем меньше он поддерживает инновационно-прагматический подход в этих вопросах. Вместе с тем среди самых молодых и самых пожилых людей находится, соответственно, большинство сторонников и большинство противников разрушения традиционных ценностей брака и семьи. Люди в возрасте 30–59 лет в этом вопросе занимают нейтральную позицию. В отношении направленности межпоколенческих трансфертов молодые люди поддерживают идею о том, что взрослые дети должны заботиться о престарелых родителях, но не согласны с тем, что родители должны помогать взрослым детям. Люди старшего поколения по этому вопросу придерживаются противоположного мнения. Эти различия в уста-

новках могут быть связаны не столько с межпоколенческим сдвигом в системе ценностей, сколько с особенностями экономической ситуации в России: по сравнению с сегодняшним поколением пенсионеров молодые люди имеют и более высокий уровень образования, и зачастую более высокие доходы. В отличие от респондентов старшего возраста, молодежь не готова решать конфликт между работой и семьей в пользу последней. Они не склонны считать, что семья является зоной большей ответственности женщин, но и не поддерживают идею семейного патриархата.

Важным представляется тот факт, что межпоколенческие различия в установках в отношении любых других вопросов не так велики, как в вопросе приверженности инновационно-прагматическому подходу к браку и семье. Есть основания говорить о межпоколенческом сломе в установках, проходящем по поколению тех, кому сейчас 40–49 лет¹. Последние в этом вопросе склонны достаточно активно поддерживать мнение более молодых респондентов, хотя по другим вопросам это не всегда так. Таким образом, в обществе на данный момент сосуществуют две модели отношения к браку и семье: поколение тех, кому за 50, разделяет традиционные установки, считая неприемлемыми неформальные союзы и рождение детей вне брака, тогда как те, кому менее 50 лет, смотрят на эти вопросы более прагматично, что подтверждает правомерность теории второго демографического перехода для России.

Важно проанализировать поселенческие различия в приверженности населения тем или иным ценностям в сфере семейного поведения (рис. 3). Как правило, инновации движутся из больших городов на периферию — в малые города и сельскую местность. Наш анализ подтверждает такую траекторию. В основном инновационные установки в области семейного поведения, распространенные среди жителей региональных центров, не находят поддержки у сельских жителей, а реакция городских жителей чаще является нейтральной.

Респонденты в крупных городах чаще поддерживают инновационно-прагматический подход к браку и семейным отношениям, тогда как респонденты из сельской местности чаще выступают противниками данного подхода. Городское население, не проживающее в региональных центрах, в этом вопросе нейтрально. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от горожан, сельское население

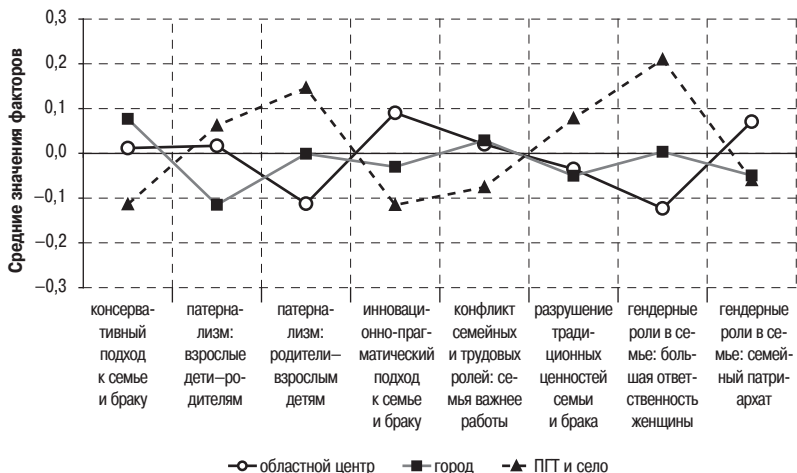
¹ Похожие тенденции обнаруживает в исследовании нормативных взглядов на семью у россиян и французов В.С. Магун в статье, публикуемой в настоящем сборнике. Респонденты, которым в 2007 г. исполнилось 40–49 лет, родились в 1958–1967 гг. и, соответственно, их молодость отчасти пришлась на период перестройки и связанных с ней резких социокультурных изменений, повлиявших на установки этого поколения. — *Прим. ред.*

реже поддерживает и консервативный подход к браку и семье. Напротив, среди последних чаще встречаются сторонники разрушения традиционного подхода к браку и семье. Это может быть проявлением неудовлетворенности респондентов низким качеством браков на селе и собственным негативным опытом брачной жизни, обусловленным меньшей стабильностью материального положения и более низким «качеством» брачных партнеров, особенно мужчин. Как известно, неформальные союзы, особенно среди повторных союзов, всегда были достаточно широко распространены в сельской местности. Но поскольку на уровне нормативных взглядов сельские жители не одобряют ни возможность совместной жизни без регистрации брака, ни допустимость развода, очевидно, что такое распространение неформальных союзов на селе является в какой-то мере вынужденным шагом.

В вопросе о семейном патернализме установки городских и сельских жителей противоположны. Первые поддерживают идею о том, что взрослые дети должны брать на себя заботу о престарелых родителях, и не согласны с тем, что родители обязаны помогать своим взрослым детям. На различия в этих установках, скорее всего, оказывает влияние экономический фактор. В отличие от ситуации в городах, где пенсионеры часто характеризуются более высокими рисками бедности, в сельской местности пенсионеры нередко являются самой обеспеченной группой населения, получающей стабильный денежный доход, поэтому выражают готовность оказывать поддержку взрослым детям,

Рисунок 3

Средние значения факторов, отражающих семейные ценности, для респондентов, проживающих в разных типах поселения

которые сталкиваются с низкооплачиваемой занятостью и безработицей. В отличие от городских жителей, респонденты, проживающие в сельской местности, чаще готовы отдать предпочтение семье в случае конфликта между работой и семейной жизнью. При этом они значительно чаще считают семью зоной большей ответственности женщин, а идея о том, что мужчина должен доминировать в семье, не находит у них такой поддержки, как у жителей региональных центров. Два последние наблюдения, очевидно, отражают тот факт, что человеческий капитал мужчин, проживающих в сельской местности, гораздо ниже, и женщины часто вынуждены и кормить семью, и воспитывать детей, и ухаживать за больными родственниками.

Различия между социальными группами

После того как мы выявили гендерную, возрастную и поселенческую вариацию в установках населения в области семейного поведения, нам предстоит ответить на ключевой для нашего исследования вопрос: существуют ли различия в этих установках между социальными стратами. Для того чтобы охарактеризовать классовую структуру современного российского общества, мы прибегли к стратификационной шкале, разработанной НИСП в рамках исследования средних классов [Средние классы в России..., 2008]. Шкала построена по принципу многокритериальной оценки принадлежности к страте, учитывающей материально-имущественный и социально-профессиональный статус респондентов, а также характеристики их социального самочувствия. Итоговая шкала классов включает пять основных групп: низший класс, периферия бедности, класс ниже среднего, периферия среднего класса и средний класс. Средний класс замыкает стратификационную пирамиду, поскольку данные РИДМИЖ–2007, как и данные других опросов населения, смещены в сторону бедных слоев и не репрезентируют высший класс. В составе среднего класса дополнительно выделены две подгруппы — ядро и полуядро (последнее отличается менее выраженной концентрацией признаков среднего класса).

На рис. 4 представлены средние значения выделенных нами факторов, связанных с семейным поведением, в разрезе социальных страт. Поскольку возрастная структура групп, находящихся внизу социальной иерархии, как правило, смещена в сторону старших возрастов, и поскольку социальные установки людей старшего возраста сильно отличаются от установок более молодых респондентов, нами было принято решение ввести ограничения по возрасту. В окончательную выборку были включены респонденты в возрасте 18–49 лет, поскольку, как показал предыдущий анализ, вектор ответов этих групп совпадает. Теперь, когда мы будем сравнивать различия в социальных установках

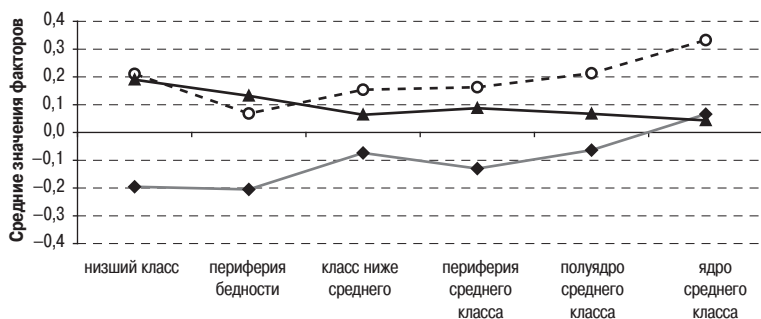
респондентов в отношении брака и семьи в зависимости от принадлежности к той или иной социальной страте, мы можем быть уверены в том, что эти различия не связаны с возрастом респондентов.

Полученные нами результаты могут служить подтверждением обеих гипотез о причинах начала процесса трансформации социальных установок в отношении семьи, брака и воспитания детей. Как показывает наш анализ, самыми активными сторонниками инновационно-прагматического подхода к браку являются наиболее образованные и обеспеченные респонденты, входящие в средний класс и особенно в его ядро. Тем не менее высокий уровень поддержки стратегии инновационно-прагматического поведения в сфере брачно-семейных отношений выражают и респонденты, находящиеся на самом дне социальной пирамиды. Представители низшего класса также являются наиболее активными сторонниками разрушения традиционных ценностей в сфере брака и семьи и вместе с респондентами, находящимися на периферии бедности, гораздо реже являются сторонниками консервативного подхода к браку и семье, чем представители среднего класса.

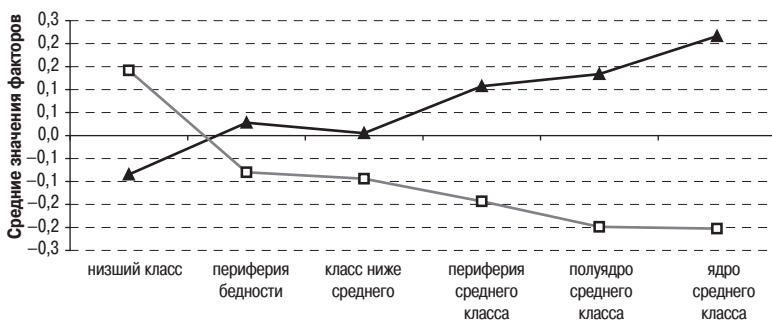
С другой стороны, когда речь идет о взглядах респондентов на семейный патернализм, позиции высших и низших слоев расходятся кардинально. Степень поддержки утверждения о том, что взрослые дети должны помогать своим престарелым родителям, минимальна для представителей низшего класса и увеличивается по мере роста социально-экономического статуса респондента. При этом степень поддержки утверждения о том, что родители должны помогать своим взрослым детям, максимальна для низшего класса и снижается по мере роста статуса респондента. Это еще раз подтверждает наше предположение, что позиция респондентов в вопросе направленности межпоколенческих трансфертов объясняется уровнем их экономической успешности. Неудивительно, что состоявшиеся представители среднего класса готовы помогать родителям-пенсионерам, которые занимают не самые высокие позиции в стратификационной шкале, а менее успешные респонденты низшего класса ожидают помощи от своих родителей.

Аналогичные различия между высшими и низшими классами наблюдаются, когда речь идет о гендерных ролях в семье. Полученные результаты свидетельствуют о наличии обратной линейной зависимости между статусом респондента и степенью поддержки утверждения о том, что семья является зоной большей ответственности женщин. Чем беднее домохозяйство, тем чаще женщинам приходится брать власть в свои руки, ухаживая за родственниками и за детьми в случае развода. Что касается установок респондентов в вопросах значимости семейных и трудовых ролей, ядро среднего класса выступает единственной группой,

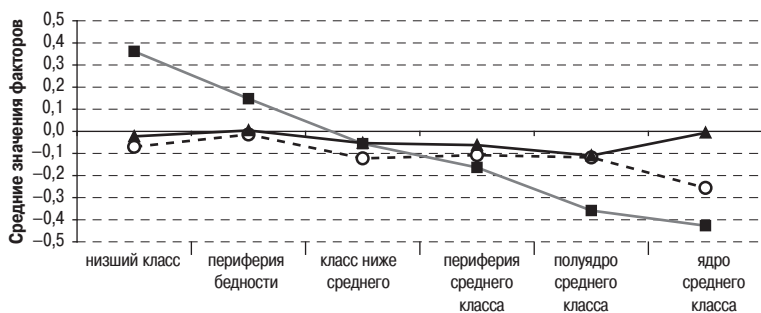
Средние значения факторов, отражающих семейные ценности для респондентов, принадлежащих к разным социальным группам

- ◆ консервативный подход к семье и браку
- инновационно-прагматический подход к семье и браку
- ▲ разрушение традиционных ценностей семьи и брака

- ▲ патернализм: взрослые дети—родителям
- патернализм: родители—взрослым детям

- конфликт семейных и трудовых ролей: семья важнее работы
- гендерные роли в семье: большая ответственность женщины
- ▲ гендерные роли в семье: семейный патриархат

не поддерживающей идею о том, что семья важнее карьеры. Наконец, что любопытно, в вопросе отношения к семейному патриархату, различий между стратификационными группами не наблюдается.

Помимо показателей, включенных нами в факторный анализ, в обследовании РидМиЖ–2007 имеется еще несколько вопросов, характеризующих установки населения в отношении семьи. В частности, респондентов, у которых были супруги/партнеры, проживающие с ними в одном домохозяйстве, просили ответить, кто в семье в основном принимает решения: о повседневных покупках для домохозяйства; о покупке редких, более дорогих вещей для домохозяйства; о том, где хранить сбережения; обращаться ли за кредитом; работать или не работать респонденту и его партнеру; как растить детей; как проводить досуг, общаться с другими людьми. Совместив эти показатели, мы можем охарактеризовать доминирующий тип принятия решений в семьях респондентов, принадлежащих к разным социальным стратам² (табл. 2).

Результаты этого анализа свидетельствуют: чем выше социальный статус респондентов, тем выше вероятность того, что решения, связанные с жизнью семьи, принимаются совместно респондентом и его супругом/партнером. Например, в вопросе о том, как воспитывать детей, у 22,5% опрошенных низшего класса решения в семье принимаются только одним членом семьи, тогда как у представителей среднего класса этот показатель составляет 13,2%. Более того, в низших стратах человек, который принимает решения в отношении организации семейной жизни, — как правило, женщина. Это согласуется с ранее полученными результатами о том, что согласно нормативным представлениям представителей низших классов семья является зоной большей ответственности женщин.

Поскольку в основе теории второго демографического перехода лежит гипотеза о том, что изменения моделей демографического поведения в конечном итоге являются следствием идеологических изменений, отражающих долговременную тенденцию роста личностной автономии и скептицизма по отношению к государственным институтам и институтам вообще [Lesthaeghe, 1998], важным маркером второго демографического перехода могут служить мнения российских респондентов о том, какую ответственность должна нести семья и общество по отношению к группам населения, требующим социальной поддержки. Респондентам предлагалось ответить на ряд подобных вопросов, выбрав один из пяти вариантов ответов: 1 — «преимущественно

---

² Из анализа были исключены респонденты, затруднившиеся с ответом на этот вопрос, или ответившие, что решение принимает кто-либо другой внутри или вне домохозяйства.

Тип принятия решений в домохозяйстве в разных социальных стратах

Варианты ответов	Итоговая шкала классов							В целом по выборке
	низший класс	пери-ферия бедности	класс ниже среднего	пери-ферия среднего класса	полудро среднего класса	ядро среднего класса	обобщенный средний класс	
<i>Кто принимает решения по большинству вопросов в домохозяйстве?</i>								
респондент или партнер	13,2	12,8	10,9	11,3	9,5	9,2	9,4	11,3
респондент и партнер совместно	86,8	87,2	89,1	88,7	90,5	90,8	90,6	88,7
<i>Кто принимает решения по большинству вопросов в домохозяйстве?</i>								
в основном мужчина	1,3	2,9	2,0	3,4	3,3	6,1	3,9	2,9
мужчина и женщина в равной степени	86,8	87,2	89,1	88,7	90,5	90,8	90,6	88,7
в основном женщина	11,8	9,8	8,9	7,9	6,2	3,1	5,5	8,4
<i>в том числе решения о том, как воспитывать детей</i>								
респондент или партнер	22,5	18,1	15,2	16,9	13,3	13,1	13,2	16,4
респондент и партнер совместно	77,5	81,9	84,8	83,1	86,7	86,9	86,8	83,6
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

общество», 2 — «скорее общество, чем семья», 3 — «и общество и семья в равной степени», 4 — «скорее семья, чем общество», 5 — «преимущественно семья». В таблице 3 представлены средние значения для каждого вопроса, рассчитанные на основе ответов представителей разных социальных страт. Чем выше среднее значение показателя, тем больше фокус ответственности смещается в пользу семьи, и наоборот, чем оно ниже — тем большая ответственность, по мнению респондентов, лежит на обществе. Относительно первых трех групп, требующих социальной поддержки, мнения представителей разных социальных страт консолидированы. Забота о престарелых, которым нужен уход на дому, и школьников, когда они находятся в школе, считается зоной ответственности семьи и общества в равной степени, а забота о детях дошкольного возраста — скорее прерогативой семьи. Однако когда речь идет о помощи молодым семьям с детьми и пожилым людям, живущим очень бедно, респонденты в целом смещают фокус в сторону большей

Средние значения по стратам при ответе на вопрос о том, кто должен нести ответственность за категории населения, нуждающиеся в социальной поддержке (шкала от 1 — «преимущественно общество» до 5 — «преимущественно семья»)

Кто должен	Итоговая шкала классов							В целом по выборке
	низший класс	периферия бедности	класс ниже среднего	периферия среднего класса	полюс среднего класса	ядро среднего класса	обобщенный средний класс	
Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	3,27	3,34	3,42	3,42	3,49	3,49	3,49	3,39
Заботиться о детях дошкольного возраста	3,86	3,88	3,97	3,95	3,98	3,90	3,96	3,93
Заботиться о школьниках, когда они находятся в школе	3,51	3,53	3,62	3,59	3,68	3,64	3,67	3,58
Обеспечивать денежную помощь пожилым людям, живущим очень бедно	2,21	2,17	2,18	2,25	2,38	2,50	2,41	2,22
Обеспечивать денежную помощь молодым людям с детьми, живущим очень бедно	2,13	2,12	2,14	2,22	2,30	2,42	2,32	2,17

Примечание: различия между группами статистически значимые.

ответственности общества, и тем сильнее, чем ниже их собственный социальный статус. В этом случае наблюдаемые средние значения показателей для представителей обобщенного среднего класса и особенно его ядра гораздо выше средних по выборке. Этот результат подтверждает результаты, полученные в ходе факторного анализа, которые говорят о том, что установки представителей среднего класса смещены в сторону индивидуализма, а не патернализма.

Заключение

Подведем **основные итоги** проведенного нами анализа. Наблюдаемые межпоколенческие и поселенческие различия в отношении респондентов к традиционным и инновационным моделям семейного поведения могут служить эмпирическим подтверждением гипотезы

о том, что в России начались идеологические изменения, характерные для эпохи второго демографического перехода. Тем не менее мы не можем однозначно ответить на вопрос о том, какая из социальных групп является источником распространения инновационных установок в отношении семьи и брака в России. Можно лишь с уверенностью говорить о том, что основными акторами в этом процессе являются наиболее образованные и обеспеченные группы (средний класс, особенно его ядро), с одной стороны, и наименее образованные и обеспеченные группы (низший класс), с другой. Позиции этих групп, находящиеся на полюсах социальной иерархии, совпадают в том, что они являются активными сторонниками инновационно-прагматического подхода к браку, семье и воспитанию детей, то есть толерантно относятся к совместному проживанию без регистрации брака, рождению детей вне брака и разводу. По другим вопросам их позиции, как правило, противоположны.

Представители низших классов чаще выступают за разрушение традиционных ценностей в сфере брака и семьи и вместе с респондентами, находящимися на периферии бедности, гораздо реже являются сторонниками консервативного подхода к браку и семье, чем представители средних классов. В силу своей успешности последние поддерживают идею о том, что взрослые дети должны брать на себя заботу о престарелых родителях, и не согласны с тем, что родители обязаны помогать своим взрослым детям, тогда как установки низших слоев в этом отношении прямо противоположны.

Представители низших слоев чаще готовы отдать предпочтение семье в случае конфликта между трудовыми и семейными ролями и значительно чаще считают семью зоной большей ответственности женщин, что для среднего класса нехарактерно. В семьях представителей среднего класса решения чаще принимаются коллегиально. Наконец, представители высших страт гораздо чаще уверены в том, что помощь людям, нуждающимся в социальной поддержке, является прерогативой семьи, а не общества. Это также свидетельствует о большей приверженности личной автономии, которая является характерной чертой второго демографического перехода.

Важно отметить, что, согласно оценкам НИСП, доля среднего класса невелика — не более пятой части населения страны, а доля низшего класса — менее 10%. Все, кто находится между ними (а это почти три четверти населения), не выразили значимой поддержки инновационным моделям поведения в сфере брачно-семейных отношений. Это дает нам основания считать, что для завершения второго демографического перехода в России потребуется еще достаточно много времени.

Литература

1. *Захаров С.В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату?» // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. — М.: НИСП, 2007. — 640 с.
2. Население России — 2003–2004: 11–12-й ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. — М.: Наука, 2006. — 356 с.
3. Население России — 2005: 13-й ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневого / ГУ—Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2007. — 245 с.
4. *Avdeev A., Monnier A.* La nuptialité russe: une complexité méconnue // *Population*. 1999. Vol. 54. №4–5. P. 635–676.
5. *Breton D., Popova D., Prioux F.* La séparation des parents en France et en Russie: situation et évolution des risques du point de vue des enfants [The separation of parents in France and Russia: the situation and evolution from the point of view of children] // *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest* [в печати].
6. *Frejka T. et al.* Summary and Conclusions: Childbearing Trends and Policies in Europe // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. Art. 2. P. 5–14.
7. *Hoem J.M. et al.* The second demographic transition in selected countries in Central and Eastern Europe: Union Formation as a Demographic Manifestation // *MPIDR Working Paper 2007–026*. — Rostock (Germany): Max Plank Institute for Demographic Research, 2008.
8. *Lesthaeghe R.* (1998) On Theory Development: Application to the Study of Family Formation // *Population and Development Review*. 1998. Vol. 24. P. 1–14.
9. *Perelli-Harris B., Gerber T.P.* Non-marital Child-bearing in Russia: Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage? // *Max Plank Institute for Demographic Research Working Paper 2009–007*. 2009.
10. *Sobotka T.* The Diverse Faces of the Second Demographic Transition in Europe // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. Art. 8. P. 171–224.
11. *van de Kaa D.J.* Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. P. 3–57.
12. *van de Kaa D.J.* The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries // Paper presented at the Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security. — Tokyo (Japan), 2002.
13. *Zakharov S.* (2008) Russian Federation: From the First to the Second Demographic Transition // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. Art. 24. P. 907–972.

Внутрисемейные конфликты: основания, концентрация, детерминанты

По распространенности внутрисемейных конфликтов и различных форм их проявления можно судить о степени зрелости, цивилизованности общества. Это индикатор и внутренней культуры социума, и развитости нормативно-правовой базы регулирования отношений в семье, а также один из косвенных критериев эффективности социальной политики государства.

Каковы ракурсы проблемы на микроуровне? Неразрешимые разногласия между членами семьи являются основной причиной распада браков. Более того, конфликты в домохозяйстве наиболее трагично сказываются на детях. Частые выяснения отношений не только создают негативный климат в семье и мешают гармоничному развитию личности ребенка, но и способствуют воспроизводству безнадзорности и социального сиротства. Сегодня в условиях неразвитости мер, направленных на предотвращение неблагополучия детей, и отсутствия системы работы со «сложными» семьями передача ребенка в интернатное учреждение — фактическое производство сирот при живых родителях — становится чуть ли не единственным способом решения проблемы.

Очевидно, такое положение дел нельзя назвать удовлетворительным. Надо признать, что необходимость реформирования политики в отношении семьи назрела уже давно. Но, как известно, прежде чем бороться с проблемой, следует определить ее масштабы. Насколько распространены конфликты внутри семей? Как они проявляются? Каковы их основания? Ответам на эти вопросы посвящена настоящая статья.

Информационная база

Изучение внутрисемейных конфликтов в России до последнего времени было затруднено дефицитом репрезентативных данных о взаимоотношениях между членами домохозяйств. Исследования, посвященные обсуждаемой теме, проводились главным образом на основе качественных методов сбора информации и характеризовали различные проявле-

ния напряженности отношений, вплоть до насилия, и мотивы конфликтующих сторон (Горшкова, Шурыгина, 2003; Гурко, Босс, 1995 и др.).

Появление обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)¹ позволило получить представление о масштабах проблемы на общероссийском уровне. В основу настоящей работы легли расчеты, выполненные на базе блоков вопросов о внутрисемейном климате и партнерских отношениях первой волны обследования (выборка — 11 261 домохозяйство). Руководствуясь убеждением, что самое пагубное влияние конфликтное выяснение отношений оказывает на ребенка, мы ограничиваем круг домохозяйств семьями с детьми и включаем в анализ только полные семьи (как зарегистрированные браки, так и гражданские) — потенциальных адресатов мер поддержки. Таким образом, подвыборка составит 2372 наблюдения².

Основания конфликтов: индексный метод анализа неблагополучия семей

Основания конфликтов, несомненно, представляют интерес сами по себе. Так, данные РиДМиЖ показывают, что серьезные разногласия по поводу домашних обязанностей, быта и воспитания младшего поколения сопровождают каждодневную жизнь 35–40% семей с детьми. Весьма тревожно и то, что 35% семей отмечают среди причин острых конфликтов между членами домохозяйства употребление алкоголя. Ссоры, связанные с денежными вопросами, характерны для трети домохозяйств. Более 25% семей не находят компромиссов при решении того, как проводить досуг, с какими людьми общаться. Взрослые респонденты из 25% домохозяйств признают, что причиной конфликтов часто становятся их взаимоотношения с собственными родителями. Наконец почти для 20% семей с детьми основанием разногласий становится само решение иметь ребенка.

Однако рассматривая масштабы тех или иных причин напряженности отношений в семье, мы не получим общей картины распространенности конфликтов, поскольку в некоторых семьях они случаются на почве только одной проблемы, в других — могут разгораться по любому поводу. Фактически в любой семье время от времени возникают споры, но не все из них представляют угрозу для целостности семьи и негативно сказываются на положении детей. В связи с этим необходимо учитывать концентрацию конфликтов, имеющих под собой разнообразные основания. Именно эту задачу позволяет решить созда-

---

¹ Подробнее об обследовании см.: <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>

² В терминах вопросника РиДМиЖ подвыборку составляют партнеры, проживающие в одном домохозяйстве и имеющие детей до 14 лет.

ние индекса напряженности отношений в семье. Данный инструмент способен как охарактеризовать распространенность внутрисемейного напряжения, так и выявить наиболее проблемные семьи³.

Чтобы результаты применения индексного подхода были ясны, уделим особое внимание методологии.

При расчете индекса учитывались следующие проявления напряженности отношений в домохозяйстве:

- 1) наличие разногласий между партнерами;
- 2) метод выяснения отношений между партнерами;
- 3) необходимость расстаться, по мнению окружения;
- 4) намерение расстаться;
- 5) неудовлетворенность отношениями с партнером;
- 6) отсутствие возможности контролировать семейную жизнь⁴.

Алгоритм, заложенный в основу расчета индекса, можно представить так:

- 1) определение гипотетических составляющих каждой из 6 компонент индекса;
- 2) проверка легитимности объединения этих составляющих в рамках одной компоненты и расчет частного индекса по формуле:

$$I_n = \sum a_i x_i / \sum a_i \times 100, \quad [1]$$

где x_i — составляющая компоненты индекса напряженности отношений (принимает значение «1» в случае, если в семье фиксируется проблема; «0» — в случае отсутствия проблемы); a_i — доля семей, для которых данной проблемы не существует; i — число составляющих компоненты.

- 1) расчет итогового индекса напряженности отношений в семье на основе частных индексов:

$$I_{\text{ит}} = \sum b_n I_n, \quad [2]$$

где I — частные индексы компонент, b — вес компоненты, рассчитанный посредством однофакторного анализа, n — число компонент.

³Идея создания индекса заимствована у авторов индексного метода оценки множественной депривации и социальной исключенности, см. например: [Townsend, 1979; Bradshaw et al., 2000].

⁴Перечисленные компоненты идентифицированы на основе следующих вопросов РИДМиЖ:

Как часто за последние 12 месяцев между Вами и Вашим партнером случались разногласия [по различным поводам]? Если у Вас с Вашим партнером возникают серьезные разногласия, как часто Вы [прибегаете к различным методам их разрешения]? Хотя решение о возможном разрыве Вы и Ваш партнер, у Ваших родственников или друзей тоже может быть мнение о том, как Вам следует поступить в ближайшие три года? За последние 12 месяцев приходила ли Вам в голову мысль расстаться со своим партнером? Вы собираетесь расстаться с Вашим партнером в течение ближайших трех лет? Ваш партнер считает, что Вы должны расстаться? Насколько Вы удовлетворены Вашими отношениями с партнером? Как Вы считаете, в течение ближайших трех лет насколько Вы сможете контролировать Вашу семейную жизнь?

**Компонента «разногласия между партнерами»:
результаты анализа надежности шкал**

Причины разногласий	Альфа Кронбаха при удалении пункта
Домашние обязанности, быт	0,645
Деньги	0,649
Проведение досуга, общение с другими людьми	0,666
Интимные отношения	0,685
Отношения с друзьями	0,675
Отношения с Вашими родителями и родителями Вашего партнера/супруга (Вашей партнерши/супруги)	0,698
Воспитание детей	0,686
Решение иметь ребенка	0,711
Употребление алкоголя	0,663

Примечание: итоговый коэффициент альфа Кронбаха — 0,702.

Веса составляющих частного индекса разногласий между партнерами

Причины разногласий	Вес составляющей: доля партнерств, в которых никогда или редко возникают разногласия по данным причинам, %
Домашние обязанности, быт	60
Деньги	65
Проведение досуга, общение с другими людьми	74
Интимные отношения	84
Отношения с друзьями	78
Отношения с Вашими родителями и родителями Вашего партнера/супруга (Вашей партнерши/супруги)	75
Воспитание детей	65
Решение иметь ребенка	81
Употребление алкоголя	65

Компонента «разногласия с партнером»

Для построения компоненты обратимся к списку причин ссор между партнерами и оценкам частоты возникновения разногласий в семьях респондентов. Анкета фиксирует регулярность конфликтов, связанных с 9 различными поводами. Однако прежде чем объединить информацию по всем вопросам, необходимо удостовериться в том, что ответы на них согласованы и данные пункты анкеты действительно определяют одну латентную переменную — разногласия между партнерами.

Для этого прибегнем к анализу надежности шкал по модели Кронбаха «альфа»⁵ (табл. 1). Результаты теста Кронбаха позволяют утверждать, что все компоненты могут быть включены в один показатель, поскольку коэффициент согласованности достаточно высок — 0,702 — и существенно не увеличивается при удалении каких-либо составляющих из анализа.

В соответствие с анкетой РидМиЖ, степень актуальности каждой проблемы фиксируется по шкале от 1 до 5: 1 — разногласий нет никогда, 2 — разногласия редки, 3 — разногласия случаются иногда, 4 — разногласия возникают часто, 5 — разногласия бывают очень часто. К парам с проблемами мы отнесли тех, кто при ответе на вопрос выбирал значения шкалы 4 и 5, а к семьям без разногласий — останавливающимся на ответах 1 и 2.

Первый частный индекс — индекс разногласий с партнером — рассчитан на основе формулы (1) с I , равным 9, и весами a_i , соответствующими долям, приведенным в табл. 2.

Компонента «метод выяснения отношений с партнером»

При проведении обследования РидМиЖ респондентам предлагалось оценить частоту не только возникновения самих разногласий, но и различных методов выяснения отношений в конфликтной ситуации. Для этого использовалась аналогичная описанной выше шкала с 5 градациями. По алгоритму расчета индекса напряженности отношений в семье была проведена проверка того, насколько целесообразно объединять в одну компоненту оценки регулярности использования различных методов выяснения отношений (табл. 3). Результаты процедуры дали основания сократить список составляющих данной компоненты: если в случае обращения ко всем четырем способам разрешения конфликтов коэффициент альфа достиг лишь уровня 0,390, то при исключении из анализа вопроса о том, как часто при ссоре партнеры держат свое мнение при себе, возрос до 0,517.

К семьям без проблем были отнесены те, в которых часто и очень часто спокойно выясняют отношения, редко и очень редко ссорятся до крика, никогда не доходят до рукоприкладства. Группой риска, соответственно, признаны партнерства респондентов, выбравших при ответе на вопрос о частоте обсуждения проблем ответы «никогда» и «редко», о ссорах до крика — «часто» и «очень часто», а также *не* отметивших, что до рукоприкладства в их семье не доходят никогда.

⁵ Анализ надежности по модели Кронбаха «альфа» представляет собой проверку существования корреляции между рангами каждой отдельной переменной, включенной в группу характеризующих некий признак, и суммой рангов остальных переменных.

**Компонента «метод выяснения отношений между партнерами»:
результаты анализа надежности шкал**

При выяснении отношений...	Альфа Кронбаха при удалении пункта
держат свое мнение при себе*	0,517
спокойно обсуждают проблемы	0,249
ссорятся до крика	0,231
доходят до рукоприкладства	0,321

Примечание: итоговый коэффициент альфа Кронбаха — 0,390.

* Мы допускаем, что умалчивание своего мнения может расцениваться и как способ снятия напряжения в семейных отношениях, и как катализатор конфликтов. Поэтому до реализации анализа надежности проведено перекодирование ответов на выделенный вопрос — «зеркальное переворачивание шкалы». Однако результаты анализа при использовании как оригинальной, так и новой кодировки существенно не отличаются и дают основания исключить эту составляющую.

**Веса составляющих частного индекса метода выяснения отношений
между партнерами**

При выяснении отношений...	Вес составляющей: доля партнерств, %
часто и очень часто спокойно обсуждают проблемы	49
редко и очень редко ссорятся до крика	59
никогда не доходят до рукоприкладства	80

В частном индексе метода выяснения отношений (формула (1)) i равняется 3, а веса составляющих — a_i — соответствуют долям, указанным в табл. 4.

*Компонента «необходимость расстаться, по мнению
окружения»*

Анкета фиксирует мнение окружения респондента о необходимости для него разойтись с партнером. Опрошенный оценивает, насколько характерно для его друзей, родителей, детей, родственников желание видеть его расставшимся с нынешним супругом по 5-балльной шкале: от полного согласия с утверждением «*Вы должны расстаться, по мнению...*» до совершенного несогласия.

Проведя тест согласованности ответов на вопросы этой категории по Кронбаху, мы получили показатель альфа, равный 0,829, что дало все основания объединить оценки в одном частном индексе, тем более что поочередное удаление тестируемых пунктов не привело к росту коэффициента согласованности (табл. 5).

Таблица 5

Компонента «необходимость расстаться, по мнению окружения»: результаты анализа надежности шкал

Вариант ответа	Альфа Кронбаха при удалении пункта
По мнению друзей, должны расстаться	0,780
По мнению родителей, должны расстаться	0,772
По мнению детей, должны расстаться	0,829
По мнению родственников, должны расстаться	0,745

Примечание: итоговый коэффициент альфа Кронбаха — 0,829.

Таблица 6

Веса составляющих частного индекса необходимости расстаться, по мнению окружения

Варианты ответа	Вес составляющей: доля партнерств, в которых проживают респонденты совершенно не согласные или несогласные с приведенными утверждениями, %
По мнению друзей, должны расстаться	85
По мнению родителей, должны расстаться	83
По мнению детей, должны расстаться	73
По мнению родственников, должны расстаться	86

В качестве эквивалента веса здесь используются доли респондентов, выбравших при оценке вышеприведенных суждений варианты ответов «не согласны» и «совсем не согласны», а неблагополучными признаны семьи, в которых проживают опрошенные, отметившие, что «полностью согласны» или «согласны» с утверждениями «Вы должны расстаться, по мнению [окружения]».

При этом в варианте формулы (1) для частного индекса необходимости расстаться, по мнению окружения, i равно 4, a_i — долям, приведенным в табл. 6.

Компонента «намерение расстаться»

Данная компонента могла быть построена на базе трех вопросов анкеты РиДМиЖ: задумывался ли респондент о расставании с партнером, намеревается ли он расстаться с ним в ближайшие три года, и считает ли его партнер, что они должны расстаться.

Партнерствами с проблемами признаны семьи респондентов, ответивших «да» на вопрос, касающийся мыслей о расставании, и на вопрос о намерении расстаться, а также полагающие, что их партнеры/супруги *определенно* считают, что им нужно разойтись. Респондентами из семей

**Весы составляющих частного индекса необходимости расстаться,
по мнению окружения**

Вариант ответа	Вес составляющей: доля партнерств, для которых это не характерно, %
Респондент задумывался о том, чтобы расстаться	81
Респондент собирается расстаться с партнером в ближайшие 3 года	13
Партнер определенно считает, что надо расстаться	86

Компонента «намерение расстаться»: результаты анализа надежности шкал

Вариант ответа	Альфа Кронбаха при удалении пункта
Респондент задумывался о том, чтобы расстаться	0,287
Респондент собирается расстаться с партнером в ближайшие 3 года	0,253
Партнер считает, что надо расстаться	0,629

Примечание: итоговый коэффициент альфа Кронбаха — 0,551.

без проблем в рамках данной компоненты стали выбравшие, соответственно, ответ «нет» на первые два вопроса и «определенно нет» на третий. Как и в случае предыдущих компонент, доли таких семей стали эквивалентом весов в частном индексе намерения расстаться (*табл. 7*).

Результаты тестирования согласованности составляющих по модели Кронбаха «альфа» приведены в *табл. 8*. Очевидно, что при исключении из набора вопроса, характеризующего мнение партнера, согласованность возрастала: если итоговый коэффициент альфа для трех составляющих не превосходил 0,551, то при удалении обсуждаемого пункта достиг 0,629. Однако поскольку альфа все же превосходил уровень 0,5, мы сочли возможным оставить набор без изменений и учитывать при построении частного индекса намерения расстаться ответы на все три вопроса анкеты РидМиЖ.

Таким образом, в данном случае в формуле (1) $i = 3$, a_i — соответствуют долям, приведенным выше в *табл. 7*.

Компонента «неудовлетворенность отношениями с партнером»

В рамках данной компоненты работа велась с одной оценочной шкалой от 0 до 10, где 0 — соответствует ответу «совершенно не удовлетворен отношениями», 10 — «полностью удовлетворен отношениями».

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены отношениями между Вами и Вашим партнером?»

Количество баллов	Доля респондентов, %	Кумулятивный %
0 — совершенно не удовлетворен	0,9	1,0
1	0,5	1,5
2	0,6	2,2
3	1,2	3,4
4	1,6	5,1
5	8,3	13,9
6	3,8	17,8
7	9,7	27,9
8	17,6	46,4
9	14,1	61,2
10 — полностью удовлетворен	37,1	100,0

В связи с этим необходимость тестирования на согласованность отсутствовала — мы располагали всего одной составляющей.

Единственным доступным методом формирования индекса здесь стал подбор. После тестирования ряда комбинаций была утверждена следующая: к «проблемным» отнесены семьи респондентов, выбравших при ответе на данный вопрос градации шкалы от 0 до 2, при этом 0 взвешен по доле остановившихся на оценке 10, 1 — по доле указавших 9, 2 — по доле выбравших 8. Решение учитывать варианты ответов, лежащие в интервале 0–2, обеспечило работу с группой респондентов, размер которой статистически значим (табл. 9), а схема взвешивания гарантировала дифференциацию внутри нее.

В этом случае для формулы (1) i равняется 3, a_i соответствует долям, приведенным в трех последних строках второго столбца табл. 9.

Компонента «отсутствие возможности контролировать семейную жизнь»

Частный индекс для этой компоненты был сформирован методом подбора. Обращаясь к вопросу «Как вы считаете, в течение ближайших трех лет насколько Вы сможете контролировать Вашу семейную жизнь?», мы выявили «проблемные» партнерства по респондентам, давшим ответы «совсем нет» и «немного», считая при этом, что для семей без проблем характерны ответы «довольно сильно» и «очень сильно».

Следовательно для формулы (1) в этом случае i будет равняться 2, a_i примет значение 11,6, a_{2-5} — 1,7 (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы считаете, в течение ближайших трех лет насколько Вы сможете контролировать Вашу семейную жизнь?»

Вариант ответа	Доля респондентов, %
Совсем нет	6,2
Немного	29,3
Довольно сильно	51,7
Очень сильно	11,6

Объединение компонент «индекс напряженности отношений в семье»

После расчета 6 частных индексов мы предприняли попытку объединить их в единый индекс, характеризующий степень напряженности отношений в семье. Однако прежде необходимо было математически обосновать этот шаг. В связи с этим мы еще раз прибегли к анализу надежности шкал и протестировали согласованность набора, составленного из шести вышеописанных индексов.

В табл. 11 указано, как менялся показатель альфа при последовательном удалении каждого из частных индексов. Очевидно, что исключение компоненты «отсутствие возможности контролировать семейную жизнь» существенно повысило согласованность набора, и коэффициент альфа возрос от 0,575 до 0,764. По этой причине в итоговый индекс вошли не 6, а 5 частных индексов.

Формула (1), по которой рассчитаны частные индексы, предполагала, что значения каждого из них лежат в интервале от 0 до 100. Но произвести простое сложение индексов можно было только с допущением, что все 5 компонент абсолютно равнозначны. Очевидно, это было бы ошибочным. Поэтому для корректной оценки вклада каждого

Таблица 11

Напряженность отношений в семье: результаты анализа надежности шкал

Индекс	Альфа Кронбаха при удалении пункта
Разногласия с партнером	0,467
Метод выяснения отношений между партнерами	0,484
Необходимость расстаться, по мнению окружения	0,533
Намерение расстаться	0,426
Неудовлетворенность отношениями с партнером	0,550
Отсутствие возможности контролировать семейную жизнь	0,764

Примечание: итоговый коэффициент альфа Кронбаха — 0,575.

Результаты однофакторного анализа

Индекс	Факторные нагрузки
Разногласия с партнером	0,892
Метод выяснения отношений между партнерами	0,690
Необходимость расстаться, по мнению окружения	0,619
Намерение расстаться	0,857
Неудовлетворенность отношениями с партнером	0,607
<i>Объясненная дисперсия</i>	<i>55,1%</i>

Примечание: Метод главных компонент.

из частных индексов в итоговый, был реализован однофакторный анализ методом главных компонент, результаты которого представлены в *табл. 12*. Особо подчеркнем, что данная факторная модель обеспечила более 55% объяснения дисперсии.

Несложно заметить, что наибольший вес при определении степени разногласий внутри семьи имела компонента «разногласия с партнером». Следующая по значимости компонента — «намерение расстаться». А наименьший вклад, согласно итогам факторного анализа, внес частный индекс неудовлетворенности отношениями с партнером.

В конечном итоге, с использованием факторных нагрузок⁶ в качестве весов b_n для формулы (2) был рассчитан индекс напряженности отношений в семье.

Концентрация конфликтов: семьи категории «группа риска»

Итак, на основе вышеописанной методологии мы рассчитали индекс напряженности отношений для российских семей с детьми. Он демонстрирует следующую картину: более 41% респондентов признают, что в их домохозяйствах случаются конфликты разного рода⁷.

Но как уже говорилось выше, было бы ошибочно предполагать, что все семьи, в которых случаются разногласия, являются группой риска. Соответственно, возникает задача определения границ крайнего проявления конфликтности в домохозяйствах. Для ее решения следует обратиться к статистическим оценкам, приведенным в *табл. 13*.

⁶ В формуле используются пересчитанные в процентном соотношении факторные нагрузки: вес компоненты «разногласия с партнером» составляет 0,24, компоненты «метод выяснения отношений» — 0,19, компоненты «необходимость расстаться, по мнению окружения» — 0,17, компоненты «намерение расстаться» — 0,23, компоненты «неудовлетворенность отношениями с партнером» — 0,17. Таким образом, сумма всех весов равняется единице.

⁷ Для этих семей индекс > 0.

Таблица 13

Индекс напряженности отношений в семье: среднее значение, медиана и мода

Среднее значение	16,0
Медиана	10,7
Мода	4,9

Таблица 14

Индекс в разрезе децильных групп по показателю напряженности отношений в семье

Децильные группы по индексу напряженности отношений в семье	Среднее значение индекса напряженности отношений
1 — наименее напряженные отношения	2,5
2	3,5
3	4,9
4	6,7
5	9,0
6	11,8
7	15,3
8	21,1
9	30,6
10 — наиболее напряженные отношения	54,8

Несмотря на то что индекс принимает значения от 0 до 100, средний его уровень не превышает 16,0, медиана фиксируется на отметке 10,7, а мода составляет — 4,9, что является определенным поводом для оптимизма.

В ходе экспертного анализа распределения домохозяйств по значениям индекса напряженности отношений, было установлено, что к группе риска следует отнести семьи, попавшие в два верхних дециля по показателю конфликтности. Средние значения индекса для 9-го и 10-го дециля составляют 30,6 и 54,8, соответственно. Иными словами, мы имеем дело с двукратным и более превышением среднего по выборке уровня индекса напряженности отношений (*табл. 14*).

Однако, поскольку место в одной из 10 децильных групп определено только у домохозяйств, для которых индекс напряженности отношений выше нуля, доля семей группы риска составляет отнюдь не 20% семей с детьми. В критическом положении — в обстановке жестких конфликтов, имеющих под собой множество оснований, — проживают 8,2% домохозяйств. Эти семьи, безусловно, нуждаются в помощи, и именно на них должна быть ориентирована поддерживающая политика государства.

Тем не менее разработчикам мер профилактики семейного неблагополучия следует держать в поле зрения более широкий круг домохозяйств: часть семей 7-го дециля и 8-й дециль характеризуются значением индекса, превышающим средний по выборке уровень, а это еще порядка 8% домохозяйств с детьми.

Детерминанты конфликтности

Разработанный индекс позволяет охарактеризовать масштаб проблемы — распространенность внутрисемейных конфликтов, их основания, долю домохозяйств группы риска. Однако не менее важной задачей является определение социально-экономических и демографических характеристик, отличающих домохозяйства с детьми, для которых актуальна проблема напряженности отношений.

Ответ на этот вопрос позволит более четко представить целевую группу мер социальной политики по поддержке семей, а значит, и определить, какими именно должны быть эти меры. Иными словами, необходимо понять причины конфликтов внутри семей (здесь мы, разумеется, выходим за рамки анализа детерминанты личностно-психологического характера), дабы сформировать рекомендации по их предотвращению.

Для выявления детерминант конфликтности прибегнем к методам многомерного статистического анализа: рассмотрим модели простой линейной и логистической регрессионной зависимости индекса напряженности отношений в семье от ряда различных факторов.

Сначала обратимся к модели, где зависимой переменной является сам индекс напряженности отношений в семье (*табл. 15*).

Прежде всего обнаруживается следующая связь: чем выше уровень благосостояния домохозяйства, тем более спокойна обстановка внутри семьи. Об этом свидетельствуют отрицательные коэффициенты, полученные для таких составляющих модели, как имущественная, жилищная обеспеченность, а также базовые возможности⁸, субъективная оценка благосостояния⁹. Дополнительным подтверждением этого вывода является и то, что для домохозяйств первой децильной группы по доходу индекс напряженности отношений в семье в 1,4 раза выше, чем для других семей.

---

⁸ К базовым возможностям в рамках обследования РидМиЖ мы относим следующее: возможность платить за тепло, проводить недельный отпуск вне дома, делать необходимые покупки (одежда, продукты питания), по мере надобности заменять износившиеся предметы обихода.

⁹ В данную модель эти показатели включены в количественном исчислении после получения монетарной оценки возможностей и активов домохозяйств и последующего преобразования этих оценок в индексы.

Детерминанты конфликтности: линейная регрессионная модель зависимости индекса напряженности отношений от социально-экономических и демографических факторов*

Набор независимых переменных	Партнерства с детьми** Зависимая переменная — индекс	
	коэффициенты регрессии	значимость
(Constant)	13,2613	0,0000
Жилищная обеспеченность	-0,0148	0,1000***
Имущественная обеспеченность	-0,0398	0,0002
Базовые возможности	-0,0346	0,0001
Субъективная оценка благосостояния	-0,0309	0,0325
Домохозяйство 1-го дециля по доходам	1,4370	0,0777***
Наивысший уровень образования в домохозяйстве — начальное или ниже	5,2232	0,0005
Наивысший профессиональный статус в домохозяйстве — специалист средней квалификации	1,1864	0,0366
Социально-демографический тип: пары с родным ребенком до14 лет без других родственников	-1,2269	0,0684***
Социально-демографический тип: пары с родным ребенком до14 лет и другие родственники старше 14 лет	1,2379	0,0711***
Наличие родственников, нуждающихся в уходе	2,6743	0,0611***
Дети, предоставленные сами себе	2,1489	0,0040
Потребление услуг по уходу за детьми	-2,0302	0,0034
Респонденты мужчины	-3,5513	0,0000

Примечания: * — в силу того, что коэффициент детерминации невысок ($<0,3$), будем рассматривать эту модель не столько, как систему объяснения всех детерминант конфликтности, а преимущественно как способ обнаружить влияние тех или иных социально-экономических и демографических факторов; ** — выборка — 2372 семьи; *** — 10%-ный уровень значимости.

Существенное влияние на уровень конфликтности оказывает образование и профессиональные позиции членов семьи. Обнаружено, что в домохозяйствах партнеров, имеющих образование не выше начального, степень напряженности отношений в 5 раз выше, чем у остальных семей. Более остро проблема конфликтов внутри семьи определяется и для партнеров, попадающих с точки зрения профессионального статуса в категорию специалистов средней квалификации.

Что касается социально-демографических характеристик домохозяйств, влияние на внутрисемейный климат оказывает совместное/раздельное проживание супругов с другими родственниками. Если

для супругов с детьми младше 14 лет, проживающих отдельно от своих родственников, индекс напряженности отношений в семье оказывается в 1,2 раза ниже, чем для других домохозяйств, то для ведущих быт совместно с другими родственниками — напротив, в 1,2 раза выше.

Особое значение имеет наличие в семье человека, нуждающегося в уходе, — престарелого, ограниченного в возможностях, имеющего тяжелые заболевания. Для указавших, что в их домохозяйстве есть такие родственники, индекс конфликтности выше в 2,7 раза.

Степень конфликтности внутри семей, где дети предоставлены сами себе (что проявляется в частности в том, что взрослые не ухаживают за детьми, не помогают им решать бытовые проблемы), в 2 раза выше, чем в прочих домохозяйствах. И напротив, домохозяйства, где детям оказывается помощь (что отражает переменная «Потребление услуг по уходу за детьми»¹⁰), характеризуются индексом, размер которого вдвое меньше, чем у остальных семей.

Завершая интерпретацию линейной регрессионной модели, обратим внимание на коэффициент для группы респондентов мужского пола. Очевидно, если на вопросы анкеты отвечал мужчина, то идентифицируемая степень конфликтности семьи респондента оказывалась в 3,5 раза ниже, чем в случаях, когда заполнение вопросника велось со слов женщины. Однако этот факт является лишь доводом в пользу более детального изучения проблемы внутрисемейного климата, поскольку может интерпретироваться по-разному. Например, закономерно заключить, что женщины склонны драматизировать положение дел. Но есть основания и для предположения, что мужчины умалчивают о конфликтах, возникающих по их вине. Здесь уместно заметить, что существует некоторое расхождение, например, в оценках распространенности рукоприкладства, полученных на основе опроса мужчин и женщин: первые оказываются ниже вторых — 7% домохозяйств против 10%.

Перейдем к интерпретации логистических регрессионных моделей. Здесь в качестве зависимой переменной взят индекс напряженности отношений. Протестируем влияние набора независимых факторов на следующие переменные:

- 1) индекс больше 0: переменная принимает значение «1», если индекс напряженности отношений в семье превосходит 0, и значение «0» при нулевом индексе;
- 2) индекс выше среднего значения по выборке домохозяйств с детьми: значение «1» переменной характеризует семьи с индексом напряженности отношений, равным среднему значению или пре-

---

¹⁰ В данной переменной учитываются все виды услуг по уходу за детьми: от нянь до специализированных кружков.

вышающим его, «0» — домохозяйства, для которых величина индекса меньше средней.

При этом регрессионная модель для первой независимой переменной реализуется на выборке всех супружеских пар, проживающих в одном домохозяйстве и имеющих детей младше 14 лет, а вторая — только для тех из них, у кого, чаще или реже, случаются разногласия и конфликты.

Помимо выявления детерминант конфликтности, целью этого шага является сопоставление значимости различных факторов для возникновения конфликтных ситуаций и для риска попадания в группу, характеризующуюся индексом напряженности отношений, превышающим среднее значение, то есть группу риска.

Результаты логистического регрессионного анализа представлены в *табл. 16*. Темным маркером выделены независимые переменные, влияние которых обнаруживается с 5%-ной значимостью, более светлым — характеризующиеся влиянием на уровне 10%-ной значимости. Очевидно, что набор «активных» переменных в двух сопоставляемых логистических моделях схож, но не одинаков. Есть основания утверждать, что далеко не все факторы, определяющие риск попадания в число конфликтующих домохозяйств, являются и детерминантами вероятности попадания в группу семей особого риска.

Так, если говорить о переменных обеспеченности домохозяйств, фактически все из них демонстрируют обратную связь с риском оказаться в группе «индекс > 0» (например, чем выше имущественная обеспеченность, тем меньше вероятность попасть в число семей с напряженными отношениями), но значимость их для детерминации группы семей с индексом, превышающим средний по выборке, существенно ниже. Из данных, представленных в *табл. 16*, видно, что среди переменных обеспеченности во второй модели значимыми оказываются только базовые возможности.

Как и в модели простой линейной регрессии, обнаруживаем зависимость рисков конфликтов от переменных, характеризующих образование респондентов и их позиции на рынке труда. Семьи, в которых проживают мужчины, имеющие работу, отличаются более низкой вероятностью попадания как в число конфликтующих, так и в группу риска по сравнению с домохозяйствами незанятых. Следует отметить, что в отношении занятости женщин, пусть и с меньшей значимостью, но фиксируется прямая зависимость наличия работы и вероятности конфликтов в семье.

Для домохозяйств партнеров с более низким уровнем образования проблема напряженности отношений в семье актуальнее, чем для прочих, о чем свидетельствуют коэффициенты при переменных «Наивыс-

Таблица 16

Детерминанты конфликтности: логистическая регрессионная модель зависимости индекса напряженности отношений от социально-экономических и демографических факторов

Социально-экономические и демографические факторы	Партнерства с детьми* Зависимая переменная: «0» — индекс = 0 «1» — индекс > 0		Партнерства с детьми, для которых Индекс >0** Зависимая переменная: «0» — индекс < ср. инд. «1» — индекс ≥ ср. инд.	
	значи- мость	коэффициент отно- сительного риска	значи- мость	коэффициент отно- сительного риска
Жилищная обеспеченность	0,0561	0,9973	0,9393	1,0002
Имущественная обеспеченность	0,0175	0,9959	0,1008	0,9952
Базовые возможности	0,0415	0,9971	0,0004	0,9916
Субъективная оценка обеспеченности	0,0225	0,9946	0,0557	0,9917
Душевой доход	0,5368	1,0000	0,1142	1,0001
Респондент и партнер не имеют трудовые доходы	0,0618	0,5534	0,1163	2,2025
Наличие работы у мужчины по МОТ	0,0000	0,3807	0,0132	0,4271
Наличие работы у женщины по МОТ	0,1057	1,1961	0,1493	1,3119
Хотя бы один из партнеров пенсионер (кроме пенсионеров по потере кормильца)	0,1540	0,6855	0,0608	0,3760
Хотя бы у одного из партнеров нестандартные часы работы	0,1944	1,1259	0,4614	1,1173
Наивысший профессиональный статус в — домохозяйстве — низкоквалифицированный рабочий	0,0768	1,2714	0,6696	0,9153
Наивысший уровень образования в домохозяйстве — среднее профессиональное	0,0778	1,1896	0,1451	1,2721
Наивысший уровень образования в домохозяйстве — начальное профессиональное	0,0137	1,3980	0,7777	1,0630
Наивысший уровень образования в домохозяйстве — начальное или ниже	0,0013	2,2007	0,1000	1,7379

Социально-экономические и демографические факторы	Партнерства с детьми* Зависимая переменная: «0» — индекс = 0 «1» — индекс > 0		Партнерства с детьми, для которых Индекс > 0** Зависимая переменная: «0» — индекс < ср. инд. «1» — индекс ≥ ср. инд.	
	значи- мость	коэффициент отно- сительного риска	значи- мость	коэффициент отно- сительного риска
Наличие разрыва в образовании между респондентом и партнером более одной ступени	0,2378	1,1243	0,7469	0,9495
Продолжительность рабочей недели у мужчин, часов	0,0003	1,0111	0,0548	1,0091
Дети группы риска	0,0251	1,3036	0,1487	1,3007
Потребление услуг по уходу за детьми***	0,0070	0,7402	0,2048	0,7847
Наличие родственников, нуждающихся в уходе	0,6312	0,8970	0,4004	1,3549
Респонденты мужчины	0,0000	0,6755	0,0046	0,6540
Constant	0,1007	1,4653	0,2829	1,2119

Примечания: * — выборка — 2372 семей; ** — выборка — 973 семей; *** — по 5 видам услуг от членов домохозяйства.

ший уровень образования в домохозяйстве — начальное или ниже» и «Наивысший уровень образования в домохозяйстве — начальное профессиональное».

Еще одна характеристика занятости, связанная с рисками конфликтов в семье, — продолжительность рабочей недели: чем больше часов в неделю трудится мужчина, тем выше вероятность разногласий в домохозяйстве и больше шансы семьи оказаться в категории риска.

Что касается социально-демографических переменных, установить их влияние посредством логистического регрессионного анализа оказалось сложнее. По причине низкой статистической значимости, мы не можем интерпретировать коэффициенты относительного риска для домохозяйств с родственниками, нуждающимися в уходе. Аналогично результатам простой линейной регрессии логистический анализ показал, что семьи с детьми, вынужденными сами заботиться о себе, чаще характеризуются индексом напряженности отношений, превышающем 0, а домохозяйства, потребляющие услуги по уходу за не достигшими 14 лет, напротив, реже оказываются в числе семей с напряженными отношениями.

И наконец, мы снова сталкиваемся с тем, что домохозяйства, о состоянии дел которых рассказывают респонденты-мужчины, характери-

зуются меньшими рисками попадания в число семей с напряженными отношениями и группу наибольшего риска конфликтов, чем домохозяйства респондентов-женщин.

Таким образом, обнаруживается широкий спектр детерминант конфликтности, относящихся к различным социально-экономическим и демографическим характеристикам домохозяйств.

Заключение

Проранжировав семьи по уровню конфликтности и описав основные детерминанты напряженности отношений, мы наметили зоны внимания, которые, безусловно, требуют дальнейших, более детальных, исследований. Тем не менее на основании проделанной работы можно сделать ряд немаловажных выводов:

- данные обследования РиДМиЖ позволили оценить масштабы и причины конфликтности внутри российских домохозяйств. Серьезные разногласия по поводу домашних обязанностей, быта и воспитания младшего поколения сопровождают каждодневную жизнь 35–40% семей с детьми. Ссоры, связанные с денежными вопросами, характерны для трети домохозяйств. Более 25% семей не находят компромиссов при решении того, как проводить досуг, с какими людьми общаться. Взрослые респонденты из 25% домохозяйств признают, что причиной конфликтов часто становятся их взаимоотношения с собственными родителями. Весьма тревожит и тот факт, что 35% семей отмечают среди причин острых конфликтов между членами домохозяйства употребление алкоголя. Наконец почти для 20% семей с детьми основанием разногласий становится само решение иметь ребенка. При этом лишь чуть более половины опрошенных утверждают, что способны спокойно обсуждать проблемы с партнерами. Нельзя недооценить и драматичность признания респондентов из 20% домохозяйств, что в ходе выяснения отношений дело может дойти до рукоприкладства;
- по результатам применения индексного подхода к выявлению неблагополучия семей с детьми было установлено следующее: у 41% домохозяйств случаются конфликты разного рода, и 20% из них (или 8% всех семей подвыборки) находятся в критическом положении — живут в обстановке жестких конфликтов, имеющих под собой множество оснований;
- зафиксировано, что повышенным уровнем внутрисемейного напряжения отличаются домохозяйства, для которых характерна низкая доходная и имущественная обеспеченность, а также некомфортное жилье (недостаточный метраж или отсутствие базовых коммунальных услуг);

- есть все основания утверждать, что низкий уровень образования членов домохозяйства увеличивает риск возникновения напряженных отношений в семье. Такой же эффект вызывают и невысокая квалификация и низкий профессиональный статус занятых;
- таким образом, мы вынуждены признать, что для неблагополучных семей в России характерно наслоение деприваций: недостаток материальной обеспеченности, образовательного и профессионального багажа влечет за собой проблемы, лежащие в плоскости человеческих взаимоотношений.

Осознание того, что около 8% домохозяйств с детьми живут в крайне напряженной конфликтной обстановке, должно стать еще одним весомым доводом в пользу работы над семейной социальной политикой. Принимая во внимание описанные выше факты, мы надеемся, что данная статья будет способствовать привлечению большего внимания экспертного сообщества и законодателей к теме внутрисемейных конфликтов.

Литература

1. *Горшкова И.Д., Шурыгина И.И.* Насилие над женами в современных российских семьях. — М.: МАКС-Пресс, 2003.
2. *Гурко Т.А., Босс П.* Отношения мужчин и женщин в браке // *Семья на пороге третьего тысячелетия* / Ред. А.И. Антонов, М.С. Мацковский, Дж. Мэддок, Дж. Хоган. — М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995.
3. *Bradshaw J. et al.* Poverty and social exclusion in Britain // *Findings*. — York: Joseph Rowntree Foundation, 2000.
4. *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. — Penguin Books, 1979.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

---

*Синявская О. В.,
Головляница Е. Б.*

Новые меры семейной политики и население: будет ли длительным повышение рождаемости?¹

Введение

Три года назад в семейной и демографической политике России произошёл поворот. Государство впервые в отечественной истории открыто провозгласило пронаталистский характер своей семейной политики [Захаров 2007]. В этой связи с 2007 г. были значительно увеличены размеры финансовой помощи семьям, а также введен комплекс новых мер, предусматривающих усиление социальной поддержки семей, имеющих детей, в том числе:

- увеличены размеры пособия по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет и предоставлено право на получение этого пособия в минимальном размере неработающим матерям и другим родственникам ребенка, не подлежащим социальному страхованию;
- предоставлено право на единовременное пособие при передаче ребенка семье усыновителей, опекунов либо приемных родите-

---

¹ Данная статья представляет собой переработанный и расширенный вариант статьи Е. Б. Головляницыной и О. В. Синявской «Отношение населения к новым мерам семейной политики» [Головляница, Синявская, 2009].

- лей; увеличен размер выплат на содержание ребенка и оплаты труда приемных родителей;
- предоставлено право на получение материнского (семейного) капитала женщине при рождении (усыновлении) второго и последующего ребенка, распоряжение капиталом возможно при достижении ребенком 3 лет;
  - введена компенсация части платы родителей за содержание ребенка в государственном и муниципальном дошкольном образовательном учреждении, дифференцированная по числу детей — 20% за первого ребенка, 50% — за второго, 70% — за третьего и последующего.

Цели проводимой семейной политики весьма амбициозны и предполагают существенную трансформацию репродуктивных стратегий населения. Однако насколько соразмерны цели и используемые для их достижения средства?

Вопрос о том, можно ли повысить рождаемость в развитых странах, к числу которых относится и Россия, с помощью инструментов социальной политики, уже не один десяток лет вызывает ожесточенные споры экспертов и политиков. Результаты эмпирических исследований противоречивы. С одной стороны, на макроуровне в последние годы страны с высокими уровнями женской занятости демонстрируют более высокую рождаемость и, напротив, страны, где работающих женщин по-прежнему немного, отличаются и самыми низкими уровнями рождаемости [Ahn, Mira, 2000; Castles, 2003]. При этом исследователи подтверждают, что в странах с более высокой рождаемостью выше доступность оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, шире охват, особенно детей до 3 лет, детскими дошкольными учреждениями [Ahn, Mira, 2000; Castles, 2003]. С другой стороны, на микроуровне удается установить лишь очень слабое влияние на рождаемость пособий на детей и других денежных выплат семьям с детьми, а также оплачиваемых отпусков по уходу за детьми, которые прежде всего приводят к более раннему рождению детей. Тогда как связь между рождаемостью и развитостью формальных (институциональных) услуг по уходу за детьми на микроуровне неустойчива и противоречива [см. обзор исследований в работах Sleebos, 2003; Gauthier, 2007]. Общий вывод исследователей, скорее, таков, что, поскольку ни одна из существующих мер не дает значительного повышения рождаемости и, очевидно, они адресованы различным группам населения, политика, направленная на повышение рождаемости, должна быть комплексной [Esveld, Fokkema, 2006; McDonald, 2008; Hoem, 2008].

Вместе с тем следует отметить, что в работах, оценивающих влияние на рождаемость определенных инструментов семейной политики,

традиционно упускается из виду вопрос реакции населения на предложенные государством меры². Неявно предполагается, что потребности людей в детях недостаточно реализуются, так что снижение прямых затрат на их воспитание или альтернативных издержек рождения детей для женщины (потери в заработке и квалификации в то время, пока она будет ухаживать за ребенком) обязательно приведет к увеличению числа рождений. Одновременно подразумевается, что население полностью осведомлено о государственных программах для семей с детьми и новациях в семейной политике.

Очевидно, что оба эти допущения являются весьма сильными, редко встречающимися в реальной жизни. Недостаточная осведомленность о социальных программах и услугах, недоверие к государству, ограниченный горизонт планирования собственного поведения, как и различия в потребностях в детях могут сказываться на ответных реакциях населения на предлагаемые государством меры поддержки семей. Будучи не только объектом, но и субъектом социальной политики, именно население определяет, к каким результатам приведет та или иная мера. Без учета этого обстоятельства даже значительные материальные затраты не могут гарантировать получение запланированного результата.

Данная работа призвана восполнить существующий пробел и проанализировать как уровень информированности населения о новых мерах поддержки семей с детьми, так и характер возможных изменений в репродуктивном поведении. Прежде всего нас интересовало, в какой мере население готово откликнуться на политику государства повышением числа рождений, и будет ли это преимущественно сдвиг в календаре рождений или же можно рассчитывать на увеличение итоговой рождаемости. Кроме того, мы пытались ответить на вопрос, в каких социальных группах возможен рост рождаемости, если судить по ответам самих людей.

Представляемый далее анализ основан на данных второй волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2007 г. (далее — РИДМиЖ–2007). Мы отдаем себе отчет в определенной условности результатов, полученных на основе опросов населения. Как совершенно справедливо отмечают А. Готье и Д. Филиппов [Gauthier, Philippov, 2008], выявление факторов низкой рождаемости — чрезвычайно трудная для исследователя задача, особенно, если в основе лежат ответы респондентов, которые могут отражать определенную апостериорную рационализацию поведения.

---

² Исключение составляют недавно появившиеся публикации, основанные на данных европейского обследования Population Policy Acceptance Study [Esveld, Fokkema, 2006; Miettinen et al., 2008].

Статья организована следующим образом. Сначала будет охарактеризована выборка и описана методика исследования. Затем идет обсуждение того, что знают опрошенные о новых мерах поддержки семей с детьми и верят ли они в возможность ответного роста рождаемости. После этого мы проанализируем то, как сами респонденты готовы откликнуться на политику государства в области повышения рождаемости и насколько ответная реакция зависит от демографических и социально-экономических характеристик опрошенных. Наконец, завершает представление результатов вопрос о сравнительной привлекательности — с точки зрения населения — мер финансовой поддержки семей с детьми и мер, направленных на облегчение занятости и материнства. В конце статьи будут представлены основные выводы исследования и обсуждено их значение с точки зрения дальнейшего развития семейной политики в России.

Данные и методика исследования

Обследование РИДМИЖ–2007 было проведено весной–летом 2007 г., спустя почти год после Послания Президента России Федеральному собранию РФ, в котором впервые были предложены инновационные подходы к реализации семейной политики в стране [Послание Президента, 2006], и спустя несколько месяцев после вступления в силу законодательства, регулирующего новые меры поддержки семей с детьми. Поскольку инициативы Президента России и разработка новых законодательных решений активно обсуждались в прессе и непосредственно затрагивали текущие интересы большого числа семей, мы рассчитывали, что уровень информированности о них будет весьма высоким. Однако характер ответных реакций был еще не вполне ясен.

Объектом нашего исследования выступало население — мужчины и женщины — репродуктивных возрастов. Причем мы дополнительно сузили возрастные границы репродуктивного периода, ограничив анализ группой женщин в возрасте 20–39 лет и мужчин, имеющих партнершу этого возраста. Группа 18–19-летних респондентов участвовала в предварительном анализе и при построении индексов, характеризующих отношение к политике. Но из регрессионного анализа эта группа была исключена, поскольку предварительное изучение данных показало, что в ней, с одной стороны, лишь единицы знают о новых мерах поддержки семей с детьми, а с другой — чрезвычайно оптимистичны ожидания влияния этой политики на рождаемость в стране и личные репродуктивные планы. Можно предположить, что позитивные оценки политики у самых молодых респондентов неустойчивы и связаны не столько с пониманием предложенных мер, сколько с общим опти-

мизмом в восприятии жизни. К тому же как в возрасте моложе 20 лет, так и среди тех, кому за 40, рождения относительно редки. Учитывая ориентацию демографической политики на поощрение вторых и последующих рождений, из рассмотрения были также исключены пары, которые по состоянию здоровья не могут иметь детей, и те, кто, согласно ответам о желаемом числе детей, считает бездетность предпочтительным состоянием. Характеристики выборочной совокупности представлены в *табл. 1 Приложения*.

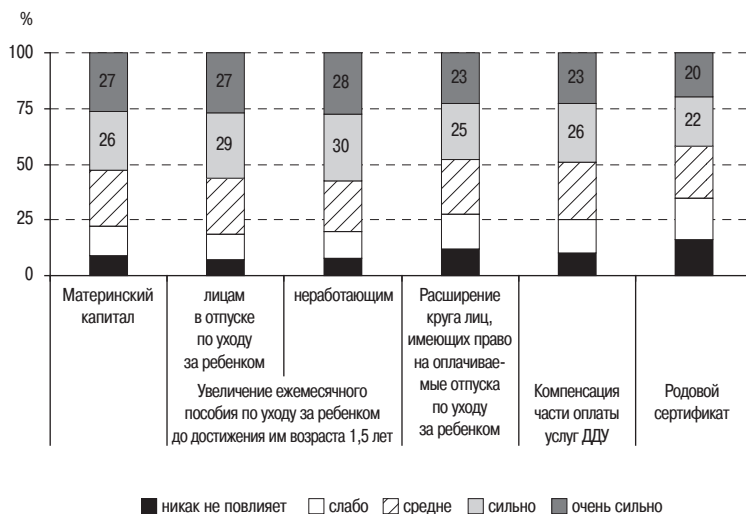
РидМиЖ–2007 позволяет проводить анализ отношения населения к предлагаемым мерам демографической политики и их возможного влияния на будущую рождаемость на нескольких уровнях, изучая:

- 1) «общее отношение к политике» — оценки воздействия отдельных мер политики на рождаемость в стране в целом;
- 2) «влияние политики на личные планы» — оценки силы воздействия того же набора мер политики на личные репродуктивные планы;
- 3) «характер изменений в личном репродуктивном поведении» — оценки направлений возможных изменений в рождаемости (следование прежним планам, сдвиг календаря рождений, увеличение числа рождений) тех респондентов, которые ответили, что проводимая политика положительно скажется на их будущем репродуктивном поведении;
- 4) «влияние иных, помимо принятых, мер политики на личные планы» — оценки силы воздействия, которое могли бы оказать на репродуктивные планы опрошенных трудоспособных возрастов меры политики, связанные с поддержкой занятости работающих матерей, будь они введены в действие.

Рассмотрим более детально операционализацию и измерение этих показателей отношения к семейной политике в нашем исследовании.

Общее отношение к политике. В рамках обследования респонденты отвечали на вопрос: *«В настоящее время правительство реализует программу по повышению рождаемости в России. Оцените, пожалуйста, по 5-балльной шкале, на Ваш взгляд, в какой степени на уровень рождаемости в России повлияют следующие меры...»*, оценивая по шкале от *«совсем не повлияет»* до *«очень сильно повлияет»* шесть новых мер поддержки семей с детьми. Эти меры включали материнский капитал, увеличение ежемесячного пособия по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет лицам в оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком, а также не работающим женщинам, родовой сертификат; льготы, субсидии на оплату услуг детских дошкольных учреждений (ДДУ), предоставление оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком до 1,5 лет не только матери, но и другим членам семьи.

Распределение респондентов по оценке влияния различных мер семейной политики, в %

Примечание: здесь и далее, если не указано иное, выборка включает женщин до 40 лет и мужчин с партнершами до 40 лет.

По ответам опрошенных наиболее сильное влияние на рождаемость в стране в целом окажет увеличение размера пособия по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет находящимся в отпуске и неработающим (рис. 1). Незначительно отстают от них оценки результативности материнского капитала, льгот и субсидий на оплату услуг ДДУ. Относительно низкая оценка влияния на уровень рождаемости характерна лишь для родового сертификата, по-видимому, из-за того, что с этой мерой знакомы немногие опрошенные. Однако в целом оценки результативности отдельных мер текущей политики поддержки семей с детьми очень согласованы³, что позволяет использовать в дальнейшем анализе индекс, обобщающий отношение респондентов ко всему комплексу мер политики⁴.

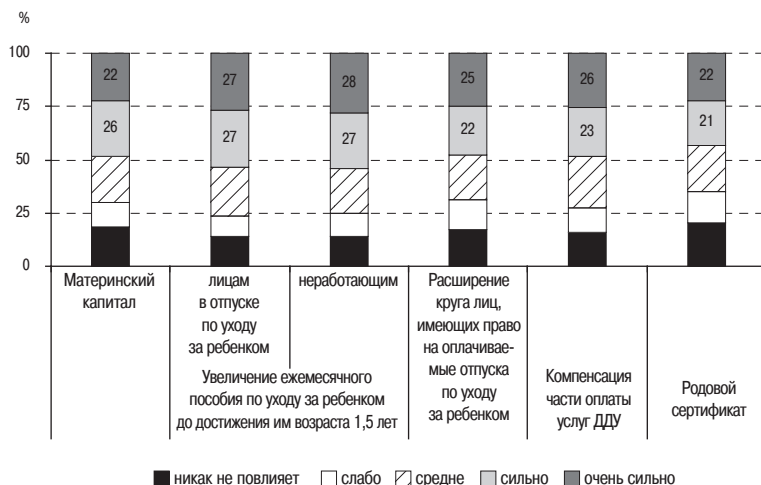
Влияние политики на личные планы. Для изучения отношения респондентов к отдельным мерам поддержки семей с детьми с точки зрения влияния на их личные репродуктивные планы использовался вопрос:

³ Показатель альфа Кронбаха, оценивающий согласованность компонентов шкалы в пределах от 0 до 1, составляет 0,93.

⁴ Индекс получен суммированием оценок по отдельным мерам и нормирован (пропущенные значения трактовались как «нулевые», т.е. отсутствие влияния или изменений в поведении).

Рисунок 2

Оценка респондентами влияния различных мер семейной политики на их личные планы иметь или не иметь детей, в % от числа опрошенных

«А на Ваши личные планы иметь или не иметь (еще) детей в какой степени повлияют следующие меры...», к которому предлагалась та же 5-балльная шкала и тот же перечень закрытий, что и в вопросе об оценках влияния семейной политики на рождаемость в стране. Полученные при этом оценки очень близки к тому, как опрошенные оценивают влияние этих мер на рождаемость в стране (рис. 2). На первом месте остается увеличение пособия по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет. Далее идут компенсация части оплаты услуг ДДУ, материнский капитал и предоставление оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком не только матери, но и другим членам семьи. Замыкает список родовой сертификат. Высокая согласованность оценок по отдельным мерам позволяет нам и в этом случае перейти к индексу, обобщающему мнение респондента о влиянии мер политики на его репродуктивные планы⁵.

Отметим, что столь сильное совпадение в оценках эффекта различных программ может отражать как некоторые слабости и ограничения инструментария (известен эффект усиления согласованности ответов на похожие вопросы, выстроенные в батарею), так и то, что в современной России барьеры для рождения ребенка настолько многообразны и высоки, что люди затрудняются выделить какой-то один,

⁵ Показатель альфа Кронбаха составляет 0,95. Принципы построения индекса такие же, как и в предыдущем случае.

более значимый, фактор. Так, например, введение дорогостоящей меры — материнского капитала — очевидно, не может решить всех материальных трудностей, с которыми сталкивается семья при рождении и воспитании детей и, соответственно, стимулировать появление в ней новых детей. Семьям с детьми разного возраста требуются различные инструменты: пособия, пока дети еще маленькие, субсидии на оплату дошкольных учреждений, когда они подрастут, материнский капитал для общего улучшения уровня жизни семей с детьми. Многое из того, что еще требуется семьям, особенно с детьми старше 1,5 лет, для поддержания их уровня жизни, осталось за рамками новых государственных инициатив. Именно поэтому связь между мерами материальной поддержки семей с детьми и динамикой рождаемости вряд ли будет однозначной. Похожая картина наблюдается в ответах жителей Восточной Европы, которые значительно чаще, чем жители Западной Европы называют в качестве очень важных факторов рождаемости и экономическое положение семьи, и ситуацию с занятостью родителей, и здоровье, и поддержку партнера, и доступность услуг по уходу за детьми [Gauthier, Philippon, 2008: 6–7].

Характер изменений в личном репродуктивном поведении изучался на основе ответов на вопрос анкеты: «Как эти меры, о которых мы говорили выше, скажутся на Вашем поведении?», предполагавший четыре возможных варианта ответа: «Вы заведете столько же детей, сколько и хотели, но раньше, чем планировали», «Вы, возможно, заведете больше детей, чем планировали», «Вы обязательно заведете больше детей, чем планировали» и «Никак не скажутся: Вы будете следовать прежним намерениям, сколько и когда заводить детей». Выбор одного из первых трех вариантов ответов означал, что новые меры в семейной политике в целом приведут к некоторому изменению репродуктивного поведения респондента. При этом первое закрытие отражало ситуацию изменения календаря рождений, а второе и третье — разную степень готовности опрошенного изменить итоговое число рождений. В регрессионном анализе второй и третий варианты ответов были объединены в одну категорию «заведут больше (детей)».

Влияние иных, помимо принятых, мер политики на личные планы. Помимо перечисленных выше вопросов в обследовании РидМиЖ–2007 задавался вопрос о том, как на личные репродуктивные планы могли бы повлиять меры, облегчающие женщинам с детьми совмещение воспитания ребенка и оплачиваемой занятости: «В какой степени на Ваши личные планы иметь или не иметь (еще) детей могли бы повлиять...». В этом вопросе использовалась та же 5-балльная шкала оценок и следующие варианты закрытий: «возможность работать — при полной занятости — по гибкому рабочему графику для работников, имеющих детей»; «возмож-

ность работать неполное рабочее время»; «возможность работать на дому, дистанционно»; «расширение сети яслей для детей до 3 лет»; «увеличение доступности услуг нянь по уходу за детьми в возрасте до 3 лет»; «расширение сети детских садов и других дошкольных учреждений для детей старше 3 лет»; «увеличение доступности услуг нянь, воспитателей по уходу за детьми в возрасте старше 3 лет» и «группы продленного дня, школы полного дня, школьные кружки и секции для младших школьников». Оценки значимости отдельных мер высоко согласованы, поэтому в дальнейшем анализе использован индекс, обобщающий отношение к подобному направлению в политике в целом⁶.

Чтобы изучить факторы, влияющие на отношение населения к различным мерам поддержки семей с детьми и на готовность как-либо изменить собственное репродуктивное поведение, мы оценили набор логистических регрессий, бинарных и мультиномиальных. Набор объясняющих переменных был в основном общим для разных моделей и включал следующие показатели:

- социально-экономические характеристики респондента и его домохозяйства (уровень образования и занятость респондента, душевой доход домохозяйства, а также — для респондентов с партнером и хотя бы одним ребенком — занятость партнера и доступ к институциональным услугам по уходу за детьми);
- субъективные установки и ценностные ориентации в сфере репродуктивного поведения (репродуктивные намерения, желаемое число детей, отношение к занятости женщины с ребенком дошкольного возраста⁷, ожидание помощи в уходе и воспитании детей от государства⁸);
- ряд контролируемых параметров, многие из которых характеризуют этап жизненного цикла респондента (пол, возраст, брачно-партнерский статус, очередность предполагаемого рождения, а также — для респондентов с детьми — возраст младшего ребенка).

Учитывая, что такие меры, как повышение пособий на детей или введение материнского капитала призваны компенсировать часть затрат, связанных с воспитанием детей, мы рассчитывали, что реакция на них в виде большей готовности изменить репродуктивное поведение будет сильнее среди менее обеспеченных респондентов. Напротив,

⁶ Показатель альфа Кронбаха составляет 0,97.

⁷ Оценивалось на основе степени согласия респондента со следующим утверждением: «Для ребенка дошкольного возраста обычно плохо, если его мать работает».

⁸ Эти представления измерялись на основе ответов на вопрос, кто, по мнению респондента, — общество (государство) или семья должен «заботиться о детях дошкольного возраста».

возможное принятие мер, направленных на преодоление конфликта между занятостью и материнством, должно быть больше интересно женщинам, чем мужчинам, работающим и более образованным женщинам, по сравнению с неработающими и менее образованными, поскольку в случае рождения ребенка потери первых в личных доходах и человеческом капитале выше, чем вторых.

Включение в состав объясняющих переменных переменной, характеризующей намерение респондента завести (еще) ребенка в ближайшие 3 года, требует дополнительных комментариев. В вопроснике РИДМЖ–2007 вопросы о намерениях предшествовали вопросам об эффекте семейной и демографической политики, от которых их отделяло три раздела анкеты. Тем не менее нельзя исключать возможную эндогенность показателей репродуктивных намерений и оценки политики. Действительно, в репродуктивных намерениях 2007 г. уже могут быть учтены потенциальные выгоды семьи от новаций в семейной политике. Чтобы справиться с этой проблемой, мы вначале на панельных данных подтвердили положительное влияние намерений родить ребенка в 2005–2008 гг., выраженное респондентами в первой волне обследования РИДМЖ 2004 г. на отношение к семейной политике по ответам РИДМЖ–2007. Затем, чтобы не терять часть наблюдений из-за меньшего размера панельной выборки, мы оценили влияние факторов на вероятность откликнуться на текущую семейную политику отдельно для двух подгрупп респондентов, намеренных и не намеренных в будущем иметь детей.

Для того чтобы выявить факторы, связанные с готовностью респондента как-либо изменить репродуктивное поведение в ответ на предложенные меры поддержки семей с детьми, в том числе отдельно для групп опрошенных с разными репродуктивными намерениями, мы применили модели бинарной логистической регрессии. Зависимая переменная — «респондент изменит или не изменит свои репродуктивные планы в ответ на текущую демографическую политику» — принимала значение 1, если опрошенный был готов родить ребенка раньше или родить больше детей, чем планировал до введения указанных мер.

Факторы, влияющие на то, каким образом респондент предполагает отреагировать на меры финансовой поддержки семей с детьми, были установлены с помощью модели мультиномиальной логистической регрессии. Зависимой переменной выступила ожидаемая реакция на меры стимулирования рождаемости (намерение родить раньше либо больше детей, чем планировалось, по сравнению с теми, кто не предполагает изменять свои репродуктивные планы). С целью уточнения

эффектов отдельных параметров тестировались также дополнительные спецификации моделей.

Наконец, обратившись к общим оценкам возможности влияния политики на личные репродуктивные планы, мы сопоставили характеристики групп населения, которые, скорее всего, откликнутся на стимулирующие меры в рамках 1) политики финансовой поддержки и 2) политики поддержки работающих матерей. Были оценены две модели бинарной логистической регрессии с зависимыми переменными «повлияют/не повлияют ли на личные репродуктивные планы меры реализуемой в настоящий момент демографической политики» и «повлияют/не повлияют ли на личные репродуктивные планы меры политики поддержки занятости женщин с детьми». Расчет был проведен для группы, наиболее важной с точки зрения политики повышения рождаемости, — для респондентов 20–39 лет, проживающих вместе с партнером и детьми.

Что показал анализ?

Что знает население о новой семейной политике и кто будет поднимать рождаемость?

Динамика показателей рождаемости в 2007–2008 гг. свидетельствовала о том, что население откликнулось на предложенные государством меры поддержки семей с детьми ростом вторых рождений [Захаров, 2008]. Однако сравнение репродуктивных намерений женщин в обследованиях РиДМиЖ 2004 и 2007 гг. значимого прироста желающих родить ребенка не выявило [Синявская и др., 2009]. С чем это может быть связано?

Одно из возможных объяснений кроется в низкой осведомленности людей о том, что им предлагает государство. Почти треть (29%) опрошенных ничего не слышали о демографической программе государства и новых мерах поддержки семей с детьми. Пятая часть респондентов имела слабое представление о действиях государства. В результате, половина населения, по сути, оказалось не в курсе принимаемых мер. Тогда как хорошая осведомленность наблюдалась у менее чем четверти опрошенных (23%).

Безусловно, как и в случае с другими инициативами государства, о его действиях в сфере семейной политики лучше знают более образованные и более обеспеченные респонденты средних лет (*табл. 1*). Самый высокий уровень информированности о демографической программе государства наблюдается у лиц 30–39 лет, имеющих высшее образование и доходы не ниже средних. Причем влияние уровня образования оказывается наиболее дифференцирующим. Именно в этой

**Доли респондентов, имеющих хорошую и плохую осведомленность
о демографической программе государства, в разрезе возраста и уровня дохода
домохозяйства, %**

Осведомленность о демографической программе государ- ства	Характеристики респондента					
	Возраст					
	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40 и старше
Ничего не слышал	38,6	33,2	30,0	27,8	23,7	28,2
Хорошо знаю	16,5	22,0	22,6	23,9	24,0	21,4
	Уровень образования					
	Нет среднего общего	Сред- нее общее	Начальное профессио- нальное	Среднее профессио- нальное	Высшее, вкл. Незавершенное	
	Ничего не слышал	50,7	30,8	38,7	26,4	19,7
Хорошо знаю	8,4	21,2	12,2	22,9	33,0	
	Квintильные группы по душевому доходу					
	1	2	3	4	5	
	Ничего не слышал	32,9	25,8	26,9	27,6	27,8
Хорошо знаю	18,9	20,6	24,0	25,0	25,7	

Примечание: здесь и далее, если не указано иное, выборка включает женщин до 40 лет и мужчин с партнершами до 40 лет.

группе можно ожидать осознанную, рационализированную реакцию на усиление государственной поддержки семей с детьми.

В результате, в год старта новых мер семейной политики лишь менее трети опрошенных считало, что государство стало уделять больше внимания проблемам семей с детьми и занятости матерей (табл. 2). Пятая же часть, напротив, отметила сокращение государственной поддержки семей с детьми. Еще хуже обстоит дело с отношением населения к действиям государства в сфере дошкольного воспитания: лишь каждый пятый опрошенный заметил усиление активности государства к этому вопросу, тогда как каждый четвертый придерживается обратного мнения. Таким образом, в представлениях людей проблемы семьи даже в 2007 г. не находились в фокусе внимания государства.

По-видимому, подобные оценки имеют под собой два основания. Во-первых, государство, действительно, слишком долго забывало о проблемах семей с детьми. Материальная поддержка этой категории российских семей непрерывно сокращалась, что отражалось в усилении рисков бедности семей с детьми [Овчарова и др., 2007]. Именно поэтому принятие новых мер семейной политики, с одной стороны, не могло

Таблица 2

Распределение респондентов по их представлениям о том, как изменилось внимание государства к проблемам семьи и детей, в разрезе возраста и уровня душевого дохода домохозяйства, в %

Характеристика респондента		В 2004–2007 гг. правительство стало уделять (больше, меньше, столько же) внимания...			
		проблемам семей с детьми, занятости матерей		системе дошкольного воспитания	
		меньше	больше	меньше	больше
Возраст респондента	18–19	20,6	36,5	22,7	25,8
	20–24	17,7	35,8	19,6	21,5
	25–29	20,9	32,0	27,3	20,1
	30–34	22,5	27,8	27,2	19,5
	35–39	23,6	30,9	28,2	19,8
	40 и старше	26,1	27,8	30,5	18,6
Квинтильные группы по душевому доходу	1	27,1	28,3	26,2	20,4
	2	21,7	31,3	25,4	19,1
	3	18,6	33,3	24,1	20,6
	4	20,3	31,9	29,8	21,3
	5	20,6	31,5	27,8	20,9
Всего		22,0	31,2	26,3	20,3

сразу переломить ситуацию в уровне жизни семей с детьми⁹, а с другой — воспринималось населением как своего рода возврат долгов.

Положительные оценки усилий государства в сфере поддержки семей с детьми растут вместе с осведомленностью людей о том, что нового происходит в сфере семейной политики, а также, по-видимому, обратно зависят от рисков и глубины бедности домохозяйств. Несмотря на то что предложенные меры семейной политики прежде всего призваны компенсировать затраты на детей в бедных домохозяйствах, именно там, скорее всего, накопилось больше всего претензий к государству.

Несмотря на столь скептическое отношение к деятельности государства в области поддержки семей с детьми, общие оценки возможного влияния новых мер семейной политики на рождаемость в стране весьма оптимистичны. Почти 70% опрошенных считают, что в ре-

⁹ Исследования показывают, что меры финансовой поддержки начинают воздействовать на репродуктивное поведение семей, лишь когда их размер составляет не менее 10% от семейного дохода. Поэтому есть основания ожидать, что на новые меры поддержки прежде всего откликнутся бедные семьи (так, у бедных семей с детьми доля пособий на детей до 1,5 лет в душевых доходах в 2007 г. уже достигала 25%, тогда как у всех семей-получателей — только 11%). В то же время ограничение максимального размера пособий существенно снижает его эффективность в отношении женщин с высоким уровнем доходов. Подробнее см.: [Овчарова, Пишняк, 2007].

зультате рождаемость в России вырастет. В том числе, более трети респондентов (37%) ожидают значительного воздействия на уровень рождаемости.

Однако отразятся ли предложенные меры на будущем репродуктивном поведении самих опрошенных? Насколько важна государственная поддержка для них? Обращение к личным планам дает возможность сделать более достоверный прогноз влияния мер политики на репродуктивное поведение населения, поскольку они в большей степени отражают реальное отношение людей к политике, чем общие оценки изменений в стране.

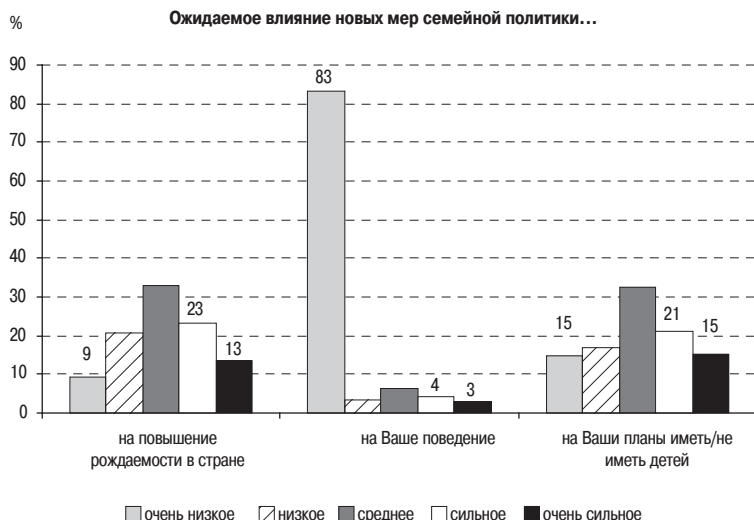
Наши результаты позволяют утверждать о существовании заметного несоответствия между отношением к политике в целом и ожидаемым воздействием на личное репродуктивное поведение. Несмотря на позитивную оценку предложенных мер по повышению рождаемости, свыше 80% целевой группы демографической программы заявили, что меры правительственной программы *никак* не скажутся на их собственном репродуктивном поведении. Таким образом, результативность политики, преломляющаяся через ее влияние на личные планы людей, выглядит намного слабее по сравнению с тем, что думают опрошенные о ее влиянии на рождаемость в целом. По сути, ответы продиктованы принципом: «повышение рождаемости — это, конечно, правильно, но пусть рожают другие». Более того, даже среди тех респондентов (19%), которые готовы или ускорить рождение или увеличить итоговое количество детей под воздействием новой политики, 15% отрицают влияние отдельных мер политики на собственные репродуктивные планы (рис. 3).

Представляется, что здесь мы сталкиваемся с очень высокими патерналистскими ожиданиями населения, склонного винить в проблемах демографического развития государство; оно же должно эти проблемы решать. Весьма характерны в этой связи высказывания людей о причинах низкой рождаемости, прозвучавшие на фокус-группах, проведенных С.А. Белановским в 2006 г. [Белановский, 2006]:

Мне не понятно, почему государство с себя снимает всякую ответственность... Программы надо было вовремя проводить на увеличение рождаемости, чтобы выправлять демографическую ситуацию в стране [выделено нами. — Е.Г., О.С.] (женщина, 26 лет, высшее образование, г. Москва).

Я считаю, что это просчет государства, что сейчас десять человек кормят шестерых. Где же они раньше были, почему не стимулировали у нас рождаемость, чтобы десять кормили одного. Рожали мы по личной инициативе. Это просчет государства, и они сами должны выходить из этой ситуации... [выделено нами. — О.С., Е.Г.] (женщина, 37 лет, среднее специальное образование, г. Москва).

Распределение респондентов по интегральным оценкам воздействия проводимой семейной политики на рождаемость в целом и на личные репродуктивные планы, в %

Личная готовность реагировать на политику прежде всего связана с характером репродуктивных намерений. Учитывая отмеченную выше проблему эндогенности, мы проанализировали факторы, определяющие отношение к новым мерам поддержки семей с детьми, отдельно для тех, кто собирается в ближайшие три года завести ребенка (61%), и тех, кто не планирует делать этого (39%) (табл. 2 Приложения).

Для тех, кто собирается в дальнейшем иметь (еще) детей, значимыми параметрами, увеличивающими вероятность откликнуться на проводимую демографическую политику, оказались лишь возраст (25–29 и особенно до 25 лет) и представление о том, что государство должно заботиться о детях дошкольного возраста.

Набор значимых параметров для тех, кто не планировал родить ребенка в 2007–2010 гг., оказался несколько шире. В него, помимо возраста респондента и представлений о роли государства в воспитании дошкольников, вошли также число уже рожденных детей, желаемое число детей, доходы домохозяйства и занятость самого респондента.

По-прежнему наибольший отклик действия государства находят в сердцах наиболее молодых (20–24 года) респондентов. Причем эффект возраста в этом случае оказался еще сильнее, чем в группе тех, кто планирует рождение ребенка в достаточно близкой перспективе. Кроме того, изменить свое репродуктивное поведение каким-либо образом

под влиянием новых мер поддержки семей готовы те, у кого еще нет детей, или – но в меньшей степени – те, у кого уже имеется один ребенок. Видно, что предложенные меры государственной семейной политики окажутся в некоторой степени действенными в отношении рождения второго ребенка, но вряд ли повлияют на увеличение числа третьих и последующих рождений. Вместе с тем, представители этой группы явно ощущают то, что новые меры облегчают рождение детей, прежде всего, за счет некоторого снижения затрат, связанных с их рождением. Не случайно, вероятность изменить репродуктивное поведение выше у тех, кто ориентирован на многодетность (4 и более детей), имеет средние или немного выше среднего доходы (3 и 4 квинтили), а также неработающих респондентов (главным образом, неработающих женщин). Таким образом, произошедшее усиление семейной политики может привести к пересмотру репродуктивных намерений в сторону более раннего рождения ребенка у респондентов, менее ориентированных на карьеру, но больше – на семью с несколькими детьми.

Однако, учитывая, что в категории не планирующих рождение ребенка в ближайшие три года много молодых и бездетных респондентов, понятно, что для того чтобы цели повышения рождаемости были достигнуты, новый курс семейной политики должен быть весьма продолжительным во времени. В противном случае эти респонденты, скорее всего, реализуют лишь первые рождения.

Как именно население готово откликнуться на политику?

Для того чтобы ответить на вопрос, помогут ли предложенные государством инновации в области поддержки семей с детьми повысить рождаемость в длительной перспективе, или же они опять приведут лишь к кратковременному нарушению календаря рождений, следует сделать еще один шаг вперед. Проанализируем не просто готовность опрошенных изменить свои репродуктивные планы, а то, в каком направлении они собираются их менять:

- изменить только календарь рождений (респонденты заведут столько же детей, сколько и хотели, но раньше, чем планировали);
- изменить итоговую рождаемость (респонденты, возможно или обязательно, заведут больше детей, чем планировали).

Подчеркнем, что речь в данном случае идет лишь о намерениях мужчин и женщин, которые, естественно, могут не совпадать с их последующими реальными действиями. Однако анализ таких намерений можно считать хорошей возможностью понять, достигла ли предложенная политика своего адресата, и как, возможно, будет меняться уровень рождаемости в стране под влиянием проводимой семейной политики. Так, анализ реализации репродуктивных намерений на панельных дан-

ных РидМиЖ показал, что в течение 3 лет рождения происходят у примерно каждой пятой женщины, выразившей общее желание завести (еще одного) ребенка, и у 40% тех, кто собирался сделать это в течение указанного периода [Синявская, Тындик, 2009]. При этом твердое нежелание иметь детей, как правило, означает и отсутствие рождений.

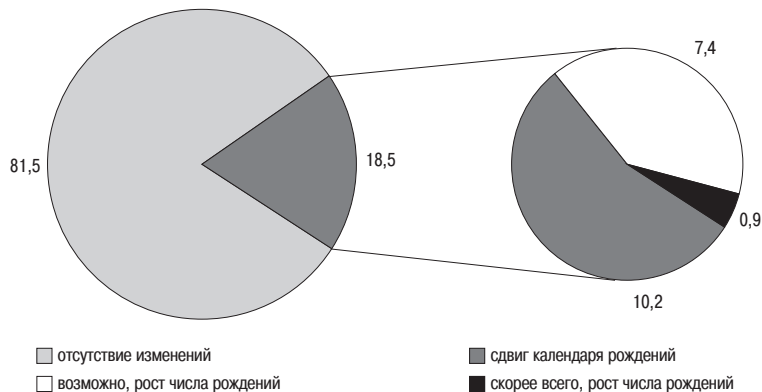
Как мы уже видели выше, респонденты основных репродуктивных возрастов настроены крайне осторожно: четверо из пяти утверждают, что предлагаемые меры никак не скажутся на их репродуктивном поведении (рис. 4). Небольшая группа лиц, готовых изменить свои планы, делится почти пополам на тех, кто собирается лишь ускорить рождение запланированного числа детей, и тех, кто подумывает о рождении большего числа детей. В итоге, о возможности увеличить итоговое число детей говорят лишь 8% адресатов семейной политики, из них менее 1% выражает твердую уверенность в возможности увеличения числа рождений.

Таким образом, исходя из этих оценок, мы можем предположить, что за ростом уровня рождаемости в первые годы реализации новых мер семейной политики последует его спад, поскольку будущие рождения просто сместятся на более ранние даты. Приведет ли политика к росту рождаемости в реальных поколениях, на основе лишь одной точки замера оценок населения сказать трудно, но, скорее всего, этого не произойдет, поскольку — в отсутствие новых инициатив — лишь небольшая доля опрошенных, действительно, готова пойти на увеличение числа рождений.

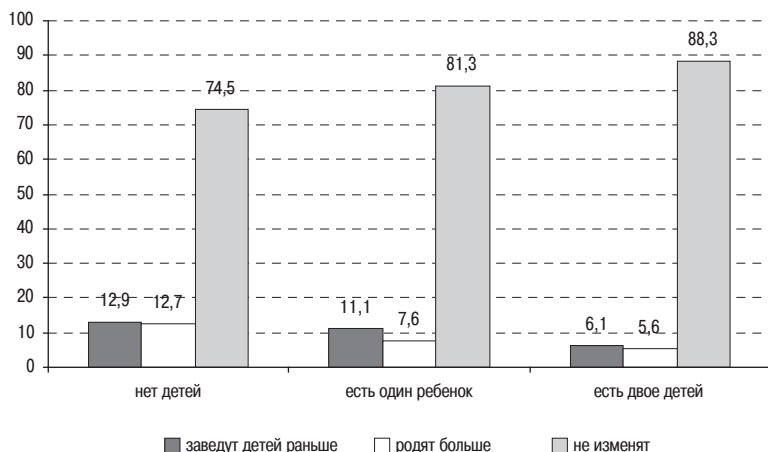
Проводимая политика поддержки семей с детьми нацелена на увеличение числа вторых и последующих рождений. Можно ли, опираясь на намерения респондентов, изменить их репродуктивные планы, говорить о том, что предложенные меры действительно способны сти-

Рисунок 4

Распределение респондентов по оценкам возможных реакций на меры проводимой семейной политики, в %

Распределение респондентов по готовности изменить репродуктивные планы в ответ на меры проводимой семейной политики в разрезе числа имеющихся детей, в %

мулировать рождения более высоких порядков? На первый взгляд, это маловероятно: охотнее других готовы откликнуться на проводимую политику те респонденты, у кого еще нет детей. Это относится как к планам передвинуть рождение ребенка на более ранний срок, так и к планам увеличить число детей (рис. 5)¹⁰.

Однако сохраняются ли эти различия при контроле основных социально-экономических и субъективных характеристик (табл. 3 Приложения)? Анализ коэффициентов в модели мультиномиальной логистической регрессии свидетельствует в пользу первоначально выдвинутой гипотезы о том, что предложенные меры поддержки семей с детьми приведут прежде всего к смещению календаря рождений. По сравнению с теми, кто не собирается менять свое поведение в ответ на новую политику государства, родить ребенка раньше готовы респонденты моложе 35 лет, с доходами ниже верхних 20%, ориентированные на многодетность (хотели бы иметь 3-х и более детей) и считающие, что забота о детях дошкольного возраста — задача, прежде всего государства. Эти же респонденты говорят о своем желании родить ребенка в течение ближайших трех лет или позднее.

Отдельных комментариев требует на первый взгляд странный эффект брачно-партнерского статуса на желание изменить календарь рождений.

¹⁰ Отметим, что даже среди тех, кто говорит о намерении отреагировать на меры семейной политики, 14–17% не планируют (больше) иметь детей. Наличие подобных расхождений свидетельствует о недостаточной продуманности репродуктивных намерений населения.

Анализ моделей отдельно для мужчин и женщин показал, что воздействие брачно-партнерского статуса на оценки влияния политики на репродуктивные планы дифференцировано по полу и связано со спецификой смены партнерских состояний на различных этапах жизненного цикла. Брачно-партнерский статус не привносит статистически значимых различий в репродуктивные планы мужчин. А вот для женщин отмечены существенные различия: вероятность изменить намерения выше среди тех, кто еще не состоит в браке. Таким образом, согласно ответам самих респондентов, меры материальной поддержки семей с детьми сильнее всего могут повлиять на репродуктивные намерения женщин, еще не состоящих в браке, и выразятся в первую очередь в попытках ускорить рождение первенца. Именно поэтому для населения важна стабильность, предсказуемость семейной политики. Как видим, наиболее «податливы» к ее стимулирующему воздействию те, кто только формирует репродуктивные планы и готовится вступить в брак и начать их реализацию. При этом они — в случае удачного вступления в брак, — скорее всего, начнут рожать детей раньше, чем стали бы в отсутствие мер материальной поддержки от государства.

Достижение предпочтительного результата семейной политики, т.е. появление планов родить больше детей, чем изначально предполагалось, зависит в основном от нематериальных факторов, таких как репродуктивные намерения, представления о желаемом числе детей и склонность ожидать решения проблем ухода за детьми со стороны государства. Интересно, что, хотя многие меры семейной политики адресованы — прямо или косвенно — женщинам, желание увеличить число детей характерно в первую очередь для мужчин. Рождение большего числа детей, чем планировалось, наиболее вероятно для возрастной группы 20–29 лет и для лиц, желающих иметь трех и более детей. Низкие доходы (1-й квинтиль) выступают препятствием для потенциального увеличения рождаемости.

Вместе с тем, следует подчеркнуть высокую степень условности анализа потенциальных изменений в репродуктивном поведении населения на основе вопросов, предполагающих двойную прожективность. Опрошенные формулируют планы в отношении рождения детей, а затем заявляют о своей готовности или не готовности изменить эти планы под влиянием только что вступивших в силу новых мер семейной политики. Кроме того, для некоторых из них реализация этих планов, как и желания изменить планы упирается в отсутствие партнера. В результате, представляемый вниманию читателя анализ позволяет наметить векторы возможных изменений, но его выводы могут расходиться с фактическими тенденциями в поведении населения, особенно на коротких интервалах времени. Так, по данным статистики, в 2007–2008 гг. вероятность рождения первенца в среднем не повысилась, а увеличение коэффициентов рождаемости у женщин в возрасте до 25 лет было крайне незначительным.

Различия в зависимости от «потребности в детях»

Как утверждается в работе В.Н. Архангельского, обобщающей опыт множества советских и российских исследований, социально-экономические различия в репродуктивном поведении необходимо изучать в подгруппах, однородных с точки зрения потребности в детях [Архангельский, 2006: 149–153]. При этом предполагается, что эффекты таких параметров, как уровень образования, доход или занятость, будут различаться в зависимости от потребности в детях (желаемого числа детей). Для проверки этой гипотезы мы оценили модель эффектов текущей демографической политики для трех подгрупп респондентов: ориентированных на рождение одного, двоих и троих и более детей (соответственно 17%, 58% и 22% выборки).

Как показывают результаты, данная гипотеза подтверждается лишь отчасти: набор работающих предикторов для вероятности родить ребенка, действительно, несколько различается в группах с разным желаемым числом детей. Так, в подгруппе желающих ограничиться рождением одного ребенка вероятность родить раньше, чем планировалось, оказывается выше для тех, кто имеет партнера вне домохозяйства или живет вместе с партнером, не регистрируя отношения, и собирается родить в ближайшие годы. В подгруппе ориентированных на двудетность набор значимых факторов шире: вероятность родить раньше повышается у лиц в возрасте до 29 лет, наименее обеспеченных (1-й квинтиль по уровню душевого дохода), намеренных в будущем иметь детей и ожидающих активного участия государства в воспитании дошкольников. Наконец, у предпочитающих многодетность готовность ускорить рождение ребенка положительно связана с намерениями родить ребенка, особенно в течение ближайших трех лет, а также с молодым возрастом (20–24 года) и средним уровнем дохода (3-й квинтиль по сравнению с 5-м).

Применительно к вероятности родить больше детей, чем планировалось, учет расхождений в желаемом числе детей дает следующие результаты. Среди ориентированных на однодетность, вероятность родить больше (то есть, возможно, родить двух детей) повышается для представителей молодых возрастов (очень сильно — для 20–24-летних), имеющих начальное профессиональное образование, низкие либо средние доходы (1 и 3-й квинтили), скорее негативно относящихся к занятости женщин с маленькими детьми, намеренных в ближайшем будущем родить ребенка и ожидающих поддержки от государства в воспитании дошкольников. При этом только в этой подгруппе незначимым оказывается показатель репродуктивных намерений. В группе лиц, которые хотели бы иметь двоих детей, готовность увеличить число рождений по сравнению с прежними планами ниже у тех, кто состоит в браке, по сравнению с респондентами без партнера, и, напротив, выше

у в принципе готовых пойти на рождение еще одного ребенка. Наконец, у тех, кто ориентируется на семью с тремя и более детьми, вероятность родить больше наиболее высока у 25–29-летних и положительно зависит от ожидания активной государственной поддержки в воспитании маленьких детей и намерений родить ребенка в ближайшие три года; кроме того, шансы такого отклика выше у мужчин.

Тем не менее сказать, что разделение респондентов на подвыборки с однородными предпочтениями в отношении желаемого числа детей существенно прояснило ситуацию со связью между репродуктивным поведением и социально-экономическими характеристиками нельзя. Так, эффект занятости респондента практически не меняется в выборках с разным желаемым числом детей и везде статистически не значим, так же, как не значим он и в модели на объединенной выборке. Влияние дохода на декларируемую готовность изменить репродуктивное поведение остается примерно таким же в рамках однородных по предпочтениям группах, как и для всей совокупности респондентов, но из-за ограниченного числа наблюдений в подвыборках становится менее значимым.

Различия по уровню образования относительно легко поддаются интерпретации лишь в случае, если респонденты предпочитают ограничиться рождением одного или двух детей. В группе, предпочитающих семью с одним ребенком, эффект откладывания рождения первенца отчетливо проявляется среди тех, кто имеет высшее образование. По сравнению с наиболее образованными практически все остальные опрошенные готовы ускорить переход к родительству под влиянием новой семейной политики, в том числе различия между высшим и средним специальным образованием статистически значимые. Аналогично, менее образованные респонденты, изначально ориентированные на семью с одним ребенком, чаще, чем наиболее образованные, утверждают, что они готовы родить больше детей, чем собирались до того, как вступили в силу новые меры поддержки семей с детьми. С определенной осторожностью, поскольку мы имеем дело с субъективными и перспективными оценками самих опрошенных, можно сказать, что в подгруппе лиц, предпочитающих однодетную семью, реализуемая политика вряд ли повлияет на репродуктивное поведение населения с высшим образованием или ориентированных на его получение.

Напротив, в наиболее многочисленной категории респондентов, ориентированных на семью с двумя детьми, наиболее образованные чаще других групп утверждают, что готовы как ускорить рождение ребенка, так и пойти на рождение большего числа детей. Поскольку в представленной спецификации модели отсутствует взаимодействие между имеющимся числом детей и образованием, однозначно говорить

о том, что мы имеем дело с ускорением отложенных вторых рождений, конечно, нельзя. Но гипотезу такую выдвинуть можно.

Завершая обсуждение данного вопроса, отметим, что отчасти нечеткость полученных результатов связана с недостаточно большим числом наблюдений; отчасти — с неустойчивостью оценок, основанных лишь на заявлениях опрошенных, как, по их мнению, изменится их репродуктивное поведение в будущем под влиянием новых мер поддержки семей с детьми. Но следует также подчеркнуть, что и выделенные группы можно лишь с изрядной условностью считать однородными по предпочтениям. Предпочтения в том смысле, который вкладывал в них Г. Беккер [Becker, 1991] и его последователи, включают в себя не только некоторое идеальное (даже не желаемое!) число детей, но и представления о «качестве» детей, или, упрощая, в том уровне расходов, на которые готовы пойти семьи, чтобы воспитать ребенка с определенными характеристиками — уровнем образования, общей культуры и пр. В рамках данного проекта мы существенно упростили ситуацию, работая только с показателем желаемого числа детей. Наконец, и он не свободен до конца от обозначенной ранее проблемы эндогенности. И хотя мы предполагаем, что предпочтения меняются намного медленнее конкретных намерений и меньше зависят от текущей динамики внешних факторов, нельзя быть полностью уверенными в том, что измеренное нами желаемое число детей не отражает уже реакцию на возросшую государственную поддержку семей.

Различия в зависимости от характера репродуктивных намерений

Так же, как и при анализе факторов, влияющих на готовность изменить репродуктивные планы под влиянием новых мер поддержки семей с детьми, мы изучили, что влияет на высказанную готовность ускорить рождение детей или завести их больше, чем первоначально планировалось, в зависимости от намерений родить ребенка в ближайшие три года¹¹. Отметим, что число наблюдений в подгруппах здесь оказывается меньше, чем для бинарных регрессий, и это влияет на число значимых параметров моделей.

В целом, в группе собирающихся родить в ближайшие три года готовы ускорить рождение 20–24-летние респонденты, лица со средним общим образованием, невысоким и низким уровнем дохода. Заявляют что готовы родить больше детей, чем планировали раньше, по сравнению с теми, кто не готов менять свое поведение, отличаются большей склонностью ожидать активной роли государства в заботе о дошколь-

---

¹¹ В целях экономии места эти таблицы не приводятся в статье, однако могут быть предоставлены авторами заинтересованным читателям.

никах и выраженной ориентацией на многодетность. Все остальные параметры оказываются малозначимыми.

Полученные результаты хорошо согласуются с замечанием А. Готье и Д. Филиппова о том, что финансовое стимулирование рождаемости обычно способствует тому, что те семьи, которые и так собирались рожать детей, делают это раньше, чем могли бы в отсутствие подобных мер, но репродуктивное поведение индивидов, не желавших рождения ребенка, обычно остается без изменений [Gauthier, Philipov, 2008: 7]. Наши предыдущие исследования также показали, что репродуктивные намерения во многом определяются субъективными факторами, а не объективными характеристиками [Головляница, 2007]. Поэтому неудивительно, что меры материальной поддержки способны укрепить человека в решении заводить детей, но едва ли подвигнут к этому тех, кто изначально не хотел заводить (еще одного) ребенка.

Различия в зависимости от того, как измеряется материальная обеспеченность семьи

Вопрос о взаимосвязи материальной обеспеченности семьи и рождаемости относится к числу наиболее дискуссионных, тем более что теория не дает однозначного ответа о направлении возможной связи. На обыденном уровне часто можно слышать, что усиление материальной поддержки семей с детьми приведет к увеличению рождаемости в менее обеспеченных семьях, для которых эта поддержка будет весомой. Соответственно, в рамках данного исследования мы уделяли большое внимание вопросу улавливания связи между показателями материальной обеспеченности домохозяйства и декларируемой готовностью респондента изменить репродуктивное поведение.

В спецификациях моделей, представленных в данной статье, использован показатель среднедушевых доходов домохозяйства в разрезе квинтильных (20%) групп. В целом вероятность родить ребенка раньше, чем планировалось, выше для всех доходных групп по сравнению с наиболее обеспеченными (5-й квинтиль), а вероятность родить больше детей, чем планировалось, выше для всех доходных групп по сравнению с наименее обеспеченными (1-й квинтиль).

Помимо этого мы использовали альтернативные индикаторы уровня материальной обеспеченности домохозяйства:

- «объективные» индикаторы уровня доходной обеспеченности домохозяйства (логарифм душевого дохода, уровень дохода относительно трех региональных прожиточных минимумов, принадлежность к 40% домохозяйств с наибольшими доходами);
- индивидуальный доход респондента и, если есть, партнера, относительно трех региональных прожиточных минимумов;

- субъективная оценка обеспеченности домохозяйства.

Результаты оценивания моделей показали, что эффект показателей «логарифм душевого дохода домохозяйства» и «уровень дохода домохозяйства ниже регионального прожиточного минимума» статистически незначим. Тестирование сокращенной версии децильной шкалы — индикатор «домохозяйство принадлежит к верхним 40% по уровню душевых доходов» — дало результат, близкий к тому, что наблюдается в спецификациях с квинтильными группами. У менее обеспеченных выше вероятность ускорить рождение ребенка, но меньше родить больше детей, чем планировалось. Показатель «индивидуальный доход респондента и партнера составляет менее трех прожиточных минимумов» отрицательно влияет только на готовность родить больше детей, чем планировалось.

Субъективная оценка респондентом обеспеченности домохозяйства также привносит различия лишь в желание родить больше детей, чем планировалось. По сравнению с теми, кто оценивает достаток своей семьи наиболее высоко, все прочие группы с большей вероятностью увеличат число рождений (хотя данный эффект статистически значим только для группы со средней обеспеченностью)¹². Таким образом, между субъективной оценкой дохода и готовностью изменить свое репродуктивное поведение в сторону большего числа рождений наблюдается обратная связь, и в целом субъективная оценка в меньшей степени дифференцирует выборочную совокупность, чем объективная характеристика (душевой доход в денежном выражении).

Таким образом, наши результаты не дают оснований предполагать, что основная часть итогового прироста рождений произойдет в малообеспеченных семьях. Объем ресурсов, направленных на данное направление поддержки семей, беспрецедентно велик и предлагаемые стимулы имеют шансы оказаться привлекательными не только для бедных, но и для домохозяйств среднего достатка, которые — в отсутствие данной поддержки — рискуют сильным снижением уровня доходов в случае появления (еще одного) ребенка. Тем не менее в краткосрочном периоде менее обеспеченные домохозяйства склонны быстрее откликнуться на финансовую помощь, реагируя на нее сдвигом календаря рождений на более ранние сроки. Однако, рассматривая отдельно предполагаемые изменения в поведении респондентов без детей и с детьми, можно заметить, что для изменения репродуктивных планов в отношении второго и последующих детей предлагаемых мер поддержки уже оказывается недостаточно для всех доходных групп, кроме наиболее обеспеченных (5-й квинтиль).

---

¹² При этом данный показатель аналогичным образом срабатывает и применительно к оценке возможного влияния мер в поддержку занятости женщин с детьми (эффект статистически значим для домохозяйств с низкой и средней обеспеченностью).

Нужно ли поддерживать занятость матерей?

Традиционно государственная поддержка семей с детьми начиналась с внедрения системы пособий, налоговых льгот и других мер материального характера, снижающих затраты семей на воспитание детей. Рост уровня образования женщин и их массовый выход на рынок труда обострил конфликт между их ролями в семье (жена, мать) и в общественной сфере (работница). В современных развитых обществах важность совмещения этих ролей диктуется не только социальными и экономическими интересами государства, которое одновременно заинтересовано в повышении низкой рождаемости и в женщинах как источнике пополнения рабочей силы, но и самими интересами женщин. Постепенный отход от зарегистрированного брака как доминирующей модели партнерских отношений, увеличение вероятности распада брачных и партнерских союзов делают традиционное разделение обязанностей по типу «мужчина — добытчик, женщина — домохозяйка» чрезвычайно рискованным с точки зрения благосостояния женщины на протяжении ее жизни. Под влиянием всех этих перемен фокус политики по отношению к семьям постепенно смещается в сторону так называемой дружественной женщинам политики, направленной на улучшение совместимости изначально конкурентных видов деятельности — материнства и занятости [Эспин-Андерсен, 2006]. Набор инструментов этой политики обычно включает развитие услуг по уходу за детьми, включая повышение их доступности для самых маленьких — детей младше 3 лет, систему оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, создание рабочих мест с гибкой и неполной занятостью для родителей маленьких детей, более активное вовлечение отцов в уход за детьми. Страны, которым удалось добиться заметных успехов в продвижении этой политики, как правило, характеризуются низкими рисками бедности семей с детьми, повышенными уровнями занятости женщин и более высокими показателями рождаемости [Ahn, Mira, 2000; Castles, 2003; Эспин-Андерсен, 2006].

В России формально многие из инструментов дружественной женщинам политики существуют еще с советских времен. Это и система детских дошкольных учреждений (ДДУ), и оплачиваемые и неоплачиваемые отпуска по уходу за ребенком, и возможность использовать эти отпуска другими членами семьи, помимо матери ребенка, и право работников с детьми на дополнительные отпуска и сокращенное рабочее время. Тем не менее реальное функционирование этих институтов не позволяет говорить об успехах в преодолении конфликта между материнством и занятостью. Рынок труда характеризуется доминированием рабочих мест с полной и стандартной занятостью [Росстат, 2007]. Доступность ДДУ даже для детей старше 3 лет остается весьма огра-

нической, о чем свидетельствует рост числа детей, стоящих в очереди на устройство в эти учреждения, а также повышение охвата детей институциональными услугами с ростом социально-экономического статуса семьи [Синявская, Гладникова, 2007; Синявская, Сухова, 2009].

Очевидно, что если российское правительство, действительно, заинтересовано как в устойчивом росте рождаемости, так и в сохранении женщин на рынке труда на местах, требующих определенной квалификации и образования, следующий шаг в развитии семейной политики, на который придется пойти, будет связан с формированием среды, благоприятной для занятости матерей. Однако как относится к подобной политике само население? Считают ли респонденты, что меры, облегчающие женщине совмещение материнства и занятости, могли бы повлиять на изменение их репродуктивного поведения?

Данные обследования РиДМиЖ–2007 позволяют утверждать, что меры в поддержку занятости женщин с детьми встречают выраженное одобрение со стороны населения: более трети респондентов считают, что эти меры окажут сильное и очень сильное воздействие на их репродуктивные планы. Вполне ожидаемо, и так же, как и в других странах [Miettinen et al., 2008], женщины активнее поддерживают данную политику (табл. 3). При этом различия между мужчинами и женщинами наиболее заметны в оценках такого инструмента, как предоставление возможности работать по гибкому графику и неполное рабочее время. Так, более половины (52%) мужчин считают, что эта мера не способна изменить их репродуктивное поведение, и лишь 14% приписывают ей сильное и очень сильное воздействие на свои планы. По ответам женщин, многим более трети (37%) не видит связи между возможностями гибкой занятости и собственным репродуктивным поведением, тогда как каждая четвертая (24%) считает, что эта возможность сильно или даже очень сильно скажется на их планах в отношении рождения детей.

Так же, как и в случае с отношением к реализуемым мерам финансовой поддержки семей с детьми, готовность изменить репродуктивное поведение под влиянием дружественной женщинам политики выше у самых молодых респондентов (табл. 3). Более половины женщин и мужчин 35–39 лет уже не считают, что их желание родить или не родить ребенка как-то зависит от возможностей гибкой или дистанционной занятости либо доступности услуг по уходу за детьми. Средний возраст женщин, заявивших о сильном и очень сильном воздействии этих мер на их репродуктивные планы, составил 27 лет.

Стоит отметить и еще одно важное отличие мер в поддержку занятости матерей: они в значительно большей степени способны стимулировать рождаемость тех женщин, кто в отсутствие подобных мер не собирается рожать (еще одного) ребенка. Так, лишь 7% женщин,

Таблица 3

Распределение респондентов по интегральной оценке воздействия мер в поддержку занятости женщин на репродуктивные планы в разрезе пола и возраста, в %

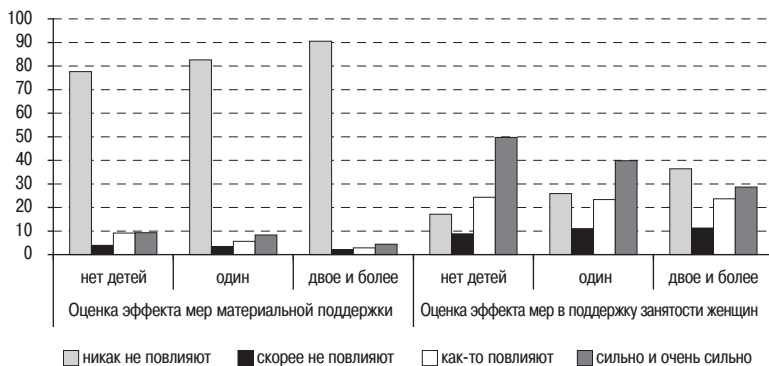
Характеристики респондентов	Оценка воздействия мер в поддержку занятости женщин на репродуктивные планы				Всего
	не повлияют	как-то повлияют	сильно	очень сильно	
<i>Пол респондента</i>					
Мужчины	49,8	21,3	20,3	8,5	100
Женщины	36,8	23,4	27,4	12,3	100
<i>Возраст респондента, лет</i>					
18–19	24,7	23,8	35,9	15,6	100
20–24	26,1	24,8	34,0	15,0	100
25–29	36,7	25,8	25,1	12,5	100
30–34	40,7	25,0	22,9	11,4	100
35–39	52,7	19,1	21,1	7,2	100
40 и старше	61,2	13,9	18,0	6,9	100

не намеренных вообще в дальнейшем иметь детей, сочли вероятным какое-либо положительное воздействие политики материальной поддержки на свое поведение. Тогда как применительно к мерам поддержки занятости женщин с детьми доля готовых в этом случае пойти на рождение (еще одного) ребенка увеличивается до 46%.

Любопытно, что по ответам респондентов способность политики финансовой поддержки семей с детьми изменить репродуктивное поведение заметно убывает с числом имеющихся детей (рис. 6). Очевидно, что это связано с тем, что даже значительное усиление такой поддержки в 2007 г. не способно покрыть затраты, связанные с рождением второго ребенка, не говоря уже о детях более высоких очередностей рождения [Овчарова, Пишняк, 2007]. В отношении политики, направленной на преодоление конфликта между занятостью и материнством, снижение готовности менять прежние репродуктивные планы, хотя и существует, но менее выражено: его признает почти каждая вторая женщина с двумя и более детьми (рис. 6).

Как и следовало ожидать, статус занятости вносит различия в ответы женщин, но не мужчин. Работающие женщины чаще заявляют о сильном влиянии усиления гибкости занятости и развития услуг по уходу за детьми на свое репродуктивное поведение. В основном это более молодые женщины, которые, как известно из исследований трудовых ценностей, чаще, чем старшие поколения женщин, демонстрируют более активные карьерные устремления [см.: Магун, 2007].

Ожидаемое воздействие мер материальной поддержки и мер в поддержку занятости матерей на репродуктивное поведение женщин в зависимости от числа детей, в % от численности женщин с данным числом детей

Тем не менее женщины, не имевшие оплачиваемой работы на момент опроса, также оценивают результативность мер, направленных на поддержку работающих матерей, весьма оптимистично: 45% считают, что эти меры способны сильно и очень сильно повлиять на их планы в отношении рождения детей. Средний возраст незанятых женщин — 26 лет; среди них много учащихся (студенток). Чем меньше возможностей гибкой занятости предоставляет рынок труда, тем больше вероятность, что женщины будут откладывать рождение первого или второго ребенка, а это в дальнейшем поставит под вопрос, успеют ли они вообще родить двоих детей.

Сопоставление оценок воздействия на личные планы иметь детей мер материальной поддержки семей с детьми и мер, направленных на расширение занятости женщин с детьми, дает следующую картину:

- 6% опрошенных считают, что оба направления политики могут изменить их репродуктивное поведение;
- менее 1% считают, что результативной в этом смысле окажется только политика материальной поддержки, тогда как политика поддержки занятости матерей — нет;
- 27% готовы изменить репродуктивные планы только под влиянием политики поддержки занятости матерей;
- 26% дают неопределенные оценки результативности обоих направлений политики;
- 40% утверждают, что их репродуктивное поведение вообще не зависит от семейной политики.

Таким образом, примерно две трети опрошенных репродуктивных возрастов собираются следовать собственным планам в отношении числа и времени рождения детей, что бы ни предпринимало государство. Нельзя

при этом, впрочем, исключать, что возможность получения значительной финансовой помощи от государства способна сдвинуть календарь рождения у них детей на более ранние сроки. Репродуктивное поведение оставшейся трети опрошенных — если судить по их ответам — в большей степени зависит от того, насколько государство сможет облегчить положение родителей и семей с детьми, создавая возможности для работы матерей не в ущерб их заботе о детях и снижая затраты семей на воспитание детей.

Как различаются «портреты» тех, кто считает возможным как-либо изменить свои репродуктивные планы в связи с текущими мерами и в случае введения мер, поддерживающих работающих женщин с детьми? Напомним, что, учитывая ориентацию политики на стимулирование вторых и последующих рождений, моделирование проводилось на части основной выборки, включающей только респондентов старше 20 лет, проживающих совместно с партнером и имеющих одного или более детей (*табл. 5 Приложения*).

Здесь, как и в моделях, оценивавших факторы, влияющие на вероятность изменить репродуктивное поведение под влиянием новых мер действующей семейной политики, наиболее сильным предиктором выступают положительные репродуктивные намерения на момент опроса. Однако стоит отметить, что вероятность изменить репродуктивные планы под влиянием политики поддержки работающих матерей выше для тех, кто хотел бы родить еще одного ребенка за пределами ближайших трех лет. Возможно, этот результат указывает на то, что данный комплекс мер мог бы увеличить число рождений у женщин, в принципе стремящихся родить, но в настоящее время откладывающих реализацию намерений в связи с трудностями в совмещении работы и материнства.

Готовность изменить репродуктивное поведение под воздействием мер, направленных на совмещение занятости и материнства, выше для женщин 25–34 лет, не считающих, что ребенок теряет, если его мать работает, имеющих невысокие и средние доходы (1–3-й квинтили), горожан. Вероятность отклика ниже для предпочитающих иметь не более одного ребенка, лиц с низким уровнем образования, а также для тех, чей младший ребенок находится в возрасте 4–7 лет (по сравнению с группой имеющих ребенка в возрасте до года).

Характеристики респондентов, утверждающих, что они готовы изменить репродуктивное поведение в ответ на политику поддержки занятости матерей, отличаются от характеристик тех респондентов, кто считает возможным откликнуться на принятые в 2007 г. меры поддержки семей с детьми (*табл. 5 Приложения*). Финансовая поддержка при прочих равных условиях имеет большое значение для самых молодых — 20–24-летних опрошенных. Напротив, поддержка занятости матерей важнее для 30–34-летних, хотя различия между возрастными

группами в отношении к этой политике меньше. При прочих равных условиях пол респондента не вносит различий в вероятность изменения репродуктивных планов под воздействием текущей политики, но значительно дифференцирует возможную реакцию на политику поддержки занятости матерей — в этом случае женщины активнее выражают готовность изменить репродуктивные планы. Поселенческие различия не влияют на отношение к текущей семейной политике, но важны применительно к мерам поддержки работающих женщин с детьми: судя по оценкам населения, эти меры способны стимулировать изменения репродуктивного поведения жителей городов.

Таким образом, анализ ответов населения приводит нас к выводам, уже знакомым читателю, интересующемуся вопросами демографической и семейной политики: для того чтобы быть успешными с точки зрения повышения рождаемости в современных обществах, эти политики должны использовать комбинацию различных инструментов, адресованных семьям различного социально-экономического статуса и на разных этапах жизненного цикла. Инструменты материальной поддержки должны дополняться действиями, направленными на изменение рынка труда в сторону большего распространения рабочих мест с гибкой и неполной занятостью. Если материальная поддержка необходима прежде всего для снижения рисков и глубины бедности семей с детьми, то меры, направленные на поддержку занятости матерей, позволяют стимулировать рождаемость у работающих женщин более высокой, чем в среднем, квалификации. Одновременно трудовые доходы обоих родителей выступают наиболее мощным инструментом снижения рисков бедности семей с детьми, эффект которых (особенно в сравнении с затратами) превосходит эффект социальных пособий [Эспин-Андерсен, 2006].

Заключение

Изучение данных обследования РидМиЖ–2007 показало, что абсолютное большинство респондентов одобряют как цель демографической программы государства (рост численности населения страны), так и один из методов ее достижения (стимулирование рождаемости). Однако значимость различных мер поддержки семей с детьми, предложенных правительством, по оценкам каждого отдельного респондента, почти не различается, политика оценивается комплексно. Похожая картина наблюдается в ответах жителей Восточной Европы, которые значительно чаще, чем жители Западной Европы, называют в качестве очень важных факторов рождаемости и экономическое положение семьи, и ситуацию с занятостью родителей, и здоровье, и поддержку партнера, и доступность услуг по уходу за детьми [Gauthier, Philippov, 2008; Miettinen et al., 2008]. По-видимому, это свидетельствует о том, что в современной России ба-

рьеры для рождения ребенка настолько многообразны и высоки, что люди затрудняются выделить какой-то один, более значимый, фактор.

Отношение людей к результативности новой семейной политики российского государства с точки зрения ее влияния на рождаемость — осторожно-оптимистическое. Около половины респондентов считает, что в совокупности меры правительственной программы поддержки семей с детьми будут способны повысить уровень рождаемости в стране. И в этом смысле ожидания россиян мало отличаются от ожиданий жителей стран Центральной и Восточной Европы [Esveld, Fokkema, 2006; Miettinen et al., 2008]. Однако повышать рождаемость, по мнению опрошенных, должны не они сами, а кто-то другой: большинство считает, что предложенных мер недостаточно для того, чтобы изменить их собственное репродуктивное поведение. В этом смысле наши данные показывают, что пока население выжидает, как будет развиваться государственная семейная политика в ближайшие годы, насколько устойчивым окажется курс на поддержку семей с детьми.

Наиболее высоки ожидания у молодежи (18–24 лет), еще только вступающей в репродуктивный возраст, и поколения их родителей (40–44 года). Первыми готовы откликнуться на политику те, кто так или иначе уже планировал рождение ребенка, а также лица, еще не имеющие детей. Согласно ответам респондентов, воздействие политики на лиц, уже имеющих одного ребенка, будет намного меньше. Рост числа рождений может произойти в малочисленной группе семей, ориентированных на многодетность. Наиболее восприимчивыми к предлагаемым стимулам рождаемости могут оказаться также те, кто разделяет патерналистские ценности (в частности, в решении вопросов ухода за домочадцами в большей степени ориентирован на помощь государства, чем на собственные усилия).

Поскольку размер финансовой помощи, поступающей от государства с 2007 г., действительно большой, то реакция на эти меры в виде смещения календаря рождений неизбежна. Не этому ли стали мы свидетелями в 2007–2008 гг., продемонстрировавшими рост числа родившихся детей?

Вообще, как нам кажется, разрыв между более чем умеренными оценками населением предложенных государством мер и наблюдавшимся в 2007 г. всплеском рождаемости, можно истолковать в терминах рационального поведения. Дело в том, что государство так долго забывало о необходимости адекватной поддержки материнства и детства, что сам факт усиления материальной поддержки подталкивает людей воспользоваться внезапно открывшимися возможностями как можно быстрее, тем более, что не известно, как будет складываться эта поддержка в будущем.

Именно поэтому на основании успехов первых лет нельзя судить о том, будет ли это повышение рождаемости долговременным. Для того

чтобы задача долгосрочного повышения рождаемости была выполнена, крайне важно убедить население в ее устойчивом характере. Соблюдение выданных государством обещаний особенно важно в условиях финансово-экономического кризиса, который, безусловно, ухудшает материальное положение семей с детьми. Лишь в случае неизбежности государственного курса на поддержку материнства и детства и стимулирования роста рождаемости можно ожидать, что те, кто высказал намерение под воздействием мер поддержки семей с детьми родить ребенка раньше, чем планировали, впоследствии будут рожать больше.

Другой вопрос состоит в том, достаточны ли предложенные меры поддержки семей с детьми и как они соотносятся с приоритетами государственной политики. Здесь возможны различные решения. Можно, конечно, ограничиться только компенсацией части затрат семей на воспитание детей, полагая, что это позволит и рождаемость поднять, и снизить остроту проблемы бедности семей с детьми. И тогда речь должна идти – в дополнение к предложенным мерам – о развитии системы материальной поддержки на различных этапах жизненного цикла семей, в том числе о введении пособий для детей более старших возрастов. Но это путь традиционной политики индустриальных обществ с относительно молодой рабочей силой, которые еще не столкнулись ни с вызовами старения, ни с вызовами постиндустриального развития. Оба типа вызовов заставляют государства иначе смотреть на значение женской занятости и формирования высококвалифицированной рабочей силы. Стареющие постиндустриальные экономики не могут игнорировать задачу достижения более комфортного совмещения материнства и занятости. В этом случае наиболее эффективным по суммарному воздействию на репродуктивное поведение населения мог бы стать комплекс мер, совмещающих адресную материальную помощь нуждающимся семьям с детьми с целенаправленным изменением ситуации на рынке труда в пользу работающих матерей, прежде всего, за счет поощрения форм гибкой занятости и расширения внесемейных форм воспитания детей. Тем более, что доходы от занятости позволяют эффективнее бороться с бедностью семей с детьми, чем система социальных пособий. Наконец, приоритетом новой государственной политики могло бы стать создание равных возможностей для раннего развития детей и увеличение инвестиций в детей. Это стратегическая задача, направленная на повышение качества будущей рабочей силы, ее производительности труда и увеличение социальной мобильности будущих поколений. Ее не решить без развития системы услуг по уходу за детьми, активной роли государства в обеспечении доступности детских дошкольных учреждений, выравнивающих стартовые возможности детей. Побочным эффектом такой политики, как показывает опыт Скандинавских стран,

динавских стран, может стать устойчивое поддержание рождаемости на более высоких, чем в среднем по Европе уровнях. Все эти задачи имеют право на существование. Но более эффективной, очевидно, окажется та семейная политика, инструменты которой будут подобраны в соответствии с динамично меняющимися потребностями различных типов семей, не вступая при этом в противоречие с другими инструментами социально-экономической политики государства и вместе с тем будут финансово обеспечены в долгосрочной перспективе.

Литература

1. *Архангельский В.Н.* Факторы рождаемости. — М.: ТЕИС, 2006.
2. *Белановский С.А.* Мнения россиян о возможных направлениях использования средств стабилизационного фонда: Результаты фокус-групп. 2006. URL: <http://sbelan.ru/node/54043>.
3. *Головляница Е.Б.* Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С. 217–250.
4. *Головляница Е.Б., Синявская О.В.* Отношение населения к новым мерам семейной политики // Семья в центре социально-демографической политики? / Отв. ред. О.В. Синявская. — М.: НИСП, 2009. С. 161–191.
5. *Захаров С.В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России 1980-х гг. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С. 267–312.
6. *Захаров С.В.* Российская рождаемость — долгожданный рост? // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». №353–354, ноябрь 2008 г.; <http://demoscope.ru/weekly/2008/0353/tema01.php>.
7. *Магун В.С.* Динамика трудовых ценностей российского населения, 1991–2004 гг. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С. 477–516.
8. *Овчарова Л.Н., Пишняк А.И.* Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2007. №6. С. 11–17.
9. *Овчарова Л.Н., Пишняк А.И., Попова Д.О.* Новые меры поддержки материнства и детства: рост уровня жизни семей с детьми или рост рождаемости? Анализ мер поддержки материнства и детства, внедренных в 2007 г. в Российской Федерации. — М.: НИСП, ЮНИСЕФ, 2007.
10. Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации, 10 мая 2006 г. Москва; <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>.
11. *Росстат.* Труд и занятость, 2007: Стат. сб. — М.: Росстат, 2007.
12. *Синявская О.В., Гладникова Е.В.* Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами Родители и дети, мужчины и женщины в семье

- и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С. 345–376.
13. Синявская О.В., Сухова А.С. Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенство в доступе // Семья в центре социально-демографической политики? / Отв. ред. О.В. Синявская. — М.: НИСП, 2009. С. 73–96.
  14. Синявская О.В., Тындик А.О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. №10. С. 131–158.
  15. Синявская О.В., Тындик А.О., Головляница Е.Б. В каких семьях рождаются дети? Факторы репродуктивного поведения в современной России // Семья в центре социально-демографической политики? / Отв. ред. О.В. Синявская. — М.: НИСП, 2009. С. 19–46.
  16. Эспин-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. №5. С. 7–32.
  17. Ahn N., Mira P. A note on the relationship between fertility and female employment rates in developed countries // J. Population Economics. 2001. Vol. 15. №4. P. 667–682.
  18. Becker G.S. A Treatise on the Family. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
  19. Castles F. The world turned upside down: below replacement fertility, changing preferences and family-friendly policy in 21 OECD countries // J. Eur. Social Policy. 2003. Vol. 13. №3. P. 209–227.
  20. Esveld I., Fokkema T. Which policy measures might be effective for raising fertility? Evidence from the DIALOG project. In: European Observatory on Demography and the Social Situation — Demography Network, Demographic trends, socio-economic impacts and policy implications in the European Union, Monitoring Report 2006. — Brussels: European Commission. P. 123–136.
  21. Gauthier A. (2007). The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // Population Research Policy Review. 2007. Vol. 26. P. 323–346.
  22. Gauthier A. Some theoretical and methodological comments on the impact of policies on fertility // Vienna Yearbook of Population Research. 2008. P. 25–28.
  23. Gauthier A., Philipov D. Can policies enhance fertility in Europe? // Vienna Yearbook of Population Research. 2008. P. 1–16.
  24. Hoem J.M. The Impact of Public Policies on European Fertility // Demographic Research. 2008. Vol. 19. Article 10. P. 249–260.
  25. McDonald P. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // Ch. Pierson, F. Castles (eds.). The Welfare State Reader. Second Edition. — Polity Press, 2008. P. 333–346.
  26. Miettinen A., Esveld I., Fokkema T. Family policies: financial or institutional measures? Preferences of childless persons and one-child parents // Ch. Höhn, D. Avramov, I. Kotowska (eds.). People population change and policies: Lessons from the Population Policy Acceptance Study. 2008. Vol. 1. Ch. 17. P. 347–368.
  27. Sleetbos J. Low fertility rates in OECD countries: facts and policy responses // OECD Labor and Social Policy Occasional Papers. 2003. No. 15, OECD.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Характеристики рабочих выборок

Параметр		Женщины 18–39 лет, мужчины с партнершей/супругой в возрасте 18–39 лет		Женщины 20–39 лет, мужчины 20 лет и старше с партнершей/супругой в возрасте 18–39 лет, проживающие совместно с партнером, с одним и более детьми	
		всего наблюдений	%	всего наблюдений	%
Пол респондента	мужской	1457	41,8	1147	51,3
	женский	2031	58,2	1088	48,7
Возраст	20–24	756	21,7	221	9,9
	25–29	878	25,2	533	23,9
	30–34	838	24,0	626	28,0
	35–39	719	20,6	576	25,8
	40–44	245	7,0	227	10,2
	45–49	52	1,5	52	2,3
Тип поселения	город (включая ПГТ)	2659	76,2	1614	72,2
	село	829	23,8	621	27,8
Брачно-партнерский статус	нет партнера	434	12,5	—	—
	партнер вне домохозяйства	308	8,8	—	—
	партнер в домохозяйстве	638	18,3	365	16,4
	партнер в домохозяйстве и в браке	2107	60,4	1869	83,6
Наличие детей у респондента	нет детей	938	26,9	—	—
	один	1555	44,6	1304	58,3
	двое	835	23,9	781	34,9
	трое и более	159	4,6	150	6,7
Уровень образования	нет среднего общего	203	5,8	136	6,1
	среднее общее	439	12,6	312	14,0
	начальное профессиональное	813	23,3	606	27,1
	среднее профессиональное	720	20,6	487	21,8
	высшее, включая незавершенное	1313	37,7	692	31,0
Статус на рынке труда	занятые	2776	79,6	1761	78,8
	безработные	105	3,0	62	2,8
	неактивные	607	17,4	412	18,4
Всего		3488	100	2235	100

Результаты оценивания модели бинарной логистической регрессии с зависимой переменной «вероятность отклика на меры стимулирования рождаемости»

Факторы	Подгруппы					
	намерены в будущем иметь (еще) детей			не намерены в будущем иметь (еще) детей		
	Wald	Sig.	Exp (B)	Wald	Sig.	Exp (B)
Пол (референтная группа — женщины)						
мужчины	1,7	0,193	1,221	0,5	0,479	0,784
Возраст (референтная группа — 35 и старше)						
30–34	2,0	0,156	1,337	1,8	0,182	1,565
25–29	8,2	0,004	1,797	3,2	0,073	2,016
20–24	10,0	0,002	2,044	7,8	0,005	3,790
Брачно-партнерский статус (референтная группа — нет партнера)						
партнер вне домохозяйства	0,1	0,762	0,933	0,1	0,816	1,167
партнер в домохозяйстве	1,2	0,283	0,790	0,8	0,374	1,574
партнер в домохозяйстве, в браке	1,0	0,314	0,814	0,1	0,822	0,906
Наличие детей (референтная группа — двое и более)						
один	0,1	0,781	0,942	5,4	0,020	2,271
нет детей	0,3	0,611	0,875	5,6	0,018	3,525
Уровень образования (референтная группа — высшее)						
нет среднего общего	0,9	0,342	0,757	0,6	0,452	0,589
среднее общее	0,0	0,916	1,022	0,3	0,557	1,306
начальное профессиональное	0,0	0,957	0,991	0,0	0,985	1,008
среднее профессиональное	0,4	0,530	0,897	0,0	0,871	1,065
Занятость (референтная группа — занят)						
не занят (а)	0,9	0,333	1,162	2,8	0,096	1,710
Душевые доходы д/х (референтная группа — 5-й квинтиль)						
1-й квинтиль	0,0	0,927	0,978	0,2	0,639	1,371
2-й квинтиль	0,0	0,876	0,969	1,5	0,221	2,175
3-й квинтиль	0,0	0,904	0,977	2,6	0,108	2,654
4-й квинтиль	0,0	0,836	0,958	3,6	0,058	3,325
Желаемое число детей (референтная группа — двое)						
один	0,0	0,947	1,014	5,5	0,019	0,387
трое	1,8	0,178	1,240	1,5	0,224	1,572
четверо и более	0,4	0,551	1,199	3,4	0,064	2,852
Отношение к занятости матери дошкольника (референтная группа — позитивное)						
негативное	1,4	0,232	0,783	0,0	0,911	1,053
нейтральное	0,4	0,504	0,877	1,3	0,246	1,673
скорее позитивное	0,2	0,626	0,919	0,0	0,976	0,988

Окончание таблицы 2

Факторы	Подгруппы					
	намерены в будущем иметь (еще) детей			не намерены в будущем иметь (еще) детей		
	Wald	Sig.	Exp (B)	Wald	Sig.	Exp (B)
Ожидание поддержки от государства или опора на собственные силы в уходе за детьми (референтная группа — ориентация на семью)						
«государственники»	7,5	0,006	1,456	3,3	0,068	1,783
не определились	6,2	0,013	1,496	4,9	0,027	2,239
Тип поселения (референтная группа — село)						
город	0,0	0,961	1,008	0,2	0,634	0,858
Константа	17,5	0,000	0,183	27,2	0,000	0,010
Число наблюдений	1680			1029		
Показатель качества модели Нагелькерке	0,029			0,138		

Примечание: выборка женщин 20–39 лет и мужчин 20 лет и старше с партнершей 18–39 лет.

Таблица 3

Результаты оценивания модели мультиномиальной логистической регрессии с зависимой переменной «ожидаемая реакция на меры стимулирования рождаемости»

Факторы	Зависимая переменная — изменение репродуктивных планов под влиянием семейной политики					
	заведут раньше			заведут больше		
	Wald	Sig.	Exp (B)	Wald	Sig.	Exp (B)
Пол	Референтная группа — женщины					
мужчины	0,2	0,671	1,065	4,5	0,033	1,410
Возраст	Референтная группа — лица в возрасте 35 лет и старше					
30–34	3,7	0,053	1,457	2,1	0,145	1,366
25–29	8,5	0,004	1,780	4,9	0,027	1,616
20–24	12,0	0,001	2,129	10,0	0,002	2,125
Брачно-партнерский статус	Референтная группа — без партнера					
вне домохозяйства	2,4	0,119	0,687	0,0	0,960	0,987
в домохозяйстве	3,7	0,056	0,652	0,9	0,339	0,789
брак, в домохозяйстве	2,9	0,090	0,707	1,4	0,242	0,759
Наличие детей	Референтная группа — с двумя и более детьми					
один	0,7	0,399	1,183	0,0	0,940	0,984
нет детей	0,1	0,709	1,100	0,0	0,925	1,026
Уровень образования	Референтная группа — высшее (включая незавершенное)					
нет среднего общего	4,4	0,037	0,499	0,1	0,786	0,924

Факторы	Зависимая переменная — изменение репродуктивных планов под влиянием семейной политики					
	заведут раньше			заведут больше		
	Wald	Sig.	Exp (B)	Wald	Sig.	Exp (B)
среднее общее	11,9	0,001	1,855	0,6	0,427	0,832
начальное профессиональное	1,0	0,312	1,180	0,3	0,556	0,900
среднее профессиональное	0,0	0,895	1,023	0,2	0,622	0,914
Наличие занятости	Референтная группа — занят (а)					
не занят (а)	0,7	0,388	1,141	1,7	0,189	1,251
Душевые доходы домохозяйства	Референтная группа — 5-й квинтиль					
1-й квинтиль	6,8	0,009	1,818	4,7	0,031	0,578
2-й квинтиль	4,9	0,027	1,608	0,5	0,502	0,869
3-й квинтиль	6,6	0,010	1,680	0,8	0,369	0,838
4-й квинтиль	7,3	0,007	1,705	0,4	0,544	0,892
Желаемое число детей	Референтная группа — желающие иметь двоих детей					
один	0,0	0,950	0,988	0,0	0,825	1,046
трое	3,1	0,078	1,313	6,4	0,012	1,503
четверо и более	6,0	0,014	1,905	10,9	0,001	2,477
Отношение к занятости матери дошкольника	Референтная группа — позитивное отношение					
негативное	2,5	0,111	0,729	0,5	0,483	0,860
нейтральное	0,2	0,636	0,916	0,1	0,718	0,926
скорее позитивное	1,2	0,269	0,835	0,0	0,890	0,975
Ожидание поддержки от государства или опора на собственные силы в уходе за детьми	Референтная группа — ориентированные на семью					
ориентированы на государство	8,3	0,004	1,456	12,1	0,000	1,673
не определились	1,2	0,268	1,201	16,3	0,000	1,968
Репродуктивные намерения	Референтная группа — не собираются родить (еще одного) ребенка					
собираются родить в ближайший 3 года	47,4	0,000	3,930	28,7	0,000	3,179
собираются родить позже	13,6	0,000	2,082	10,7	0,001	2,019
Тип поселения	Референтная группа — село					
город	0,1	0,820	0,966	1,3	0,261	1,231
Константа	76,2	0,000	—	61,5	0,000	—
Число наблюдений	3303					
Показатель качества модели Нагелькерке	0,132					

Примечания: (1) выборка женщин 20–39 лет и мужчин 20 лет и старше с партнершей 18–39 лет; (2) референтная категория зависимой переменной — «не собираются менять свои репродуктивные планы под влиянием политики».

Таблица 4

Результаты оценивания модели мультиномиальной логистической регрессии с зависимой переменной «ожидаемая реакция на меры стимулирования рождаемости» в зависимости от желаемого числа детей

Факторы	Воздействие текущей семейной политики в зависимости от желаемого числа детей, Exp (B)					
	заведут раньше			заведут больше		
	один ребенок	двое детей	трое или более детей	один ребенок	двое детей	трое или более детей
Пол	Референтная группа — женщины					
мужчины	1,373	1,123	1,100	0,501	1,453	2,033*
Возраст	Референтная группа — лица в возрасте 35 лет и старше					
30–34	1,439	1,605	1,655	3,815	1,016	1,847
25–29	0,851	2,746**	1,467	5,525*	1,018	2,572*
20–24	2,266	2,479**	2,271*	11,736**	1,459	2,152
Брачно-партнерский статус	Референтная группа — без партнера					
вне домохозяйства	0,303*	0,879	0,439	1,143	1,142	0,579
в домохозяйстве	0,321*	0,634	1,121	2,013	0,755	0,539
брак, в домохозяйстве	0,393	0,658	0,697	1,461	0,557*	0,621
Наличие детей	Референтная группа — с детьми					
нет детей	1,118	0,839	0,734	2,173	0,905	0,868
Уровень образования	Референтная группа — высшее (включая незавершенное)					
нет среднего общего	0,623	0,695	0,271*	1,293	0,843	1,353
среднее общее	2,296	1,441	1,744	2,911	0,443*	1,509
начальное профессиональное	2,016	0,951	1,031	2,720*	0,609*	1,089
среднее профессиональное	2,664*	0,667*	1,337	1,605	0,756	0,909
Наличие занятости	Референтная группа — занят (а)					
не занят (а)	2,299	1,186	1,114	1,526	1,284	1,072
Душевые доходы домохозяйства	Референтная группа — 5-й квинтиль					
1-й квинтиль	1,824	1,809*	1,927	0,141*	0,975	0,425
2-й квинтиль	0,719	1,584	1,898	0,478	1,022	0,703
3-й квинтиль	1,631	1,444	2,567*	0,090**	1,183	0,714
4-й квинтиль	3,100	1,309	1,999	0,732	1,001	0,722
Отношение к занятости матери дошкольника	Референтная группа — позитивное отношение					
негативное	1,313	0,820	0,533	2,570	0,943	0,556
нейтральное	0,985	0,867	0,883	5,965*	0,924*	0,619
скорее позитивное	1,090	0,917	0,726	4,674*	1,040	0,744

Факторы	Воздействие текущей семейной политики в зависимости от желаемого числа детей, Exp (B)					
	заведут раньше			заведут больше		
	один ребенок	двое детей	трое или более детей	один ребенок	двое детей	трое или более детей
Ожидание поддержки от государства или опора на собственные силы в уходе за детьми	Референтная группа — ориентированные на семью					
ориентированы на государство	1,374	1,615*	1,222	6,685**	1,361	2,267*
не определились	2,555*	1,001	1,226	6,542**	1,516**	3,239**
Репродуктивные намерения	Референтная группа — не собираются родить (еще одного) ребенка					
собираются родить в ближайшие 3 года	7,858**	3,114**	4,927**	2,459	3,251**	2,785**
собираются родить позже	1,611	2,015**	2,085*	2,130	1,823*	1,616
Тип поселения	Референтная группа — село					
город	1,001	1,036	0,882	0,469	1,170	1,570

Примечания: (1) выборка женщин 20–39 лет и мужчин 20 лет и старше с партнершей 18–39 лет; (2) референтная категория зависимой переменной — «не собираются менять свои репродуктивные планы под влиянием политики»; (3) уровни значимости коэффициентов: * — sig < 0,1; ** — sig < 0,01; (4) параметры моделей для подвыборок с различным желаемым числом детей:

- 1) один ребенок — 424 наблюдения, показатель качества модели Нагелькерке 0,312;
- 2) двое детей — 1676 наблюдений, показатель качества модели Нагелькерке 0,121;
- 3) трое или более детей — 666 наблюдений, показатель качества модели Нагелькерке 0,173.

Таблица 5

Вероятность отклика на меры текущей демографической политики и на возможные меры поддержки работающих матерей респондентов, проживающих совместно с партнером и имеющих не менее одного ребенка

Факторы	Зависимая переменная					
	изменяют поведение под воздействием мер текущей демографической политики			изменяют поведение под воздействием политики поддержки работающих матерей		
	Wald	Sig.	Exp (B)	Wald	Sig.	Exp (B)
Пол (референтная группа — женщины)						
мужчины	2,1	0,145	0,739	11,4	0,001	0,632
Возраст (референтная группа — 35 и старше)						
30–34	0,7	0,410	1,219	2,8	0,097	1,286
25–29	4,2	0,040	1,777	2,6	0,105	1,363
20–24	6,5	0,011	2,405	1,3	0,248	1,356

Факторы	Зависимая переменная					
	изменяют поведение под воздействием мер текущей демографической политики			изменяют поведение под воздействием политики поддержки работающих матерей		
	Wald	Sig.	Exp (B)	Wald	Sig.	Exp (B)
Состоит в браке (референтная группа — нет)						
да	0,6	0,431	0,844	1,0	0,324	0,850
Наличие детей (референтная группа — двое и более)						
один	0,0	0,903	1,030	0,1	0,700	1,070
Возраст младшего ребенка (референтная группа — до года)						
год	0,7	0,405	1,311	0,1	0,804	0,933
2 года	1,9	0,171	1,566	0,3	0,599	0,869
3 года	0,6	0,433	1,318	1,6	0,211	0,706
4 года	0,2	0,640	0,833	4,9	0,027	0,541
5–7 лет	0,4	0,537	0,805	3,6	0,057	0,614
8 и старше	1,0	0,329	1,408	1,1	0,305	0,768
Уровень образования (референтная группа — высшее)						
нет среднего общего	1,6	0,209	0,618	3,9	0,048	0,601
среднее общее	0,1	0,700	1,106	0,0	0,878	0,971
начальное профессиональное	0,7	0,398	0,834	0,0	0,964	1,007
среднее профессиональное	0,0	0,902	0,973	0,8	0,374	0,869
Занятость (референтная группа — занят)						
не занят (а)	0,0	0,879	0,967	0,2	0,656	1,073
Занятость партнера (референтная группа — занят)						
не занят (а)	9,6	0,002	2,020	0,0	0,969	0,993
Душевые доходы д/х (референтная группа — 5-й квинтиль)						
1-й квинтиль	1,8	0,177	0,620	4,3	0,039	1,638
2-й квинтиль	0,4	0,526	1,210	5,2	0,023	1,630
3-й квинтиль	0,5	0,471	1,236	4,9	0,028	1,585
4-й квинтиль	0,5	0,476	1,255	0,9	0,349	1,240
Желаемое число детей (референтная группа — двое)						
один	3,8	0,052	0,470	4,7	0,031	0,627
трое	5,7	0,017	1,592	0,3	0,556	1,091
четверо и более	0,8	0,380	1,386	2,3	0,128	0,668
Отношение к занятости матери дошкольника (референтная группа — позитивное)						
негативное	0,8	0,380	0,788	0,2	0,695	1,075
нейтральное	0,1	0,779	1,074	10,7	0,001	1,845

Факторы	Зависимая переменная					
	изменяет поведение под воздействием мер текущей демографической политики			изменяет поведение под воздействием политики поддержки работающих матерей		
	Wald	Sig.	Exp (B)	Wald	Sig.	Exp (B)
скорее позитивное	0,0	0,847	1,043	19,9	0,000	2,023
Ожидание поддержки от государства или опора на собственные силы в уходе за детьми (референтная группа — ориентация на семью)						
«государственники»	3,3	0,071	1,380	0,1	0,707	0,954
не определились	3,4	0,067	1,467	0,2	0,692	0,941
Репродуктивные намерения (референтная группа — не собираются)						
собираются в ближайшие 3 года	24,5	0,000	3,512	18,8	0,000	2,155
собираются позже	10,1	0,001	2,218	29,1	0,000	2,472
Доступ к институциональным услугам по уходу и воспитанию (референтная группа — есть)						
нет доступа	4,4	0,036	0,676	0,9	0,346	0,880
Тип поселения (референтная группа — село)						
город	0,1	0,748	0,936	6,6	0,010	1,434
Константа	24,0	0,000	0,057	2,2	0,138	0,541
Число наблюдений	1524			1504		
Показатель качества модели Нагелькерке	0,175			0,158		

Примечание: выборка женщин 20–39 лет и мужчин 20 лет и старше с партнершей 18–39 лет.

*Корчагина И. И.,
Прокофьева Л. М.*

Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых: изменения последних лет¹

Введение

Семья и дом для наших граждан — наиболее важная сфера жизни, на протяжении многих лет находящаяся на первом месте по значимости в иерархии человеческих ценностей. С этим утверждением, по обследованию ВЦИОМ, согласны, соответственно, 99% и 98% опрошенных в 2005 и 2008 гг. [Семья на фоне кризиса, 2009].

Известно, что базовые ценности довольно устойчивы и изменяются медленно [Лапин, Беляева, Здравомыслов, 1996]. Вместе с тем глубокие трансформационные процессы в экономической и социальной жизни российского общества со времен перестройки не могли не повлиять на ценностные ориентации населения и наложили свой отпечаток на характер социальных ожиданий и взгляды людей на межсемейную и межпоколенческую поддержку.

В России активно ведутся дискуссии о роли государства в обеспечении социальной поддержки экономически слабых групп населения (детей, престарелых, инвалидов, больных и т.д.). Представить картину общественного мнения по вопросам, касающимся помощи престарелым и детям, взаимной заботы родственников различных поколений, позволили результаты панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), проведенного в 2004 и 2007 гг. в рамках международной программы «Поколения и гендер» (выборка включает 7786 респондентов в 32 регионах России). Респондентам предлагалось ответить на вопросы двух типов. По ответам на вопросы первой группы предполагалось понять, кому в большей степени респондент склонен делегировать поддержку наименее

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект №08-02-00083а.

защищенных категорий населения — семье или обществу. Конкретные вопросы касались заботы о детях дошкольного возраста, о школьниках вне школьных занятий, о престарелых, которым нужен уход на дому, а также о денежной помощи бедным семьям с детьми и пожилым людям. Ответы могли быть следующие: «преимущественно общество», «скорее общество, чем семья», «общество и семья в равной степени», «скорее семья, чем общество», «преимущественно семья».

При ответе на вопросы второго типа респондент должен был выразить свое согласие (или несогласие) с утверждениями о взаимной поддержке между поколениями «расширенной» семьи (дети должны заботиться о своих престарелых родителях, родители о взрослых детях, бабушки и дедушки о внуках). В отношении каждого суждения предлагались на выбор следующие варианты ответа: «полностью согласны», «согласны», «и согласны, и нет», «не согласны», «совсем не согласны».

Анализ, проведенный по результатам обследования 2004 г., показал, что при распределении ответственности между обществом² и семьей по вопросам заботы о детях и престарелых общественное мнение больше склоняется передать ответственность за них семье, а материальную поддержку в трудной ситуации делегирует обществу [Корчагина, Прокофьева, Лефевр, 2008].

В целом уровень патерналистских ожиданий от государства в российском обществе очень высок. Так, по результатам исследования, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады 66% россиян полагают, что обеспечивать своим гражданам достойный уровень жизни должно именно государство³. При этом позицию «люди должны сами заботиться о себе и сами обеспечить себе нормальный уровень жизни без какого-либо вмешательства государства» поддержало только 2% населения [Орджоникидзе, 2007].

Что касается поддержки внутри расширенной семьи, то опрос 2004 г. обнаружил высокую степень согласия респондентов с общими положениями о взаимной заботе уже взрослых детей и их родителей, но вместе с тем крайнюю поляризацию мнений, когда речь идет о конкретных проявлениях такой заботы, особенно если говорится об ущербе профессиональной занятости [Корчагина, Прокофьева, 2007].

Так, например, когда вопрос носит общий характер («Должны ли дети брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда

---

² В России при отсутствии развитой практики благотворительности, сети общественных организаций, активно занимающихся поддержкой различных групп нуждающегося населения, под обществом в данном контексте понимается скорее государство в лице региональных или муниципальных структур.

³ Исследование проведено по заказу EU-Russia Centre в декабре 2006 г. Опрос осуществлен по общероссийской репрезентативной выборке в 46 регионах России (130 точек опроса); всего было опрошено 1600 человек старше 18 лет.

те нуждаются в помощи»), подавляющее большинство респондентов отвечают на него утвердительно (95%). Но при переходе к точно определенной позиции, предполагающей конкретные действия («Дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях»), доля согласившихся снижается до 58%, причем полностью согласны лишь 14% опрошенных.

Опрос также показал, что семейные ценности не одинаково выглядят в глазах разных поколений респондентов. Молодежь более скептически относится к необходимости тесной межсемейной взаимосвязи, демонстрируя иной тип поведенческих предпочтений, тогда как пожилые люди придерживаются традиционного понимания отношений между родителями и детьми.

Проследить изменения мнений россиян о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых, а также взглядов людей на межсемейную и межпоколенческую поддержку дает возможность повторное обследование, которое было осуществлено в 2007 г. по схожей программе. Насколько устойчивы представления респондентов по вопросам социальных обязанностей государства и граждан в части заботы о слабых членах общества, а также взаимоотношений разных поколений семьи? Если произошли изменения за три года, то в каком направлении и почему? Какие социальные группы поменяли свою точку зрения?

Забота о детях и престарелых: обязанность и семьи, и общества

Сопоставление данных панельных опросов позволяет констатировать, что за три года во взглядах людей о роли семьи и общества в поддержке детей и престарелых произошли заметные изменения⁴. Несмотря на то что большинство респондентов по-прежнему считают, что забота о детях, и особенно малолетних, — это дело семьи (только 3% опрошенных, как и три года назад, согласны полностью передать заботу о детях государству), в 2007 г. заметно выросла доля респондентов, готовых разделить ответственность за детей с обществом (рис. 1 и 2).

Наиболее значительно общественное мнение изменилось по вопросу заботы именно о маленьких детях. Из 80% респондентов, полагавших в 2004 г., что заботиться о малолетних детях должна «скорее семья, чем общество» и «преимущественно семья», сохранили свою позицию лишь 66%. (рис. 1). Одновременно за три года заметно возросла численность тех, кто готов разделить заботу о детях-дошкольниках

---

⁴ В данной работе анализировались мнения одних и тех же людей, опрошенных в 2004 и 2007 гг.

с обществом (ответ «общество и семья в равной степени»). В первом опросе так считали только 18% респондентов, а среди повторно отвечающих на этот вопрос в 2007 г. — уже 31%. Необходимо отметить, что доля таких ответов выросла за счет тех, кто раньше был вполне уверен в ответственности семьи (ответ в 2004 г. «преимущественно семья»).

Что же повлияло на мнения респондентов, изменивших свою точку зрения на перечисленные проблемы? Возможно, существенный рост установок населения на повышение роли общества в заботе о маленьких детях произошел из-за непростой ситуации с дошкольными заведениями в стране, большая часть которых в первые годы экономических реформ была перепрофилирована, и как следствие, в последнее время мест в них явно было недостаточно. С другой стороны, подобные сдвиги в общественном мнении могут быть связаны с повышенными ожиданиями вмешательства государства, декларирующего в последние годы активизацию семейной политики, в части помощи семье в воспитании именно малолетних детей и стимулирования рождаемости.

При ответах на вопрос о том, кто должен заботиться о школьниках вне школы, также произошло «перетекание» респондентов из позиции «преимущественно семья» в позицию «общество и семья в равной степени». Доля тех, кто считает, что необходимо делегировать часть ответственности за ребенка школьного возраста после окончания занятий в школе обществу (государству), возросла на 6 процентных пунктов (п. п.) (рис. 2).

Рисунок 1

Кто должен заботиться о детях дошкольного возраста? (% ответов респондентов в 2004 и 2007 гг.)

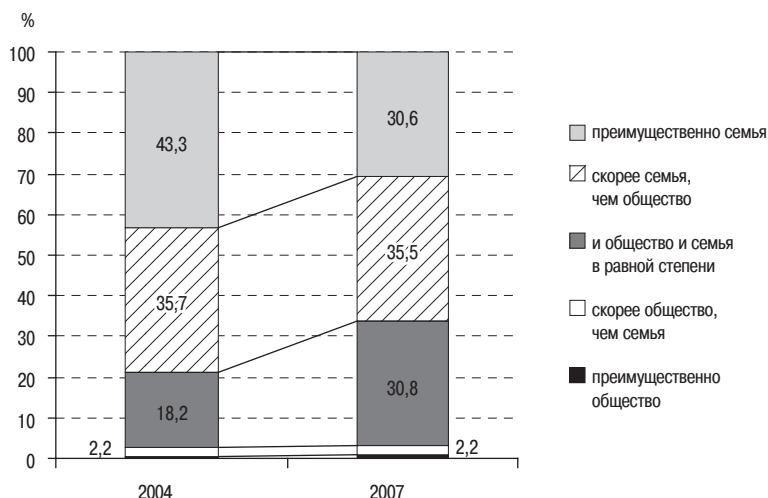

Рисунок 2

Кто должен заботиться о школьниках, когда они находятся вне школы?
(% ответов респондентов в 2004 и 2007 гг.)

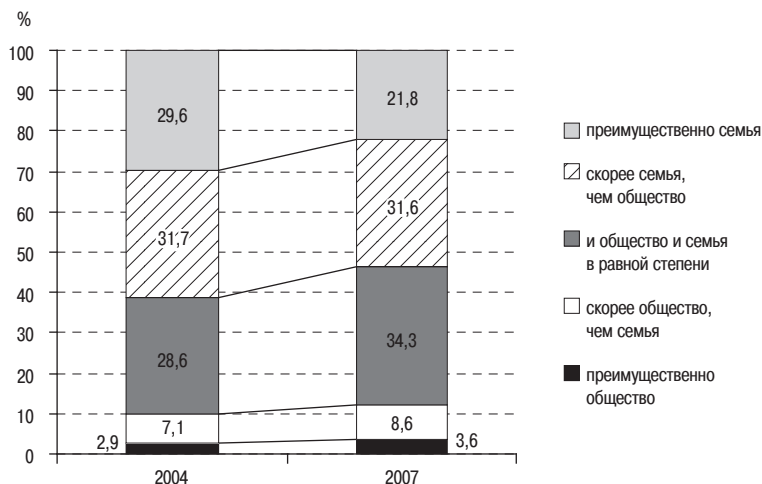
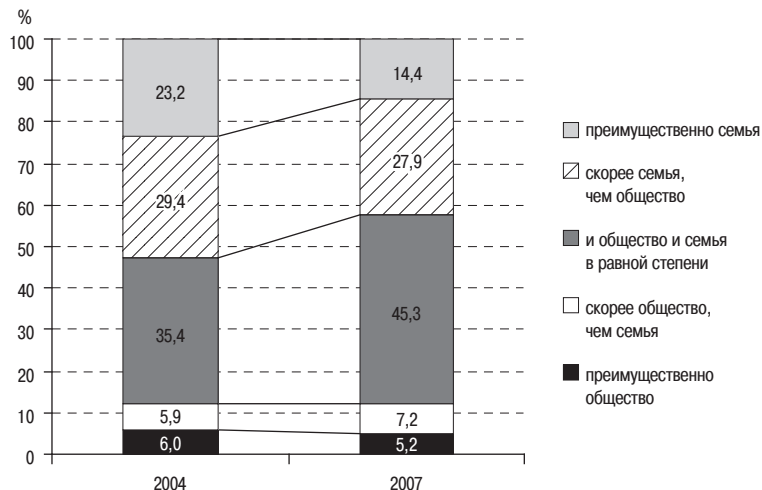

Рисунок 3

Кто должен заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому?
(% ответов респондентов в 2004 и 2007 гг.)

В целом, респонденты чаще возлагают на общество ответственность за детей школьного возраста, чем в случае с малолетними детьми, и это мнение в 2007 г. только усилилось. Закономерно, что чем старше объект заботы, тем в меньшей степени ответственность за него население

возлагает исключительно на семью. Это подтверждает и анализ ответов на вопрос: «*Кто должен заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому?*»: больше половины опрошенных в 2004 г. считали, что забота о престарелых — это в основном дело семьи, а в 2007 г. их число сократилась до 42%. Одновременно на такую же величину выросла доля респондентов, полагающих, что ответственность за престарелых с ограниченными возможностями самообслуживания должна быть разделена поровну между семьей и обществом (рис. 3).

Таким образом, по вопросам ответственности за заботу о наиболее слабых членах общества (детях и престарелых), общественное мнение только за три года существенно изменилось в сторону роста осознания необходимости совместного попечения семьи и общества. При этом наблюдается явная ориентация на усиление ответственности общества и государства за нетрудоспособных членов общества. Скорее всего, респонденты (в основном в лице работающих матерей) ждут от государства создания условий, которые помогли бы семье заботиться о детях и престарелых.

Кто должен материально помогать бедным?

Если в отношении заботы о детях и престарелых большинство склоняется к тому, что о них должна заботиться семья, или семья и общество в равной степени, то в вопросах оказания материальной помощи *бедным* (и пожилым, и молодым семьям с детьми) представления населения полностью противоположны: более половины респондентов считают это делом общества, и только около 10% из них относят материальную поддержку бедных исключительно к обязательствам семьи (рис. 4 и 5).

Однако и здесь за три года произошли определенные изменения. Если в рамках первого обследования 27% опрошенных считали, что ответственность за материальную поддержку бедных должна быть поделена в равной мере между государством и семьей, то по результатам повторного опроса таких было уже 32%. Это значит, что в отношении материальной помощи бедным общественное мнение также изменилось в направлении совместной заботы семьи и государства. Но эти трансформации произошли не за счет сокращения доли респондентов, ранее ориентированных на семью (как это было в случае с заботой о детях), а за счет изменения точки зрения тех, у кого три года назад была установка на полную ответственность общества.

Тем не менее рассчитывать в вопросе материальной помощи бедным только на государство не позволяет низкий уровень развития социальной сферы в стране. Результаты многочисленных обследований показывают, что социальная помощь бедным не является для них

Рисунок 4

Кто должен обеспечивать денежную помощь бедным пожилым?
(% ответов респондентов в 2004 и 2007 гг.)

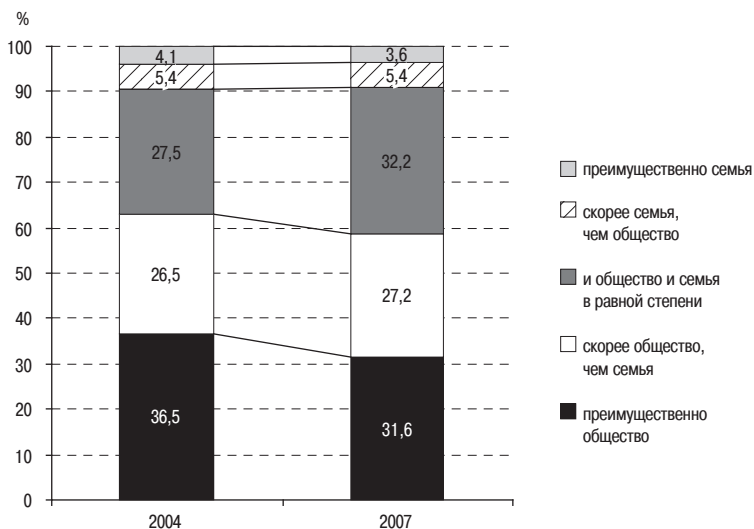
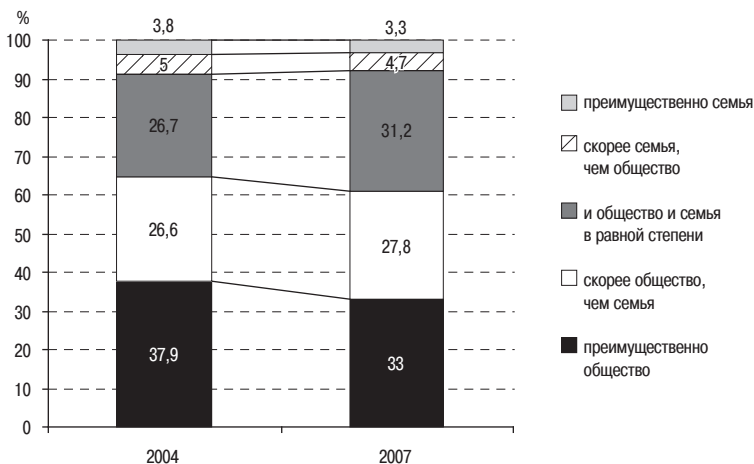

Рисунок 5

Кто должен обеспечивать денежную помощь бедным молодым семьям с детьми?
(% ответов респондентов в 2004 и 2007 гг.)

сколько-нибудь значимой, особенно для семей с детьми. Наиболее существенной для бюджета семей является межсемейная поддержка, которая значительно превосходит государственную помощь по мас-

штабам и важности [Анализ социально-экономического положения многодетных семей, 2007; Семья и дети в России..., 2009; Корчагина, Прокофьева, 2008].

Таким образом, во взглядах людей на роль общества и семьи в поддержке детей и престарелых, с одной стороны, и материальной помощи бедным семьям (и пожилым, и молодым, имеющих детей) — с другой, за три года произошло некоторое сближение, выразившееся в увеличении доли считающих, что эти проблемы должны решаться совместно и семьей, и обществом.

Родители и дети: взаимные обязательства

Роль семейно-родственных связей важна как для общения, так и для решения различных семейных и личных проблем. Высокое значение межсемейной поддержки обусловлено тем, что, как правило, самый тесный круг общения человека составляют его близкие родственники (дети, родители, бабушки и дедушки). Обследование Левада-центра подтверждает: «Родственные отношения, основанные на контактах с детьми, относятся так же, как и контакты с родителями, к наиболее востребованным в России... Степень открытости и доверия к другим людям, не принадлежащим к близкому кругу (дальние родственники, друзья), в России является достаточно низкой» [Хажулина, 2006].

Близкие родственники составляют тот социальный капитал, который можно «использовать» в трудной жизненной ситуации и который помогает решать важные проблемы текущей жизни. Помощь родственников становится значимой и незаменимой, если в семье есть маленькие дети или престарелые, особенно в условиях недостаточного развития или даже отсутствия в России государственных сетей, берущих на себя в случае необходимости заботу о них (группы продленного дня для детей младшего школьного возраста, дома для престарелых с высоким качеством обслуживания и т.д.). Существование платных услуг такого рода не снимает проблему, поскольку из-за высокой стоимости они практически недоступны большинству российских семей. Чем слабее развита в стране социальная инфраструктура, способная предоставить семье необходимую поддержку в заботе о детях и престарелых, тем сильнее роль неформальных сетей поддержки и прежде всего межсемейных.

Вместе с тем исследования последних лет фиксируют ослабление и даже в какой-то степени разрушение родственных уз в современном обществе. Обследование общественного мнения, проведенное ВЦИОМом в 2009 г., показывает, что не для всех респондентов семья является главной опорой в условиях экономических трудностей. И все же 56% респондентов в случае кризиса рассчитывают в первую очередь на поддержку родственников и лишь 5% ищут помощи у государства.

Семьи не только надеются на помощь ближайших родственников в трудной ситуации, но и получают ее в 61% случаев. Еще 13% респондентов отвечают, что недостаточно чувствуют, а 8% — что совсем не ощущают поддержки родственников в условиях трудной жизненной ситуации [Семья на фоне кризиса, 2009].

В обследовании РидМиЖ 2004 и 2007 гг. респондент должен был выразить степень согласия с утверждениями о необходимости взаимной поддержки между различными поколениями одной «большой» семьи. Опрошенные высказывали свое согласие или несогласие в отношении суждений, характеризующих разные уровни помощи между поколениями — от простой констатации необходимости заботы до ее конкретных проявлений (материальная помощь, готовность изменить свою жизнь или профессиональную карьеру в случае необходимости).

Результаты обследования 2004 г. показали высокую степень готовности населения включаться в межсемейные сети поддержки, будь то помощь взрослым детям или пожилым родителям. Когда утверждение формулируется относительно абстрактно («должны заботиться», «должны оказывать денежную помощь»), с ним соглашается подавляющее большинство респондентов (70–75%). Но при переходе к более конкретному утверждению, подразумевающему активные действия (например, «должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь детям»), доля согласившихся снижается до 56%, причем полностью согласны лишь 10% опрошенных (табл. 1 и 2).

Сравнивая данные двух волн обследования по этим вопросам, можно заметить, что взгляды людей на межсемейную и межпоколенческую поддержку наиболее стабильны и не сильно изменились за три года разделяющие эти опросы. Однако и здесь наблюдается определенная тенденция: при повторном опросе произошло «перетекание», хотя и незначительное, ответов из позиций, отражающих согласие с утверждением (полностью согласны/согласны) в промежуточную позицию (и да, и нет) или даже в позиции, выражающие полное отрицание (не согласны/совсем не согласны).

Наиболее сильно изменилось мнение респондентов относительно взаимной финансовой поддержки родителей и взрослых детей («Родители должны оказывать денежную помощь своим детям, если у них возникают финансовые проблемы» и «Дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у родителей возникают финансовые проблемы»). Доля согласных с такими позициями в 2007 г. сократилась на 5 п. п., и одновременно выросла доля нечетко определившихся во взглядах на эти проблемы (и да, и нет), а также не согласных с этими утверждениями.

В целом, по всем вопросам, касающимся межсемейной и межпоколенческой поддержки, можно констатировать некоторое повышение

**Должны ли родители и старшие родственники помогать своим взрослым детям?
(% ответов респондентов)**

Варианты ответов	Год	Полностью согласны	Согласны	И да, и нет	Не согласны	Совсем не согласны
Если взрослые дети оказываются в затруднительном положении, родители должны изменить свою жизнь, чтобы помочь детям	2004	10,7	47,6	26,2	14,4	1,2
	2007	10,6	42,2	29,8	15,2	2,3
Родители должны оказывать денежную помощь своим взрослым детям, если у тех возникают финансовые проблемы	2004	13,0	58,3	22,4	5,8	0,5
	2007	13,2	53,1	25,2	7,3	1,2
Бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать	2004	19,3	56,2	16,5	7,3	0,8
	2007	17,2	53,9	19,8	8,0	1,2

Источник: здесь и далее — обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (Россия, НИСП, 2004 и 2007 гг.).

за три года доли лиц, не способных однозначно определить свою позицию, и поэтому выбирающих ответ «*и да, и нет*» (табл. 1 и 2). Вероятно, усиление роли государства во всех сферах жизни на фоне нестабильности общей социальной ситуации в стране приводит к пересмотру в сознании людей таких явлений, как общественный и семейный патернализм. Для старшего поколения это отчасти возврат к старым дореформенным понятиям, а для молодежи — новое явление, которое требует осознания, что, в свою очередь, приводит к росту числа респондентов четко не определивших свое отношение к предлагаемым обстоятельствам, и остановивших свой выбор на промежуточном варианте ответа (*и да, и нет*).

В представлениях людей происходит размывание границ распределения ответственности, как между семьей и обществом, так и между членами одной семьи. Стабильное развитие экономики, отсутствие социальных потрясений⁵, сложившийся уклад жизни, частью которого являются родственные отношения, наоборот, формируют устойчивые представления как о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых, так и о важности межсемейной взаимопомощи. По предварительным данным аналогичного панельного опроса, проведенного во Франции в 2005 и 2008 гг., за три года население практически не меняло своего мнения ни по одному из представленных вопросов.

⁵ Опрос проводился в преддверии пика мирового экономического кризиса.

Таблица 2

**Должны ли дети помогать своим престарелым родителям?
(% ответов респондентов)**

Варианты ответов	Год	Полностью согласны	Согласны	И да, и нет	Не согласны	Совсем не согласны
Дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи	2004 2007	39,6 36,1	56,7 57,8	3,3 5,2	0,4 0,7	0,1 0,1
Дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у родителей возникают финансовые проблемы	2004 2007	21,4 19,7	65,7 62,4	10,7 15,3	2,0 2,2	0,2 0,4
Дети должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой	2004 2007	21,7 19,0	50,0 48,0	20,5 24,2	7,3 7,7	0,6 1,1
Дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях	2004 2007	14,2 13,2	44,8 41,0	30,3 32,2	10,2 12,5	0,5 1,0
Когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за это, чем сыновья	2004 2007	9,6 9,4	31,3 27,5	24,1 25,4	31,7 32,3	3,3 5,4

Социально-демографические характеристики респондентов, изменивших за три года свое мнение

Как уже отмечалось, наибольшие изменения произошли в оценках населением положений, связанных с разграничением общественного и семейного патернализма. Восприятие любой системы ценностей зависит как от индивидуальных характеристик респондента, так и от социальной среды, в которой он живет. К каким социальным и демографическим группам населения принадлежат респонденты, изменившие за три года свое мнение на проблему ответственности государства и семьи в вопросах заботы о детях и престарелых? Как влияет на трансформацию восприятия индивида его пол, возраст, образование, вид деятельности, состав семьи, число детей, а также тип поселения, в котором он проживает?

Анализ показал, что точку зрения на вопросы распределения обязанностей между семьей и обществом в части заботы о детях и преста-

Изменение общественного мнения за 2004–2007 гг. по вопросам заботы о престарелых и детях, в зависимости от пола респондента (в процентных пунктах к 2004 г.)

Кто должен:	Общество		Общество и семья в равной степени		Семья	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	-0,1	+0,6	+7,6	+11,1	-7,5	-9,8
Заботиться о детях дошкольного возраста	+1,0	-0,2	+10,7	+13,6	-11,7	-13,4
Заботиться о школьниках вне школы	+2,5	+2,0	+4,5	+6,3	-7,0	-8,3

релых поменяли и мужчины и женщины, но в большей степени это характерно для женщин, особенно по вопросам заботы о детях дошкольного возраста. Доля женщин, которые считают заботу о наименее защищенных группах населения совместной обязанностью семьи и общества, возросла за три года на 6–14 п. п., в то время как для мужчин этот диапазон составляет 4–11 п. п. (табл. 3).

Что касается возрастных различий, то в 2004 г. люди старшего поколения чаще, чем представители других возрастных категорий, по всем вопросам, касающимся заботы о детях, рассчитывали на семью, а ответственность за заботу о престарелых возлагали в большей степени на государство. Кроме того, по данным первого опроса, с увеличением возраста уменьшалось число респондентов, считающих, что забота о детях и престарелых должна ложиться в равной мере как на общество, так и на семью. В 2007 г. среди представителей старших возрастных групп заметно возрастает число тех, кто снимает с семьи эксклюзивную ответственность, но полагает, что заботиться о наименее защищенных категориях населения должны совместно и семья, и общество. Таким образом, доля ориентированных на семью в вопросах заботы о слабых членах общества сократилась во всех возрастных группах, но наиболее существенно это произошло среди людей старшего поколения (старше 70 лет) (табл. 4).

Люди старшего поколения склонны ждать поддержки от общества, поскольку в этом возрасте сами начинают остро нуждаться в помощи со стороны, но в силу разных причин не могут надеяться на родственников, а многие вообще остаются одиночками. Из табл. 5 и 6 видно, что респонденты, имеющие детей и (или) проживающие в сложных домохозяйствах (совместное проживание нескольких поколений: ро-

Таблица 4

Изменение общественного мнения за период 2004–2007 гг. по вопросам заботы о престарелых и детях, в зависимости от возраста респондента (в процентных пунктах к 2004 г.)

Кто должен:	Вариант ответа	В зависимости от возраста респондента (лет)					
		<30	30–39	40–49	50–59	60–69	>70
Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	общество	-1,0	0,0	+0,2	+2,0	-0,2	-0,3
	и общество и семья	+6,5	+8,9	+8,8	+10,5	+11,3	+15,4
	семья	-5,5	-8,9	-9,0	-12,5	-11,1	-14,9
Заботиться о детях дошкольного возраста	общество	+0,5	+0,2	+0,1	+0,1	+0,1	+0,2
	и общество и семья	+8,2	+10,8	+13,3	+12,4	+14,4	+16,5
	семья	-8,7	-11,0	-13,4	-12,5	-14,5	-16,7
Заботиться о школьниках вне школы	общество	+0,2	+2,1	+3,2	+3,1	+0,2	+4,0
	и общество и семья	+3,6	+4,8	+4,4	+6,4	+5,9	+11,1
	семья	-3,8	-6,9	-7,6	-9,5	-6,1	-15,1

Таблица 5

Изменение общественного мнения за период 2004–2007 гг. по вопросам заботы о престарелых и детях, в зависимости от числа детей (в процентных пунктах к 2004 г.)

Кто должен:	Вариант ответа	Число детей:		
		нет детей	один ребенок	два и более
Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	общество	+0,3	0,0	+1,3
	и общество и семья	+11,2	+9,2	+5,2
	семья	-11,5	-9,2	-6,5
Заботиться о детях дошкольного возраста	общество	0,0	+0,7	+0,2
	и общество и семья	+13,5	+12,0	+9,8
	семья	-13,5	-12,7	-10,0
Заботиться о школьниках вне школы	общество	+2,2	+2,4	+1,7
	и общество и семья	+6,1	+5,6	+3,4
	семья	-8,3	-8,0	-5,1

дители, дети, бабушки и дедушки), за три года, прошедших с момента первого опроса, в большей степени сохранили веру в семью в вопросах заботы о детях и престарелых. Причем число детей также имеет значение: чем их больше, тем чаще респонденты надеются на семью

Таблица 6

Изменение общественного мнения за период 2004–2007 гг. по вопросам заботы о престарелых и детях, в зависимости от типа семьи респондента (в процентных пунктах к 2004 г.)

Кто должен:	Общество		Общество и семья в равной степени		Семья	
	простые семьи	сложные семьи	простые семьи	сложные семьи	простые семьи	сложные семьи
Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	+0,3	+0,7	+10,9	+7,1	-11,2	-7,8
Заботиться о детях дошкольного возраста	+0,5	-0,4	+13,5	+10,1	-14,0	-9,7
Заботиться о школьниках вне школы	+2,5	+1,3	+6,2	+4,2	-8,7	-5,5

и тем в меньшей степени они за три года поменяли свое мнение по проблемам разделения ответственности между государством и семьей за нетрудоспособных членов общества.

Еще одна индивидуальная характеристика, влияющая на восприятие семейных ценностей, — уровень образования респондента. По результатам анализа выделяются две категории — респонденты с начальным и средним специальным образованием, которые в течение трех лет существенно поменяли свой взгляд на проблему ответственности за детей и престарелых, причем в большей степени изменения коснулись мнений населения с самым низким уровнем образования (незаконченная средняя школа). В 2004 г. респонденты этой группы меньше других были склонны сомневаться в выборе попечителя для детей и престарелых, но при последующем опросе их воззрения претерпели наибольшие трансформации. Так, прирост числа респондентов с низким уровнем образования, считающих, что заботиться о престарелых людях, которым нужен уход на дому, должны совместно и семья, и общество, составил за три года почти 14,7 п. п., в то время как, например, среди опрашиваемых с высшим образованием — 7,2 п. п., т.е. оказался в два раза ниже (*табл. 7*).

В ответах респондентов, проживающих в различных типах поселений, отличия не значительны, но все-таки заметны. Так, сельские респонденты в меньшей степени поменяли свое мнение (особенно, что касается заботы о престарелых) (*табл. 8*). Традиционный характер жизни в сельской местности, при котором семья — главный защитник и опекун ее слабых членов, способствует сохранению патриархальных взглядов на семью. Слабое развитие социальной сферы на селе по сравнению с городом также не позволяет быстро реагировать на вызовы современного общества.

Таблица 7

Изменение общественного мнения за период 2004–2007 гг. по вопросам заботы о престарелых и детях, в зависимости от образования респондента (в процентных пунктах к 2004 г.)

Кто должен:	Вариант ответа	В зависимости от образования респондента (лет)				
		начальное	среднее общее	начальное профессиональное (пту)	среднее специальное (техникум)	высшее
Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	общество	+0,2	-0,1	+0,2	+0,6	+0,7
	и общество и семья	+14,7	+7,2	+7,8	+11,2	+7,2
	семья	-14,9	-7,1	-8,0	-11,8	-7,9
Заботиться о детях дошкольного возраста	общество	-0,2	-0,5	0,0	+0,4	+1,0
	и общество и семья	+14,8	+12,0	+10,7	+14,0	+10,3
	семья	-14,6	-11,5	-10,7	-14,4	-11,3
Заботиться о школьниках вне школы	общество	+3,3	-0,8	+3,3	+2,3	+2,3
	и общество и семья	+8,6	+7,0	+3,7	+5,3	+4,4
	семья	-11,9	-6,2	-7,0	-7,6	-6,7

Таблица 8

Изменение общественного мнения за период 2004–2007 гг. по вопросам заботы о престарелых и детях, в зависимости от типа поселения (в процентных пунктах к 2004 г.)

Кто должен:	Вариант ответа	В зависимости от типа поселения:			
		Областной центр	Город	ПГТ	СНП
Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	общество	-0,3	+0,5	-1,3	+1,4
	и общество и семья	+10,5	+11,4	+11,1	+7,6
	семья	-10,2	-11,9	-9,8	-9,0
Заботиться о детях дошкольного возраста	общество	+0,7	-0,7	+1,0	+0,4
	и общество и семья	+12,9	+13,4	+12,5	11,6
	семья	-13,6	-12,7	-13,5	-12,0
Заботиться о школьниках вне школы	общество	+1,0	-1,2	+11,9	+4,7
	и общество и семья	+7,7	+4,3	+3,2	+5,0
	семья	-8,7	-3,1	-15,1	-9,7

Как уже отмечалось, взгляды людей на межсемейную и межпоколенческую поддержку несущественно изменились за три года между обследованиями. Однако существуют гендерные и возрастные различия в трансформации мнений опрашиваемых по некоторым положениям, касающимся альтруистического поведения людей, особенно женщин.

Во-первых, интерес представляет анализ вопроса: *«Когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за это, чем сыновья»*, при ответах на который проявились значимые гендерные различия. Если в первом опросе 44,2% женщин выражали в случае необходимости готовность активнее, чем мужчины (34%), заботиться о старшем поколении, то в 2007 г. их доля сократилась на 6 п. п. Причем только четверть изменивших свой взгляд на проблему не конкретизируют позицию (ответ *«и да, и нет»*), остальные перешли в категорию придерживающихся мнения о равной ответственности женщин и мужчин в этом вопросе. Следует отметить, что мужчины, считающие, что дочери должны нести большую ответственность за старшее поколение, за время, прошедшее с момента опроса 2004 г., свое мнение практически не поменяли.

Современный мир ломает рамки традиционной семьи, в которой дети призваны обеспечивать благополучную старость родителей. Поэтому среди молодых респондентов (до 30 лет) почти в 2,5 раза по сравнению с людьми старшего поколения (старше 60 лет) сократилась доля согласных с повышенной ответственностью дочерей за пожилых родителей.

Второй вопрос, требующий более детального анализа: *«Дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях»*. Несмотря на то что, в целом по совокупности, изменивших свое мнение по этому вопросу не так много, следует отметить высокую дифференциацию ответов по возрастным группам. В позициях всех возрастных групп произошли некоторые изменения, но наибольшее число поменявших мнение о согласии с этим утверждением, наблюдается в возрастной группе 30–40 лет — возраста наибольшей трудовой активности и вместе с тем периода, когда уже возникает настоятельная необходимость поддерживать стареющих родителей. Проецируя указанную гипотетическую ситуацию на себя, респонденты не хотят и часто не могут свою трудовую карьеру приносить в жертву семье. Поэтому в этой возрастной группе почти в 3 раза по сравнению с людьми старшего поколения сократилась доля согласных подстраивать свою жизнь под проблемы членов семьи, нуждающихся в уходе. Интересно отметить, что по данному вопросу существенных разногласий между ответами мужчин и женщин не выявлено.

Заключение

Таким образом, анализ панельных данных обследования РИДМИЖ показал, что, несмотря на то что большинство россиян пока еще придерживаются традиционных взглядов на семью, современный образ жизни, изменение его уклада во многом провоцируют процесс размывания социальной роли института семьи. Если условно разделить ценностные предпочтения респондентов на традиционные—современные или альтруизм—индивидуализм, то можно отметить, что всего за три года по многим вопросам произошел сдвиг в сторону роста последователей современных или индивидуалистических воззрений, что созвучно с выводами российских ученых о том, что культура нашей страны формировалась в трудных экологических условиях, и уровень коллективизма, а также значение иерархии были велики, а в настоящее время жители России больше стремятся к индивидуальному успеху [Лебедева, 2007].

Трансформация традиционных взглядов российского населения на роль семьи происходит в направлении культурных ценностей, господствующих в развитых странах Европы, согласно которым родители не должны брать на себя такую большую ответственность за своих уже взрослых детей, как это принято в России, а развитая система социальной поддержки пожилых со стороны государства позволяет взрослым детям целиком посвящать себя карьере и одновременно быть спокойными за престарелых родителей [Lefèvre, Prokofieva, Korchagina, 2008].

Анализ показывает, что в стране идет процесс разрушения старых поведенческих норм, но у населения еще не сформировались новые взгляды на распределение ролей между семьей и обществом, вследствие чего сокращается численность граждан, имеющих ясные и четкие представления о разграничении ответственности между ними. Вместе с тем можно предположить, что декларации о необходимости активной социальной политики на уровне государства провоцируют повышенные социальные ожидания поддержки наименее защищенных слоев населения, что выразилось в сдвиге общественного мнения в сторону совместной ответственности за них общества и семьи.

В вопросах о межсемейной поддержке наметилась тенденция, свойственная нестабильным обществам, в которых быстро меняются привычные нормы жизни, но сознание людей не успевает измениться также быстро. Это не позволяет населению четко определиться с выбором своей позиции при опросах, и ответ «и да, и нет» (доля которого возросла за три года) в какой-то степени можно расценивать как «затрудняюсь ответить».

Литература

1. Анализ социально-экономического положения многодетных семей / Под ред. Л.М. Прокофьевой. — М.: Минздравсоцразвития РФ, 2007.
2. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. — М.: НИСП, 2007. Вып. 1. С. 313–344.
3. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Региональные программы социальной поддержки многодетных семей: что знает о них население // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (СПЭРО). 2008. №6. С. 67–85.
4. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Лефевр С. Ценности семьи и ее роль в заботе о стариках и детях. Материалы международной научной конференции «Население, семья, уровень жизни», посвященной Году семьи и 20-летию ИСЭПН РАН. — М.: ИСЭПН, 2008. С. 71–79.
5. Лапин Н.И., Беляева Л.А., Здравомыслов А.Г. и др. Динамика ценностей населения реформируемой России. — М., 1996.
6. Лебедева Н.М. Культура и экономическое развитие: существует ли связь? — VIII Международная научная конференция «Модернизация экономики и общественное развитие», 2007; www.hse.ru/data/688/663/1234/20.doc
7. Орджоникидзе М. Западные ценности в восприятии россиян // Вестник общественного мнения (Аналитический центр Юрия Левады). 2007. №2.
8. Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее / Под ред. Л.Н. Овчаровой и Л.М. Прокофьевой. — М.: ИСЭПН РАН, 2009.
9. Семья на фоне кризиса // ВЦИОМ. Пресс-выпуск. №1225. 18.05.2009.
10. Хахулина Л. Человек в системе социальных связей // Вестник общественного мнения. Левада-Центр. 2006. №1. С. 39–49.
11. Lefèvre C., Prokofieva L., Korchagina I. Une comparaison France Russie des opinions sur le rôle de la famille dans l'aide aux personnes âgées à partir des enquêtes Genre et Générations. — Québec: AIDELF, 2008.

ТРУДОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ НАСЕЛЕНИЯ И ДОМОХОЗЯЙСТВА

---

*Бурдяк А.Я.,
Поливин О.С.*

Длительность поиска первой работы выпускниками учебных заведений России в переходный период

Введение

Переход от учебы к работе — важный этап в жизни каждого человека. Успешное трудоустройство выпускников — показатель эффективности инвестиций государства и населения в образование, залог активной включенности молодежи в рынок труда, поэтому очень важно понимать ограничения и трудности, возникающие на этом этапе. В переходный период начиная с 1991 г. российский рынок труда претерпел ряд серьезных изменений, затронувших практически все слои населения. Однако степень воздействия этих перемен была очень разной, многие занятые сменили не только место работы, но и сектор занятости. Выпускники же учебных заведений данного периода оказались в особых условиях, так как были в полной мере включены в новые экономические условия уже на старте своей карьеры. Изучению первого трудоустройства выпускников учебных

заведений в условиях переходной экономики в России и посвящено данное исследование.¹

Цель данного исследования — оценить влияние факторов рынка труда и индивидуальных характеристик выпускников учебных заведений на длительность поиска первой работы.

Изложение структурировано следующим образом. Сначала представлен краткий обзор российского рынка труда и особенностей его трансформации. На его основании авторы высказывают ряд гипотез о возможной динамике длительности поиска первой работы на фоне происшедших институциональных перемен и о факторах, влияющих на длительность. Затем мы переходим к рассмотрению первого трудоустройства (переход «учеба—работа») на эмпирических данных трудовых биографий. На данную тему в России и в других странах написан целый ряд работ, среди них можно найти анализ влияния характеристик индивида и полученного образования на вовлеченность в рынок труда. Новизна нашей статьи состоит в изучении влияния факторов именно на *длительность* поиска первой работы в условиях переходной экономики России и в оценках влияния на нее ряда институциональных факторов и индивидуальных характеристик респондента.

Далее исходя из особенностей российского рынка труда и результатов других исследований мы сформулируем основные гипотезы расчетов. Мы продолжаем здесь исследование, описанное ранее [Бурдяк А., 2007], но на этот раз более тщательно отбираем целевую группу и применяем новые методы к анализу факторов длительности трудоустройства. Прежде всего это использование, помимо стандартной модели пропорциональных рисков Кокса (статическая модель), еще и регрессии Кокса с зависящими от времени объясняющими переменными (динамическая модель). Результаты моделирования длительности поиска первой работы на ретроспективных данных опроса «Образование и занятость» (EES2) позволяют сделать ряд выводов, завершающих изложение.

Обзор литературы

Трансформация рынка труда

Переходный период в России отсчитывается от конца 1991 г., когда резко сократился спрос на труд и начались серьезные структурные изменения в экономике. Разрыв связей между предприятиями, либе-

---

¹ Авторы искренне признательны Т.М. Малевой за идею данного исследования, Российской экономической школе (РЭШ) за информационную поддержку и доступ к уникальной библиотеке, руководству НИСП и АНЦЭА за проведение практики студентов экономического факультета МГУ в институте, а также выражают благодарность Л.И. Ниворожкиной, Тэду Герберу (Ted Gerber), Тому Купэ (Tom Courpe) и участникам семинаров EERC 2007 и 2008 гг. за ценные замечания и практические советы.

² Более подробно об обследовании «Образование и занятость» (EES) будет сказано в разделе *Данные* этой статьи.

рализация цен и снижение бюджетных расходов ударили по еще недавно плановой экономике, что привело к росту безработицы, снижению заработной платы и сокращению длительности рабочего времени [Обзор занятости..., 2002]. В отличие от других переходных экономик, российский рынок труда не продемонстрировал взрывного роста безработицы, а пошел по пути преимущественно зарплатной адаптационной подстройки. Кроме задержек заработной платы и перевода части ее в теневую форму характерными и воспринимаемыми как должное стали вторичная занятость и занятость в неформальном секторе. Изучение хода трансформационных процессов в России и сравнение с другими странами позволили ученым говорить об уникальной модели рынка труда в России [Гимпельсон В., Капелюшников Р., 2007]³.

В переходный период существенно изменилась структура занятости в экономике: увеличилась численность занятых в торговле, банковском секторе и сфере услуг и снизилась в промышленности. Произошло массовое перемещение рабочей силы из крупных и средних в малые предприятия, свыше 40% работников сменили профессию, причем две трети из них — в начальный период реформ 1991–1995 гг. (расчеты по данным РМЭЗ [Гимпельсон В., Капелюшников Р., 2006]).

В отдельные годы почти четверть персонала российских крупных и средних предприятий переводилась на сокращенное рабочее время или отправлялась в административные отпуска. 10–15% занятых имели дополнительную работу, по данным различных источников. Неформальной трудовой деятельностью (вне сектора предприятий и организаций) был занят почти каждый пятый работник [Там же]. В пиковые годы задержки заработной платы охватывали три четверти всего работающего населения страны. Неофициальная заработная плата, по оценкам Госкомстата России, достигала 40% от официальной.

И хотя предприятия предпочитали не увольнять работников, а отправлять их в вынужденные отпуска, набор нового персонала в сложной ситуации сворачивался. Существовавшая в советский период система распределения выпускников, когда молодым специалистам вместе с дипломом вручалось направление на работу, тоже рухнула, и постепенно эту нишу стали занимать рекрутинговые агентства. Но география данной практики, стандартной для рыночной экономики, была не так обширна и включала в основном крупные города; да и среди охваченных специальностей тоже наблюдались пробелы, в основном рекрутинг был нацелен на специалистов с опытом, а не на выпускников [Кабалина, 1999]. В средних и мелких поселениях

---

³ См. работы ЦеТИ ВШЭ и В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой, например, «Заработная плата в России: эволюция и дифференциация», а также ряд статей, упомянутых в ссылках этой книги.

институциональной помощью в трудоустройстве занимались только государственные службы занятости, деятельность которых направлена главным образом на назначение и выплату пособий по безработице [Матвеев В., Савельев П., 2004]. Важную роль в трудоустройстве в России в целом и трудоустройстве выпускников в частности играют социальные сети. Это обусловлено не только культурными традициями, но и необходимостью надежных неформальных договоренностей в условиях, когда существенная доля заработной платы в экономике имеет скрытый, или «серый», характер [Якубович, 2005].

Проанализируем, какие черты были присущи российской безработице переходного периода и насколько выпускники отличались от основной массы безработных. Наиболее уязвимыми на рынке труда среди отдельных социально-демографических групп населения традиционно являются женщины и молодежь. При сравнении с другими переходными экономиками [Капелюшников Р., 2001] в России гендерный аспект оказался незначимым: в отличие от других стран, вероятность попадания в безработные для женщин и мужчин была примерно одинакова в 1992–1999 гг. А в отношении молодежи Россия от других стран не отличается: безработица среди молодежи в России, как и везде в мире, выше, чем среди других возрастных групп. Но необходимо отметить, что по показателям молодежной безработицы и долговременной молодежной безработицы Россия более благополучна, чем страны Центральной и Восточной Европы. При этом в 1991–1999 гг. общая безработица в России (по методологии МОТ) превышала регистрируемую в 3,5–7 раз. Следует подчеркнуть, что коэффициент вариации региональных уровней общей безработицы составлял от 28 до 34 раз в разные годы — данное обстоятельство дает нам повод ожидать обнаружение региональных различий и в длительности первого трудоустройства.

Что касается уровня образования, российский рынок труда в течение всего переходного периода подтверждал общую закономерность: чем выше уровень образования, тем ниже риск попадания в безработные [Капелюшников Р., 2001]. Среди зарегистрированных безработных в 1995–1999 гг. выпускники вузов составляли 0,6–0,9%, средних специальных заведений — около 2%, общеобразовательных школ — от 2 до 3%, ПТУ — 2,5–3%. Поскольку государство и население тратят огромные средства (деньги, время, силы) на получение образования⁴, очень важ-

---

⁴ Согласно индексу образованности (Education Index) из отчета ООН за 2007/2008 г. Россия занимает 26 место из 177 стран. Данный индекс учитывает уровень грамотности взрослого (от 15 лет и старше) населения (%) и общем показателе обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях (%). См. сайт ООН Human Development Reports (United Nations Development Programme) (http://hdr.undp.org/en/media/HDR_20072008_EN_Indicator_tables.pdf). Россия — пятая среди стран ОЭСР по доле взрослого населения (25–64 лет), имеющего высшее и послевузовское образование — см.: [Образование в Российской Федерации, с. 465].

но, чтобы выпускники быстрее приступали к работе и эти инвестиции давали отдачу. За годы переходного периода система образования постоянно подстраивалась под меняющиеся запросы рынка труда, и мы ожидаем эмпирического подтверждения того, что выпускники, имеющие более высокое образование, быстрее устраиваются на работу.

В завершение затронем вопрос о том, все ли трудоспособные, желающие и имеющие физическую возможность работать, работают, и достигнут ли потолок уровня экономической активности населения. Данный вопрос широко обсуждается общественностью и экспертным сообществом [Денисова И., 2008]. Родители, особенно мамы, с маленькими детьми ограничены в доступе к рынку труда и составляют его группу резерва [Синявская О. и др., 2007]. Причинами этого ограничения являются недостаточная развитость системы детских дошкольных учреждений (нехватка мест в детских садах, неудобное время работы, недопускающее полную занятость матери), высокая стоимость услуг по уходу за детьми, потеря или ослабление социальных связей при временном уходе с рынка труда по причине рождения детей. В этой связи в ходе данного исследования важно численно оценить степень влияния наличия детей у выпускника (выпускницы) на длительность первого трудоустройства.

Переход «образование—работа» в других исследованиях

Своевременное трудоустройство молодежи после завершения образования является условием высокой занятости этой возрастной когорты и предотвращает переход ее представителей в состояние экономической неактивности [Рошин С., 2006]. В условиях старения населения и сокращения численности населения в трудоспособном возрасте поддержание высокого уровня экономической активности в стране является важной задачей, и трудоустройство выпускников должно стать одним из приоритетов государственной политики.

Кратко остановимся на публикациях, близких к теме нашего исследования, обращая внимание читателя на используемые базы данных, применяемые методы и полученные выводы. Первое трудоустройство отличается от других устройств на работу отсутствием второй главной составляющей человеческого капитала — опыта работы, поэтому исследование именно первого трудоустройства позволяет оценить нетто-эффект полученного образования на длительность поиска работы и качество полученной работы. В работе [Müller, Walter, Shavit, 1998] проводится сравнительный анализ качества первого трудоустройства в зависимости от уровня полученного образования в тринадцати странах, причем Россия среди них не рассматривалась. Приведа показатели образовательных систем и рабочих мест в разных секторах экономики к унифицированному виду и протестировав силу связей с помощью

логит-моделей, авторы приходят к выводу, что национальные институты влияют на силу и структуру связи «образование—работа» (school-to-work transition): чем более жесткая система регулирования в стране, тем предопределеннее место выпускника на рынке труда.

Первому трудоустройству и качеству полученной работы в России посвящено исследование [Gerber, 2003]. Анализируя данные ретроспективного опроса 4,8 тысяч респондентов, проведенного ВЦИОМом осенью 2000 г., автор делает вывод о том, что институциональные изменения, произошедшие в России в 1985–2000 гг., существенно не повлияли на структуру связи «образование—работа» и что эта связь одинаково устойчива и для мужчин, и для женщин. Стратификационные процессы оказались почти неизменными, несмотря на ослабление институционального регулирования. Кажущееся противоречие с выводами, сделанными при межстрановом сравнении упомянутыми выше исследователями, автор объясняет огромной инерцией системы: несмотря на отмену четких правил, люди продолжают действовать привычными для них путями, по-прежнему воспринимаемыми как норма.

Еще одна работа того же автора [Gerber, 2002] посвящена изучению структурных изменений российского рынка труда и анализирует влияние характеристик индивидуума на три вида смены работы: продвижение внутри фирмы, переход в другую фирму и увольнение по инициативе работодателя. Методом анализа является модель пропорциональных рисков с базовой компонентой непрерывно меняющейся со временем и отражающей влияние институциональных изменений на риск смены работы. Автор применяет модели длительности, которые применяем и мы. Большинство тестируемых гипотез сформулировано на основании исследований рынков труда стран с рыночной экономикой. В качестве независимых переменных в модель включены уровень образования, трудовой стаж, пол респондента, размер фирмы, тип населенного пункта, сектор трудоустройства, тип собственности предприятия. Рассматривая период 1991–1997 гг. на данных ретроспективного опроса ВЦИОМ, проведенного в I квартале 1998 г., автор приходит к выводу, что в России активность смены места работы из года в год повышается. Мужчины гораздо чаще меняют работу, причем преимущественно на лучшую, а женщины более постоянны и чаще меняют работу на такую же или худшую, с точки зрения проведенной автором классификации работ. В целом, автор находит произошедшие на российском рынке труда перемены движением к рыночности.

Переход молодежи от учебы (очного обучения) к работе, безработице или экономической неактивности, а также к временной занятости (приработкам) проанализирован в исследовании [Рощин С., 2006]. Основываясь на данных РМЭЗ за 1995–2003 гг., автор делает следую-

шие выводы: чем выше уровень полученного образования, тем выше занятость выпускников. Женщины с большей вероятностью становятся экономически неактивными, особенно после окончания школы и средних учебных заведений. Высшее образование выравнивает позиции мужчин и женщин — вероятности переходов от учебы к работе, безработице или экономической неактивности для них неразличимы. Проведенные автором эконометрические оценки ряда факторов на переход «учеба—работа» подтверждают эти выводы. Дополнительно представлен анализ рабочих мест, на которые трудоустраиваются выпускники, а также исследуется влияние работы студентов во время учебы на их последующее трудоустройство. В этом контексте стоит упомянуть публикацию [Нарышкина А., 2007], предлагающую теоретическую модель поиска работы с использованием нескольких каналов поиска и введением в рассмотрение сигнализирования.

Социологический аспект поиска работы составляют связи и знакомства. Порой при трудоустройстве не важно, что ты знаешь, главное — кого ты знаешь. Определению ролей формальных и неформальных связей в поиске работы посвящены исследования [Montgomery, 1992; Mow, 2003; Sorensen, Kalleberg, 1981; Yakubovich, 2005]. Также отметим публикацию [Рощин С., Маркова К., 2004], в которой анализируется выбор канала поиска работы на данных РМЭЗ 1995–2001 гг. Авторы показывают, что наиболее эффективной стратегией поиска в России являются социальные сети и что практика использования сразу нескольких каналов поиска является самой распространенной. Мы сознаем высокую значимость социальных сетей в условиях российского рынка труда, однако роль знакомств и других каналов поиска работы мы не тестируем по причине отсутствия данных об источниках информации и помощи родственников, друзей, знакомых в поиске первого места работы.

Так как среди прочих нами будет протестирована гипотеза о гендерных различиях длительности перехода от учебы к работе, следует упомянуть ряд публикаций, посвященных изучению роли женщин на рынке труда. Межстрановые сравнения динамики количества детей и уровня вовлеченности женщин в рынок труда в 1960–1990-х гг. по 21 развитой стране проводят [Brewster, Rindfuss, 2000]. Анализ факторов женской безработицы в Чехии и Словакии на микроданных можно найти в [John, Svejnar, Terrel, 1999]. Работы [Синявская О., Захаров С., Карцева М., 2007] и [Gerber, Mayogova, 2006] посвящены российскому рынку труда. Все перечисленные публикации подтверждают вывод о том, что женщины на рынке труда имеют более низкую резервную заработную плату, выше ценят свободный график работы в связи со своей ролью хранительницы домашнего очага и заботой о детях и родителях. В данной статье гипотеза определяющей роли резервной заработной платы непосредственно

тестироваться не будет, так как у нас нет информации об уровне зарплаты респондента на первой работе, а использование данных о средних зарплатах в регионе является слишком грубым приближением и может разрушить структуру модели. Но специфика ролевой функции женщины, бесспорно, является одним из факторов ее поведения на российском рынке труда, в том числе и при выборе первой после получения диплома работы. Наличие гендерной асимметрии длительности поиска первой работы будет нами эмпирически подтверждено.

Методика исследования

Основные гипотезы

Ситуация на рынке труда в России в переходный период, а также опубликованные на эту тему исследования, дают основания ожидать определенного (положительного или отрицательного) влияния следующих характеристик на длительность поиска первой работы:

- *пол респондента.* Мы ожидаем, что выпускники-юноши быстрее трудоустраиваются, чем девушки. Влияние может быть частично нивелировано тем, что зарплатные ожидания у юношей выше;
- *уровень образования.* Чем выше уровень полученного образования, тем быстрее выпускник трудоустраивается. Эта гипотеза вытекает из данных статистики о длительности поиска работы и из полученных другими авторами результатов более высокой занятости людей с образованием, но не является прямым следствием, так как мы исследуем длительность поиска именно первой работы. Образование повышает зарплатные ожидания соискателя и может сужать сегменты его потенциальной занятости, удлиняя поиск. Но условия российского рынка труда таковы, что работа не по специальности широко распространена [Капелюшников Р., Лукьянова А., 2009], и в связи высокой востребованностью образованных кадров соискатели с более высоким образованием трудоустраиваются в среднем быстрее;
- *наличие детей.* Наличие детей у выпускника снижает шанс быстрого трудоустройства. Во-первых, женщин с маленькими детьми менее охотно берут на работу; во-вторых, у выпускника с ребенком более высокая резервная заработная плата;
- *служба в армии.* Предстоящая служба в армии служит отрицательным стимулом для поиска работы;
- *уровень безработицы в регионе.* Чем выше безработица в регионе, тем ниже у выпускника шанс трудоустройства. Мы ожидаем, что высокая безработица в регионе не дает молодым специалистам преимуществ перед остальными безработными.

Статическая и динамическая модели длительности

Теоретической основой исследования длительности перехода от учебы к трудоустройству является стандартная модель поиска работы в условиях, когда индивид делает выбор всего между двумя состояниями — «работать» и «не работать» (Mortensen, 1986; Mortensen, Pissaridies, 1999). Вероятность трудоустройства при этом равна произведению вероятностей двух событий: 1) соискатель получит предложение от работодателя и 2) он это предложение примет. Первый множитель отражает интенсивность поиска, количество вакансий на локальном рынке труда, степень заинтересованности работодателя данным соискателем, его специальностью и другими индивидуальными характеристиками. Второй представляет главным образом соотношение предлагаемой зарплаты с минимальной суммой, за которую соискатель готов пойти работать, — резервная заработная плата. Эта сумма формируется под влиянием сложившегося на рынке уровня зарплат, ожиданий самого соискателя, дохода других членов его семьи, наличия иждивенцев, детей, остроты жилищной проблемы. С течением времени эти вероятности могут меняться: работодатель может воспринимать длительный поиск как негативный сигнал о «качестве» работника, вследствие длительной безработицы и снижения уровня доходов домохозяйства уменьшается значение минимальной заработной платы, подрастают дети.

Профессор Стивен Дженкинс (Stephen Jenkins), предложил использовать упрощенный подход к эмпирическому анализу поиска работы и вместо оценки вышеуказанных вероятностей и факторов, влияющих на них, напрямую оценить влияние этих факторов на итоговую вероятность трудоустройства [Jenkins, 2004]. На базе этого подхода строятся модели «времени жизни»⁵. Среди объясняющих переменных обычно рассматриваются параметры локального рынка труда, индивидуальные характеристики уровня человеческого капитала, демографические параметры, опыт работы, статус супруга (супруги) на рынке труда.

Из теории поиска работы следует, что вероятность трудоустройства снижается с течением времени поиска, так как снижается интенсивность самого поиска и вследствие длительной безработицы уменьшается уровень человеческого капитала. В то же время теория предсказывает наличие обратного влияния длительности поиска на вероятность трудоустройства: чем дольше индивид не работает, тем ниже уровень дохода в домохозяйстве, тем ниже заработная плата, за которую он готов начать работать [Devine, Kiefer, 1991]. Таким образом, теория не дает

---

⁵ По-другому в литературе они называются моделями дюрации, моделями длительности.

четкого однозначного ответа на вопрос о влиянии всех рассматриваемых факторов на длительность поиска работы, оцениваемом эмпирически.

Нужно отметить, что для исследований переходов на рынке труда привычные модели множественной регрессии не могут заменить использование моделей длительности по той причине, что наблюдения в выборке обычно являются цензурированными, и непосредственное применение метода наименьших квадратов даст смещенные и несостоятельные оценки параметров. Так, например, в нашем случае, если на дату опроса процесс поиска работы не завершился (у нас в выборке таких 5%), то мы не знаем, нашел ли респондент работу в будущем и нам неизвестно значение полной длительности этого процесса. Следовательно, все респонденты в выборке делятся на тех, кто еще ищет работу (входят в «группу риска») и тех, кто ее уже нашел (вышли из «группы риска»). В этом случае естественно применять модели длительности.

Более обстоятельно обзор моделей длительности и вопросов, касающихся их оценивания, представлены в статье [Kiefer, 1988], ознакомиться с которой мы предлагаем читателю самостоятельно. Среди прочих аспектов автор статьи показывает, как различные предположения о базовом распределении функции риска могут смещать итоговые оценки. Чтобы избежать подобного смещения в настоящем исследовании, мы применяем полупараметрические модели Кокса, не специфицирующие базовую функцию риска⁶.

Одним из методов, применяемых при исследовании моделей длительности, является регрессия Кокса, или модель пропорциональных рисков (proportional hazard regression model Cox (1972), марковские процессы (1960-е гг.)). Риск наступления события — это отношение вероятности наступления события к вероятности его ненаступления. Базовые предположения метода следующие:

- *линейность*. Все объясняющие переменные влияют линейно на логарифм функции риска;
- *независимость объясняющих переменных*. Все объясняющие переменные независимы. В случае присутствия взаимного влияния некоторых регрессоров в модель должны быть дополнительно включены функции их взаимодействия;
- *риски пропорциональны*. Для любых двух респондентов риски пропорциональны, и коэффициент пропорциональности не зависит от времени.

---

⁶ Наиболее часто модели длительности применяются при исследовании безработицы, с помощью данного метода безработица в России рассмотрена в [Ниворожкина Л. и др., 2002], [Денисова И. и др., 2003] и в Украине — в работе [Купец О., 2005].

Регрессия Кокса имеет вид:

$$h_i(t) = h_0(t) \times \exp(\beta_1 X_{i1} + \beta_2 X_{i2} + \dots + \beta_p X_{ip}), \quad (1)$$

где «базовый» риск $h_0(t)$, общий для всех индивидов, является функцией от времени и равен риску наступления события для индивида из референтной группы (для которого все $X_1, \dots, X_p$ равны нулю).

Как уже было сказано выше, регрессия Кокса не предполагает знания или оценок функций распределения переменных участников модели. Модель пропорциональных рисков оценивается методом максимального правдоподобия. В модель включаются два типа событий — завершённый поиск работы и незавершённый, т.е. случаи, когда респондент на момент опроса ещё продолжает искать работу и полная длительность процесса поиска нам неизвестна, тоже учитываются. Незавершённый поиск является цензурированным событием, и присутствие таких событий в модели даёт основания оценивать модели дюрации только с помощью метода максимального правдоподобия (ММП). Вторым аргументом в пользу ММП является включение в модель ряда дамми-переменных, нарушающих предположения о нормальности распределения регрессоров, — эти предположения существенны для корректного применения метода наименьших квадратов [Jenkins, 2004; Berndt, 1991]. Предположение о *пропорциональности* рисков является упрощением и подразумевает, что отношение рисков наступления события для любых двух индивидов i и j остается неизменным со временем:

$$\frac{h_i(t)}{h_j(t)} = \frac{\exp(\beta_1 X_{i1} + \beta_2 X_{i2} + \dots + \beta_p X_{ip})}{\exp(\beta_1 X_{j1} + \beta_2 X_{j2} + \dots + \beta_p X_{jp})}. \quad (2)$$

Регрессия (1), в которой X_i не зависят от времени является **статической регрессией Кокса**, так как в ней объясняющие переменные не зависят от времени.

Динамическая регрессия Кокса имеет тот же функциональный вид (1), но некоторые из регрессоров $X_1, \dots, X_p$ могут меняться со временем, т.е. зависят от t , и коэффициент пропорциональности (2) уже не является постоянным. Коэффициенты динамической модели интерпретируются более сложно, но для нас важнее сравнение влияния независимых переменных при переходе от статической к динамической регрессии Кокса.

Анализ длительности поиска работы после окончания образования будет неполным без учета влияния факторов, которые меняются во времени — показателей макроэкономического состояния рынка труда и индивидуальных характеристик респондентов. За счет повышенной гибкости динамическая модель поиска работы лучше, чем статическая,

согласуется с изучаемой проблемой. Мы включили в динамическую модель следующие переменные, отражающие изменения в жизни респондентов: регион, в котором находится респондент во время поиска работы (чтобы учесть миграцию), количество детей во время поиска работы. Набор характеристик макроэкономического состояния региона, в котором находится респондент в соответствующий момент времени состоит из следующих показателей: уровень экономической активности, уровень безработицы по МОТ, уровень зарегистрированной безработицы, численность зарегистрированных безработных на одну вакансию. У регрессии Кокса с зависящими от времени регрессорами есть тот недостаток, что применение кусочно-линейных функций от времени может снижать точность получаемых оценок, если динамика зависимой переменной имеет другую функциональную форму.

Подытоживая, можно сказать, что регрессия Кокса с пропорциональными рисками и регрессия Кокса с зависящими от времени объясняющими переменными дополняют друг друга, потому что первая модель использует более точные статистические процедуры, а вторая модель лучше соотносится с экономическим смыслом.

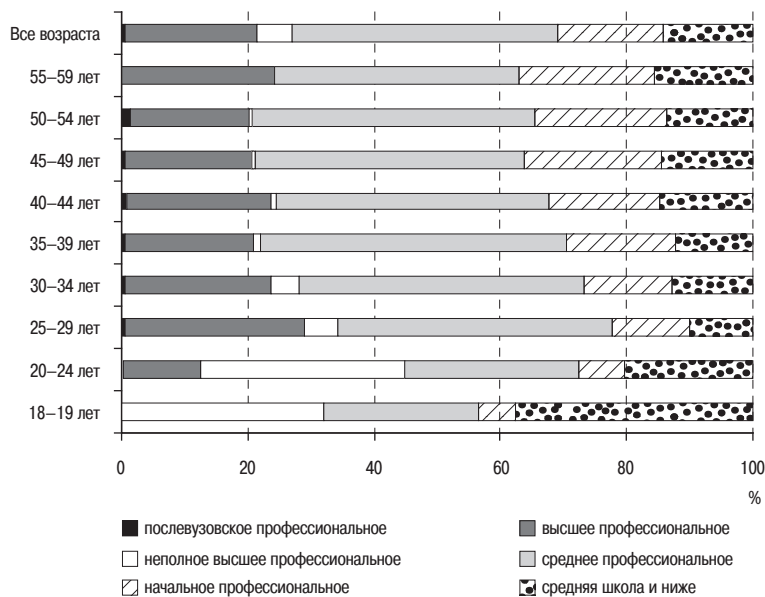
Данные и выборка

Базой данных для анализа служит массив обследования «Образование и занятость» (EES), проведенного Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Обследование EES проводилось на базе выборки обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004 г.)⁷ и охватило население в возрасте 19–55 лет из 32 регионов России. EES является ретроспективным опросом. Ежеквартальные сведения об образовании, работе и безработице 6455 респондентов в возрасте 17 лет и старше положены в основу ответов на поставленные вопросы. В анкете респонденты указывали, какое занятие (обучение, работа) в какой период времени для них являлось основным. Выборка опроса EES (2005) (*рис. 1*) хорошо согласована с данными Всероссийской переписи населения (2002). Следует отметить, что небольшой перевес представителей со средним

---

⁷ Подробное описание опроса РидМиЖ, а также его полная база данных доступны на сайте НИСП, в Едином архиве социологических данных: <http://sofist.socpol.ru/oprosy.shtml?ts=79&en=0>

Уровень образования респондентов различных возрастных категорий в выборке «Образование и занятость» (EES), %

Источник: расчеты авторов по массиву.

профессиональным образованием и недобор респондентов, окончивших только среднюю школу, наблюдаемый в возрастных категориях старше 40 лет, не искажает распределения более молодых возрастов, к которым относятся выпускники учебных заведений.

Перейдем к описанию процесса формирования целевой группы моделирования. Мы придерживаемся близкого к стандартному определения перехода от учебы к работе [OECD, 2000; Рощин С., 2006]: рассматривается образование респондента, которое было для него основным видом деятельности на данный период. При таком подходе вечерняя и заочная формы обучения часто выпадают из рассмотрения, так как они обычно совмещены с занятостью, и в такой ситуации именно занятость респонденты считают своим основным занятием. Очные формы обучения почти всегда отмечались респондентами как основное занятие. Спецификой массива данных EES является то, что временная занятость, длительностью до 3 месяцев в анкете не отражена. Нашей целью является извлечение из исходного массива EES истории поиска работы индивидом от момента окончания образования до момента начала работы. Для применения статической и динамической регрессий Кокса (модели пропор-

циональных рисков) длительности поиска первой работы мы создаем следующие переменные, касающиеся истории поиска работы:

- не меняющиеся во времени характеристики респондентов, зафиксированные на момент завершения образования: год рождения, пол, уровень полученного образования, количество детей и возраст, а также количество детей к моменту начала работы и т.п.;
- изменяющиеся во времени характеристики респондента: регион, в котором находится респондент во время поиска, количество детей во время поиска работы и т.п.;
- изменяющиеся во времени переменные, характеризующие макроэкономическое состояние региона, в котором находится респондент в соответствующий момент времени: уровень экономической активности, уровень безработицы по МОТ, уровень зарегистрированной безработицы, численность зарегистрированных безработных на одну вакансию — все по данным Росстата.

Годичные значения показателей линейно интерполированы на квартальный уровень. Так как мониторинг одних показателей рынка труда начался только с 1993 г., а других — с 1992 г., включение региональных переменных в модель приводит к сужению временных рамок анализа и сокращает выборку до 1436 респондентов. При сопоставлении результатов статического и динамического моделирования это обстоятельство надо учитывать. Выборка дает хороший региональный срез — расчетные средние значения показателей рынка труда по выборке EES близки к статистическим показателям по России (*табл. 1*).

Отметим особенности построения массива:

- 1) мы рассматриваем период от I квартала 1990 г. до III квартала 2005 г.;
- 2) под образованием понимается такое, которое было основной деятельностью респондента и на момент начала образования, и на момент его окончания. Краткосрочные курсы и образование, указанное как «прочее», нами не учитывались. Факт получения диплома, с точки зрения определения момента завершения образования, мы считали второстепенным по отношению к тому, что респондент считал получение образования основной деятельностью. Иными словами, мы учитывали респондентов, сменивших свое основное занятие с «учеба» на «работа», даже если эта смена произошла до момента получения диплома или в случае, если диплом не был получен вообще — таких случаев в выборке мало. В основном выбиралось последнее полученное образование, удовлетворяющее приведенным выше условиям, поскольку предполагалось, что после него произошел окончательный выход на рынок труда, и от этой даты велся отсчет длительности поиска работы;

- 3) устройство на работу — это первое устройство на работу после окончания образования, которое было основным занятием;
- 4) период между двумя этими событиями и есть время поиска работы;
- 5) время поиска работы между окончанием образования и устройством на работу корректировалось, если в этот промежуток времени респондент служил в армии или уходил в отпуск по беременности и по уходу за детьми — длительность этих занятий вычиталась. Это допущение принимается при осознании того, что поиск работы мог происходить еще до формального завершения отпуска по уходу за ребенком.

В выборе, учитывать или не учитывать время от момента получения диплома до момента начала службы в армии, как время поиска работы, мы склонились к первому варианту — учитывать. Тогда дамми-переменная о службе в армии отражает снижение мотивации поиска работы до армии.

- 6) если в промежуток между завершением образования и первым трудоустройством попадает «остальная деятельность» респондента в виде ведения домашнего хозяйства, то корректировки не происходило;
- 7) также не корректировалось время поиска работы и на время «другой деятельности», которая указывалась индивидом в разделе «остальная деятельность»;
- 8) поскольку неизвестно, сколько точно времени индивид искал работу (он мог искать ее, еще продолжая учиться), а также когда именно — в начале/середине/конце месяца он закончил образование, то мы считали, что он искал работу с месяца окончания образования;
- 9) из рассмотрения были исключены следующие респонденты:
  - у которых дата окончания образования — конец опроса. Такие респонденты просто не закончили учиться;
  - у которых время, проведенное в домашнем хозяйстве больше 5 лет, — такие значения мы считаем «выбросами» в длительности поиска;
  - которые родились до 1961 г. (таким образом, отсекая рассмотрение основной массы переквалификаций и трудоустройства после нее);
  - которые уже работали в возрасте 16 лет — это стартовая точка трудовой биографии в опросе EES;
  - которые получили свое последнее образование до 1990 г.;
  - которые не работали и получали пенсию.

В рамках данного исследования переходом в статус работающих мы будем считать момент, начиная с которого респондент указывает своим основным видом деятельности работу. Формально человек мог быть ча-

стично занятым и ранее, но тогда работа была неосновным его занятием. В ответе на вопрос, какое из занятий основное, многие респонденты основным местом работы указывали то, где находится их трудовая книжка. Следовательно, результаты опроса отражают картину формальной занятости.

Объектом нашего исследования являются трудовые биографии людей, завершивших образование в период после 1990 г. включительно и либо трудоустроившихся, либо продолжающих поиск работы на момент опроса во II квартале 2005 г. В результате описанного выше отбора в целевой группе остается 1591 выпускник учебных заведений в 43,6% выпускников — представители мужского пола, 56,4% — женского (*табл. 2*) Ежегодная численность выпускников довольно равномерно представляет все годы рассматриваемого периода.

Почти каждый третий респондент (29,9%) на момент выхода на рынок труда имеет высшее образование, включая послевузовское и незаконченное высшее, а 8,7% закончили только среднюю школу. Каждый седьмой из выпускников после получения диплома служил в армии (13,4%). Декретный отпуск или отпуск по уходу за ребенком в промежутке «учеба—работа» является довольно редким (3,1%) событием.

Около четверти выпускников трудоустроились сразу после получения диплома, менее чем через месяц поиска. После 3-х месяцев поиска трудоустроились уже три четверти выпускников. Среднее время поиска составляет 4,6 месяца. 76 выпускников находились в статусе поиска работы на момент опроса (4,8% целевой группы). Наличие цензурированных наблюдений в выборке оправдывает целесообразность применения моделей Кокса при анализе длительности поиска работы.

На момент получения диплома (окончания обучения) у 10,1% выпускников уже был один ребенок, и еще у 0,8% двое детей, при дальнейшем рассмотрении мы объединим их в единую группу. Рассмотрение влияния наличия детей на длительность поиска первой работы важно для подтверждения уязвимого положения родителей с детьми на рынке труда. Кроме того, во временной период между завершением учебы и первой работой у 8% выпускников родились дети (здесь мы рассматриваем и мужчин, и женщин, хотя отдаем себе отчет в том, что рождение детей может по-разному сказываться на длительности поиска первой работы). 3,1% выпускниц (процент рассчитан от всей целевой группы) после получения диплома и до начала работы ушли в декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком.

Тип населенного пункта отражает степень диверсифицированности локального рынка труда, и в случае миграции взят на момент начала работы. Для респондентов, которые завершили образование и находятся в поиске работы, тип населенного пункта взят на момент опроса. 40,7% респондентов проживают в столицах своих регионов, 31,9% — в других

(нестоличных) городах. Около 7% представляют поселки городского типа, и каждый пятый выпускник нашей выборки трудоустроился в селе, — вернее, проживал в сельском населенном пункте на момент трудоустройства. Отметим, что тип населенного пункта по объясняющей силе длительности поиска работы уступает другим переменным, и в итоговые модели он не вошел.

Результаты

Вышеперечисленные переменные тестировались нами на значимость влияния на длительность поиска работы молодыми специалистами. Параллельно строились статическая и динамическая модели. Переменные, оказавшиеся значимыми хотя бы для одной из них, представлены в *табл. 3*. Следует отметить, что в обе итоговые модели вошли параметры региональных рынков труда, сужающие выборку.

Регрессии оценивают влияние независимых переменных на риск трудоустройства, равный отношению вероятности трудоустройства к вероятности не трудоустроиться с течением времени (см. уравнение (1)). Exp (B) — оценка мультипликативной составляющей влияния регрессора на риск трудоустройства при прочих равных условиях.

Эмпирический анализ подтверждает, что выпускник-юноша имеет в 1,2 раза выше шанс найти работу, чем выпускница-девушка с тем же уровнем образования и в похожем по уровню показателей рынка труда регионе.

Выпускники, получившие диплом, трудоустраиваются быстрее, чем выпускники без диплома.

Сравнивая различные уровни законченных респондентами учебных заведений между собой, мы видим, что подтверждается общая закономерность: чем выше образование, тем выше шанс трудоустройства. Быстрее всего в среднем трудоустраиваются выпускники вузов (референтная группа — среднее профессиональное образование), а самые низкие шансы у выпускника школы.

Региональные показатели позволяют нам сравнивать процесс трудоустройства выпускников в условиях высокой и низкой безработицы, т.е. сравнивать регионы друг с другом и смотреть на изменения, например, при снижении численности официально зарегистрированных безработных. Рост общей безработицы в регионе снижает шансы найти работу, и выпускники учебных заведений не являются исключением. При сравнении регионов с одинаковой безработицей, но разным количеством вакансий, мы видим, что показатель нагрузки на одну вакансию положительно влияет на шанс трудоустройства, хотя соответствующий коэффициент и близок к единице.

Несмотря на то что время службы в армии и отпусков по уходу за детьми мы не учитываем в длительности поиска арифметически, на-

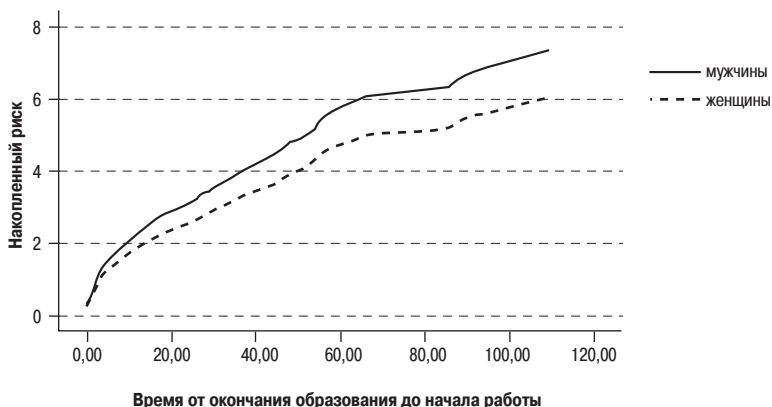
личие этих событий в период между окончанием учебного заведения и первым трудоустройством снижает средний риск трудоустройства. Следовательно, эмпирически подтверждается гипотеза, о том что у юношей нет стимулов трудоустроиться перед службой в вооруженных силах и они откладывают это событие до возвращения из армии.

Для учета совокупного влияния двух дамми-переменных: отпуска по беременности и рождения детей, — необходимо перемножить их отдельные эффекты. Их совокупный эффект состоит в снижении шансов начать работу в 1,8 раз. Переменная «Рождение одного или более детей за время поиска работы» отделена от факта пребывания в отпуске для целей обнаружения влияния этого события на стратегии поведения на рынке труда обоих родителей. Положительный эффект от наличия отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком в период после получения образования и перед устройством на работу, длительность которого мы не учитывали в длительности поиска работы, подтверждает нашу догадку о том, что даже если фактически поиск работы ведется, респондентка указывает, что основным занятием у нее был отпуск по уходу за ребенком.

Наличие детей у выпускника оказывает значимое отрицательное влияние на риск трудоустройства: при прочих равных условиях шанс меньше в 1,25 раз. Этот факт является отражением как пониженной заинтересованности работодателей в работниках с маленькими детьми и связанные с этим организационные и финансовые сложности, так и осознанным выбором молодых родителей, особенно мам, в пользу ухода за семьей и детьми.

Рисунок 2

Функция накопленного риска для мужчин и женщин в зависимости от времени от окончания образования до начала работы

Графическое представление полученных результатов можно увидеть на *рис. 2*.

Поведение функции риска подтверждает наши выводы о том, что при прочих равных условиях мужчины имеют более высокие шансы трудоустроиться, чем женщины. Кроме того, анализ данной функции позволяет утверждать, что шанс трудоустроиться относительно высок в первые месяцы после окончания образования, а затем вероятность трудоустройства снижается (кривая накопленного риска становится более полой). Это можно интерпретировать как снижение мотивации на устройство на работу или трудности устройства на работу при частичной потере навыков и квалификации при длительной безработице.

Переход к динамической модели коренным образом не меняет описанные выше взаимосвязи. Основное (динамическое) изменение состоит в том, что параметры региональных рынков труда и переменная количества детей трансформированы в кусочно-линейные функции от времени, выраженного длительностью поиска работы. Полный набор переменных, часть из которых осталась статической, тестируется на значимость влияния на риск трудоустройства. Результаты регрессионного анализа, представленные в *табл. 3*, позволяют констатировать, что основной набор регрессоров, отражающих индивидуальные характеристики, остался неизменным. Но следует обратить внимание на то, что из четырех макроэкономических показателей регионального рынка труда в динамической модели работают те две переменных, которые были незначимы в статистической регрессии Кокса, — макропоказатели сменились полностью.

Сравнивая коэффициенты с предыдущими их значениями, можно заметить, что в большинстве случаев $\text{Exp}(B)$ стали ближе к единице, т.е. изменение динамических переменных с течением времени поиска забирает часть эффектов на себя.

В первую очередь это касается четырех уровней образования. Референтная группа — среднее профессиональное образование — теперь стала статистически неразличима с группой выпускников с высшим образованием по влиянию на шанс трудоустройства (в статической модели высшее образование давало преимущество). Два других, более низких, уровня образования по-прежнему подтверждают закономерность: чем выше образование, тем выше шанс найти работу.

Рост уровня безработицы в регионе снижает шансы трудоустройства выпускников, повышая конкуренцию на рынке труда. Эффект второго динамического показателя — уровня экономической активности — хотя и статистически значим, но по модулю близок к единице, т.е. меняет риски незначительно. Повышение уровня экономической активности в регионе затрудняет трудоустройство выпускников.

Заключение

В выборке ретроспективного обследования «Образование и занятость» (EES), проведенного в 2005 г., около полутора тысяч респондентов завершили образование и начали трудовую деятельность в переходный период начиная с 1991 г. Информация о длительности и успешности поиска работы, об уровне полученного образования, наличии и количестве детей, других занятиях респондента позволила нам провести эмпирический анализ влияния этих факторов на длительность поиска первой работы. Также в анализ были включены параметры региональных рынков труда, отражающие влияние спроса на труд, на шансы трудоустройства и ход преобразований, происходивших на региональных рынках труда. Обе модели — классическая регрессия Кокса и ее динамический аналог, в котором часть объясняющих переменных меняется со временем, — дали результаты, в целом оправдавшие наши ожидания.

Эмпирический анализ подтверждает, что выпускник-юноша имеет в 1,2 раза выше шанс найти работу, чем выпускница-девушка с тем же уровнем образования и в похожем по уровню показателей рынка труда регионе.

Сравнение различных уровней учебных заведений подтверждает общую закономерность: чем выше образование, тем выше шанс трудоустройства выпускника.

Наличие детей у выпускников является фактором, затрудняющим трудоустройство. Статистический эффект оценен для всех респондентов, разделение влияния этого фактора на мужчин и женщин требует дополнительного анализа.

Разрыв трудовой биографии по причине службы в армии снижает мотивацию выпускника к трудоустройству и удлиняет поиск работы.

Рождение детей и пребывание в отпуске по уходу за ребенком после завершения образования тоже создает сложности в дальнейшем трудоустройстве. Во-первых, со временем знания забываются и устаревают, навыки теряются, во-вторых, работодатели неохотно предлагают работу мамам с маленькими детьми, понимая меньшую гибкость их рабочего графика и высокие риски экономических листов.

Мы полагаем, что в условиях экономического кризиса перечисленные факторы проявятся еще более остро и потребуют повышенного внимания со стороны государства. Обеспечение занятости выпускников было заявлено в качестве отдельной оперативной антикризисной меры⁸ Правительства. Для решения данной задачи Правительством предполагается проводить мониторинг востребованности специалистов и работу

---

⁸ Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г.; <http://premier.gov.ru/anticrisis>

по профессиональной ориентации среди выпускников, а также способствовать распространению практики целевой контрактной подготовки студентов старших курсов в рамках договоров с предприятиями.

Антикризисная политика государства в сфере занятости, направленная на сдерживание роста безработицы, в том числе развитие программ переподготовки, по нашему мнению, должна положительно сказаться на длительности перехода от учебы к работе. (Эмпирический анализ подтверждает, что в 1991–2005 гг. снижение безработицы повышало шансы трудоустройства выпускников.) Своевременный выход выпускников на рынок труда является одним из условий повышения уровня человеческого капитала страны. В условиях снижения численности населения России в трудоспособных возрастах это обстоятельство становится особенно актуальным.

Литература

1. *Бурдяк А.* Применение метода «Анализ Наступления События (Event History Analysis) с помощью пакета SPSS» // SPERO (Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры). 2007. №6 (Весна-лето); <http://spero.socpol.ru/current.shtml>
2. *Денисова И.А., Донецкий А.М., Колесникова О.А., Федченко А.А., Лядова Н.И.* Длительное пребывание в регистре безработных: низкий уровень образования, неудачное стечение обстоятельств, или что-то еще? Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1: GP1/2003/04/ Независимый институт социальной политики. — М.: «СИГНАЛЬ», 2003.
3. *Денисова И.* Занятость в экономике подходит к предельному уровню // Из интервью изданию «Большой Бизнес» от 9 июля 2008 г.; <http://www.bigness.ru/news/2008-07-09/economics/12723>
4. Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения: Учебно-методическое пособие (практикум) / Под ред. Р.П. Колосовой, Г.Г. Меликьяна. — М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004.
5. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
6. Какой рынок труда нужен российской экономике? Перспективы реформирования трудовых отношений: сборник статей. — М.: ОГИ, 2003. Серия «Исследования Фонда «Либеральная миссия».
7. *Кабалина В.И.* Государственные и частные службы занятости: эффективность формальных каналов трудоустройства на российском рынке труда. Грантовый проект НИСП Социальная политика: реалии XXI века, 1999.
8. *Капелюшников Р.И.* Записка об отечественном человеческом капитале // Отечественные записки. 2007. №3 (37); <http://www.strana-oz.ru>
9. *Капелюшников Р.И.* Образовательный потенциал и его связь с характеристиками рынка труда: российский опыт // Препринт WP3/2006/03. — М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
10. *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. — М. Изд-во Высшей школы экономики, 2001.

11. Капелюшников Р., Лукьянова А. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения) // Презентация аналитического доклада по проекту, «Круглый стол» Центра этнополитических и региональных исследований, Исследовательского центра «Демоскоп», Института социологии РАН и ГУ-Высшая школа экономики. 22 сентября 2009 г.
12. Кокс Д., Льюис П. Статистический анализ последовательностей событий. — М.: Мир, 1969.
13. Кокс Д., Оукс Д. Анализ данных типа времени жизни. — М.: Финансы и статистика, 1988.
14. Купец О. Определяющие факторы продолжительности безработицы в Украине // EERC Working Paper. 2005. No 05/01.
15. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс: Учебник. — М.: Дело, 2004.
16. Маркова К.В., Роцин С.Ю. Поиск работы на российском рынке труда. — М., 2004.
17. Матвеев В.Д., Савельев П.А. Стратегии поиска работы на российском рынке труда и роль государственной службы занятости // Социальная политика: реалии XXI в. Выпуск 2: GP2/2004/05/ Независимый институт социальной политики. — М.: Поматур, 2004.
18. Нарышкина А.В. Моделирование процесса поиска работы при переходе от учебы к работе // Препринт WP15/2007/03. — М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
19. Нестандартная занятость: российские особенности / Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова. — М. Изд-во «Высшей школы экономики», 2006 // Человек и труд. 2006. № 6, 7, 9.
20. Ниворожкина Л.И., Ниворожкин Е.М., Шухмин А.Г. Моделирование поведения населения на рынке труда крупного города: Продолжительность регистрируемой безработицы // EERC Working Paper No 01/08, 2002.
21. Обзор занятости в России. 1991–2000. Бюро экономического анализа. — М.: ТЕИС, 2002.
22. Образование в Российской Федерации: 2007. Статистический ежегодник. — М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
23. Роцин С.Ю. Переход «учеба–работа»: омут или брод? // Препринт WP3/2006/10. — М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
24. Роцин С.Ю., Маркова К.В. Выбор каналов поиска работы на российском рынке труда. — Москва: EERC, 2004; http://www.hse.ru/data/469/349/1234/WP_04-05r.pdf
25. Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. — М.: НИСП, 2007.
26. Berndt E. The practice of econometrics: classic and contemporary. — Addison-Wesley Publishing Company, 1991.
27. Brewster, Karin I., Ronald R. Rindfuss. Fertility and Women's Employment in Industrialized Nations // Annual Review of Sociology. 2000. №26. P. 271–296.
28. Devine T.J., Kiefer N.M. Empirical Labor Economics: The Search Approach. — NY: Oxford University Press, 1991.
29. Gerber Th.P. Loosening Links? School-To-Work Transitions and Institutional Change in Russia Since 1970 // Social Forces. 2003. №82. P. 241–276.

30. Gerber Th.P. Structural Change and Post-Socialist Stratification: Labor Market Transitions in Contemporary Russia // *American Sociological Review*. 2002. №67. P. 629–659.
31. Gerber Th.P., Mayorova O. Dynamic Gender Differences in a Post-Socialist Labor Market: Russia, 1991–1997 // *Social Forces*. 2006. №84. P. 2047–2076.
32. Greene W.H. *Econometric Analysis*. — NJ: Prentice-Hall, Upper Saddle River, 1997.
33. Ham J.C., Svejnar J., Terrell K. Women's Unemployment During Transition: Evidence from Czech and Slovak Micro-data // *Economics of Transition*. 1999. №7. P. 47–78.
34. Hosmer D.W. Jr., Lemeshov St. *Applied survival analysis: regression modeling of time to event data*. — 1999.
35. Human Development Report 2007/2008 (United Nations Development Programme); http://hdr.undp.org/en/media/HDR_20072008_EN_Indicator_tables.pdf
36. Jenkins St.P. *Survival Analysis*. Unpublished manuscript. — Institute for Social and Economic Research, University of Essex, Colchester, UK, 2004; <http://www.isser.esser.ac.uk/teaching/degree/Stephen/ec968/pdfs/ec968lnotes>
37. Kiefer N. Economic Duration Data and Hazard Functions // *Journal of Economic Literature*. 1988. Vol. XXVI. P. 646–679.
38. Martinussen T., Scheike Th. *Dynamic regression models for survival data*. — Springer, March 2006.
39. Montgomery J.D. Job Search and Network Composition: The Strength of Weak Ties // *American Sociological Review*. 1992. №57. P. 586–596.
40. Mortensen D.T. Job of Search and Labour Market Analysis // *Handbook of Labour Economics*. Vol. 2, ch. 15. — Elsevier Publishers, 1986.
41. Mortensen D.T., Pissarides C.A. New Developments in Models of Search in the Labour Market // *Handbook of Labour Economics*. Vol. 3, ch. 39. — Elsevier Publishers, 1999.
42. Mouw T. Social Capital and Finding a Job: Do Contacts Matter? // *American Sociological Review*. 2003. №68. P. 868–898.
43. Müller, Walter, Yossi Shavit. The Institutional Embeddedness of the Stratification Process: A Comparative Study of Qualifications and Occupations in Thirteen Countries // Yossi Shavit, Walter Müller (eds). *From School to Work: A Comparative Study of Educational Qualifications and Occupational Destinations*. — Oxford: Clarendon Press, 1998.
44. OECD: *From Initial Education to Working Life. Making Transitions Work. Education and Skills*. — OECD, 2000.
45. Sorensen A.B., Kalleberg A.L. An Outline of a Theory of the Matching of Persons to Jobs // Ivar Berg (ed). *Sociological Perspectives on Labor Markets*. — NY: Academic Press, 1981.
46. Yakubovich V.B. Weak Ties, Information, and Influence: How Workers Find Jobs in a Local Russian Labor Market // *American Sociological Review*. 2005. №70. P. 408–442

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Описательные статистики непрерывных независимых переменных

Показатель	Число респондентов	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Время от окончания образования до начала работы, месяцев	1591	0,0	166,0	6,5	13,4
Событие устройство на работу произошло (1 — Да, 0 — Нет)	1591	0,0	1,0	0,95	0,2
Год рождения индивида, уточненный в 2004 г.	1591	1961	1986	1977	4,3
Уровень экономической активности в регионе на дату устройства на работу	1565	52,9	78,0	65,1	3,7
Уровень безработицы по МОТ в регионе на дату устройства на работу	1436	1,0	25,7	9,7	3,6
Уровень зарегистрированной безработицы в регионе на дату устройства на работу	1436	0,2	9,1	2,1	1,4
Численность зарегистрированных безработных на одну вакансию в регионе на дату устройства на работу	1565	0,4	74,5	7,0	8,8
Число детей на момент окончания обучения	1591	0,0	1,0	0,1	0,3
Возраст индивида, когда учеба перестала быть основным занятием, лет	1591	17,0	39,0	20,1	2,8
Возраст индивида на момент опроса, лет	1591	19,0	44,0	27,6	4,3

Таблица 2

Описательные статистики категориальных независимых переменных

Показатель		Доля респондентов с данным признаком, %	Число респондентов с признаком	Всего респондентов
Переменная, показывающая наступление события, 1 — устройство на работу		95,2	1515	1591
Пол (1 — мужской)		43,6	693	1591
Общее образование: среднее (полное), основное, начальное		8,7	139	1591
Профессиональное образование: начальное		10,3	164	1591
Профессиональное образование: среднее		51,1	813	1591
Профессиональное образование: послевузовское, высшее, незаконченное высшее		29,9	475	1591
Фиктивная переменная: 1 — диплом об образовании получен		87,9	1399	1591
Фиктивная переменная: 1 — была служба в армии		13,4	213	1591
Фиктивная переменная: 1 — был отпуск по беременности		3,1	49	1591
Тип населенного пункта на момент устройства на работу	центр	40,7	647	1591
	др. город	31,9	507	1591
	ПГТ	6,9	109	1591
	село	20,1	320	1591
Фиктивная переменная: 1 — рождение одного или более детей за время от окончания образования до начала работы		8,0	128	1591
Число детей на момент окончания обучения	0	89,1	1417	1591
	1	10,1	161	
	2	0,8	13	

Таблица 3
Результат оценивания стандартной модели пропорциональных рисков Кокса (статическая) и модели Кокса с зависимыми от времени поиска переменными (динамическая), зависимая переменная — риск трудоустройства

	Независимые переменные				Статическая				Динамическая			
	B	SE	Sig.	Exp (B)	B	SE	Sig.	Exp (B)	B	SE	Sig.	Exp (B)
Пол, мужской=1	0,199	0,063	0,002	1,220	0,216	0,059	0,000	1,242				
Получен диплом, да/ми	0,185	0,086	0,031	1,204								
Образование: референтная группа — среднее профессиональное образование												
Общее образование: полное среднее, основное, начальное	-0,475	0,105	0,000	0,622	-0,472	0,095	0,000	0,624				
Начальное профессиональное образование	-0,210	0,097	0,030	0,811	-0,207	0,087	0,017	0,813				
Профессиональное образование: послевузовское, высшее, незаконченное высшее	0,158	0,064	0,014	1,171								
Уровень зарегистрированной безработицы в регионе	-0,154	0,025	0,000	0,858								
Уровень безработицы по МОТ, динамический			Не значимо		-0,024	0,006	0,000	0,977				
Уровень экономической активности в регионе на дату устройства на работу, динамический			Не значимо		-0,004	0,002	0,048	0,996				
Численность зарегистрированных безработных на одну вакансию в регионе	0,018	0,004	0,000	1,018								
Отпуск по беременности после завершения образования, да/ми	0,768	0,206	0,000	2,156	0,726	0,196	0,000	2,066				
Служба в армии после завершения образования, да/ми	-0,319	0,092	0,000	0,727	-0,369	0,085	0,000	0,691				
Наличие детей на момент окончания обучения	-0,256	0,094	0,007	0,774								
Рождение одного или более детей за время от окончания образования до начала работы, да/ми	-1,367	0,139	0,000	0,255	-1,313	0,130	0,000	0,269				

*Корчагина И.И.,
Прокофьева Л.М.,
Фести П.*

Влияние распада брака на профессиональную карьеру мужчин и женщин

Введение

В отличие от европейских стран, где активная включенность женщин в профессиональную сферу началась лишь несколько десятилетий назад, а в некоторых странах она затруднена и сейчас отсутствием широкой сети дошкольных учреждений и традициями общества, в России как части Советского Союза этот процесс был идеологически поддержан с момента создания государства, а экономически усилен в послевоенный период дефицита мужских трудовых ресурсов. Экономический кризис, который сопровождал переход к рыночной экономике спровоцировал до тех пор неизвестную стране безработицу, а также выход с рынка труда в состояние неактивности. Кроме того, последние десятилетия, и особенно 1990-е гг., резко изменили потенциальные возможности профессионального роста различных образовательных квалификационных групп, предъявляя новые требования к работникам, зачастую выходящие за рамки традиционного образования. Какую роль в динамике социальной мобильности и профессиональной карьеры в этих условиях играют семейные факторы, в частности распад брака? Одинаково ли семейные характеристики влияют на карьеру мужчин и женщин?

Исследования в западных странах [Dex, 1990; Milkie, Peltola, 1999] показывают, что после распада союза женщины активнее включаются в профессиональную деятельность, начиная или возобновляя работу, с целью минимизировать потери в уровне жизни. Вместе с тем после перерыва в профессиональной деятельности они приходят менее подготовленными по сравнению с остальными работниками, и их карьера зачастую оказывается менее успешной. Эти выводы могут быть не со-

всем справедливыми для России, где до сих пор занятость женщин находится примерно на одном уровне с занятостью мужчин независимо от семейного положения. Однако, высокий уровень занятости не означает равных условий для карьерного роста мужчин и женщин, что подтверждают многие исследования гендерного неравенства в сфере труда [Баскакова, 2001; Прокофьева, Фести, Мурачева, 2000; Рошин, Зубаревич, 2005].

Какой этап жизненного цикла наиболее критичен для женщин с точки зрения социально-профессиональной мобильности? Исследования влияния распада брака на профессиональную карьеру мужчин и женщин, проведенные в России в 1990-е гг.¹, позволили сделать вывод о том, что семейная жизнь оказывается фактором, положительно влияющим на профессиональную карьеру мужчин, но сдерживающим профессиональный рост женщин². Семейный статус после развода проявляется как основной фактор, влияющий на сальдо профессиональной мобильности в послеразводный период у мужчин и у женщин — одиночество после распада брака способствует росту профессиональной активности женщин, но не мужчин.

Наш анализ семейных факторов социальной мобильности базируется на результатах более поздних обследований — 2004 и 2005 гг., и потому мы имеем более полную картину динамики профессиональной карьеры с начала социально-экономических изменений в стране³. Информационной базой исследования социально-профессиональной мобильности мужчин и женщин на отдельных этапах жизненного цикла являются данные первой волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенной в 2004 г. (далее — РИДМиЖ–2004) и биографического обследования «Образование и занятость» 2005 г. (далее — ОиЗ), реализованного на той же выборке, что и РИДМиЖ–2004, но в более суженном варианте: из 11 261 респондентов РИДМиЖ–2004 18–79 лет в ОиЗ приняли участие 6455 чел. в возрасте 19–55 лет, из них 1208 респондентов пережили развод. В анализе не учитывались студенты, еще не начавшие свою трудовую деятель-

---

¹ Эмпирической базой для них послужили результаты двух выборочных обследований в 6 городах европейской части России: обследование разведенных женщин было проведено в 1993 г.; были опрошены 1215 женщин, у которых развод произошел между 1975 и 1993 гг. Второе обследование, проведенное в тех же городах, касалось мужчин, разведенных между 1986 и 1998 гг., причем процедура отбора была идентичной первому обследованию, и объем выборки составил 1249 мужчин [Festy, Korchagina, Mouratcheva, Prokofieva, 2003].

² Этот вывод подтверждается данными других обследований, в частности РМЭЗ [Мальцева, Рошин, 2006].

³ Доля респондентов, чей трудовой стаж полностью пришелся на период с начала перестройки или даже позже, составила 36% общей выборки.

ность (448 респондентов), таким образом, в расчетах использовались данные по 6007 респондентам.

Интерес к сравнительному анализу данных РидМиЖ–2004 и ОиЗ и данных обследований разведенных мужчин и женщин в России 1993–1998 гг. связан с возможностью подтвердить (или опровергнуть) полученные ранее выводы на гораздо более широкой эмпирической базе, которая охватывает:

- не только городское, но и сельское население;
- 32 субъекта Российской Федерации, а не только ее европейскую часть, как это было в обследовании разведенных мужчин и женщин 1993–1998 гг.;
- данные динамики профессиональных характеристик мужчин и женщин в период относительной стабильности социально-экономической ситуации в стране;
- информацию не только о мужчинах и женщинах, прошедших через развод, но и о референтной группе — лиц, остающихся в брачном союзе, по отношению к которой можно попытаться оценить влияние факта распада союза на профессиональную карьеру. Именно этот аспект анализа был невозможен в предыдущих исследованиях, поскольку всегда оставалось сомнение, не представляют ли собой опрошенные после развода мужчины и женщины специфическую группу респондентов.

Наше исследование пытается ответить на следующие вопросы: «Какие факторы сегодня влияют на социально-профессиональную мобильность мужчин и женщин?» и «Какую роль при этом играют демографические (семейные) события в жизни респондента, в частности распад брака (союза)?»

Метод оценки социально-профессиональной мобильности мужчин и женщин

Изучение социально-профессиональной мобильности предполагает определение всех видов перемещений в трудовой жизни человека, включая выходы из активной профессиональной сферы. Понятие трудовой мобильности может раскрываться через «реальные межотраслевые, внутриотраслевые и территориальные перемещения рабочей силы, изменение ее профессиональной принадлежности, ее квалификационный рост» [Мальцева, Рошин, 2006, с. 131]. Наше определение социально-профессиональной мобильности, кроме этого, включает такие социальные изменения, как переход на иной статусный уровень, предполагающий более высокий уровень ответственности в принятии управленческих решений (руководство предприятием, бизнесом), или,

наоборот, потеря всякого профессионального статуса, связанная с длительным периодом незанятости.

Направления социально-профессиональных перемещений могут быть различными, и даже в профессиональной карьере одного человека могут отмечаться периоды роста и падения профессионально-квалификационного статуса. Общепринятым считается выделение трех основных направлений социальных переходов в жизни человека в разные периоды его жизненного цикла: воспроизводство статуса (горизонтальная мобильность, или иммобильность), восходящая вертикальная мобильность и нисходящая вертикальная мобильность. Разница в подходах заключается лишь в наборе признаков снижения или роста статуса индивида, а также в моменте отсчета статусной динамики (год начала трудовой карьеры, год начала трансформационных перемен в экономике, годы перелома в макроэкономической динамике, годы демографических изменений в жизненном цикле: вступление в брак/союз, рождения детей, распад союза и т.п.). Этот набор зависит прежде всего от целей исследования и наличия соответствующей эмпирической базы анализа.

При всем разнообразии подходов к определению набора переменных, характеризующих изменения в социальной структуре, три из них остаются стабильными для всех без исключения исследований — изменения в уровне образования, квалификационные и должностные перемещения. Каждый из этих признаков требует отдельного рассмотрения в качестве характеристики социально-профессиональной мобильности.

Уровень образования. Для включения показателя роста образовательного уровня в число переменных, влияющих на социальный статус, важно договориться о понятии роста и его качественной составляющей. Принято относить к ступеням роста факт получения определенного уровня образования, превышающего предыдущий, подкрепленного официально признанным документом (диплом о высшем образовании является статусным изменением, затеняющим предыдущий статус, например, диплом техникума или аттестат о среднем образовании). В этой классификации уровней нет места для таких видов повышения квалификации, как профессиональные курсы, даже если по их окончании человек получает другую специальность и начинает по ней работать. Это не совсем справедливо в современных условиях, когда динамика экономического развития толкает людей на поиски новых профессий и видов деятельности.

Профессионально-квалификационная группа. Квалификационные перемещения, используемые в качестве переменных для анализа социально-профессиональной мобильности, напрямую связаны с ди-

намикой образовательного уровня, но не только. Это верно в большей степени для служащих и специалистов, но не для рабочих профессий, где основу квалификационных перемещений составляет опыт работы или стаж. В условиях советской экономической системы стаж определял в значительной степени и формальный квалификационный рост служащих и специалистов, повышение категории и заработной платы которых проходили строго с учетом стажа работы на предприятии или в данной квалификационной группе. В новой экономической реальности такие правила во многом утратили свою силу, поэтому усложняется задача выделения траекторий квалификационного роста в случае стабильности образовательного уровня.

Должностная позиция. В определенной степени эта переменная должна быть тесно связана с квалификационным ростом, но в настоящее время это происходит не всегда. По нашему мнению, речь может идти о повышении уровня ответственности, наличии полномочий принимать важные управленческие решения и руководить подчиненными. Так, например, бригадир на стройплощадке имеет более высокий должностной статус, чем высококвалифицированный рабочий с тем же уровнем образования (например, ПТУ со средним образованием).

В настоящем исследовании мы используем все три вышеперечисленные показателя социального статуса и их динамику с момента начала трудовой карьеры до момента опроса. Кроме того, к приведенным выше индикаторам сегодня необходимо добавить фактор занятости, который в условиях существования безработицы, длительных перерывов в работе или частичной занятости становится важным показателем карьерной динамики.

Тип трудовой карьеры. Тип трудовой карьеры — это своего рода кумулятивная переменная, учитывающая эволюцию всех определяющих ее компонент. Для анализа степени и направления индивидуальной социально-профессиональной мобильности мы использовали этот показатель, который конструируется с учетом динамики уровня образования и квалификации в течение трудовой жизни, должностных перемещений и периодов незанятости (*Приложение 1*). Позитивное направление движения определяется двумя основными критериями — ростом образовательно-квалификационного уровня и должностными перемещениями, приводящими к расширению прав в принятии решений и одновременно к повышению ответственности за их результат. Выделяются три типа профессиональной карьеры, снижающаяся, горизонтальная и восходящая.

Первый тип — снижающаяся вертикальная мобильность (снижающийся тип карьеры). К нему относится потеря работы (безработица)

или добровольный уход с работы (женщины-домохозяйки), а также переход специалиста с более высокой квалификацией на рабочее место с понижением квалификационного статуса (например, переход инженера или врача на работу слесаря в автосервисе или продавца на рынке). Подобные нисходящие социальные перемещения, которые социологи трактуют как один из видов понижающейся адаптации, а точнее вынужденного приспособления к реалиям переходного периода, были особенно актуальны в начале 1990-х гг.

Второй тип — горизонтальная мобильность, или иммобильность (горизонтальный тип карьеры) — охватывает все социально-профессиональные перемещения, такие как смена места работы или профессии, не связанные с ростом образования или квалификации или с получением более высокого должностного статуса. Сюда также включались случаи, когда в рассматриваемый период не происходило никаких изменений профессиональных характеристик работника.

Третий тип — растущая вертикальная мобильность (растущий тип карьеры) — отражает положительную статусную динамику. Это получение значительно более высокого образования или квалификации: достижение должностного статуса, например, руководителя предприятия или его подразделения с большей ответственностью в принятии решений. Применительно к рабочим профессиям данный тип карьеры охватывает и работников, достигших максимального уровня квалификации (разряда) по своей профессии.

В анализе мы используем синтетический показатель *сальдо мобильности*, который рассчитывается как разность между долей случаев растущей карьеры и долей случаев карьеры снижающейся по каждой из выделенных групп респондентов.

Выделенные типы карьеры и критерии в определенной мере условны, но они дают возможность оценить динамику трудовой карьеры мужчин и женщин на различных стадиях жизненного цикла и в целом к определенному возрасту. Наше внимание концентрируется на анализе карьерных изменений мужчин и женщин в зависимости от «семейной истории» (наличие союзов и их распада). Выявление факторов, влияющих на тот или иной тип профессиональной карьеры, проводится на основе бинарной логистической регрессии.

Профессиональная карьера мужчин и женщин в течение всей трудовой жизни

Гендерный аспект социально-профессиональной мобильности, в том числе в терминах различий типа трудовой карьеры, рассматривался как в исследованиях дореформенного периода [Социально-

экономические исследования благосостояния..., 1992], так и по данным более поздних обследований для оценки временных и гендерных изменений [Работающая женщина в условиях перехода России к рынку, 1993; Прокофьева, Фести, Мурачева, 2000; Баскакова, 2001; Рошин, Зубаревич, 2005; Мальцева, Рошин, 2006].

Наш анализ социально-профессиональной мобильности мужчин и женщин в течение всей трудовой жизни ставит задачу выявить роль «семейной истории», влияние фактора изменения или стабильности семейного состояния на тип профессиональной карьеры, ее направление. В реальности две эти стороны жизни человека — профессиональная и семейная, идут параллельно, но их взаимное влияние велико, особенно для женщин.

Для оценки влияния семейных характеристик на профессиональную карьеру проводится сравнительный анализ социально-профессиональной мобильности в течение трудовой жизни респондентов (мужчин и женщин) с разной «семейной историей», с акцентом на различия между двумя группами: респондентов, в жизни которых был распад союза (брачного или неформального), и тех, кто не прошел через такие изменения в индивидуальном жизненном цикле⁴.

Выделяются три группы респондентов:

- 1) никогда не состоявшие в партнерском союзе;
- 2) живущие в единственном брачном союзе (никогда не было распада союза);
- 3) в индивидуальном жизненном цикле был хотя бы один распад союза.

Последняя группа подразделяется на две подгруппы в зависимости от того, был ли оформлен брак и, соответственно, развод. Такая группировка, в зависимости от *семейной истории* респондента, необходима для сравнения полученных результатов с данными предыдущих исследований на эту тему, где выборка касалась лишь мужчин и женщин, в индивидуальном жизненном цикле которых был хотя бы один развод⁵.

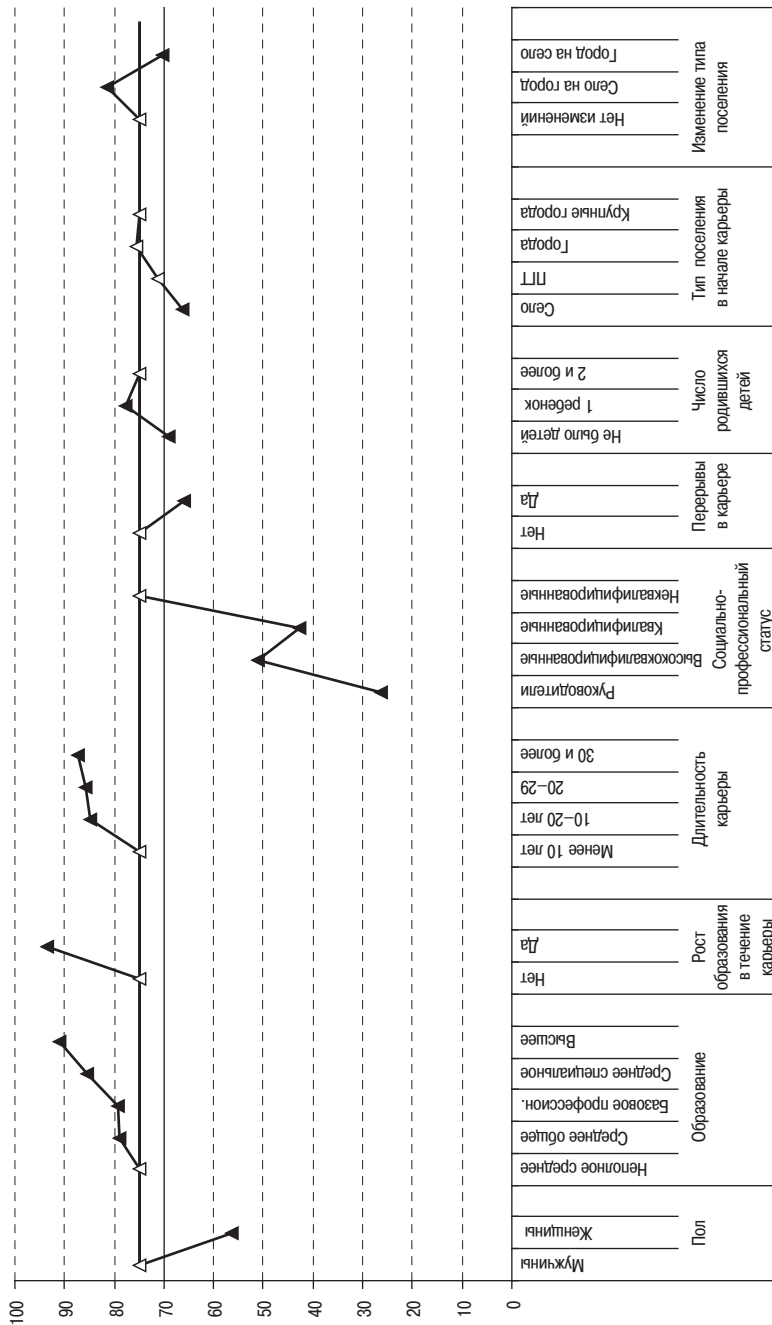
Результаты бинарной логической регрессии факторов профессионального роста (*растущий тип карьеры*) подтверждают значимость прежде всего гендерного фактора (*рис. 1, табл. 1 Приложения 2*). Прогресс по служебной лестнице у мужчин, в целом, проходит более успешно, чем у женщин. Вместе с тем как мужчинам, так и женщинам для благополучной трудовой карьеры необходимо иметь хорошее ба-

⁴ Подробнее методология совмещения профессионального и семейного жизненного цикла респондентов описана в *Приложении 1*.

⁵ Обследования 1993 и 1998 гг.

Рисунок 1

Факторы, влияющие на рост карьеры респондента, в течение его трудовой жизни

Примечание: * — значимые факторы обозначены черными треугольниками.

зовое образование и стремиться его повышать. Преобладающее влияние на рост карьеры оказывает уровень квалификации респондента в момент начала его трудовой жизни. Имеет значение и непрерывный характер трудового стажа: если в течение профессиональной жизни респондент имел перерывы в работе по каким-либо причинам, то его карьера развивалась хуже, чем у работников с «постоянной» трудовой жизнью.

К числу основных детерминант трудовой карьеры *априори* относится длительность периода, в течение которого работник может изменить существующий статус, хотя сегодняшняя экономическая реальность часто дает примеры, нарушающие этот порядок, и показывает более быстрый карьерный рост молодежи. Однако это скорее исключения, подтверждающие правило, и данные обследований эти изменения не улавливают [Мальцева, Рошин, 2006].

Важную роль в профессиональном росте играют место жительства респондента и его изменение. Сельские жители реже демонстрируют карьерный рост из-за ограниченных возможностей рынка труда, в то время как переезд из села в город в течение жизни значительно повышает возможность растущей карьеры.

Что касается таких демографических характеристик, как число родившихся детей или история партнерских союзов, то их влияние оказывается не таким существенным. Отсутствие детей скорее препятствует профессиональному росту, а семейная история (брачные союзы, разводы или отсутствие партнера в течение текущего периода жизни) не оказывает какого-либо влияния на карьерный рост для выборочной совокупности в целом. Напротив, для *снижающейся карьеры* история партнерских союзов является значимым фактором — именно развод существенно влияет на снижение профессионального статуса. Дальнейший анализ показал, что это касается исключительно мужчин (*табл. 2 Приложения 2*).

Как различаются факторы роста карьеры для мужчин и женщин? Основные социально-экономические характеристики (социально-профессиональный статус в момент начала карьеры, повышение образования в течение трудовой жизни) оказывают однонаправленное действие на рост карьеры и мужчин, и женщин (*табл. 1 Приложения 2*). Но у женщин только высшее и среднее специальное образование в начале карьеры являются залогом растущей профессиональной мобильности, что можно объяснить сложностями в получении более высокого образования в вечерне-заочной форме после начала профессиональной деятельности, связанными во многом с семейными функциями женщины и появлением детей. Поскольку в России сохраняется более

ранний, по сравнению с европейскими странами, возраст вступления в брак и рождения первого ребенка, а изменение этой тенденции наметилось лишь недавно и носит неустойчивый характер [Население России, 2009], материнство и получение профессии приходятся на один и тот же период времени.

Росту профессиональной карьеры женщин препятствуют более длительные, чем у мужчин, перерывы в трудовой деятельности. Они чаще всего вызваны рождением и воспитанием детей (отпуск по беременности и родам, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет), а также в среднем более длительным периодом поиска работы в случае безработицы — 7,3 мес. у женщин по сравнению с 6,5 мес. у мужчин [Обследования населения по проблемам занятости, 2009]. Отрицательное влияние перерывов в занятости на растущую карьеру мужчин менее значимо.

Число рожденных детей — еще один фактор, разнонаправлено влияющий на трудовую карьеру мужчин и женщин: если для мужчин большее число детей оказывается значимым стимулом для профессионального роста, то для продолжения карьерного роста женщин оптимальна однодетная семья (*табл. 1 Приложения 2*). В отсутствие детей женщины чаще демонстрируют позитивную карьеру, чем мужчины, но это происходит скорее за счет отставания мужчин, чем большего карьерного роста женщин без детей по сравнению с остальными (доля мужчин с растущим типом карьеры в этой группе — 24% по сравнению с 38% у мужчин с одним ребенком). Разрыв становится не в пользу женщин, когда они обзаводятся детьми, и увеличивается с появлением детей большей очередности: сальдо мобильности женщин с одним ребенком ниже, чем у мужчин с таким же числом детей на 16,6 процентных пунктов (п. п.), в случае двух детей разрыв увеличивается до 21 п. п., а у многодетных он достигает 36,7 п. п. (*табл. 1*).

К числу характеристик, влияние которых на карьеру неодинаково для мужчин и для женщин, относится место проживания респондента в момент начала трудовой деятельности: начало карьеры в сельской местности оказывает значимо отрицательное воздействие на карьеру мужчин и слабее отражается на женском карьерном росте. А с другой стороны, переезд из села в город дает серьезный импульс продвижению по карьерной лестнице мужчинам, но никак не влияет на женскую карьеру: для них отрицательная динамика связана с обратной миграцией — из города в село. Мужчины при переезде из города в село в основном сохраняют свой профессиональный статус и гораздо чаще, чем женщины (в 3 раза), на новом месте занимают управленческие должности.

Таблица 1

Сальдо мобильности* мужчин и женщин в зависимости от числа рожденных детей, в п.п.

Параметр	Всего респондентов	В том числе с числом детей:			
		0	1	2	3 и более
Сальдо мобильности мужчин	+13,0	1,4	18,9	16,1	11,3
Сальдо мобильности женщин	-3,0	5,6	2,3	-4,9	-25,4
Гендерный разрыв в сальдо мобильности**	-16,0	+4,2	-16,6	-21,0	-36,7

Примечания: * — превышение случаев растущей карьеры над снижающейся; ** — разрыв определяется разностью сальдо мобильности женщин и мужчин.

В целом, по данным обследования «Образование и занятость» 2005 г., сальдо социально-профессиональной мобильности женщин в течение трудовой карьеры имеет негативное значение (-3,0), тогда как для мужчин этот показатель составляет +13,0, таким образом, разрыв составляет в среднем 16 п. п. Различия в направлении карьеры особенно заметны в молодых возрастах, т.е. в период рождения детей, но и к возрасту 50 лет, хотя сальдо мобильности женщин выходит из отрицательных значений, разрыв с аналогичным показателем для мужчин достигает 16 п. п. (табл. 2). В старшей возрастной группе (51–60 лет) доля снижающейся карьеры в течение трудовой жизни составляет 29% у женщин и 25% у мужчин, в то время как рост отмечается у мужчин гораздо чаще (41% против 30% у женщин).

Возрастная динамика социально-профессиональной мобильности показывает, что современная ситуация на рынке труда благоприятна для молодежи — работники, получившие образование и начавшие трудовую деятельность уже в период реформ (возраст 25–30 лет в 2005 г.), главным образом мужчины, реже подвержены снижению карьеры, и сальдо мобильности у них наиболее позитивно по сравнению с последующими возрастными группами⁶ (табл. 2). Сравниться с ними могут лишь работники, имевшие к началу социально-экономических изменений в стране накопленный уровень квалификации и социальный статус (возраст старше 50 лет).

Как уже отмечалось, «семейная история» респондента оказывается значимым фактором профессионального роста или, наоборот, его па-

⁶ Более быстрый рост заработной платы молодежи по сравнению с более старшим поколением отмечают и специалисты, анализирующие тенденции оплаты труда [Заработная плата в России, 2007]

Социально-профессиональная мобильность мужчин и женщин в течение трудовой карьеры в зависимости от возраста в момент опроса, в %

Возраст в момент опроса	Всего респондентов	В том числе по типу трудовой карьеры:			
		снижающаяся	горизонтальная	растущая	сальдо мобильности
1	2	3	4	5	6 = 5–3
<i>Мужчины</i>					
До 25 лет	100,0 (305)	12,8	66,9	20,3	+7,5
25–30	100,0 (311)	17,7	46,9	35,4	+17,7
30–40	100,0 (656)	22,4	44,2	33,4	+11,0
40–50	100,0 (711)	23,5	39,5	37,0	+13,5
Старше 50	100,0 (310)	24,5	34,5	41,0	+16,5
Всего	100,0 (2293)	21,1	44,8	34,1	+13,0
<i>Женщины</i>					
До 25 лет	100,0 (319)	29,2	53,6	17,2	–12,0
25–30	100,0 (433)	27,3	45,5	27,3	0,0
30–40	100,0 (998)	32,9	42,6	24,5	–8,4
40–50	100,0 (1282)	29,6	40,3	30,0	+0,4
Старше 50	100,0 (663)	29,3	41,0	29,7	+0,4
Всего	100,0 (3695)	30,1	42,8	27,1	–3,0

Примечание: здесь и в табл. 3, 4 в скобках приведено число наблюдений.

дения для мужчин, но мало влияет на карьерный рост женщин, т.е. рост карьеры женщин в меньшей степени зависит от истории ее партнерских союзов, более существенными здесь выступают демографические (число рожденных детей) и социально-экономические характеристики. Разводы в «семейной истории» в большей степени, а распады союзов без официального оформления — в меньшей степени связаны со снижающимся характером карьеры мужчин (рис. 2).

По характеру социально-профессиональной мобильности группа респондентов-мужчин, в «семейной истории» которых был развод, значительно отличается от референтной группы мужчин, которые «живут в союзе/браке с одним партнером»: сальдо мобильности последних в 2,5 раза выше, чем у мужчин первой группы (табл. 3).

Напротив, женщины, брачный союз которых сохраняется, отстают от мужчин сильнее, чем те, кто имели развод (22,8 п. п. против 13,0 п. п.,

Рисунок 2

Доля случаев снижения карьеры в течение трудовой жизни мужчин и женщин в зависимости от семейной истории, в %

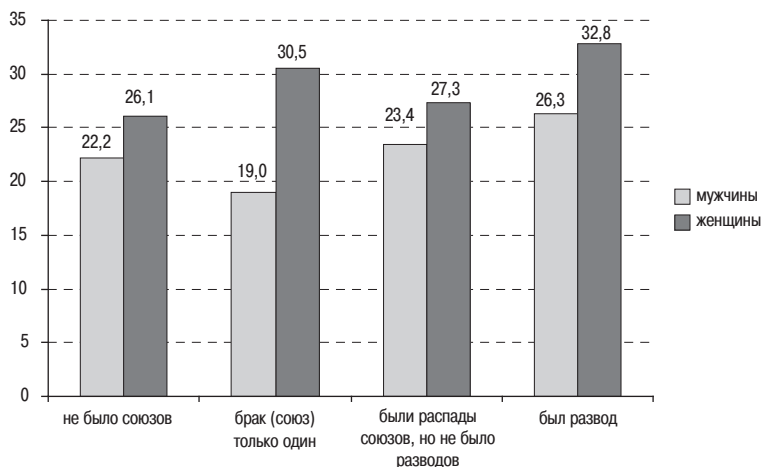

Таблица 3

Социально-профессиональная мобильность мужчин и женщин в течение трудовой карьеры в зависимости от их «семейной истории», в %

Тип «семейной истории»	Всего респондентов	В том числе по типу трудовой карьеры*:			
		снижающаяся	горизонтальная	растущая	сальдо мобильности
1	2	3	4	5	6 = 5–3
<i>Мужчины</i>					
Брак не распался	100,0 (1361)	19,0	43,7	37,3	+18,3
Был развод (разводы)	100,0 (377)	24,3	44,2	31,5	+7,2
<i>Женщины</i>					
Брак не распался	100,0 (1861)	30,5	43,5	26,0	–4,5
Был развод (разводы)	100,0 (853)	32,7	40,4	26,9	–5,8

Примечание: * — распределение стандартизовано по возрасту мужчин и женщин в момент опроса в группе «живут в союзе/браке с одним партнером».

Социально-профессиональная мобильность мужчин и женщин в течение трудовой карьеры в зависимости от их «семейной истории», в %

Тип «семейной истории»	Всего респондентов	В том числе по типу трудовой карьеры*:			
		снижающаяся	горизонтальная	растущая	сальдо мобильности
1	2	3	4	5	6 = 5–3
<i>Мужчины</i>					
Брак не распался	100,0 (1361)	19,5	45,2	35,3	+15,8
Был развод (разводы)	100,0 (377)	28,2	37,6	34,2	+6,0
<i>Женщины</i>					
Брак не распался	100,0 (1861)	29,7	44,2	26,1	–3,6
Был развод (разводы)	100,0 (853)	32,6	39,4	28,0	–4,6

Примечание: * — распределение стандартизовано по показателю «число рожденных детей».

т.е. разрыв в 9,8 пунктов)⁷. Стандартизация по числу детей — показателю, важное значение которого было уже показано выше, — сохраняет разрыв между теми, кто чей брак не распался, и теми, кто пережил развод. Остается и отставание женщин от мужчин (19,4 п. п. против 10,6 п. п., т.е. разрыв 8,8 пунктов). При одинаковом числе детей женщины, состоящие в одном брачном союзе, профессионально отстают от мужчин явно сильнее, чем женщины, чей союз распался в результате развода (*табл. 4*).

Отмеченные различия в социально-профессиональной мобильности между группами респондентов с разной семейной историей требуют пояснений: на каком этапе индивидуального жизненного цикла происходит отставание и насколько это последствие развода? Возможно ли, что негативные тенденции профессиональной карьеры начинаются не в период после развода, а уже в течение брака? Для ответа на эти вопросы необходимо сравнить тип трудовой карьеры мужчин и женщин на отдельных этапах жизненного цикла — в период брака и после развода. Это несложно для лиц, в семейной истории которых был развод, но для респондентов, остающихся в брачном союзе, требуется

⁷ Эти цифры получены после процедуры стандартизации по возрасту мужчин и женщин из разных групп «семейной истории».

условное выделение «послеразводного» периода, который конструируется на основании средних значений длительности брака распавшихся союзов (Приложение 1).

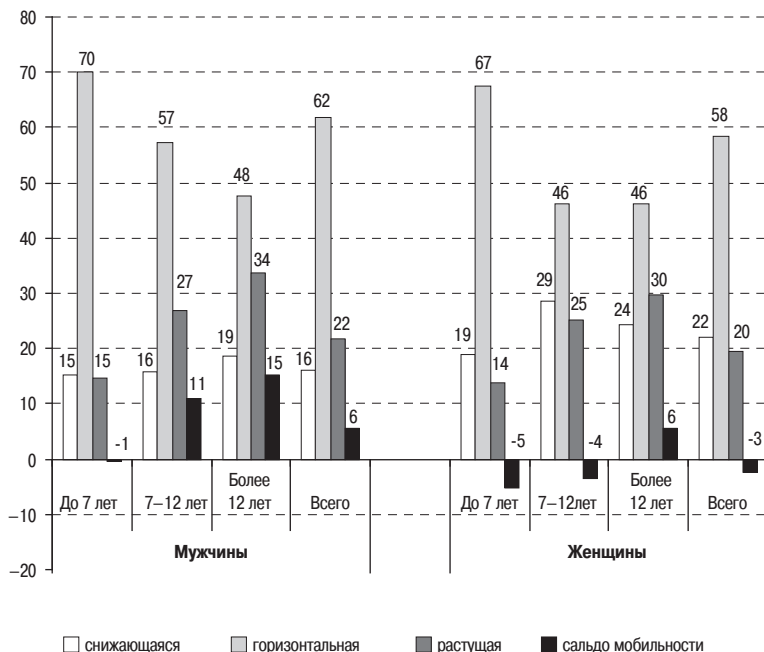
Профессиональная карьера мужчин и женщин в течение брака

Если рассматривать весь период жизни в брачном союзе, более короткий, чем период всей трудовой карьеры, то отставание женщин от мужчин по сальдо мобильности слегка уменьшается, как для разведенных (8 п. п. вместо 13), так и для остающихся в союзе (16 п. п. вместо 23) (рис. 3, 4).

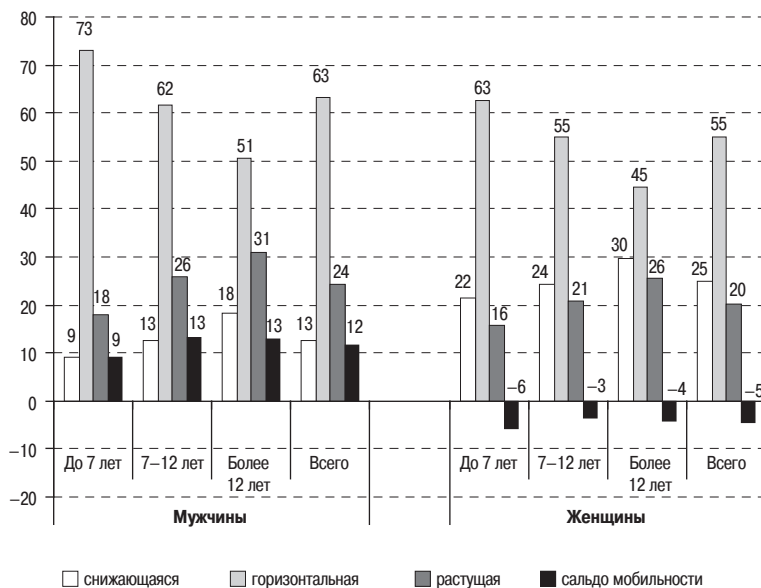
Разрыв в социально-профессиональной мобильности мужчин и женщин между двумя выделенными группами (разведенными и остающимися в союзе) для периода брака примерно совпадает с цифрами по общей карьере: в браках, которые закончились разводом, мужчины имели карьеру менее позитивную, чем те, кто остался в брачном союзе, и этот вывод справедлив для большинства периодов длительности бра-

Рисунок 3

Социально-профессиональная мобильность мужчин и женщин в течение брака в зависимости от его длительности (респонденты, чей брак распался), в %

Социально-профессиональная мобильность мужчин и женщин в течение брака в зависимости от его длительности (респонденты, чей брак не распался), в %

ка. Например, при длительности брака менее 7 лет, мужчины, оставшиеся в союзе, имеют превышение растущей карьеры над снижающейся в +9,1 п. п., а разведенные мужчины чаще снижают свой профессиональный статус в этот период, чем повышают его: сальдо мобильности составляет –0,5 п. п. Однако возможно, что именно проблемы в карьере супруга служат причиной недовольства и конфликтов в семье, что, в конце концов, и приводит к разводам в ранние годы брака.

Несколько иная ситуация наблюдается для женщин — профессиональная карьера тех, кто сохранил свой брак, чаще оказывается снижающейся (сальдо мобильности –4,5 п. п. против –2,5 п. п. для женщин, чей брак распался). Нужно заметить, что негативная мобильность характерна для всех групп длительности брака замужних женщин, тогда как развод после 12 лет брака происходит у женщин с более позитивной мобильностью — случаи растущей карьеры на 5 п. п. превышают ее снижение. Стандартизация данных по длительности расторгнутых союзов ситуацию существенно не меняет.

Представленные данные показывают, что жизнь в браке с самого начала нарушает равновесие между профессиональной карьерой мужчин и женщин, действуя в пользу мужчин и создавая значительный разрыв между супругами в трудовой карьере. Развод случается в брач-

ных парах, где карьера мужчин и женщин идет параллельно, без такого значительного отставания женщин, как и в случае сохраняющихся браков.

Исследования профессиональной мобильности мужчин и женщин 1980-х гг. показывают, что достижение максимально возможного квалификационного статуса происходило у мужчин и женщин в разные периоды — жена «нагоняет» мужа лишь начиная примерно с 10-летнего возраста семьи, т.е. после периода относительного снижения ее трудовой активности, связанного с рождением детей. Неравенство мужчин и женщин проявляется даже в случае растущей карьеры у обоих супругов, так как «потолок» профессионального роста женщин значительно ниже [Женщина, мужчина, семья в России..., 2001]. Ситуация гендерного неравенства карьерного роста в период брака сохраняется и сегодня.

Таким образом, профессиональная карьера женщин в период брака значительно менее позитивна по сравнению с мужчинами, что выражается в частности в существовании «потолка» профессиональной мобильности. Наличие детей не является здесь фактором, полностью определяющим такой характер карьеры женщин, поэтому можно заключить, что причина кроется не столько в материнстве, сколько в гендерном аспекте проблемы занятости и профессионального роста, т.е. в гендерной сегрегации. В то же время данные показывают, что наличие детей благоприятствует растущей профессиональной карьере мужчин.

Как меняет развод динамику и направление социально-профессиональной мобильности мужчин и женщин? Происходят ли изменения в трудовой активности в результате развода?

Профессиональная карьера мужчин и женщин после распада брака

Изучая влияние развода на профессиональную мобильность, мы сравниваем две совокупности: тех, кто прошел через развод, с теми, кто продолжает состоять в единственном браке. Этот эффект оказывается крайне негативным для мужчин, переживших развод, но не так существенно отражается на карьере женщин, что подтверждает выводы, сделанные по материалам обследований разведенных мужчин и женщин 1993 и 1998 гг. [Festy, Korchagina, Mouratcheva, Prokofieva, 2003].

Карьера мужчин сильнее, чем женщин, снижается после развода (сальдо мобильности мужчин — $-3,0$ п. п. против $-0,4$ п. п. у женщин, разрыв составил $2,6$ п. п. в пользу женщин) (табл. 5). Сконструированный период жизненного цикла для мужчин, чей брак не распался,

Сальдо мобильности* мужчин и женщин до и после развода в зависимости от «семейной истории», в п. п.

Период жизненного цикла	Сальдо мобильности мужчин	Сальдо мобильности женщин	Гендерный разрыв в сальдо мобильности**
<i>Брак не распался</i>			
В течение брака	+11,5	-4,5	-16,0
После «развода» ***	+1,7	-2,2	-3,9
<i>Был развод (разводы)</i>			
В течение брака	+5,7	-2,5	-8,2
После развода	-3,0	-0,4	+2,6

Примечания: * — превышение случаев растущей карьеры над снижающейся; ** — разрыв определяется разностью сальдо мобильности женщин и мужчин; *** — для сохранившихся браков конструируются условные даты развода.

также отмечен некоторым снижением профессиональной мобильности по сравнению с периодом брака, или, скорее, в этом случае речь идет о более плодотворной карьерной динамике в первый период брачной жизни, чем во второй. Однако для них положительная динамика сальдо мобильности сохраняется (+1,7 п. п.). Для женщин, остающихся в браке, также сохраняется ситуация, которая наблюдалась у них в первый период брачной жизни, т.е. сальдо мобильности по-прежнему имеет негативный знак.

К значимым факторам положительной динамики профессиональной карьеры после распада брака как для мужчин, так и для женщин относятся характеристики образования и социально-профессионального статуса на момент развода (*табл. 3 Приложения 2*).

Сравнение разведившихся и сохранивших семью при равной длительности брака и послеразводного периода (условного послеразводного периода) позволяет сделать ряд выводов о характере изменений в их профессиональном статусе после развода. Прежде всего стабильный брак способствует профессиональной карьере мужчин и негативно сказывается на профессиональной мобильности женщин — во всех группах длительности брака и условного послеразводного периода сальдо мобильности мужчин имеет позитивную направленность, а у женщин снижение карьеры стабильно превалирует над ростом (*табл. 6*). Не означает ли это, что в большей степени имеют шанс сохраниться только браки с традиционным распределением семейных ролей — муж делает карьеру, а жена берет на себя заботу о доме и воспитание детей,

оставляя свои профессиональные амбиции или не имея потребности реализовывать себя в профессии?

Второй вывод касается негативных последствий развода для мужчин, независимо от длительности брака и послеразводного периода: развивается ли карьера по нарастающей в период брака (длительность брака более 7 лет) или скорее негативно (до 7 лет брака), второй отрезок жизненного цикла мужчин, связанный с разводом, всегда отмечен скорее падением профессионального статуса, чем его ростом. Для женщин, чей брак распался в первые 12 лет его существования, продолжение профессиональной карьеры связано в большей степени с ростом, особенно когда ребенок достигает школьного возраста (7–12 лет брака). Распад более длительных союзов действует на карьеру женщин скорее негативно, даже если к концу его они имели положительное сальдо мобильности.

При анализе влияния развода на профессиональную карьеру необходимо учитывать семейное состояние на момент опроса, ведь после развода динамика социально-профессиональной мобильности может быть восстановлена в новом союзе. Информация, которой мы располагаем (профессиональный статус и квалификация накануне развода и в момент опроса), дает возможность выделить тип трудовой карьеры после развода тех, кто остался один, и с другой стороны тех, кто создал новую семью. Насколько новый союз восстанавливает ситуацию первого брака и образуют ли мужчины и женщины, вновь создавшие семью, особую группу в общей группе лиц, прошедших через развод?

Создание новой семьи оказывает позитивное влияние на растущую профессиональную мобильность мужчины, накладывая на него дополнительные обязательства (*рис. 5*). Можно предположить, что отсутствие подобного эффекта в неформальных союзах связано именно с их неформальностью, но анализ показывает, что это скорее эффект меньшей длительности периода после развода перед началом неформальных союзов по сравнению с зарегистрированными вторыми браками. Что касается одиноких мужчин после развода, то их крайне негативная карьера может свидетельствовать в определенной степени об эффекте селективности брачного рынка.

Женщины, вступившие в повторный брак или союз, имеют отрицательное сальдо мобильности, т.е. для них ситуация не меняется. Для разведенных женщин, получивших обязанности главы семьи и ответственность за воспитание детей, которые в подавляющем числе случаев после распада брака остаются с матерью, наблюдается активизация профессиональной деятельности: они стараются закрепиться

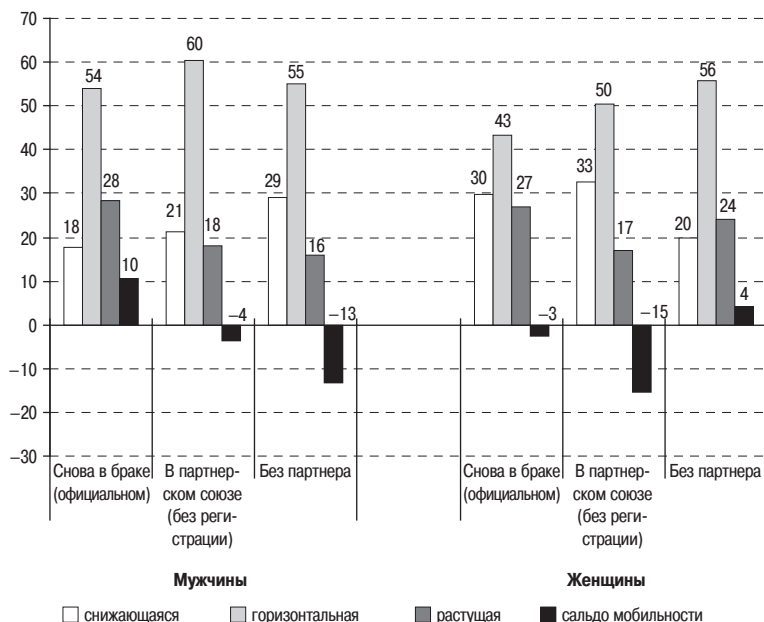
**Сальдо мобильности* мужчин и женщин до и после развода
в зависимости от длительности периода брака и после развода,
а также «семейной истории», в п. п.**

Параметр	Сальдо мобильности мужчин	Сальдо мобильности женщин	Гендерный разрыв в сальдо мобильности**
<i>Длительность периода брака и после развода — менее 7 лет</i>			
Был развод (разводы)			
В течение брака	-0,5	-5,1	-4,6
После развода	-2,6	+1,1	+3,7
Брак не распался			
В течение брака	+9,1	-5,7	-14,8
После «развода» ***	+0,9	-2,8	-3,7
<i>Длительность периода брака и после развода — 7–12 лет</i>			
Был развод (разводы)			
В течение брака	+10,9	-3,6	-14,5
После развода	-6,0	+7,0	+13,0
Брак не распался			
В течение брака	+13,2	-3,4	-16,6
После «развода» ***	+3,0	-0,9	-3,9
<i>Длительность периода брака и после развода — более 12 лет</i>			
Был развод (разводы)			
В течение брака	+15,1	+5,5	-9,6
После развода	-1,8	-4,3	-2,5
Брак не распался			
В течение брака	+12,8	-4,1	-16,9
После «развода» ***	+1,1	-3,2	-4,3

Примечания: * — превышение случаев растущей карьеры над снижающейся; ** — разрыв определяется разностью сальдо мобильности женщин и мужчин; *** — для сохранившихся браков конструируются условные даты «развода».

на достигнутых позициях и не снижать свой должностной статус, хотя доля случаев растущей карьеры для них не превышает аналогичный показатель для замужних женщин (24,1% против 27,1%).

Распределение мужчин и женщин по типу трудовой карьеры и салдо мобильности после распада брака в группах семейного состояния на момент опроса, в %

В период после развода проявляется значимость высшего образования: возможность дальнейшего роста карьеры сохраняется у тех, кто имеет высокий уровень образования: высшее — для мужчин и женщин, а для женщин еще и среднее специальное, востребованное в профессиях, традиционно считающихся женскими (социальная сфера, бухгалтерско-финансовая сфера и т.п.).

После распада брака специфически проявляется фактор «число родившихся детей», который влияет на социально-профессиональную мобильность мужчин: наличие большего количества детей увеличивает шанс восходящей профессиональной мобильности, однако для женщин этот фактор оказался незначимым. На их растущую карьеру оказывает влияние скорее длительность периода после развода и, следовательно, возраст детей. К тому же, как показывает статистика, распавшиеся браки в среднем отличаются меньшим числом детей, чем сохраняющиеся. Это свидетельствует о том, что нагрузка семейных обязанностей, которую несет женщина, достаточно велика при любом числе детей, чему в немалой степени способствует неразвитость бытовой инфраструктуры в обществе. В результате, женщина не может полноценно конкурировать с мужчинами на рынке труда.

Заключение

Исследование социально-профессиональной мобильности реальных поколений, осуществленное на масштабной выборке обследований «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004 г.) и «Образование и занятость» (2005 г.), позволяют оценить влияние семейных факторов, в частности «семейной истории» респондента на характер и динамику его профессиональной карьеры.

Результаты анализа подтверждают важность гендерного аспекта профессиональной карьеры: сальдо мобильности женщин в течение трудовой карьеры в целом отрицательно, тогда как для мужчин этот показатель свидетельствует о положительной динамике карьерного роста, разрыв составляет в среднем 16 п. п. К числу значимых факторов растущей профессиональной мобильности наряду с основными социально-экономическими характеристиками (уровень образования, квалификация в момент начала трудовой деятельности, периоды незанятости) относятся место проживания респондента в начале карьеры, смена типа поселения в течение жизни, а также семейные характеристики (число рожденных детей, семейная история).

Не все перечисленные факторы имеют однонаправленное влияние на карьеру мужчин и женщин (например, большее число детей стимулирует рост карьеры мужчин, но оказывает негативное воздействие на карьеру женщин), и не все оказываются для них одинаково значимыми: изменение семейного статуса существенно влияет на карьеру мужчин, но не является определяющим для карьеры женщин.

Представленные данные показывают, что жизнь в браке с самого начала нарушает равновесие между профессиональной карьерой мужчин и женщин, действуя в пользу мужчин и создавая значительный разрыв социальной мобильности между супругами. Развод случается в брачных парах, где карьера мужчин и женщин идет параллельно, без такого значительного отставания женщин, как в случае сохраняющихся браков.

Парадоксально на первый взгляд, но исследование социально-профессиональной мобильности разведенных до и после развода привело нас к выводам относительно роли семейной жизни. Можно сказать, что основным фактором является не развод сам по себе, а семейное положение в послеразводный период: мужчины, которые остаются одни, имеют менее благоприятную профессиональную траекторию, чем те, кто создал новую семью. Для женщин это различие гораздо менее заметно и к тому же имеет обратное направление: именно повторный брак вызывает относительно большую незанятость женщин и ограниченность роста карьеры, по сравнению с одиночками. Таким

образом, создание после развода новой семьи играет разнонаправленную роль для трудовой карьеры мужчин и женщин, благоприятствуя позитивной социально-профессиональной мобильности для первых и замедляя ее для вторых.

Этот эффект не относится только к послеразводному периоду, т.к. мы видели гендерное различие в профессиональной карьере и в течение брака — она растет более последовательно и в течение более длительного периода для мужчин, чем для женщин. При этом нельзя утверждать, что необходимость ухода за детьми является единственным фактором, сдерживающим динамику женской карьеры, т.к. здесь действуют и более общие социальные причины. Можно, скорее, сделать вывод о положительной роли семьи, стимулирующей социальную мобильность мужчин. Так же, как и в случае с показателем смертности, женатые мужчины больше, чем замужние женщины, выигрывают от семейного положения [Неравенство и смертность в России, 2000], достигая в профессиональной карьере большего. Возможно, что именно селекция, существующая на брачном рынке, может объяснить лучшую профессиональную судьбу тех, кто после развода оказался вновь в браке.

Литература

1. *Dex, S.* Occupational Mobility over Women's Lifetime // *The Social Mobility of Women: Beyond Male Mobility Models.* — London — New York — Philadelphia: The Falmer Press, 1990. P. 121–137.
2. *Festy P., Korchagina I., Mouratcheva O., Prokofieva L.* Divorce and Professional careers in Russia During the Transition Towards Market Economy // *Women in the Labour Market in Changing Economies. Demographic Issues.* — London: Oxford University Press, 2003.
3. *Milkie, M. A., Peltola, P.* Playing All the Roles: Gender and the Work-Family Balancing Act // *Journal of Marriage and the Family.* 1999. Vol. 61. P. 476–489.
4. *Баскакова М.Е.* Российский механизм реализации политики равных прав и возможностей в сфере занятости // *Теория и методология гендерных исследований / Под ред. О.А. Ворониной.* — М.: МЦГИ — МВШСЭН — МФФ, 2001. С. 278–286.
5. Заработная плата в России. Эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. — М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2007.
6. Женщина, мужчина, семья в России. Последняя треть XX в. — М.: ИСЭПН РАН, 2001. С. 59.
7. *Мальцева И.О., Роцин С. Ю* Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. — М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2006.
8. Население России, 2007 г. — М.: Институт демографии ВШЭ, 2009.
9. Неравенство и смертность в России: Коллективная монография / Под ред. В. Школьникова, Е. Андреева и Т. Малевой. — М.: Центр Карнеги, 2000.

10. Обследования населения по проблемам занятости, февраль 2009 г. — М.: Росстат, 2009.
11. Обследования населения по проблемам занятости. Россия в цифрах, 2009 г. (http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-09.htm)
12. Прокофьева Л., Фести П., Мурачева О. Профессиональная карьера мужчин и женщин // Вопросы экономики. 2000. №3. С. 74–84.
13. Работающая женщина в условиях перехода России к рынку. — М.: ИЭ РАН, 1993. С. 32.
14. Роцин С.Ю., Зубаревич Н.В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия — Gender equality and extension of women rights in Russia in the context of the UN Millenium Development Goals: Доклад. Бюро Постоянного координатора Системы ООН в РФ, ПРООН, ЮНФПА. —М.: Бюро ЮНЕСКО, ЮНИФЕМ, 2005.
15. Социально-экономические исследования благосостояния, образа и уровня жизни населения города. — М.: ИСЭПН РАН, 1992.
16. Экономические и социальные перемены // Мониторинг общественного мнения. 1998. №1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Методика моделирования изменения типа трудовой карьеры в зависимости от этапа жизненного цикла респондента на основе данных первой волны РИДМИЖ (2004 г.) и обследования «Образование и занятость» (2005 г.)

Задача оценки влияния распада союза на профессиональную карьеру респондента делает необходимым определение профессионального и образовательного статуса респондента на каждый момент изменения семейного статуса, что дает возможность зафиксировать тип трудовой карьеры в привязке к демографической истории респондента в каждый из этапов индивидуального жизненного цикла: на момент начала трудовой деятельности, создания партнерского союза или на момент вступления в брак, на момент распада союза/брака.

При решении данной задачи возникают определенные методологические трудности из-за особенностей анализируемой базы данных, поскольку данные по изменениям в занятости и образовании респондента (обследование «Образование и занятость», 2005 г.) не привязаны к конкретным событиям в его «семейной истории», а следовательно, первым необходимым шагом при моделировании изменения типа трудовой карьеры было восстановление этой связи.

Чтобы решить данную проблему и оценить влияние этапов семейного жизненного цикла на профессиональную карьеру респондента потребовалось провести несколько подготовительных операций, дополняющих список переменных для анализа трудовой карьеры. Был реализован следующий алгоритм:

1. Для каждого респондента восстанавливались профессиональный статус и уровень образования на каждый год с момента начала его трудовой деятельности до момента обследования (максимальный период — с 1966 по 2005 г.). Для этого использовались две переменные: *должность на момент приема на работу* и *должность при увольнении с работы*, которые включают как квалификационную, так и должностную составляющую профессионального статуса респондента.

2. На следующем этапе даты демографических изменений в жизни респондента (вступление в брак или развод, если они были в жизни респондента) привязывались к его профессиональной карьере: располагая информацией о дате вступления в брак и дате развода, фиксируем должность и образование респондента на эти даты.

Поскольку определение влияния распада союза на профессиональную карьеру предполагает сравнительный анализ социальной мобильности респондентов, в жизни которых был распад союза, и тех, кого не коснулись такие изменения в индивидуальном жизненном цикле,

предполагается выделение нескольких групп респондентов: никогда не имевшие союза/брака; живущие в единственном брачном союзе (никогда не было распада союза); в индивидуальном жизненном цикле был хотя бы один распад союза/брака.

Для выделенных трех типов респондентов рассчитывается *должностной статус*:

А) для респондентов, переживших распад союза/развод, на четыре точки:

- на момент начала карьеры;
- на момент вступления в брак;
- на момент разрыва/развода;
- на момент опроса/окончания карьеры;

Б) для проживающих в браке или союзе и никогда не разводившихся респондентов на три точки:

- на момент начала карьеры;
- на момент вступления в брак/союз;
- на момент опроса/окончания карьеры;

В) для респондентов, никогда не имевших партнера на две точки:

- на момент начала карьеры;
- на момент опроса/окончания карьеры.

3. Чтобы иметь возможность сравнивать выделенные группы между собой в части успешности или неуспешности трудовой карьеры не только в целом (с начала трудовой деятельности до момента ее окончания или момента опроса), но и на определенных ее этапах, для респондентов, не имевших распада союза, искусственно моделируем должностной статус на момент «распада союза/развода». Затем, опираясь на данные по средней длительности брака для респондентов, в жизненном цикле которых был распад союза/развод, фиксируем должностной статус на смоделированную дату развода для респондентов, чей союз сохраняется до сих пор. Эти даты определяются серединой интервала периодов наибольшей концентрации разводов (0–3, 3–7, 7–12, 12 и более лет брака), т.е. дополнительно выделяются четыре даты профессиональной жизни мужчин и женщин, чей брак сохранился, и на эти даты восстанавливается профессионально-квалификационный статус респондента (1,5 года брака, 5, 9,5 и 16 лет брака).

4. Четвертый этап расчетов связан непосредственно с определением типа трудовой карьеры респондента на каждом из этапов его жизненного цикла. Типы трудовой карьеры в целом и в определенные периоды жизни респондента (на момент образования партнерского союза/брака, его распада) рассчитываются на основании динамики квалификационно-должностного статуса респондента и с использованием информации об образовании.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1

Значимые факторы, влияющие на рост карьеры респондента в течение его трудовой жизни

Объясняющие переменные	Модель 1 — мужчины		Модель 2 — женщины	
	коэффициент	значимость	коэффициент	значимость
Длительность карьеры от момента начала карьеры до момента обследования менее 10 лет	Ref	Ref	Ref	Ref
	0,56	***	0,65	***
	0,56	***	0,76	***
	0,66	***	0,90	***
Уровень образования на момент начала карьеры неполное среднее среднее общее базовое профессиональное (ПТУ) среднее специальное (техникум) высшее	Ref	Ref	Ref	Ref
	0,58	***	-0,03	—
	0,37	***	0,07	—
	0,57	***	0,65	***
	1,29	***	1,11	***
Рост образования в течение карьеры: нет да	Ref	Ref	Ref	Ref
	1,20	***	1,82	***
Социально-профессиональный статус на момент начала карьеры неквалифицированные работники квалифицированные работники специалисты высокой квалификации руководители	Ref	Ref	Ref	Ref
	-1,48	***	-1,39	***
	-1,14	***	-1,07	***
	-2,20	***	-2,12	***
Перерывы в карьере нет да	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,22	**	-0,53	***

Окончание таблицы 1

Объясняющие переменные	Модель 1 — мужчины		Модель 2 — женщины	
	коэффициент	значимость	коэффициент	значимость
Тип поселения в момент начала карьеры крупные города ПГТ село	Ref	Ref	Ref	Ref
	0,12	—	-0,01	—
	-0,38	—	-0,04	—
	-0,71	***	-0,27	**
Изменение типа поселения: нет изменений село на город город на село	Ref	Ref	Ref	Ref
	0,64	***	0,20	—
	-0,07	—	-0,31	*
Число родившихся детей: не было детей 1 ребенок 2 и более	-0,67	***	-0,26	—
	-0,03	—	0,23	***
	Ref	Ref	Ref	Ref
Семейная история никогда не было партнера всегда в союзе (браке) с одним партнером были разрывы, но не было разводов были разводы	-0,11	—	0,12	—
	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,21	—	0,09	—
	-0,27	**	0,21	—
Константа	-0,30	—	-1,58	***

Примечание: * — 10%-ный уровень значимости; ** — 5%-ный уровень значимости; *** — 1%-ный уровень значимости.

Таблица 2

Значимые факторы, влияющие на снижение карьеры респондента в течение его трудовой жизни

Объясняющие переменные	Модель 1а — мужчины		Модель 2а — женщины	
	коэффициент	значимость	коэффициент	значимость
Длительность карьеры от момента начала карьеры до момента обследования менее 10 лет	Ref	Ref	Ref	Ref
	0,40	*	-0,41	***
	0,39	*	-0,44	***
	0,34	-	-0,43	***
Уровень образования на момент начала карьеры неполное среднее среднее общее базовое профессиональное (ПТУ) среднее специальное (техникум) высшее	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,27	-	0,14	-
	-0,18	-	0,10	**
	0,14	-	-0,28	***
	-1,17	***	-1,18	***
Рост образования в течение карьеры: нет да	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,87	***	-1,04	***
Социально-профессиональный статус на момент начала карьеры неквалифицированные работники квалифицированные работники специалисты высокой квалификации руководители	Ref	Ref	Ref	Ref
	0,58	***	1,47	***
	0,95	***	0,99	***
	1,55	***	1,78	***
	Ref	Ref	Ref	Ref
Перерывы в карьере нет да	Ref	Ref	Ref	Ref
	1,37	***	1,54	***

Окончание таблицы 2

Объясняющие переменные	Модель 1а — мужчины		Модель 2а — женщины	
	коэффициент	значимость	коэффициент	значимость
Тип поселения в момент начала карьеры крупных города ПГТ село	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,08	—	-0,01	—
	0,45	*	-0,19	—
	0,53	***	0,09	—
Изменение типа поселения: нет изменений село на город город на село	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,62	***	-0,04	—
	0,39	*	0,04	—
Число родившихся детей: не было детей 1 ребенок 2 и более	0,43	**	-0,27	—
	0,08	—	-0,23	**
	Ref	Ref	Ref	Ref
Семейная история никогда не было партнера всегда в союзе (браке) с одним партнером были разрывы, но не было разводов были разводы	0,33	—	0,18	—
	Ref	Ref	Ref	Ref
	0,37	*	-0,03	—
	0,40	***	0,12	—
Константа	-3,12	***	-1,64	***

Примечания: * — 10%-ный уровень значимости; ** — 5%-ный уровень значимости; *** — 1%-ный уровень значимости.

Таблица 3

Значимые факторы, влияющие на рост карьеры респондента после развода

Объясняющие переменные	Модель 3 — мужчины		Модель 4 — женщины	
	коэффициент	значимость	коэффициент	значимость
Длительность карьеры от момента развода до момента обследования: менее 10 лет 10—19 20—29 30 и более	Ref	Ref	Ref	Ref
	1,06	***	0,97	***
	1,36	***	1,16	***
	1,38	***	1,15	***
Уровень образования на момент развода неполное среднее среднее общее базовое профессиональное (ПТУ) среднее специальное (техникум) высшее	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,58	—	0,33	—
	-0,30	—	-0,25	***
	0,71	—	0,78	***
	1,10	**	1,12	***
Социально-профессиональный статус на момент развода неквалифицированные работники квалифицированные работники специалисты высокой квалификации руководители	Ref	Ref	Ref	Ref
	-2,42	***	-0,86	***
	-2,65	***	-1,01	***
	-3,36	***	-1,60	***
Число родившихся детей: не было детей 1 ребенок 2 и более	-0,09	*	0,28	—
	0,75	**	0,19	—
	Ref	Ref	Ref	Ref
Тип поселения на момент опроса: крупные города города ПГТ село	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,25	—	-0,09	—
	-0,33	—	-0,01	—
	-0,52	—	-0,63	**

Объясняющие переменные	Модель 3 — мужчины		Модель 4 — женщины	
	коэффициент	значимость	коэффициент	значимость
Семейный статус на момент опроса брак зарегистрирован брак не зарегистрирован есть партнер, но живут раздельно один после распада союза или смерти партнера	Ref	Ref	Ref	Ref
	-0,73	—	-0,34	—
	-0,76	—	0,03	—
	-1,43	***	-0,33	—
Константа	-1,02	—	-0,66	***

Примечания: * — 10%-ный уровень значимости; ** — 5%-ный уровень значимости; *** — 1%-ный уровень значимости.

ПРИЛОЖЕНИЕ

---

*Головляница Е. Б.,
Синявская О. В.*

Панельное обследование РидМиЖ — новое в изучении межпоколенных и гендерных отношений в России

В 2007 г. российская программа «Поколения и гендер», известная также под названием «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), отметила первый юбилей — 5 лет полноценного участия России в этой международной социально-демографической исследовательской программе. В этом же году Независимый институт социальной политики (НИСП) провел вторую волну панельного обследования РидМиЖ. Первая волна была реализована НИСП в 2004 г. Трехлетняя панель включает около 7,7 тысяч наблюдений (домохозяйств), что делает РидМиЖ крупнейшим российским лонгитюдным обследованием. Кроме того, каждая волна может выступать как самостоятельное, репрезентативное на национальном уровне обследование. В 2008 г. данные первой волны РидМиЖ были открыты широкой исследовательской аудитории.

Цель международной программы «Поколения и гендер»

Россия впервые участвует в международном сравнительном исследовании демографических процессов, выполняемом на единых методологических и методических принципах. Однако и для развитых стран

Европы, имеющих значительно больший опыт проведения социально-демографических обследований, участие в программе такого масштаба, как «Поколения и гендер», беспрецедентно.

Каковы основные цели и задачи этой программы?

В настоящее время уже нет необходимости доказывать, что демографические процессы лежат в основе многих долгосрочных тенденций, определяющих социально-экономическое развитие страны. Одна из главных проблем современной демографической ситуации в России — крайне низкая рождаемость, которая в решающей степени предопределяет сокращение численности и старение населения и изменяет внутри- и межпоколенные взаимодействия. В чем состоят главные причины сокращения рождаемости — в изменении общих социальных ценностей, и в том числе потребности иметь детей, или же в существовании барьеров, которые не позволяют людям реализовать их репродуктивные планы? Каковы эти барьеры? Излишне говорить, какое значение эти вопросы имеют в контексте масштабной государственной демографической программы, которая в настоящее время реализуется в России с целью изменения тенденций рождаемости.

Вместе с тем низкая рождаемость не есть специфическая черта только российской действительности. Новый демографический режим суженного воспроизводства населения сегодня характерен для всего развитого мира. Однако до сих пор неясно, почему столь непохожие страны юга и севера, запада и востока Европы, Япония и Канада демонстрируют либо сходный уровень рождаемости, либо общность тенденции к его унификации на низком уровне. Нет четкого понимания и того, почему демографические результаты могут совпадать в странах с разным уровнем затрат на семейную политику.

Именно для детального изучения этих проблем в 2001 г. и была начата международная программа «Поколения и гендер» (Generations and Gender Programme — GGP), инициатором и координатором которой выступает Отдел населения Европейской экономической комиссии ООН. Программа направлена на межстрановое мультидисциплинарное лонгитюдное изучение развития рождаемости, семьи, гендерных и межпоколенных взаимоотношений в семье и социально-экономических условий функционирования домохозяйств и выработки на этой основе демографической и социальной политики в современных индустриально развитых странах Европы.

Россия является активным участником программы. В октябре 2001 г. в Москве был создан Российский национальный комитет по реализации международной программы «Поколения и гендер» (РиДМиЖ) в составе:

- Независимый институт социальной политики (НИСП);
- Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, ныне — Институт демографии ГУ-ВШЭ (ИДЕМ);
- Институт социологии РАН.

НИСП является головной организацией Национального комитета. Росстат выступает в качестве наблюдателя в составе Комитета.

Генеральный координатор программы «Поколения и гендер» в России — Т.М. Малева, директор НИСП, директор программы — О.В. Синявская, зам. директора НИСП. Научный руководитель программы «Поколения и гендер» в России — С.В. Захаров, зам. директора ИДЕМ ГУ-ВШЭ.

Программа включает две компоненты — выборочное обследование «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey — GGS) (в российском варианте — обследование РидМиЖ) по единому для всех стран-участниц вопроснику и контекстуальные базы данных. Обследования задуманы как панельные (три волны с интервалом в 3 года), выборочные, репрезентативные на национальном уровне опросы населения 18–79 лет в каждой стране-участнице¹.

В настоящее время в России состоялось уже две волны — в 2004 и 2007 гг. В 2010 г. планируется провести третью, последнюю, волну обследования.

Экспертное сопровождение обеих волн обследования, включая перевод и значительную адаптацию международного вопросника к российским реалиям, осуществлял НИСП. Он же выступает координатором всего обследования.

Непосредственно полевые работы (включая ввод данных) были реализованы Независимой исследовательской группой «Демоскоп» (руководители М.С. Косолапов и П.М. Козырева) — авторитетным социологическим агентством с богатейшим опытом проведения крупных обследований населения, таких как 10 волн широко известного в России и за рубежом панельного обследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ).

Вторая волна российского обследования проведена при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации, Сбербанка России, благотворительного Фонда «Виктория» и Фонда народонаселения ООН (UNFPA).

---

¹ Стандартный вопросник обследования «Поколения и гендер» (GGS) разрабатывался рабочей группой Международного консорциума Отдела населения Европейской экономической комиссии ООН. Текст вопросников размещен на сайте Европейской экономической комиссии ООН: <http://www.unecce.org/pau/ggp/materials.htm>

Тематика РИДМИЖ. Возможности для сравнительных исследований

Российский вопросник состоит из 14 разделов: *домохозяйство, дети, брак(и)/союз(ы), распределение домашних обязанностей, родители и родительский дом, беременность, бесплодие и планы иметь детей, деятельность и доходы респондента, деятельность и доходы партнера, имущество домохозяйства, доходы и трансферты, пенсионное обеспечение и пенсионная реформа, здоровье и благополучие, ценности и установки, наблюдения интервьюера, отчет интервьюера*. Особенность вопросника в том, что он позволяет получить от респондента информацию о представителях различных поколений несколькими способами: сведения о самом респонденте, а также, с его слов, о его партнере/супруге, членах домохозяйства респондента, детях, проживающих вместе с респондентом или отдельно, родителях респондента, живущих вместе с ним или отдельно. Таким образом, число наблюдений о представителях разных поколений оказывается выше, чем объем выборки.

Программа обследования уникальна по широте охватываемых ею тем:

- роль экономических и социальных процессов в демографическом поведении населения (включая рождаемость), влияние изменений в домохозяйстве (или в расширенной семье) на экономическую, трудовую и пр. активность ее членов;
- основные демографические изменения под влиянием трансформации системы ценностей в поколениях, рожденных после Второй мировой войны, а также эволюция календаря формирования семьи: первые этапы (первый брак и появление первого ребенка);
- социально-экономическая дифференциация рождаемости (в том числе репродуктивное здоровье женщин, изучение динамики возраста матери при рождении ребенка и ее положения на рынке труда, оценки влияния рождения ребенка на профессиональную карьеру матери);
- формы семейных отношений и типы домохозяйств (отделение от родительской семьи, вступление в брак, партнерство, разводы, рождение детей вне брака);
- внутри- и межсемейные связи как экономический и социальный ресурс домохозяйства;
- межпоколенные экономические и социальные отношения: направления, динамика, формы, отделение от родительской семьи и факторы, влияющие на частоту контактов между взрослыми

- детьми и их родителями, межпоколенные финансовые трансферты;
- гендерный баланс: перераспределение ролей в семье, в экономической и трудовой сфере (в сфере занятости, доходов и пр.), различия в положении на рынке труда мужчин и женщин в партнерстве в зависимости от структуры домохозяйства и ценностных ориентаций;
  - положение семей с детьми, риски и формы семейного неблагополучия;
  - поведение семей в случае ее распада (риск развода родителей, повторные браки, экономическая поддержка и участие родителей в воспитании детей);
  - оценка системы социальной защиты и отношение населения к разделению ответственности семьи и общества по воспитанию детей, уходу за пожилыми².

Опрос позволяет не только детально исследовать перечисленные и пр. проблемы в каждой отдельной стране, но и впервые предоставляет возможность для глубокого межстранового сравнительного анализа на единой методологической основе, что многократно повышает его аналитическую и практическую ценность. Сравнительный анализ демографических процессов, гендерных и межпоколенных отношений в контексте демографической и семейной политики в разных странах — один из важнейших фокусов программы. В программе уже участвуют или изъявили желание участвовать около 30 стран Европы, Северной Америки, Японии и Австралии.

К настоящему времени основные обследования провели 17 стран, в том числе по единой программе — 14 стран (обследования в Венгрии, Италии и Нидерландах существенно отличаются от унифицированной программы):

- Венгрия — первая волна — в 2001 г. (часть вопросов первой волны была включена в повторное обследование в 2005 г.), вторая волна — в 2005 г., третья волна — в 2008–2009 гг.;
- Италия — первая волна в 2003 г., вторая волна — в 2006 г.;
- Болгария, Нидерланды, Россия, Япония — первая волна — в 2004 г.; Болгария, Россия, Япония — вторая волна — в 2007 г.;
- Австралия, Германия, Румыния, Франция, Чехия, Эстония — первая волна — в 2005 г., «вторая волна — Австралия, Франция — в 2008 г.; Германия, Чехия — в 2008–2009 гг.»

---

² Российское обследование позволяет, помимо перечисленных вопросов, анализировать также положение и поведение населения в системе пенсионного обеспечения, отношение к пенсионной реформе, а также некоторые инновационные формы финансового поведения населения.

- Грузия, Литва — первая волна — в 2006 г., вторая волна — Грузия — в 2009 г.; Литва — с 2009 г.;»;
- Норвегия — первая волна — в 2007–2008 гг., Австрия — первая волна — в 2008–2009 гг., Бельгия — первая волна — в 2008–2010 гг.

Обсуждается возможность проведения обследования в Канаде, Португалии, Турции, Финляндии, Швеции. Постепенно расширяется список стран, проводящих и планирующих третью волну обследования.

Подробнее о развитии и современном состоянии программы можно прочитать на сайте программы «Поколения и гендер», <http://www.unesc.org/pau/ggp/Welcome.html>.

Итоги первой волны РидМиЖ

Первая волна РидМиЖ была проведена в июне-августе 2004 г.³ Опросом (формализованное интервью) были охвачены 11 261 чел. в возрасте 18–79 лет, причем каждый респондент представлял одно домохозяйство.

28–29 ноября 2007 г. в Москве прошла международная конференция «Семья в потоке перемен: демографические вызовы социальной политике», организованная НИСП совместно с ИДЕМ ГУ-ВШЭ. В основу конференции легли сообщения об исследованиях, проведенных российскими демографами, социологами и экономистами, а также их зарубежными коллегами на основе международной программы «Поколения и гендер», в том числе для России — на основе данных первой волны обследования РидМиЖ⁴.

Статьи по результатам исследований, выполненных на основе данных первой волны обследования РидМиЖ в 2005–2007 гг., публиковались в журнале SPERO, издаваемом НИСП [№6 2007 г., №7 2007 г.; №8 2008 г.]. Кроме того, наиболее интересные работы были собраны в сборник аналитических статей, увидевший свет в ноябре 2007 г. [Малева Т.М., Синявская О.В.]. В 2010 г. будет подготовлен еще один сборник статей, но уже по результатам сравнительного межстранового анализа данных обследований по программе «Поколения и гендер» в России, Франции, Грузии и Литве.

---

³ Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер» было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия).

⁴ Отчет о конференции см.: [Е.Б. Головлянищина, 2007].

Наконец, в 2008 г. данные первой волны обследования по восьми странам, включая Россию, были открыты широкому научному и экспертному сообществу. НИСП организовал доступ к данным РиДМиЖ в рамках Единого архива социологических данных⁵. Данные из других стран можно будет получить через сайт Отдела населения ЕЭК ООН⁶.

Вторая волна РиДМиЖ (2007 г.)

В апреле-сентябре 2007 г. была проведена вторая волна обследования РиДМиЖ (*рис. 1*). Больше половины интервью были получены в первые два месяца — апреле и мае. Опрос населения осуществлялся методом личного формализованного интервью по месту жительства респондентов.

В целом интервьюеры оценили данные обследования как надежные и очень надежные (*рис. 2*): доля респондентов, надежность ответов которых интервьюеры оценили на 5 и менее баллов по 10-балльной шкале, не превышает 4%. Готовность респондента предоставить сведения о себе и своем домохозяйстве в ходе интервью также оценена интервьюерами как высокая: лишь по итогам 2,5% интервью готовность респондента к сотрудничеству была оценена на 5 и менее баллов по 10-балльной шкале.

Столь высокие показатели открытости респондентов особенно важны, учитывая масштаб программы обследования и, как следствие, значительную продолжительность большинства интервью. Даже у впервые участвующих в обследовании респондентов, анкета для которых была сокращена по сравнению с людьми, опрашиваемыми повторно, средняя продолжительность интервью составила 84 минуты, а у респондентов, вошедших в панель, некоторые интервью длились около 2 часов (максимальная продолжительность — 2,2 часа, средняя — 100 минут).

Выборка второй волны охватывает 11 117 респондентов в возрасте 18–82 лет из 32 регионов России, представляющих все федеральные округа, что позволяет получить репрезентативные оценки на общероссийском уровне. Большая часть выборки второй волны представлена респондентами первой волны обследования 2004 г. (панельные данные доступны для 7786 респондентов, что составляет 70% всей выборки

⁵ Информационный бюллетень Единого архива социологических данных «Софист»: <http://www.socpol.ru/archives/sofist.shtml>.

⁶ С условиями получения данных можно ознакомиться на сайте Отдела населения Европейской экономической комиссии ООН (<http://www.unecsc.org/pau/ggp/Welcome.html>), для российских данных — на сайте НИСП (www.socpol.ru).

Рисунок 1

Распределение респондентов по дате проведения интервью, вторая волна РидМиЖ, 2007 г.

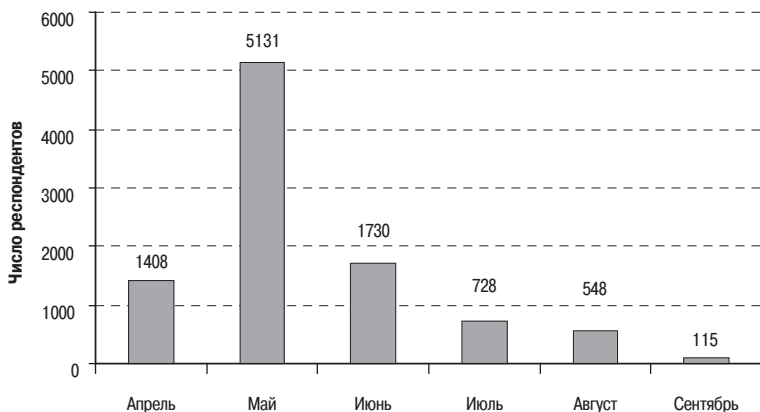
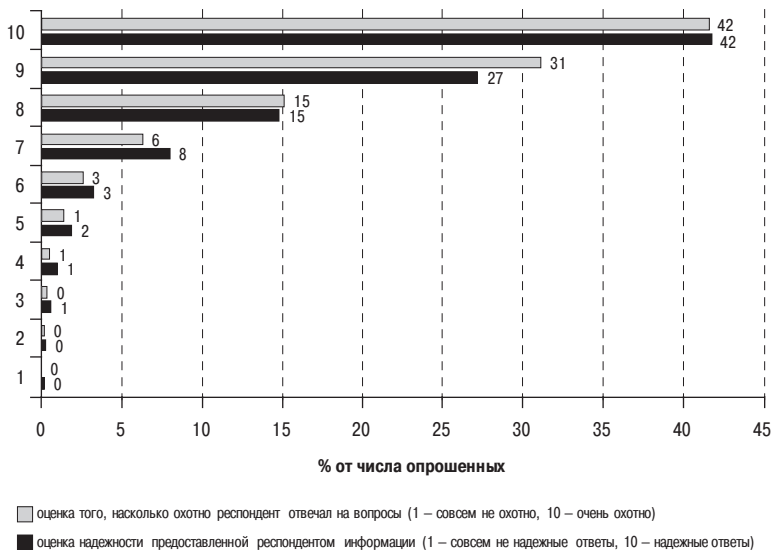

Рисунок 2

Оценка надежности информации, предоставленной респондентами второй волны РидМиЖ, и готовности респондентов участвовать в обследовании

2007 г.), остальная часть — новыми респондентами, включенными в повторное обследование для обеспечения репрезентативности данных 2007 г.

Выборка обследования была разработана канд. философ. наук М.С. Косолаповым. При ее формировании использовался метод много-ступенчатого вероятностного отбора жилищ, в которых затем выбирали домохозяйства, и, наконец, в домохозяйстве случайным образом (с использованием процедуры Киша) отбирали одного респондента. Дизайн выборки РиДМиЖ выстроен на принципах, аналогичных принципам, по которым строится выборка РМЭЗ⁷.

Исключения из генеральной совокупности не превышают 5% от общей численности населения России (при построении выборки были исключены население Чеченской республики, Калининградской области, а также население, проживающее в труднодоступных северных, горных и т.п. местностях). Доля лиц, не имеющих российского гражданства (граждане других государств, лица без гражданства), в выборочной совокупности составляют менее 1%.

План выборки для второй волны обследования РиДМиЖ определялся кругом задач, которые должны быть решены на базе данного обследования. Во-первых, модель выборки должна была обеспечивать репрезентативность исследуемой совокупности на время проведения обследования. Решение такой задачи требовало использования кросс-секционной (одномоментной) модели выборки. Во-вторых, перед обследованием стояла задача обеспечения возможности отслеживания динамики изменений в положении одних и тех же индивидов за период между 2004 и 2007 гг. Эта вторая задача могла быть решена только при использовании панельной модели выборки, когда в каждой следующей волне опрашиваются одни и те же индивиды. Для одновременного решения этих двух задач во второй волне РиДМиЖ предложено было использовать синтетическую модель выборки, которая наряду с одномоментной репрезентацией позволяет проводить панельный анализ.

В результате, интегральная выборка является кумулятивной и состоит из трех компонент:

- 1) выборка первой волны (2004 г.);
- 2) выборка, формируемая путем скрининга респондентов 18–20 лет, отсутствующих в панельной части выборки, вследствие старения панели (так как в 2004 г. в первой волне обследования опрос начинался с возраста 18 лет). При определении объема выборки респондентов данного возрастного диапазона с помощью скрининга учитывалось, что в выборке первой волны их доля составляла

⁷ Описание принципов построения выборки РМЭЗ см. <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms/project/sampling.html>

4%. Приблизительно тот же процент составляют респонденты данного возрастного диапазона и в репрезентативной выборке второй волны обследования;

- 3) и, наконец, по дизайну первой волны в тех же вторичных единицах отбора была сформирована новая независимая выборка для того, чтобы пополнить первоначальную выборку недостающими адресами и довести общее число достигнутых респондентов до 11 000.

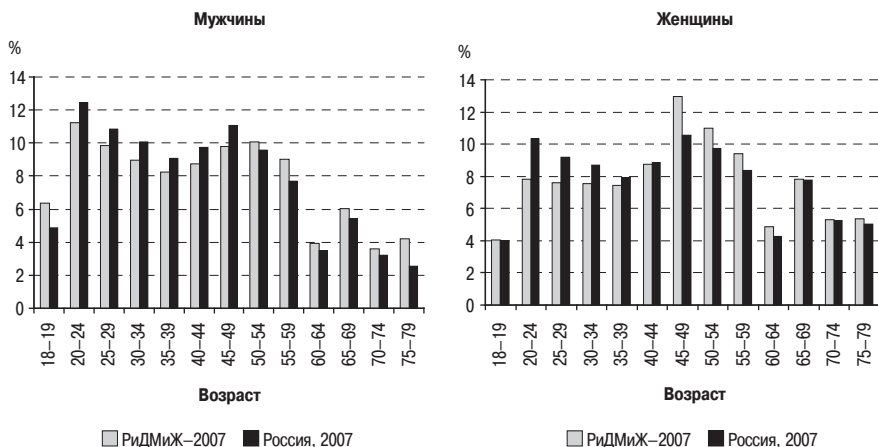
Таким образом, обследование РидМиЖ не только предоставляет уникальную для России возможность проведения панельных исследований на столь крупной выборке, но и позволяет проводить кросс-секционный (продольный) анализ.

Следует отметить, что панель РидМиЖ включает не только две волны обследования, но и еще одно уникальное исследование, проведенное на той же выборке весной 2005 г. при финансовой поддержке Института демографических исследований им. Макса Планка (Германия). Речь идет об обследовании «Образование и занятость», выборка которого (6455 чел.) полностью состояла из респондентов первой волны РидМиЖ в возрасте 18–55 лет. В ходе опроса были собраны ретроспективные сведения об образовательных, миграционных и трудовых биографиях трудоспособного российского населения.

Еще одной отличительной особенностью российского обследования РидМиЖ является использование выборки РМЭЗ для формирования части выборочной совокупности обследования РидМиЖ. Совмещение выборок позволяет получить ретроспективную информацию о части респондентов по широкому кругу вопросов, что еще больше расширяет возможности исследователей.

Одну из наиболее серьезных проблем при проведении репрезентативных обследований, основанных на случайной выборке (т.е. специально нестратифицированных по половозрастным и другим социально-демографическим признакам), составляет получение неискаженной половой и возрастной структуры выборки. Как показывает опыт подавляющего большинства выборочных обследований в России и за рубежом, более низкая достижимость респондентов-мужчин и трудность получения согласия от них на проведение опроса приводят к недопредставленности мужчин в выборочной совокупности. Обе волны РидМиЖ также не избежали этой участи — доля мужчин в выборке ниже, чем в генеральной совокупности. Так, доля мужчин в численности российского населения в возрасте 18–79 лет составляет 46%, женщин — 54%. В выборке РидМиЖ (без использования весов Киша) — соответственно 35 и 65%. Включение весов Киша позволяет

Распределение мужчин и женщин в возрасте 18–79 лет по пятилетним возрастным группам: респонденты РиДМиЖ–2007 и население России на 1 января 2007 г., %

немного сгладить эти различия, хотя перекося в сторону преобладания женщин по-прежнему остается.

Тем не менее сравнение выборочных оценок РиДМиЖ с распределением генеральной совокупности показывает (рис. 3), что выборочная совокупность неплохо репрезентирует возрастной состав взрослого населения страны. Возрастное распределение респондентов по данным второй волны в целом сохраняет те же характерные смещения относительно возрастного распределения населения России, что и по данным предыдущей волны обследования. В обеих волнах мужская подвыборка чуть более точно повторяет возрастной профиль мужского населения страны, чем женская подвыборка возрастной профиль женского населения.

В обеих волнах не обнаруживается каких-либо явных систематических отклонений в возрастном составе выборочной совокупности в разрезе «город–село» по сравнению с генеральной совокупностью. Распределение выборочной совокупности на городских (74%) и сельских жителей (26%) полностью соответствует распределению населения России на городское и сельское население с учетом указанных выше территориальных исключений (на начало 2007 г. в возрастной группе 18–79 лет доля городского населения России (без Чечни) составляла 74,4%, а доля сельского — 25,6%). Распределение респондентов на проживающих в городах и поселках городского типа также хорошо

репрезентирует генеральную совокупность. По сравнению с первой волной обследования, проведенного в 2004 г., структура респондентов по типу населенного пункта постоянного проживания не изменилась. Выборка не имеет существенных смещений и по городам различного типа.

Таким образом, если говорить в целом, то выборочная совокупность опрошенных по программе РидМиЖ в 2007 г. может считаться вполне удовлетворительной с точки зрения репрезентирования российского населения на уровне Российской Федерации, тем более что выборка не была стратифицирована по возрастным группам.

Контекстуальные базы данных

Завершая представление программы «Поколения и гендер» в России, нельзя не сказать о еще одном ее элементе. Помимо вопросов организации и проведения обследования населения, программа предусматривает дополнение микроданных обследований информацией макроуровня и мезоуровня — агрегированными статистическими показателями и сведениями о действующих инструментах политики. Основная задача этого элемента программы «Поколения и гендер» состоит в том, чтобы подготовить данные, которые в дальнейшем могут быть использованы в многоуровневом количественном и контекстуальном анализе, в рамках которого в моделях одновременно участвуют данные микро- и макроуровня.

НИСП приступил к формированию контекстуальных баз российских данных в 2005 г. Основным источником информации выступают статистические данные, представляемые Федеральной службой государственной статистики, данные ведомственной статистики и нормативно-правовые акты СССР и Российской Федерации. Формирование массива переменных в региональном разрезе было закончено в первой половине 2006 г. Данные были переведены в специальный формат, позволяющий просматривать их в Интернет on-line и импортировать в файлы SPSS. Контекстуальные данные по России, а также ряду других стран (Болгарии, Венгрии, Грузии, Канаде, Литве, Норвегии, Польше и Румынии) доступны на сайте Отдела народонаселения Европейской экономической комиссии ООН: <http://www.demogr.mpg.de/cgi-bin/databases/cdb/cdb.php>. Со второй половины 2006 г. НИСП ведет методическую работу по апробации использования контекстуальных баз данных в анализе социально-демографических явлений на базе обследования РидМиЖ, а в 2010 г. планирует обновить данные, включив в них статистические показатели и основные законодательные изменения за 2005–2007 гг.

Литература

1. Головляница Е. Б. Обзор международной конференции «Семья в потоке перемен: демографические вызовы социальной политике» // SPERO. 2007 (Осень-зима). №7. С. 207–214.
2. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. — 640 с.

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ,
МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ
В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ
Сборник аналитических статей

Выпускающий редактор *Фетисова М.И.*
Редактор *Карпинская Н.Г.*
Корректоры *Малова Л.М., Макеева Е.И.*
Дизайн обложки *Киняева Л.В.*
Верстка *Кобзев И.А.*

Подписано к печати 9.12.2009. Формат 60x90/16. Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Тираж 1000 экз.
Заказ №